

Российский
Межрегиональный
Союз
Писателей

Академия Русской
Словесности
и Изящных Искусств
им. Г. Е. Державина

ЗОЛОТОЕ СЛОВО

Литературно-художественный
журнал

13-й

ВЫПУСК

*По благословению о. Николая Епишева,
настоятеля церкви
во имя Покрова Божией Матери
с. Борисово Новгородской обл.,
Старорусского р-на*

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
"ГАММА"
2016**

3 79

*Литературно-художественный
журнал
Российского Межрегионального
Союза Писателей
при участии
Академии Русской Словесности и
Изящных Искусств им. Г.Р.Державина*

Под общей редакцией Е.П.Раевского

Шеф-редактор: Н.А.Веселова

Редактор отдела поэзии: Е.П.Раевский

**Редколлегия: Л.Б. Ильина, А.Н. Молоканов,
А.М. Губаревская, Кудряшова Т.В., Кострицына Н.Е.,
Е.В. Сакс, Ю.В. Бондарев (почетный член)**

При перепечатке ссылка на журнал «Золотое слово» обязательна

Официальный сайт
Российского Межрегионального союза писателей:
www.rmsp.pro

Официальный сайт АРСИИ им. Г.Р.Державина
www.arsii.ru

Эл. адрес для писем: igorsirena@mail.ru

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов

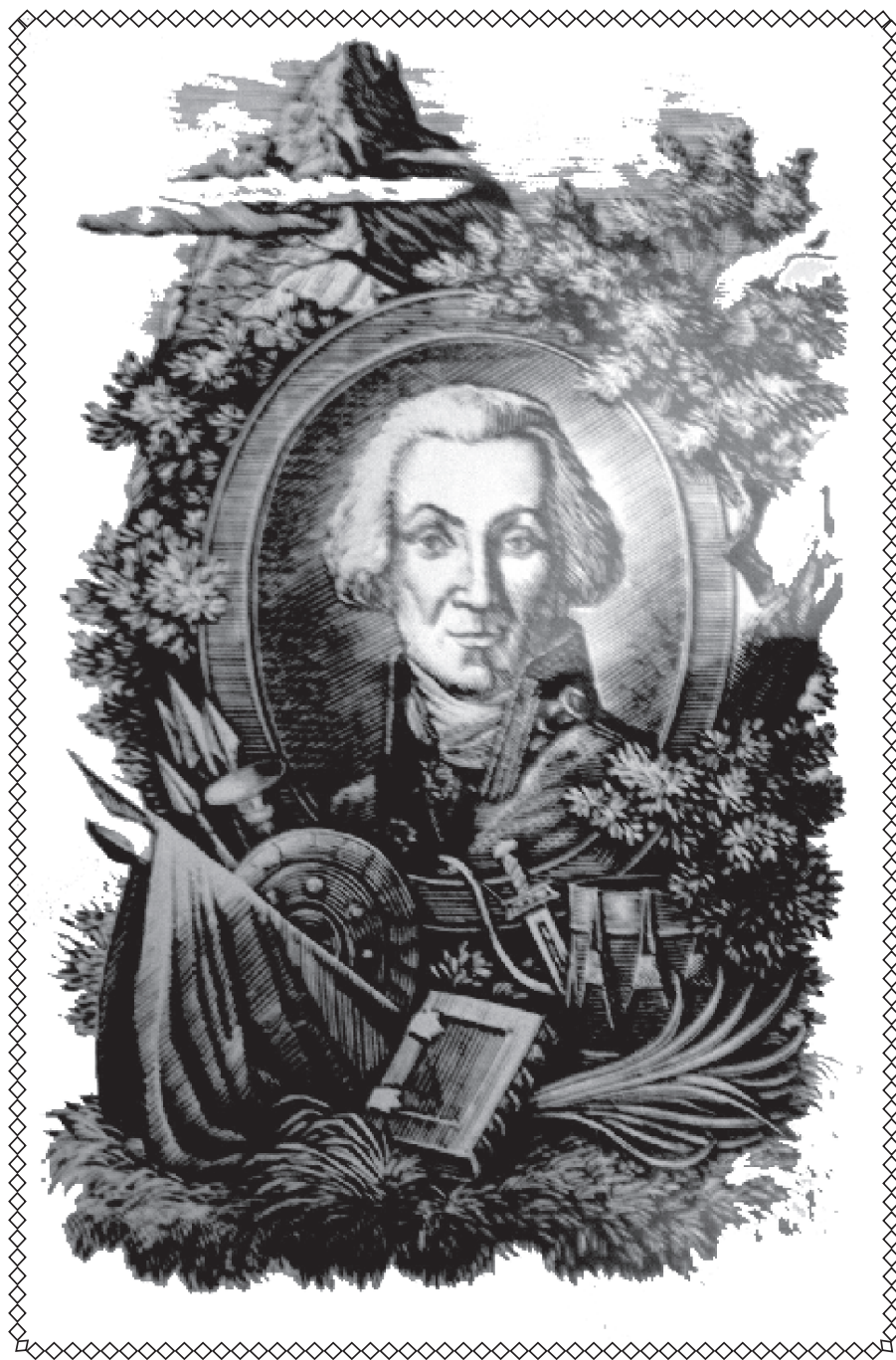
*Журнал «Золотое слово» признан Президиумом Международного
Сообщества Писательских Союзов лучшим
литературным изданием по итогам 2015 года*

**На первой странице обложки:
«Тарханы» - лермонтовский музей-заповедник.
Фото из Интернета**

ISBN 978-5-4334-0243-0

© Коллектив авторов, текст, 2016
© Н.А.Сафронова, оригинал-макет
и обложка, 2016

*Академия русской словесности
и изящных искусств
им. Г.С. Державина*

2016

ПРОСИМ О ПОМОЩИ

Дочь русского поэта Евгения Раевского **ВИКТОРИЯ** серьезно больна. Она недавно перенесла тяжелую операцию, но на дальнейшее лечение требуются немалые средства. Мы надеемся на помощь тех, кому небезразлично, сможет ли вернуться к полноценной жизни совсем молодая женщина, мать троих детей, внуков Евгения Раевского.

Редакционная коллегия журнала «Золотое слово» нижайше просит каждого, прочитавшего это объявление, оказать посильную финансовую помощь, чем подарить Виктории надежду на полное выздоровление.

Благодарим всех, кто уже откликнулся и оказал финансовую помощь в нашей беде.

ДЛЯ РУБЛЕВЫХ ПЕРЕВОДОВ

на карту Сбербанка № 4173980084410220

Получатель РАЕВСКИЙ ЕВГЕНИЙ ПАВЛОВИЧ

Счет получателя 40817810855861668833

Банк получателя СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ БАНК ПАО СБЕРБАНК Г.САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

ИНН получателя 7707083893

БИК банка получателя 044030653

Корреспондентский счет 30101810500000000653

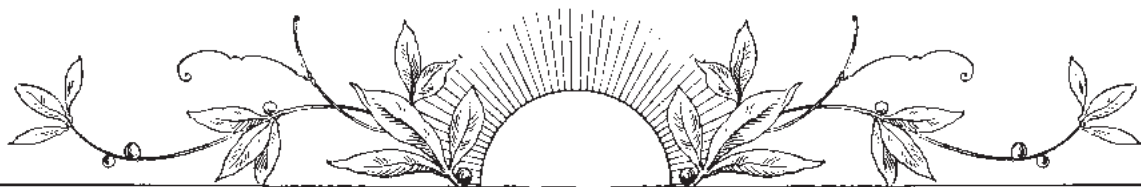
Код подразделения Банка по месту ведения счета карты

(для внутренних переводов по системе Сбербанка России) 5590550786

Адрес подразделения Банка по месту ведения счета карты г. Санкт-Петербург, Большой пр. В.О., дом 57/15

Контактные телефоны: 8-921-908-97-16; 8-921-441-75-84

Официальный сайт поэта Евгения Раевского: www.evgeniyraevskiy.ru

Поэзия

Вера КЧАЕМИНА

Памяти А.С. Пушкина

Несущая судьбу строка,
Дающая познаний силу,
Смешала жизни и века,
Застыв слезою над могилой.

Поэт, рожденный вне времен,
Он тайно бродит вдоль аллей,
Любовью нежно открыт,
Незримо наблюдая,
Талантом тех далеких дней
На путь любви благословляя.

Там сердце Родины,
 где Пушкинский предел,
Среди бескрайностей равнинных,
Лежит в сказаниях былинных,
Неся величия удел.
Все сердцу мило, нежностью ласкает.
Там Пушкин жив, творит, не отпускает.
Туда стремились на поклон
К величью русскому,
 хранящему его извечный сон.

Пожелание

Откройте мир сознания без упрека,
Вдохните звон прозрачной тишины,
Забывших радостей без срока,
Без подлости измен зовущей новизны.

Мария

Из глубины веков
Пресветлым именем Мария
В нас будит чувство ностальгия.
В нем православия покров
И чистота души нетленной,
Любовь и боль всех матерей Вселенной
И в светлый праздник Рождества
Звон колокольный торжества.

Под звон колоколов

Здесь птичий клин под звон колоколов,
Роднится с ангелом крылами.
Возносит души над крестами.
Со скорбным к вечности стремленьем,
Хранит от тяжести забвенья
И пробуждает нас от снов.
Всем сердцем, любящим Отчизну,
В знаменьи вскинута рука.
Справляя с верной стаей тризну,
По всем ушедшим навека.

Ожидание

Кружится листва над землей в забытыи,
Разноцветье рассыпав горстями,
И ждет, опадая в объятья свои,
В хладеющем сне вечерами,
Прозрачную мантию хрупкого льда,
Под искристым девственным снегом.
А в лунную прорубь скользнула звезда,
Лучиной горя на полнеба.

Видения

Желаний прошлых незнакомка.
Твои глаза, сошедшие с небес,
Влекут в заоблачную кромку,
Дразня предчувствием чудес.
Полузабытое виденье,
Полуопущенные веки,
Полускользящие движенья
И обещания навеки.
Мерцанье свеч,
Смятенье чувств,
Прохлада плеч
Важней искусств.

Голубка

*Сказка ложь, да в ней намек,
добрым молодцам урок.*

Бесконечное раздолье,
Косогоры и холмы.
С неба русское приволье
Бережит сельчан умы.

Эх, бывало, лихой тройкой
На простор летит душа,
После дружеской попойки
Русской удалью дыша.
Мчался свадьбы хоровод,
Лихо вскакивая в стремя,
Веселя честной народ.
Это коль потехе время.
Но, натешившись гульбою,
Помня: день прокормит год,
По весне в полях гурьбою
Спину гнул честной народ.

Ну а летом у жнивья,
На покосах босиком,
Задыхаясь от истомы,
Душу радуя кваском,
Не дойдя в жару до дома,
Отдыхала вся семья
У раKITного куста,
Что склонился над водою,
Где девичья красота
Спорит с алою зарею.

Для Натальи, выгнув бровь,
Парень с русыми кудрями,
Млея синими очами,
Тайно шепчет про любовь.
Затевая канитель
Намекает про метель,
Что, мол, этою зимою,
Назову тебя женою,
На медовый спас сватов
Я зашлю к тебе, голубка.
Не поднявши глаз, без слов,
Подхватив льняную юбку,
Убегала прочь девица,
Чтоб с подругой поделиться.

Вот и осень золотая
Полнит закрома до края.
Ждет Наталья, а жених
Мчится в тройке, только мимо.
Плачет девка, нелюбима.
Колокольчик вскоре стих
У подружкина плетня.
Ни к чему была, голубка,
Та с подругой болтовня.

Пляшет свадьба, да веселье,
На чужом пиру похмелье.
Кружит девичья печаль,
Никому ее не жаль.
И удавкою тоска
Ножом сердце полоснула.
Той же ночью не уснула.
Тихо скрипнула доска
У соседнего крылечка.
А в избе топилась печка.
Над трубой струился дым,
Застил звезды молодым.
Гнездо аиста над кровлей.
Свет лампадки в изголовье.
Луна тропку освещала.
Ничто беды не предвещало.

Молча тень метнулась в дом.
Там все спали крепким сном.
На деревне тихо было.
Печка больше не дымила.
Позабытая подружка
Притворила тряпкой вьюшку.
От угара не живые,
Навек смолкли молодые.
А на лавке у окна
Успокоилась она.

Ах, заря ты моя, зорюшка,
Занималась поутру,
Песнь раздольная, как полюшко,
Разливалась на ветру.
В песне той судьба печальная
Будит тайную слезу,
Позабытую, венчальную
Тишину с небес в грозу.

Виктор ОРЕШКИН

Виктор Орешкин – Галина Fordzon Putilovez Пожарина

Этюды и пассажи в четыре руки
Поэтический роман

19 апреля

В.О.

Что-то опять меланхолия
Машет изящной рукой?
Вам упоенье магнолией
Дарит надежду весной.

Нежные ветви так розовы,
Как мимолетный каприз,
Им умиляется росами
Солнечно-желтый нарцисс.

Хлопают лебеди крыльями,
В парке опять суета –
Белые вестники прибыли,
Мякиш кидает рука.

Только вот в зеркале памяти
Тихо плывет лишь один,
Словно балетная партия
Средь молчаливых куртин.

Этому саду доверены
Наши с тобой имена,
Там ностальгически-ветрено
Корюшкой пахнет весна.

Г.Р.

Апрельское утро.
Зацвел гиацинт.
Он острый, весенний и громкий.
Он сочен и прян,
Он пробился едва
От запаха кружит, болит голова,
Наглее подснежников робких.

За ним поднимается
К солнцу нарцисс,
А после - вишневая пена,
Черемухи майской метель отшумит
И сменит цветенье
Другой фаворит -
Удушливо-сладкой сирени.

28 сентября

В.О.

Ты можешь как будто меня не любить
Под шум удивительно мощного ливня.
Я это ненастье смогу пережить
И вместе с опавшей листвою уплыть,
В течении жизни кружась непрерывно,
Но вряд ли получится взять и забыть.

Кому расцветут золотые слова,
Не все ли равно... Но придется однажды
Принять меня вновь, захлебнуться сполна –
Так вдруг набегают крутая волна,
И каждый глоток истомившейся жажды
Дороже и слаще любого вина.

Я дам тебе нежного голоса мощь,
Наполнится силою сеть капилляров,
И эта ни с чем не сравнимая дрожь
Опять пробежит, и опять будет дождь –
Ворвется в судьбу и напомнит о старом,
И все оживит... Так чего же ты ждешь?

Ф.Р.

Чего же я жду? Отчего пересохло во рту?
В оконном просвете безумны, неистовы тени.
И шорох, и скрип, и шаги, или просто смятенье,
И сердце стучит, и готово лететь в темноту.

Так с каждым закатом я жду, не желая забыть,
И с каждым рассветом я снова стою на пороге.
Храни тебя бог, пусть нетрудными будут дороги.
Я жду. Я могу. Дотерпеть. Додышать. Долюбить.

8 ноября

В.О.

Ясный полдень, а мы не проснулись,
Только ветер играет с волной.
Перезвон жизнерадостных улиц
Где-то там, за двойною стеной.

Все пройдет, и унылые годы
Нам покажутся даром судьбы.
Вот ступени уходят под воду,
И легко уплывают мольбы.

Ф.Р.

Гонит ветер темные волны
И холодный гранит лижет,
Вот Васильевский спуск тонет
И вода подступает ближе.
Беспокойно мое сердце.
Чем играет сейчас ветер?
Чей корабль он с волны бросает?
Чьи надежды волной топят?
Обними меня, мой милый,
И отступят мои слезы,
Наводнение в Петербурге
Успокоится завтра утром.

9 ноября

В.О.

Наслаждаясь теплом бытия,
Ты прислушайся к шороху листьев,
И покажется в облачной выси:
Где-то рядом с тобой буду я.

Поглядишь на ветвистый излом,
Проведешь по коре ноздреватой
И почувствуешь: не виноваты
Больше друг перед другом ни в чем.

А когда подойдут холода,
Несмотря на любую разлуку,
Я синицей на теплую руку
Прилечу сквозь любые года.

Ты меня не гони, человек,
Покроши мне остатки печенья,
И ответное стихотворенье
Упадет, словно утренний снег.

Ф.Р.

Постучи, постучи мне в окно,
Вот я семечки сыплю в кормушку,
И спешат на лесную опушку
Белки... Как это было давно...

Ты со мной, между явью и сном,
На стене неотчетливы тени
А под нашим с тобою окном
Вереницей проходят олени.

За окном пустота и темно,
Небо дымом осенним дымится,
Только верится, что все равно
Где-то ждет нас заветная птица.

11 ноября

В.О.

Здесь все может быть... и не быть тоже может,
Как будто прошел по Обводному Гамлет,
Мучительно на петербуржца похожий,
На пальце – кольцо с переливчатым камнем.

Открывшись туманам доверчивой кожей,
Неровной походкой по лужам зеркальным,
Где все перевернуто, жизненно тоже,
И зонтик Офелии – парус прощальный.

Ты здесь не хозяин, не гость, а прохожий,
Ответ получивший на некий сакральный
Вопрос. И тебе уж никто не поможет –
Ни сфинксы, ни ветер, ни колокол дальний.

Ф.Р.

Здесь все может быть,
и когда-то случится,
И кто-то припомнит,
и что-то поманит...

Михайловский замок тенями притянет,
И гул электрички,
и дюны как птицы,
Чугун парашюта,
и кони,
и тени,

Не гость, не прохожий – хозяин у двери.
Здесь все может быть.

Почему ты не веришь?
Ведь так убедителен ветер осенний.

13 ноября

В.О.

Заблудился трамвай в петербургских туманах,
Впереди листопад, за спиной – мосты...
Улетели давно журавлей караваны,
Только капли на рельсах, как слезы, чисты.

Робко дзинкнула трель, искра с треском погасла,
Этот старый вагон не забыл ничего:
У московских прудов кто-то выронил масло,
Кто-то лихо вскочил на подножку его...

Накренись! – перекрестка задиристый грохот
И объятий невольных крутая дуга,
Неизвестен маршрут пассажирам эпохи,
А вагоновожатых не дрогнет рука.

Кто успел, тот и сел – деревянная роскошь,
Передайте кондуктору томик стихов!
Только август коварен, и сдача наотмашь,
Так с маршрута судьбы соскочил Гумилев.

Но теперь ни дебатов, ни едких частушек,
Пассажирские нравы смелы, но просты.
Повезет молодежь, детвору и старушек
На экскурсию старый трамвайчик мечты.

Ф.Р.

Как дорогу найти, не запутаться, не растеряться
Перекрестки пустынь и немногочислен багаж,
Опустился туман, раствориться в нем и потеряться
Так легко... Только шаг...

Вот - осенний парижский шантаж.

То ли лондонский дым, то ли пражское мглистое утро,
Будапештская морось и венецианский обман,
Под ногами знакомые камни –
Копенгаген, Стокгольм, Сан-Франциско,
Будапешт, Барселона, Манхеттен, Женева, Милан...

Слышишь, плещет вода, парашета гранитного выступ.
Принсенграхт, Кейзерсграхт, Грибоедова мутный канал.
Домской площади гул,

или тихий проспект Декабристов,

Шепот шхемских ворот,

Двор с грифоном.

Туманный портал.

16 ноября

В.О.

Мы так много всего говорим –
Слово за слово, долго, о многом, –
Что скрывает бессмысленный дым
Собеседника, душу и Бога.

Укрываемся в коконе слов,
Чтоб не высказать главное нечто,
Лишь обрывки затейливых снов
Повествуют о тайнах сердечных.

Не сбежать от людей, от идей,
Нелогичности слов и желаний...
Поджимаются губы плотней,
Смотрим в пол и молчим, как ни странно.

Ф.Р.

Лист последний упал в лужу...
Мелкий дождь загасил ветер,
Вместе с тусклыми фонарями
Тишиной захлебнулся вечер.

В этой паузе нет смысла,
Но она нам нужна очень.
Мы с тобой помолчим оба,
Об одном и том же до ночи

17 ноября

В.О.

Так неохотно осень уходила,
Листая похудевший календарь,
Порою выпрямлялась горделиво,
Задумчиво смотря куда-то вдаль.

Все медлила, туманно намекая
На некие возможности свои,
И пальцы, чайной ложечкой играя,
Дрожали от желания любви.

На чудо запоздалое надеясь,
Листвы роскошен сброшенный каприз,
Но сумерки, и гости разлетелись,
И выпит чай, и перемыт сервиз.

Глаза еще цепляются за лето,
Вареньем уносимое в буфет...
Да, милая, закончен праздник этот,
Спокойных снов! И ноябрю привет.

Ф.Р.

По краешку заледенелой крыши
Так деловито скачет воробей,
И к полудню становится светлей,
И кажется, что небо стало выше.

Пора варить глинтвейн, и сочинять стихи,
И запах мандариновый разбудит
Все то, что было, есть, и дай бог, будет,
Нас не коря за мелкие грехи.

Уже не гонит ветер палый лист,
И солнце в тонкой дымке задремало.
Листок в блокноте первозданно чист,
И осень декабрю крахмалит покрывало.

23 ноября

В.О.

Земляничный король, вам всегда будет десять
Мудрых и никогда не взрослеющих лет!
Ваша поступь легка, ель поклон вам отвесит
И березки прошепчут веселый привет.

Королевские дали просторны, привольны –
На полянах, опушках посольства цветут,
Зелень радует глаз, а плодами довольны
Все, кто ягоды сладкой рубины найдут.

Где-то в нашей душе согревающе светит
Луч на мшистой тропе... А крапивная боль
Тихо саднит, как память о детстве, о лете...
Об улыбке твоей, земляничный король.

Ф.Р.

Ягодная тайная поляна,
Ноги холодит в траве роса
Солнце розовеет из тумана,
Рассвело и чисты небеса.

Озеро, и дымка над водою,
Беззаботный утренний покой,
Пахнет лугом молоко парное,
Лес июньский дышит тишиной.

На травинке земляники яркой
Летний упоительный секрет,
И очаровательным подарком
Из ромашек тоненький букет...

Тайным гостем в темноте осенней,
Вопреки тоске и ноябрю,
Банку земляничного варенья
Я тебе, мой сладкий, подарю.

26 ноября

В.О.

Сонет чертополоха

Умчалось лето, сброшены покровы,
Предзимний лес от тишины оглох,
И только боевой чертополох
Стоит один, на подвиги готовый.

Неукротим сатурнианца пыл,
В бою, любви и творчестве неистов,
Он кисточку святого аметиста
Страданиям и славе посвятил.

Нордической осанки прямостволье –
Охотнику защита и успех,
И твердый взгляд предупреждает всех:
Остановись, иначе будет больно!..

Что наша встреча на краю эпохи?
Стремительный укол чертополоха.

Ф.Р.

Шотландские мотивы, британские манеры,
И кружки оловянной пузатые бока.
Медноволося дамы, нарядны кавалеры,
И тужится волынка в руках у рыбака.

О короле Артуре, о маленьком народце,
О феях, гномах, эльфах, я расскажу, мой друг,
О чудище Лох Несса, о ведьмином колодце...
Фингалова пещера, Шотландский тайный круг...

В венках из остролиста они сидят по кругу,
Айвенго, Честный Томас, малютка-пивовар.
Чертополоха орден на куртке Робин Гуда,
А вдалеке чернеют Гламс, Стирлинг, Даннотар.

30 ноября

В.О.

Вчера котом и серым и ленивым
День в сумерках, не поднимая век,
Томился и бродил неторопливо,
А нынче радость – выпал первый снег,

Пушистый, незапятнанный, покорный
Любому дуновенью ветерка,
Анестезии вдумчивый дозорный
И ели темной верная рука.

Он каждый раз внезапен, друг желанный, –
То тихий, то метельный, то сырой,
По-юношески так непостоянный
И вечно с непокрытой головой.

К нему и с ним, на первое свиданье
Босой ногой по мягкой целине,
На перехват морозного дыханья
И звонкое молчанье в вышине.

Опять надежда: этот – не растает,
Еще продлит любви хрустальный век!
Но чувство все равно не покидает,
Что это был последний первый снег...

Ф.Р.

Как вовремя он выпал и укрыл
Своею чистотой вчерашние тревоги,
Запорошил овраги и дороги,
Завесил окна и подушки взбил.

Запрячь мои тревоги до тепла,
Укутай, убаюкай, дай покоя,
Печаль и горечь заслони собою,
Узор заиндевевшего стекла.

Лебяжьи очарованные сны
Приходят в гости каждою зимою,
Благословенье зимнего покоя,
Побудь со мной хотя бы до весны.

13 декабря

В.О.
Их пора доставать с антресолей и полок
Из коробок, слежавшейся ватой набитых, –
Скоро хвойная гостья, и запах иголок,
И шампанский салют, под куранты открытой.

Целый год не до них, но однажды с рассветом –
В декабре это, кажется, время обеда! –
Воздвигая себе пьедестал табурета,
Отправляемся в сказку, забытую где-то.

Зазеркалье шаров и сосуллек мерцанье,
Космонавты, снегурочки, домики, шишки...
Они помнят родителей наших желанье,
Чтобы дети в хорошие люди бы вышли,

Чтобы мир на земле, и здоровья до лета,
А на добрую осень – грибов да компотов,
Чтоб гордиться запущенной новой ракетой,
И о чем-то вздыхать, уходя на работу.

Скоро хрупкие гости, хранители чуда,
Пожеланий свидетели и обереги,
Ваш настанет черед! Отдыхайте, покуда
Мы на ярмарку снов совершаем набег.

Ф.Р.
Ах, хрупкие шары, серебряные нити..
Какие тайны вы отчаянно храните,
Ах, света перелив и блик на хрустале.
Предчувствие любви приходит в декабре.

Корицу и миндаль, и шкурки мандарина.
Бросаю я в глинтвейн. Что было, то прошло,
Исписана тетрадь, я в этом не повинна,
Что будет, то придет. Торжественно, светло...

Изысканный блокнот ждет новой первой строчки,
Венок из омелы уже венчает дверь.
Закончен первый том. Автограф. Дата. Точка.
Мой милый, я с утра начну второй. Поверь.

13 декабря

В.О.
Увези меня в ночь, новогодний трамвай,
С остановки замерзше-пустынной.
Неизменен маршрут в удивительный край
И напев, неизменно старинный.

Здесь неловко смеяться, молчать – хорошо,
За проезд – две монеты без сдачи.
Как не вовремя этот трамвай подошел,
Но уже пассажиры не плачут.

Все останется там, за морозным стеклом,-
И улыбки, и боль, и награды,
Только это не лодочник машет веслом –
Дирижирует ель снегопадом.

Поворот кольцевой, а вокруг – белизна
И покой... только сердца удары.
Так улитка взбиралась по склону одна,
Замыкая вращенье сансары.

Только нам возвращаться назад – к январю,
Фейерверкам, делам, хоровам...
Новой жизни опять проживать дежавю
В ожидании нового года.

Ф.Р.
Скучаю. Жди. Пора в аэропорт.
Уже такси подъехало к парадной.
Мой город, удивительно нарядный,
Готовится отметить Новый Год.

Опутаны гирляндами кусты
На площади Искусств и на Манежной,
И елка у Казанского... И снежно...
На улицах так много суеты...

Спешу, мое такси, я тороплюсь
Закончить эту долгую дорогу,
Навстречу солнцу и навстречу Богу
Обычным пассажиром поднимусь.

Над белым одеялом облаков
Лежит мой долгий путь по звездной пыли.
Лечу туда, где мы с тобой решили
Отметить вместе первый Новый Год.

25 декабря

В.О.

Приходят и уходят поезда,
О них не вспоминают, не жалеют,
Бегут по расписанию года –
Мелькают числа, даты, юбилеи.

На перегонах сумасшедших лет
Мы отдаемся ритмике сердечной.
Кого-то ждет торжественный банкет,
А кое-кто добрался до конечной.

И кто бы ни прокладывал маршрут,
Повелевая быстрбежным миром,
Старательно вагоны берегут
Попутчиков – скитальцев – пассажиров.

Зима, декабрь, колокольный звон
И звон бокалов, и стихов стихия...
За все спасибо – и за наш вагон,
И за дорогу с вами, дорогие!

Ф.Р.

Вначале была дорога
По пухлому мягкому снегу,
По белому одеялу,
По пенной струе прибой.

А после была дорога
По мокрому росному лугу,
По тихой лесной тропинке,
По склону балтийской дюны.

Дорога вела к морю,
дорога вела к небу,
Она под дождем мокла,
И таял асфальт от зноя.

Но вот наступает вечер,
И тишина в доме,
Неспешны мои мысли,
Беззвучны мои шаги.

27 декабря

В.О.

Мой чайный домик – замок тишины,
В лукошке притаились мандарины,
Как перед балом, шепчутся невинно
Чаинки, ожидания полны.

Им скоро в свет, кружиться в кипятке
Высоких чувств и низменных желаний,
Случайных встреч, случайных расставаний
Под чайный разговор накоротке.

Служения неласковая плеть
Частицы гонит и частично мучит,
Служебный чай для них – несчастный случай
Или предлог в союзе замереть.

Недолг срок у чайной красоты,
Нам дивен вкус восточных церемоний...
Но ждет тебя у дня на самом склоне
Мой чайный домик – особняк мечты.

Ф.Р.

Ах, я уже не чаяла,
Но фонари качаются,
И randevу случайное,
И чайник закипал.

Как чашка с чаем тянется,
а вечер не кончается -
немыслимый, нечаянный,
читаемый финал.

А паузы отчаянны,
И взгляды так отчаянны,
Но сколько красноречия
В молчании моем.

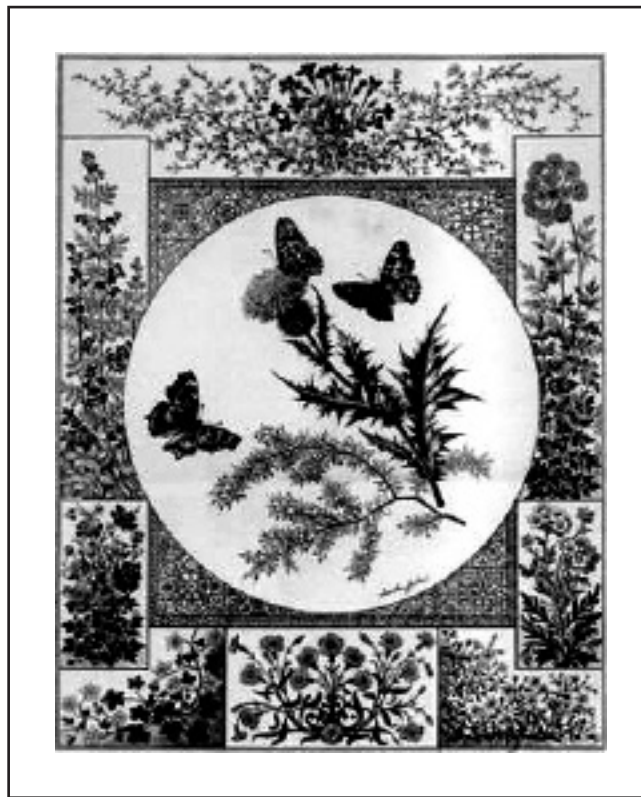
Короткое прощание,
Развязка... окончание.
Ты заходи, когда-нибудь...
Чайку попьем вдвоем.

* * *

Чайная пара – это не пара чашек,
Сдвинутых рядом у самоварного краника,
Даже не пара стеклянных стаканов-близняшек,
Ложками звонко звенящих в своих подстаканниках.

Пара предметов, расписанных ярко иль скромненько,
Разных таких, но друг без друга немислимых:
Бьется один – и сироткою на подоконнике
Будет второй доживать свой остаток бессмысленный,

Может, и с пользой какой, да щербинка иль трещина,
Как ни старайся, не спрячется и не затянется.
Чайные пары, ботинки, мужчины и женщины...
Также и мы – без тебя и меня не останется.

Софья ДУВОВСКАЯ

Миниатюры

1. Всё золото с ветвей
Переместилось наземь
Корзинка с листьями
Красуется на подоконнике
2. Морская черепаха
В бассейне у себя дома
В траве черепахами камни
А у меня черепашня повадка
3. Тема: робость в душе поэта
О ком я задумалась
О себе – или о друзьях?
4. Дорога если гладкая
Идти одно удовольствие
Но места для подвига нет
5. Говорят-говорят-говорят
В одно ухо – сплетня входит
Из другого уха – исповедь выходит
6. Бурею расщеплённый
Дубовый ствол-долгожитель
Удалить?
И рука не поднимется
Садовники обходят стороной
7. Черепичная шапка дома
Раз в году
Выпадает в масть осеннему простору
И для нас потеряны дома
8. В сумерках
Незаметны первые капли
Звуки оркестра и скрипки
Ещё на слуху
Весело идти под дождём

Здесь на берегу

по небу – воздушный замок
а у нас – амфитеатр
оседлали перевернутые лодки
катерок
на басовой на струне
у байдарки
быстрота – подобна звуку
ходит глаз вокруг да около

за большой водой
заслоня бесконечность
лес остановился
ярус к ярусу – сводный хор
а капеллу разглашает
из своей луженой глотки
репродуктор на сосне

* * *

Шестьдесят минут
Поэт читал стихи
в модном свитере
курил
Я не отводила глаз
Речь гортанная зовет
к месту лобному идут:
дева
дряхлость и луна
деспот
автор и герой
Круто время обошлось
вздрагивает белый лист
мы внимаем не дыша

Антидружба

жаль что нельзя одновременно
смотреть и в небо и в землю
раскрыть объятия
и равнодушным и признательным
я дружбы взалкала
не с теми кто предан душой
а с тем кто в упор не видит

* * *

место действия опустело
с тёмной душой терплю
как рушится мой угол
куда ни глянь – крайности
на площади
в воздухе наконец
но был совет:
ступай к деревьям!
природа сделает сама
своё дело
...не то овраг не то аллея
листва затмила небо
так было...
где монументальный парк?
но вместо сказки – геометрия
в духе века Просвещения
старого утешителя больше нет
к старинному - не привыкну

Дело случая

дело случая – трепетать на ветру
достигнуть четырёх стен
согревая локтями стол
прислушаться:
отзвучавшие мнения
почти любимый голос на диске
огорчение хорошо смывается
индийским чаем
черновик поверх журнала
как школьные тетрадки
поверх романов

* * *

Беане и Валентину

портрет беспечности увидеть?
как встарь взбежать по лестнице
распахнуть петербургский уют
стань перед камином!
мрамор и тройное зеркало
бронзовый человечек
при бронзовых часах
а слева две рамки из дерева
там-то и застыло
юности мгновенье

На пруду

утята плывут гуськом
навстречу плывёт собака
утка – наперерез
селезень – ястребом кружит
собака ищет спасенья
у ног своей хозяйки
но грозный отец семейства
гонит крыльями
гогоча
дама с собачкой укрылись
в прибрежном лесу

Прогулка

спасибо зодчеству за науку
читаю: улицы-строчки
дома-буковки
знаю где лучше заблудиться
на столичных бульварах
под переплеск фонтанчиков
за полтора часа
пол-Белокаменной
пол-Златоглавой
отношения с ново делами
выясняю с фломастером в руке
ради цветной графики
в доме друзей при расставании
младший знал жизнь по сказкам
теперь – ветеран войны

Слайды художника N

портреты и фигуры
без признаков радости
некоторым из них
свойственны ущербные черты
носители розовых очков отрицают
подобную трактовку человечества
вместо спора с очкариками
я оглянулась в свои двадцать
видения тех лет
как две капли сходны
с моделями художника N
но все мои «видения» давно растаяли
почему я гляжу на слайды
в большом смущении?

Николай ДИМЧЕВСКИЙ

Этот день

День был замешан на лучах,
на листьях и тумане.
В высоких голубых печах
он пёкся ранней ранью.

Вот он готов, и можно взять,
впивать, вдыхать и слушать...
Вострите уши и глаза,
распахивайте души!

Дивитесь лесом и листом,
Вселенной и крупницей –
день этот никогда потом
не сможет повториться.

1959

Часы весны

Пружины трав заведены
тревожно и упруго.
Спешат вперед
часы весны,
часы полей и плуга,
часы зачатий и начал
людей, зверей и злаков...
Часы, где я не отличал
полдневный свет от мрака.
Где жизнь вбирала целый век,
вмещаясь в одночасье,
и лес качало как ковчег
весеннее ненастье.
Тревожный сумрак наставал,
и в поросли смятенной
меня
дорогою начал
влачило по вселенной.

1972

Прорубь

Беру пешню и
бью в оскал зелёный,
ломаю
льда и наледи заслоны!

На снежных искрах,
словно сизый голубь,
синее неба
высветилась прорубь.

Теперь
ведром помятым зачерпну
из подо льда добытую
весну.

Ноябрь

На простуженном,
хриплом органе,
где трубы продырявлены лучами звёзд,
где лёд косыми иглами пальцы ранит,
где мёрзлые дороги легли вперехлест –
играет ноябрь.

На бровях его иней,
в бороде его листья,
в глазах туман.
И мелодия
в даях зазвёздных стынет,
и во всём бесконечном осеннем мире –
одиноким ноябрь
и охрипший орган.

1959

Полдень

Низкий мир травы обточен солнцем
и заплавлен в слиток янтаря.
По стеблям, по листьям и по кронцам
соты света медленно горят.

Губчатую зелень пропитало
вязким гудом дремлющих шмелей,
и цветы оклеивает вяло
полуденный золотистый клей.

Бабочки уснули. Меж соцветий
пчёлы чуть бредут, отяжелев.
Повилика, сонно свесив плети,
смотрит, как зеваёт львиный зев.

Мудрая медлительность полудня.
В сердцевине сонной тишины
вызревают трепетно и трудно
семена для будущей весны.

1968

* * *

Резко пахнут акварелью
листья, сброшенные клёном,
травы, тронутые прелью,
вихри в воздухе студёном.

Соразмерил свет и краски
некий вдумчивый художник –
переливом желто-красным
оттенил леса и пожни.

Переходами сквозными
и прозрачностью осенней
он прорезал чьё-то имя
в сердце вянущих растений.

За густой прудовой ряской,
в серых облачных заплатах
с удивленьем и опаской
чей-то образ он запрятал.

Осторожно подойду я
по тропе лесного края,
паутинницу тугую
потихоньку отстраняя.

Из лесов и пожней выну,
отгадаю постепенно
губ горящую рябину
и волос пахучих сено.

1968

Зяблик

На Урале зяблик прозвенел.
Он весну, как часики, натикал.
Вот и март остался не у дел
пред сияньем солнечного лика.

Зяблик был невидим,
но с петель
полетели двери небосвода,

выплеснулось солнце
и капель
проторила путь весенним водам.

Зяблик был так мал,
как может быть
самая ничтожнейшая малость,
но апреля искристая нить
от его потяга размоталась.

Он сумел
пропеть слышней в сто крат
всех рогов зимы, хрипевших мрачно.
...И сосульки мокрые висят
продолженьем песенки прозрачной.

1971

* * *

В июне топим печь –
так ночи холодны.
Тепло трещат дрова под цокот соловьиный.
В окне лучится лёд восхода и луны,
и ночью длится день,
длиннее жизни длинной.

В июне
жар смолы и угля жар слышней.
И легче дышит печь,
и дышится легко мне.
И в кущах под окном
стреляет соловей
и пробивает тишь
сердец и тесных комнат.

1973

Май холодный

Зацветает ветла –
ветры вмиг налетают
растрепать, расклевать её клювами длинными.
Пронесёт мимо сёл их разбойничью стаю –
встанут вётлы к заборам
пустыми корзинами.

Ни пчеле, ни шмелю
пожиться здесь нечем:
всю пыльцу размело,
иссушило нектар.

Взяв пустые деревья на старые плечи,
одиноким просёлок бредёт на базар.

Покоробятся вёрсты просторов безлесых,
по обочинам вылезет колкий осот...
Весь в холодных дождях,
как в ряднинах белесых,
май
корзины
к осенним плодам бережёт.

1966

* * *

Ножи гладиолусов режут
сырой чернозём у крыльца.
Буравит весеннюю свежесть
скрипенье и клёкот скворца.

Истошен призыв петушиный,
и куры галдят, как базар.
Меж веток у самой вершины
запутался солнечный шар.

Ветловые почки навывлет
стреляют зелёным огнём.
Весь мир этот налит и вылит
брожением, заложенным в нём.

Стою удивлённый и квёлый,
разбитый нежданной весной.
Садятся на голову пчёлы
и греются вместе со мной.

1969

Миг первотравья

На карту хоть весь год поставь я,
не выиграю –
лучше нет
поры, когда из первотравья
крапива
просится в букет.

Ещё весенний день обманчив
и плотен войлок старых трав –
чуть выпростался одуванчик,
дернину старую взорвав.

И глаз, тоскующий так алчет
среди неприметнейших примет
найти фиалочки фиальчик
и первоцвета первый цвет.

А у заборов, сникших криво –
как будто крик «Курилка жив!» -
кипит и буйствует крапива,
глаза к себе приворожив.

Эх, той поры не проморгайте –
мелькнёт, как миг – прощай-прости...
Хотя бы втайне пожелайте
букет крапивы принести.

1975

Сентябрь

Не мог
за локоть даже
тронуть,
шаги ловил движеньем глаз.
И под ноги попавший
жёлудь,
как сердце,
ёкал всякий раз.
Был дуб.
Сентябрь
тянулся веткой,
неся не жёлуди –
сердца.
Неловки были мы, не метки,
хотели по житейской сметке,
с порога радость отрицать:
не время,
не судьба,
не место,
не возраст,
не и не, и не...

Кричали: «Тили-тили-тесто!»
синицы в синей вышине.

1983

* * *

Кровь августа -
шиповник и брусника.
Синиц трещотка вечерами алыми.
Ступает осень трепетно и дико,

бредет чашобой и таежными завалами.
Какая четкость красок и границ!
На черном камне
белый мох
и колокольчик синий.
Скалой разрезан мир
от силуэтов птиц
до водорослей, спрятанных в пучине.

На горях,
возле обожженных пней,
толпится молодняк осинника продрогшего,
и снялись журавли с болотных якорей -
бить грудью облака на ледяное крошево.

Из растворенных окон наверху
им видно,
как в ногах у старых сосен
по твердой чешуе брусничника,
по мху
течет кровь августа,
в тайгу крадется осень.

1961

* * *

Что за лакомство – боярышник!
Праздник на пороге зим.
Подойди
и в гроздь алые
взгляд и губы погрузи!

Если сумерки – он светится,
если солнышко – горит.
Потаенная улыбка
сникших елей и раakit.

Ну,
раздвинь сырые заросли,
отрешись от всех невзгод –
вон как весело
боярышник
на пиры свои зовет!

Капля лета

Лето льётся из тонкого горла цветка
и из птичьего горла,
тонкой струйкой течёт,
и роятся потом облака,
и густеют леса,

и возносятся горы.
И лукаво
и ломко
улыбка скользит по губам.
Красота,
словно капля смолы, напоённая летом,
протянулась по хвое сухой,
по лугам
и сквозь сердце прошла,
недосказана и недопета.

Недосказанность -
странный удел.
Эта горечь её
в стебле трав и в смоле, и в судьбе...
Эта горечь
есть во всяком,
кто ломкой улыбкой владел
и, предчувствуя радость, наткнулся на горе.

Будут стебли
и горы,
и горло цветка
не устанет струить уходящее лето.
И проглянет улыбка,
легка и ломка,
и растает в малиновой чаше рассвета.

1965

* * *

Теряет зима
то слезу, то сосульку.
Весеннее око –
во весь окоём.
И зяблик свистит в ледяную свистульку,
что былль холодов
пораастает былльём.

Обширны снега,
и морозит ночами...
Но утром
всё явственней слышится нам,
как ветер весенний поводит плечами
и шуба зимы
раздаётся по швам.

1982

Юлий ТАРЕР

Дипломатия

В канале Грибоедова
Кристалл лучистых искр
Лежит на дне — как следует,
Он в память детских игр.

От пылкости душевной
И от амбиций злых —
Он станет бурей гневной
В амбициях былых.

И, в память о растерзанных,
Он — как укол по нервам,
В последний раз потерянный,
Став виден — станет первым.

10 декабря 1994 г.

Февральский ветер

Февральским ветром гонит липкий воздух,
И всхлипывает талая вода под башмаком,
Душа, уставшая бороться, ищет отдых,
Теперь не сдавливают горло слёзный ком...

Февральский ветер гонит воду,
И липко отсырел башмак,
Полюбишь всякую погоду —
И не случится всё не так.

16 февраля 1995 г.

Круговорот

Круговорот неуловимых откровений
Потоком каруселит неотступно,
И дразнит вспышками мгновений,
Которые тревожат смутно.

Бежишь, спешишь, запутался — свихнулся...
И в головокруженье засыпаешь,
Вопросов путных ищешь пульсы —
Во сне на них ответ читаешь...

Очнулся, думал, не связалось —
Не вспомнил, вышел, распростился,

Но, вдруг, за переулком показалось,
Что он уже когда-то снился...

15 марта 1995 г.

За чьим-то глухим эхом

За чьим-то глухим эхом
И отзвуками обмана,
За злобным чужим смехом
Корёжило слух Пана...

Я ждал и скрипел дверью
Чужих и пустых желаний,
Когда — лишь его свирелью
Вело меня мирозданье.

Но Небо не терпит фальши,
И злая звезда угасла —
Я, просто, пошёл дальше,
К желаниям не напрасным.

18 марта 1995 г.

* * *

Пустоты бы в голову,
Чтоб без звона...
Серебрится олово,
Медь горит без стона.

Острым жалом спаяны
Провода тугие,
Облака растаяли —
Где другие?..

В тесноте коробочной
Канифоль горелая,
Маеюй подкорочной —
Суета приспелая...

Пустоты бы в голову,
Чтоб без звона,
Серебра без олова,
И любви для фона.

2 апреля 1995 г.

Вечность

Ожидание нескончаемо —
Как галактик существование,
Как качанье попеременное
Равномерного маятника.
То рванёшься наверх отчаянно —
То задремлешь под изнывание
Изначальное, несомненное,
Как подножие памятника.

Ожидание нескончаемо —
Переменной завес вечности,
В равновесие отражаемых
Лентою бесконечности.

3 апреля 1995 г.

О зависти

Не люблю я таких, как ты,
И тебе говорю открыто —
Не убьёшь ты моей мечты,
Лишь за то, что твоя убита!

И винить постоянно всех
За ошибки свои дурные —
Это самый позорный грех,
Порождающий все иные!

* * *

Пред завистью поэт — ребёнок,
Лишь от того, что не такой,
Ведь он летал уже с пелёнок,
Не прячься от юдоли злой.

Он, может быть, не идеален,
Он без ошибок не живёт,
И романтически ментален
И прост его мечты полёт!

* * *

Но если клеветою подлой
Аркан накинута свобода —
Она не станет куклой модной
В руках продажного уroda!

7 ноября 2015 г.

О поэтах и птицах

Графоман — это такая редкая птица,
Которую даже орнитологи ещё не изучили.

Но о поэтах чаще всего пишут именно они —
графоманы, в зависимости от степени своей
осведомлённости
о личной интимной жизни поэтов.

И только иногда о поэтах пишут
непредвзятые критики.

9 ноября 2015 г.

* * *

Соглядатаи совсем обнаглели,
Стали в окна заходить, да и в двери,
Как подсмотрят что-нибудь, так и стукнут —
Информацией своей в лужу пукнут...

Ну, стучали-то всегда, ясно дело —
Но так тупо, как теперь, не наглели!

13 ноября 2015 г.

Ваше мне

Мне Ваши пепельные косы —
Улыбка и компрачкосы,
Мне Ваша лёгкая рука
Кошмарным сном полна пока,
И Ваша ловкость в ловле блох —
Как молоток, чем я оглох.

Вся Ваша мне шальная страсть —
Как непотребная напасть,
Я Вас простил бы, если б мог,
Но пусть уж Вас прощает Бог.

июль 1995 г.

* * *

Тать борзую всю жизнь прощая,
Потерял я свой ключ от рая,
Но Господь лишь пожал плечами —
Разбросались, мол, здесь ключами...

26 октября 2015 г.

Читая современников

Опять стихи,
Опять про кофе,
Опять де флёр,
И вновь царит Виндзор —
И вновь тихи грехи,
Пошлеют строфы
В слащавый сор
Вплетая свой узор.

Избит Шопен
В клишейной розе,
Спиноза спит,
И спит душа Творца —
И пенопропилен
В продажной позе
Воруя льстит,
Но лавры — без венца...

30 декабря 2015 г.

Звёздная любовь

Ты о любви моей не знаешь,
Стремясь к несбыточной мечте,
В загадках звёзд небесных таешь,
Но звёзд земных — иной удел!

Я о любви твоей мечтаю,
Как о возможности дышать!
Земные звёзды оживают —
Когда небесным угасать...

Они горят попеременно —
Лучатся тайной и мольбой,
Мы к ним взываем в жизни брэнной,
Теряя разум и покой.

Но в звёзд неистовом горенье,
Небесном и земном огне —
Затаено всегда презренье
Всем тем, кто их затмить посмел!

Любовь презренье убивает,
И умирает в духоте —
А по-другому не бывает,
Хоть звёзды эти... или те...

19 — 20 октября 2015 г.

В шумном платье муаровом

*Быть может, и любит, да только не скажет...
Да только не скажет и чувств не покажет
.А раз не покажет — так что в этом толку.
Да, что в этом толку — любить втихомолку.
Надеждой терзает, надеждой тревожит...
А может быть вовсе не любит? Быть может!*

Игорь Северянин, 1916

О, КЭНЗЕЛЬ романсовый,
Такой ананасовый,
Вуалью задёрнутый,
Печалью затронутый,
Такой восхитительный
В душе положительной —
О платье муаровом
В стране ягуаровой...

Послушайте, милая!
Такая унылая... —
Бегите во Францию,
С Вашею грацией,
За Маками алыми,
Душою усталую,
За розами белыми,
Героями смелыми!

А здесь Петербургские
Безденежно русские,
Совсем не испанские
Чуть-чуть хулиганские
Видения странные,
Пути негуманные...
Друзья иллюзорные,
Ошибки позорные.

Бегите, прекрасная!
Опыты — разные,
Совсем не норвежские
Снега заонежские
В жасмине сиреневом,
В болезни мигреновой,
В детей возмужании,
И в пчёлки жужжании...

2 сентября 2015 г.

Надежда ЛЕВЕДЕВА

2. Старая Русса

Ф.М. Достоевский в Старой Руссе

Здесь у церквей, садов, зеркальных речек
Сумел найти он сам себе приют.
Из Петербурга Иоанном встречен.
С тех пор душою ближе с ним живут.

В былой тиши гулял он тоже тихо,
Где всюду зелень в свете синевы.
Но в сердце вдруг разыгрывался вихорь
И поднимался выше головы!

Он и велик, и просто прихожанин,
В борьбе упрямо истину искал.
Не раз судьбой таинственной ужален
И в строки нёс души своей накал.

Его терзали мысли о России,
Народа боль, высокие круги,
Но верил он и в Правду, и в Мессию –
И отступали скрытые враги.

Что в нём сильней? – Сказать вам не берусь я –
У книг спрошу, небесных ли высот –
Боренье вновь в столице или в Руссе,
Но в мир оно прозрение несёт.

Не зря судьбу свою связал он с Анной –
Иль за страданье – это Божий дар,
Чтоб с ней идти к мечте своей желанной,
Людей возвысив, их душевный жар?..

Пылать внезапно сердце перестало,
Оборвалось с вершины на покой...
Но в пасть войны жилище не попало,
Заботой греясь подлинно людской...

Он здесь у нас – особенный рушанин,
С душою пылкой, чуткою своей –
И если ты бедою в сердце ранен,
В его творенья вникни поскорей.

Уверенный в шагах своих вчера ты,
Сегодня вдруг решишь наоборот...

К народу шёл он в поисках когда-то
Теперь к нему стекается народ.

Он у дорог – и бронзовый – в тревоге,
Но за спиной – его приветный дом.
К нему идут с раздумьями о Боге,
О том, что было, будет, о своём.

На прогулке

Молча я люблюсь парую,
Что лирически у моста
Бродит вовсе не с гитарою,
А с улыбочкою просто.

Не спеша дела обсудятся,
Обернутся страхи в шутку.
Даже если что не сбудется, –
Отзовётся в сердце чутко.

В тишине, на них похожая,
Но гуляя в одиночку,
Я, обычная прохожая,
Посвятить хочу им строчку.

С ними на сердце спокойнее,
Что-то вспомнится родное...
Душу лечит всё достойное,
Обаятельно-земное.

Солнце встает

Солнце встает, посылает лучи
Малому и великану:
Мол, принимай золотые ключи –
Преданным другом я стану.

Чудо-ключами откроется дверь
Там, где природные клады.
Там помолчи, в своё дело поверь,
Травы тебе даже рады.

Душу приветят цветов огоньки,
Встретив у самой тропинки,
А в начинаниях твердой руки
Вырастут гряды-картинки.

Трудятся снова пчела, муравей,
Бегом довольные, летом...
Мил-человек, все печали развей,
Выгони сладостным потом.

Это не то, чтоб обиды хранить,
В чём-то рвать нити поспешно...
Если с природой в согласии жить,
Значит – с собою, конечно.

Жара во дворе

Стала грусть у деревьев желтеть,
Опускаться всё ниже по веткам.
Даже птицам не хочется петь
И судачить болтливым соседкам.

Злыдни зла не желают другим:
Уберечь бы себя были в силе.
А жара безразличьем своим
Вновь палит в изнуряющем стиле.

Путь коты не уступят: им лень –
Развалились в тени, как на печке.
У ребяток, ослабших за день,
Цель одна: со двора бы – да к речке.

Иногда во дворе – дым лесов –
О пожарах известие верно.
Как в угаре, обрывки от слов,
Кем-то брошенных вяло и нервно.

А иные, встречая людей,
Тёплым словом приветствуют всё же –
От такого тепла чуть свежей,
И в жару оно сердцу пригоже...

Эти мелочи в нашем дворе
Проявились, не мало что знача:
Хоть не рады мы душной поре,
Всё острее ощутили, иначе.

В день инвалида

Забываем, кто здесь инвалиды
В окружение творческом своём.
И наверно, нет на то обиды,
Если в них таланты узнаём.

Инвалиды мы, не инвалиды,
Но такое скажем и споём!
Даже вовсе не артисты с виду,
Зарядим и слабых на подъём.

Огонёк в любой душе раздуем,
Рассыпая искры, где хотим.
Жар его порой не предсказуем,
Но бывает так необходим!

Парк Победы в Старой Руссе

Я тоже в Руссе парк сажала
И вместе с ним росла потом.
Учиться, правда, уезжала,
Но возвращалась: здесь мой дом.

Границы парка узнавала,
Скользя упрямо по лыжне.
А летом светлого не мало
Листва, шепча, сулила мне.

Пустырь спалённый — лишь в помине,
Когда экскурсии ведут...
Но в мыслях свет: по парку ныне
Так притягателен маршрут!

Учитель или воспитатель
Роднит с природою ребят.
Всё повторимо. А мечтатель,
Как лесу, с детства парку рад.

Скрестились новые дорожки
С былыми тропками. Они
Парк обновляют понемножку —
Не зря всё ярче здесь огни.

Огонь же Вечный в парке этом, —
Как сердце павших. С тяжких лет
Горит прерывистым он светом
И словно страж от войн и бед.

Пусть говорят у монумента
И возлагают вновь венки
Иль молча в тихие моменты
Грустят, от счастья далеки...

Наталья СОБОКИНА

Попытка шаманства

Совершенство земля не держит,
Совершенство земля отпускает.
Оттого позвоночник - стержень
Мой корнями в землю вырастает.

Оттого я грешу и маюсь
И нисколько себя не жалею,
Отвечаю за все и каюсь,
И в бредовой горячке болею.

Не хочу улетать, как ветер,
Оставляя лишь крики птицам.
Неизвестно, в каком столетье
Доведется еще родиться.

Я, танцуя, пройду в лабиринты,
Что хранит земля на кургане.
Погруженные в прах манускрипты
Мне разложат сакральные знания.

Я пушусь в кругосветное странствие,
Чтоб найти, наконец, Беловодье.
Возвращусь, ворожа и шаманствуя,
Силу гнева сдержав на поводьях.

Буду петь я о найденном чуде,
Но не с ангелами, а с вами,
Дорогие, любимые люди
С поседевшими в горе очами.

Сломанные прожектора

Я лучи собираю от счастья
Переломанных прожекторов.
Вот еще один лучик погасший
Закатает протектор в ров.

В перекошенном переулке,
Где никто никого не спас,
Я поймаю его в шкатулку
И продлю его звездный час.

То мучительно, то победно,
В цену ломаного гроша,
Чтобы дар не погас бесследно,
Косолапая стонет душа.

На листке напишу я имя,
Чтобы ярче пылало оно.
И раздую огонь в камине,
И дрова положу рядком.

Не иссякнет звездная плазма.
Не погаснуть ей никогда!
Новым светочем солнцеобразным.
Засверкает прожектор — звезда!

Перелет

Под крылами пернатых не видно границ:
С высоты не пугают запреты...
Ни затворы священных библейских гробниц,
Ни космических комплексов вето.

Тех, кто рвется к свободе нельзя приручить:
Не написан закон для крылатых.
Не дано в узкой келье свой жребий влачить,
Иль оружием бряцать в звонких латах.

Нам отпущено видеть с небесных морей
Драгоценных озер ожерелье,
Решето городов и лоскутья полей -
Беззащитной земли рукоделье...

Серебрится на солнце узорами рек
Акватория нашей Планеты.
Ты не ценишь богатство! Очнись! Человек!
Ведь прощения этому нету!

Актерское братство

На подмостках не место проклятию
И хулу выкликать не гоже!
Я горой за актерскую братию,
Кто живет в этой жизни без кожи.

Мы друг друга порою обидим,
Но та ненависть в пух и прах
Разлетается, только выйдем
К Вам с пророчеством на устах!

Ведь актеров всегда хоронят
За забором престижных погостов.
Но за Вас наше сердце стонет!
И душа, как забытый остров!

Помолитесь о нас Богородице.
На концерте зажгите свечу.
Душу живую откройте бессоннице, -
И со сцены я Вам прокричу:

«Я горой за актерскую братию.
Пусть не сладок наш век не кроткий...
Шлю обиды все к чертовой матери!
Всех люблю! Разговор короткий!»

Божья ласка

Существует пронзительно истина,
Вдалеке от людского топота.
И сопутствует нам пожизненно,
Вопреки результатам опыта...
Та, что молнией вдруг привидится,
И потом в суете забывается.
Если скажешь кому, обидится!!!
Но, с привычкой вразрез, сбывается!

Не пророчество, не интуиция.
Как назвать, до сих пор затрудняюсь...
Но ее я слушаю с птицами,
Что поют, на заре просыпаясь!
Не открытие, не откровение,
Что-то между догадкой и сказкой:
Вдохновение, провидение?
Я зову это Божьей Лаской!

Океан

Океан предо мною. Впервые его увидела.
Осторожен и тих в ожидании буйства утех.
Так застывшие волны заполненной зрителем залы,
Вас утопят в слезах, иль жестоко поднимут на смех.

Замерев пред плотью земной, зачарованы пеньем,
Вам на миг уделяют победного шанса глоток.
Но та зыбкая тишь очарована лишь на мгновенье...
И никем не угадан финала жестокий урок.

Ты, пловец, не боишься на утлой лодчонке успеха
Между скал и порогов пуститься без лоцмана в путь.
За кулисами все животы надрывают от смеха -
То пираты- оллеги так крестят: «Про нас не забудь!»

И в бушующих аплодисментах девятого вала,
Должен ты превозмочь, устоять и на твердь не сбежать.
Он тебя захлестнет и утянет под ров пьедестала,
На который потом вновь захочет посмертно поднять!

Татьяна НИКОЛАЕВА

* * *

Вы поняли? Весна уже пришла!
Проснёшься утром, пеньем птиц разбужен,
И пусть пока что мало света и тепла,
Да ветерок с зимы ещё простужен.

Ты принимай по капельке Весну
И поднимайся поскорей с постели,
Ты подойди тихонечко к окну,
Пей её так, словно касаешься свирели.

Рассматривай Весну из-под ресниц –
Сквозь их завесу солнце ярко светит.
Послушай музыку оркестра птиц
И опьяней от звуков сладких этих.

Ты насладись её дыханием сполна,
Почувствуй кожей нежную прохладу...
И своё сердце, что сойдёт с ума
От встречи с радостью, но это так и надо!

Очарованье

Далеко-далеко, там, где небо безбрежно
И месяц вступает на пост,
А утром рассвет облака встретят нежный,
В котором померкнет свет звёзд,
Где солнца лучи прикасаются к Вечности
И миру тепло отдают,
В любви безграничной и лёгкой беспечности
Там Ангелы вечно живут.
Порою играют с сияющей радугой
И с капельками дождя,
Их всё, как детей, забавляет и радует,
Они там на крыльях парят.
Не чувствуют горя, не знают печали,
Не могут обидеть, предать,
Они лишь резвятся в сверкающей дали
И могут людей охранять.
Они – само Чудо, Очарованье!
Их дом голубой небосвод
И лёгкое крыльев пушистых касанье
Спасает нас всех от невзгод.
Влюблённым они могут делать подарки:

Зимой иль в расцвете весны
Они дарят нежные, самые яркие
О милых прекрасные сны.
Под утро, растаяв в сиянии света,
Опять улетают наверх...
Я, может быть, только придумала это,
Но пусть будет Ангел у всех!

Напиток зла

Петляю грустно в вёрстах одиночества,
В волшебном мареве туманов голубых,
А боль души как злобное пророчество,
Блестит слезинкой на щеках моих.

Я обгоняю перекрёстки судеб,
В край запредельности шагаю за мечтой,
Не понимая, что же дальше будет,
Если не встречу никогда с тобой?

Слиянье порций зависти яда
В бокале полном жизнь преподнесла,
А я-то думала – то сок из винограда,
Но сердце мне обжёт напиток зла.

Запуталась в иллюзиях воздушных,
Где пасторально-невесомо и легко...
Хоть на душе моей так тяжело и грустно,
Мечта моя взлетает высоко!

* * *

Возродиться, как Феникс из пепла,
Людам, знаю, судьбой не дано,
Но душа наша в трудностях крепнет –
Коль упал, поднимись всё равно!

Да, эффекта не будет такого,
Как у сказочной Птицы Огня.
Душу склеивать снова и снова
Тяжелее день ото дня...

Но, подумай, как будет прекрасно
И ты сможешь гордиться собой –
Возродиться, как Феникс, для счастья
Со своей окрылённой душой!

Девушка и скрипка

К плечу подносит инструмент скрипачка,
Как палочка волшебная – смычок!
Она взмахнёт им и, смеясь и плача,
Звук скрипки той взлетит под потолок.

То верхних нот слепая безысходность
Несётся из-под девичьей руки,
То нижних нот пугает всех холодность
И ритм всепоглощающей тоски.

Со скрипкой вместе сердце наше рвётся
И хочется с ней в унисон рыдать,
Вниз по щеке слеза тихонько льётся,
А ты не думаешь, что надо вытирать...

Но вот чуть-чуть меняется тональность
И капает спасительный бальзам –
Мелодии другой оригинальность
От кровоточащих излечат сердце ран.

Кричащая исчезнет звуков пытка,
Захочется всем встать, потанцевать...
Да – Волшебство!

Лишь девушка и скрипка
Смогли страдание и радость людям дать!

Пианист

Стоит рояль среди большого зала.
Свет канделябров в воздухе струится.
Людей сегодня собралось немало,
И к инструменту пианист садится.
Он виртуозно музыкой владеет,
И клавиш чёрно-белых переборы
Родят мотив... и души потеплеют,
Сами собой затихнут разговоры.
От красоты и искренности звуков
То замирает сердце, то сильнее бьётся...
Летят над клавишами пианиста руки,
И восхитительная музыка по залу льётся.

Городская сказка

Серые Будни в городе жили
Грустно и однообразно.
Серые Будни ни с кем не дружили –
Видимо, это опасно.

Им не хватало любви и надежды,
Им не хватало тепла,
Кутаясь в блекло-простые одежды,
Жизнь их тоскливо текла.

Странно, конечно, но в городе этом
Жил и другой адресат,
И Серым Будням сверкающим летом
Был несказанно он рад.

Светлое Будущее скучало,
Пытаясь бороться с тоской,
Серые Будни оно повстречало
Летом над тёплой рекой.

Знаешь, друг друга они полюбили,
Идут рука об руку в даль,
И про невзгоды свои позабыли,
Радость сменила печаль!

* * *

Весна таинственно-прекрасно
Нам открывает мир влеченья,
И сердце жаждет приключенья,
Пусть даже за чертой опасной.

Душою ждём мы не напрасно
И нежного прикосновенья,
Слов, будто ветра дуновенья,
Наполненных любовью страстной.

Ждём взглядов томных и признаний,
Чтоб сердце радостно забилося,
Открыв дорогу в мир мечтаний.

Ах, если б чудеса случились,
Нас погружая в сонм желаний,
Чтоб счастьем вдоволь насладились!..

Шопинг

Зимой любой красоте нужен допинг,
Чтобы нехватку солнца восполнять.
С хандрой бороться помогает шопинг
И мы идём по магазинам погулять.

На кофточки взглянуть и на сапожки,
Примерить платье обязательно должны
И туфельки надеть на свои ножки...
Но, чтоб купить всё это, деньги нам нужны.

А мы совсем, подружка, не богаты,
Частенько кошельки у нас пусты,
Живём, как раньше, от зарплаты до зарплаты,
Обновок же хотим и я, и ты.

Покрасовавшись в платье заграничном,
Из магазина выйдем, не спеша,
Купив помаду.

Дорогая, всё отлично!
Ведь главное, что успокоилась душа!

* * *

Читала где-то, что гнев любящих не долог,
Он испаряется, словно роса с цветка.
Обиды отодвинь тончайший полог,
Пусть превращается он в крылья мотылька.

Тот мотылёк ими взмахнёт проворно
И улетит, печаль забрав с собой...
Двум любящим сердцам не будет больно –
Нам лишь любовь останется с тобой!

* * *

Вечер мягко обнимет сиреневой шалью,
Незаметно и тихо прилетит лёгкий сон
И прикроет сознание прозрачной вуалью,
За которой смешаются грани времён.
Соскользнёшь из реальности в бездну мечтаний,
Балансируя где-то на грани миров,
А потом, потеряв контур их очертаний,
Попадёшь в сладкий омут таинственных снов.

* * *

Пусть Вдохновенье кружит всю ночь!
Впадая в странное исступленье,
Гоню все беды-невзгоды прочь,
Пишу и плачу я от волнения.

А сердце мечется среди тьмы,
Душа взлетает куда-то в небо,
Где серебром блестит диск Луны
И где созвездье с названьем Лебедь.

Мой путь извилист, мой путь не прост,
Иду в Поэзию дни и ночи,
Чтоб видеть искры хрустальных звёзд,
Чтобы любить тебя очень-очень.

Прохладный воздух в окно влетит,
Вуаль тумана порвав на части
И мне поможет слова найти,
Чтоб слёзы капали лишь от счастья.

Душа закончит ночной полёт,
Не нарушая ей данных сроков.
Я встречу нового дня восход,
Вложив всю нежность в простые строки.

* * *

Небо укуталось в алый закат,
Словно в горячие чувства.
Розовой ватой плывут облака,
Будто в экстазе безумства.
Пламенем ярким пылает Любовь
Где-то в огромной Вселенной,
Чтоб из пушистых густых облаков
Нежностью вылиться пенной.
Шёлком эмоций надежды шуршат,
Вальсом кружатся мечтанья...
Небо укуталось в алый закат,
Словно в фату для венчанья...

Юрий ПЕЙСАХОВИЧ

Предисловие автора к поэме «Война»

В №11 нашего журнала «ЗОЛОТОЕ СЛОВО» за 2015 год была помещена моя большая публицистическая статья «Победа духа над ситуацией», где я подробно остановился на вопросах патриотизма, связанных с памятью о Великой Отечественной войне и сохранением её среди нынешней молодёжи, героическими подвигами нашего времени при ликвидации последствий Катастрофы на ЧАЭС, 30-летие которой мы будем отмечать 26 апреля нынешнего года... А также дал подборку своих стихотворений данного цикла.

Сегодня мне хочется продолжить этот разговор с читателем публикацией полного текста моей поэмы «ВОЙНА», отдавая дань памяти моему отцу, Пейсаховичу Иосифу Львовичу, который с первого дня войны в действующей Красной Армии дошел с боями до Берлина, затем ещё воевал с Японией, вспоминая маму, Фаину Иосифовну – блокадницу, а также её героического брата, Юрия Бейлина, который добился личного разрешения Верховного Главнокомандующего уйти на фронт сразу после выпускного вечера по окончании 9 класса... Танк Юрия Бейлина первым ворвался в польский город Познань, освобождая его от фашистских захватчиков (это было 21 января 1945 года). К сожалению, экипаж танка погиб, но

за этот бой (уже посмертно) он был награждён орденом Отечественной войны 2 степени (Пр.по БТ и МВ 8 гв. А - № 043/4 от 15.02.1945). Чуть позже, при перезахоронении на советском военном кладбище в г. Познань-Милостово (могила № 8/8, порядковый номер 1226), при смене надгробной плиты павшим Советским воинам, освобождавшим г. Познань (Польша), на Цитадели произведена надпись на русском языке: «Вечная Слава Героям - гв. сержант Бейлин Ю.Е. 1925- 1945». Его объявили Национальным Героем Польши с вручением моей маме в 1975 г. его Серебряной медали «Братство по оружию» и занесением его имени во второе издание книги «ПАМЯТЬ» (сообщение из Польши 00-976 Варшава 13 skr.77) - имя его я и ношу с победного 1945 года...

Так наша семейная память преломилась в строки поэмы на военную тему, оценить которую я предлагаю читателю сегодня.

Кстати, неожиданно для себя из журнала «Русский инвалид» (№ 1 (166) 2010, стр. 26) узнал, что строки этой моей поэмы приводил на встрече с ветеранами Великой Отечественной войны Сергей Миронов, будучи Председателем Совета Федерации - что мне, конечно, было очень приятно.

Война

Поэма

Среди сыновей тигра не бывает псов.

Восточная поговорка

Часть 1

Войною взорван мирный сон,
Земля становится седою...
Противник яростно силён,
Границу оставляем с боем...
Мы отступаем... как же так?..
Невероятно, но случилось –
Сильнее оказался враг,
Как нам и в страшном сне не снилось.
«Ни пяди мы не отдадим!» -
Я помню, с детства нас учили...
Относит ветер чёрный дым:
«Россия, матушка Россия?!»
Я вижу твой немой укор,
Усталый взгляд... а что ответишь,
Когда Судьбе наперекор
Отцов сменяют в роте дети?
Почти что те же рубежи,
За боем - бой, а мы ни с места...
У нас чуть – чуть гранат, ножи...
А против нас «машина смерти»...
Снарядный визг в окоп швырнёт,
И жизнь становится короче –
Бедою в каждый дом войдёт,
Отметившись бессонной ночью.
Но, как бы всем смертям назло,
Не допуская середины,
Теперь и город, и село
Возмездья требует Берлином...
И пусть ещё далёк тот путь
Дорогою в четыре года,
Вдыхая свежий ветер в грудь,
В Победу верил я и в Бога.
Опять средь грохота и рёва
Фашистский танк попёр с утра...
Я огрызаюсь «Дегтярёвым»...
И вдруг солдатское: «Ура!..»
И сразу скулы стали жёстче,
Расширились зрачки мои,
И нет уже знакомой рожи,

Где прежде пели соловьи,
Как будто молнии удар,
Была атака, как пружина –
За взрывом – взрыв... огня пожар...
Игольчатая зыбь по жилам...
Идёт нелёгкая работа:
Сегодня так же, как вчера,
Через промёрзшее болото
Дорогу метят снайпера.
Летит снаряд один, другой...
Относит ветер дым сраженья...
Ну, слава Богу, я – живой!..
И ненависть, как вдохновение...
И вид у фрица стал вдруг плох,
Вокруг на всё он смотрит люто,
Он был расстроен, он оглох,
Когда на фронт пришли «Катюши».
За зло пришлось держать ответ,
И ход боёв уже менялся,
И начинался счёт побед,
Что многократно умножался.
Всё чаще от «Информбюро»
Мы получали сообщения,
Что нам, конечно, тяжело,
Но в результате нет сомнения.
И партизаны Белоруссии,
Как та же воинская часть,
Вставали в бой за землю русскую,
Где кровь их братьев пролилась.
Здесь воевал и млад, и стар,
Одной Судьбою неделимой
Войны, чей огненный пожар
Мир разделил наполовину.
По фронтовым дорогам длинным,
Где потом залита земля,
Шла и родная Украина –
Вторая родина моя.
За каждый дом, за каждый метр
Сражался с львиною отвагой
Простой советский человек,
Движимый чувством долга: «Надо!».

Поднявшись с лозунгом «Вперёд!»,
Солдатской Славы был достоин
И тот, кто грудью лёг на «ДОТ»,
И кто один был в поле воин.
На перекрёстке ста дорог,
Где Саксагань-река кружится,
Есть славный город Кривой Рог,
В бараний рог скрутивший фрица.
Здесь, встретив русские штыки,
Он овладел другой наукой:
Не «Хайль!» кричать, поднявши руку,
А сразу вверх аж две руки...
Здесь немец выиграть не мог
Уже лишь по определению –
Забыл Истории урок:
«Не быть России на коленях!»
Сам Бисмарк их предупреждал:
«Читайте, господа, Историю,
Что русский духом побеждал,
И воевать бы с ним не стоило...»
А бой стремительно вперёд
По нарастающей катился...
И вот уже пришёл черед
Нам возратить свои границы.
Уже родные города
И безымянные деревни
Мы отстояли и тогда
Вступили на чужие земли.
И серпантин дорог войны
Провёл нас через всю Европу:
«Спаси нас, Бог, и сохрани!..
О, рус-солдат, моя свобода!..»
Кто побывал здесь, тот едва ли
Забудет и на склоне дней,
Как мы с тобою воевали
Во славу Родины своей!
Проклятая столица зла –
Берлин (в народе: город мрака!..) –
Сюда России мощь вошла
Ногой советского солдата!
И в самый первый, мирный сон,
Как верилось давно когда-то,
Солдат спал, удовлетворён
Развалинами Рейхстага...
История моей страны
Примеров видела немало,
Когда отважные сыны
На грозном были перевале.
А вспомним города-герои...

А 900 блокадных дней?!
Не перечеть пути - дороги
Во славу Родины моей!
Моя земля, моя страна
Вовек тот подвиг не забудет –
Уйдёт в Историю война,
Но неизменной память будет!

Часть 2

Любовь моя, Отечество моё,
Моя Россия – женщина святая,
Я праздную величие твоё –
Твою Победу в день девятый мая!
Не видел я ни пепла, ни огня,
Родившийся в победном 45-м...
Но та война коснулась и меня –
Я сыном был окопного солдата.
Его рассказы – боль фронтовика –
Мне были как уроки первых книжек,
Где красная заглавная строка:
Какой ценой возможно было выжить?!..
Покуда мы, крещённые огнём,
Врага утопим в пенящемся море,
И Гитлера из памяти сведём,
Страна в слезах своё утопит горе.
Нельзя утешить плачущую мать,
Ничто потери сына не заменит...
А лейтенанту было двадцать пять,
И сердце той беде еще не верит.
О, сколько их, мальчишек той поры,
Ушедших на войну, не возвратилось...
Девчонок, повзрослевших до поры,
Слезами материнскими омылось!..
Здесь судьбы мира взвешивались строго:
Победу нам даёт лишь кровь и боль...
Дорогою, длиной в четыре года,
Прошли, Европу заслони́в собой...
Была примером битва за Москву,
Где наш солдат сражался и не дрогнул,
И каждый, наступив на «не могу!..»,
Почувствовал себя за бой тот гордо!
И ленинградцы, взяв блокады груз,
Держались с удивительным упорством...
Им помогал тогда весь наш Союз,
Опять же испытал за стойкость Гордость!..
Твой беспримерный подвиг, Сталинград –
Те 200 дней, перемоловших фрица,
Что сдался в плен и был безумно рад,

Что худшего уже с ним не случится...
И вот – 44-й год... зима...
Январский день и – прорвана Блокада!
С великой благодарностью страна
Дала Салют героям Ленинграда!..
Так наступил великий поворот –
И ход боёв теперь уже менялся,
Хоть День Победы был ещё далёк,
Но в нём уже никто не сомневался...
Он вспоминал блокадный Ленинград,
Когда шагал до самого Берлина
И памятный «Катюш» гвардейский залп,
Который о Победе возвестил нам.
Дождались мы хрустальной тишины
Девятого, проснувшись утром рано...
Но то был не последний день войны,
Ещё не все зажили наши раны...
И был дальневосточный эшелон,
Что увозил отца бить самураев,
Тот самый – справедливой силы звон,
Который злу надежды не оставил.
Так было, есть и будет навсегда:
«Кто к нам с мечом – тот от меча погибнет!..»
И красная кремлёвская звезда
В солдатском сердце отзывалась гимном.
Через окопы, рвы и блиндажи
Молитвою, легендою, стихами
По фронтовым дорогам вместе шли
Сквозь мир, что где-то рухнул за плечами.
Великий День Победы был нам дан,
Мы почестей за будни не просили,
Солдатскою наградой были нам
Честь, Слава, Доблесть, Торжество России!
Смотрю с балкона праздничный Салют,
Как красками расцвечивает небо...
Сейчас ещё раз сам себе налью
Сто грамм, чтоб выпить, стоя: «За Победу!..
За деда, за отца и за соседа –
Тех ветеранов, что прошли войну
И сберегли нам праздничное небо,
И эту жизнь, которою живу...»
Мне есть с кого учиться быть в строю,
Перетерпеть от самой страшной боли,
Чтоб, стоя у Планеты на краю,
Итожить: этой жизни был достоин!
И, вспоминая праздничные дни,
Я поклонюсь седому ветерану,
Родившийся в последний день войны,
Его в себе ношу сегодня раны.

Я видел много пепла и огня:
Чернобыль – это тоже поле боя...
Берлин горит – огонь вошёл в меня...
Друзей моих моё постигло горе...
И в тишине, почти что гробовой,
Мы, два солдата – я и мой отец,
Как клятву, повторяли: «Подвиг твой -
Бессмертен, как Весны Победы цвет!»
Но нет теперь и моего отца –
Не выдержало сердце у Солдата...
И в этот День Победы бьёт слеза,
Потерянная в праздник им когда-то.
И сколько б ни прошло далёких дней,
Немало поменялось поколений,
Но цвет Весны и воинских побед –
Действительно великое явление!
Святая память бережно хранит
Далёких дней России нашей Славу,
Парад Победы душу бередит,
Вселяя гордость за свою Державу!

Часть 3

Но что-то в мире вдруг произошло:
Ведь умер мой отец за океаном...
А вместе с ним ушло и то тепло,
Которым в детстве согревал меня он.
Он Родину свою не предавал,
Но предпочёл уехать за границу,
Чем жизнь свою продлил на радость нам,
Успев воспоминаньем поделиться.
«Там чтят героев наших и своих –
Они на государство не в обиде,
Там всё вниманье отдано для них –
Ни одного из списка не забыли...»
Высокий пенсион там был для всех –
Полмира посмотрел морским круизом...
И ветеранский орден – ЗНАК ПОБЕД –
Грудь украшал солдата-инвалида.
Он был в почёте, уважаем был:
Такси к подъезду и – гуляй по городу...
Особенно он льготу ту любил,
Когда нога болела в непогоду...
Часа четыре он в большом Нью-Йорке
Катался, удивлялся и завидовал...
Нет, не подачка это – чувство гордости,
Которой раньше никогда не видывал.
А старенькая мамочка моя
Всё чаще о Блокаде – дни и ночи...

Что имя брата я ношу не зря,
А он погиб, освобождая Польшу...
Ей каждая медаль – воспоминание:
У ней - свои... а у меня – иные...
И встречи приближают нас к прощанию,
Взывая, чтоб об этом не забыли.
Уходят ветераны, как ни жаль –
Их догоняют раны боевые,
Но главное, что мучит их печаль,
Что чувствуют изгоями иные.
По праздникам им громкие слова,
Подарки, и почёт, и уважение,
А жизнь, что подарила им Судьба,
Достойна, извините, сожаления.
Герои почему-то не в чести
На повседневных буднях, в прозе жизни,
Редуют их ряды не от войны –
Как жить им без потерянной Отчизны?
Какие надо подобрать слова,
Какой ценой отметить этот подвиг?
Болят от напряженья голова:
Ведь каждый день они от нас уходят...
Ещё чуть-чуть, совсем немного лет,
И тех – из боевых – уже не станет...
Лишь доблесть завоёванных побед
Должна нам сохранить об этом память.
Им памятники нужно повсеместно –
В граните, в бронзе, в дереве, другие...
Они отдали жизни безвозмездно,

Так почему мы к жизни их глухие?
Другое время – люди и дела...
Но снова беспокойно в этом мире,
Пока есть память и страна жива,
Никто у нас Победы не отнимет!
В мою ложатся память тяжело,
Что жить в моей стране сейчас «не очень...»
Хоть та война сегодня далеко,
Я болен ею очно и заочно...
Но через расстоянья и века
Я верю: жизнь сумеет измениться...
В моей руке внучат моих рука,
Для них война – истории страница.
И надо так её им рассказать,
Пока ещё не поздно поделиться:
Когда спокойно сможешь жить и спать,
Тогда и сможешь Родиной гордиться.
Здесь многое зависит от того,
Кто завтра заступает нам на смену –
Они должны нести в душе тепло,
Как свежий ветер вносит перемены.
Им есть с кого сегодня брать пример,
Традиции для связи поколений,
Их ждёт ещё немало разных дел,
Полезных для страны и откровений,
Свет молодых сердец откроет мир,
И засияет он другими красками,
Салютами ворвётся он в эфир
Прославить подвиг русского солдата!

Памятник

Поэма

Друзьям моим – припятчанам
и соратникам по ЛПА на ЧАЭС

Город Чернобыль до трагических событий апреля 1986 года был известен разве что специалистам по Древней Руси (впервые он упоминается в документах 1193 года), да в пределах Украины. Ныне его знает весь мир, и на всех языках слово это звучит одинаково, как Чёрная Быль... Как знак тревоги и беды.

Как давит эта атомная пыль!..
Как тяжелы пустынные дороги...
На языках миллионов Чернобыль
Стал центром человеческой тревоги.
Они любили Припятть, как никто...
Здесь благодатный край земли полесской
Той страшной ночью превращён в ничто
На многие года, почти навечно.
Нам надо было это пережить,
Миллионы судеб «бэрами» измерить,
Чтоб никогда – не дай Бог – возратить,
Имея горький опыт на потери.
Но, к слову, здесь сказать и о другом,
Не умаляя подвига отважных :
Легко быть умным, ежели потом...
Труднее – ежедневно чтоб и каждый...
Бесценен добровольческий порыв,
Военных дней проверенное братство –
Как верно испытал нас этот взрыв,
Жестокостью отметив и коварством.
Узнали «кто есть кто?» мы без прикрас:
Событья экстремальные проверили...
Разбросано, разорвано и в нас –
Тернистою дорогою выросли мы.
Звенело и трещало на «зашкал...»,
Зажал реактор в клещи основательно...
Делений нет измерить радикал,
И горечь эта очень показательна.
Чернобылем мы все обручены –
Сейчас и впредь зависим друг от друга,
В процессе термоядерной войны
Не вырваться уже из центра круга.
Нам атом предъявляет строгий счёт:
Кого из нас затащит в центр вращения?
Кто никогда не станет жить в «зачёт»?
Кто в сторону сбежит при наступлении?
Нам надобно ещё суметь постичь,
Осмыслить всё, что сделалось, что случилось?
В шеренге первой - двадцать восемь их...
А сколько за шкалой любви осталось?
А как многострадальная земля,

Которая зовётся Белоруссией?
Ведь это тоже – кровь и боль моя,
Где радионуклиды всё разрушили...
Россия - девятнадцать областей
Отмечены на карте зоной бедствия...
И это тоже – крик души моей,
И это тоже – страшные последствия...
И Украина, бедная моя,
Пожаром палённая вселенским
На сотни лет зелёная земля,
Закрашенная ныне рыжим цветом...
Какой обман, какой жестокий рок
Мою страну любимую преследует?
Рука дрожит – читаю между строк,
Какой же вывод нынче сделать следует?
Десятки лет... А больно, как тогда...
И дело чести – память о погибших...
Напоминаям страшным та беда,
Но разве дело только в обелисках?
Одиннадцать пожаров за пять лет...
А «вдруг» узнали только о последнем –
И то в газетах: то ли есть, то – нет
Какие-то там радиопоследствия?..
Мы, как ни странно, продолжаем врать,
Хоть узнаём про новые несчастья,
А миллионы судеб вновь, опять
Нуждаются в заботе и участии...
«Спасибо всем, кто поддержал «Закон...»,
Но надобно, чтоб он не на бумаге,
А в сердце человеческом самом
Задел души известные зигзаги.
Мы делали особую работу
Задачей главной – станцию спасти,
Не думая о подвигах и льготах,
Но зная, что иного нет пути.
«Год за три...» засчитали нам на счёт
Изломанной Судьбы, болезни разной,
Обугленной души... - я вынес всё...
Как жить теперь? – вопрос совсем не праздный.
В те чёрные беды всеобщей дни
Я был в одном строю, с кем Честь и Совесть,
Где «за ценою мы не постоим...»,

Но наш дозиметр истекает болью.
Свой каждый шаг сверяя по нему,
Сегодня я, увы, не понимаю,
В какую это сложную игру
События последние играют.
Нас попрекают льготами за то,
Что мы на поле минном не взорвались,
Что выстояли против всех невзгод,
Когда был враг невидим и коварен...
Мы верили известиям газет,
Что «грязь» надёжно остаётся в «зоне»,
Что через год – другой, через пять лет
На Украине смогу жить спокойно.
Расслаблен нерв Чернобыля, но вот –
Статья в газете, словно крик о помощи...
И снова я бежать на взрыв готов,
И заклинаю тем, что знаю: «Помните!..»
Чем больше от беды проходит лет,
Тем боль моя во столько раз острее –
Сколь выдержит ещё наш человек,
Когда он станет, наконец, умнее?
Участник-«ликвидатор» на ЧАЭС,
Последствия аварии не кончены –
Вчера, сегодня, через много лет
У каждого из нас своя обочина...
Пометил всех нас страшный изотоп,
И радионуклиды обещают
Страданий и мучений долгий срок...
Увы!.. - ошибок атом не прощает!
Тогда казалось, что сейчас конец...
Теперь понятно, что ещё нескоро...
Тревожно мне за судьбы тех сердец,
Кто нам вослед печальною дорогой.
И никакие льготы не спасут,
Здоровья никому уж не прибавят,
Но, может, поимённо назовут
Виновников Чернобыльской аварии?
А то был скорый и неправый суд,
И отыгались на невинных людях...
И как же им теперь в глаза взглянуть?
Как доказать им, если кто осудит?
Как трудно подобрать сейчас слова –
Всё, связанное с Атомною, свято...
Здесь наша боль, здесь наша скорбь легла,
Здесь сыновья и Родины солдаты.
И есть одно, священное для всех:
Знакомое до боли слово «Родина» -
Вот почему о памяти ЧАЭС
Дорогами войны вопросы пройдены.
Спасённый Киев – древний стольный град,
И вы, мои соседи – «коммунальщики»:

- Чуть-чуть вниманья к тем, кто через ад...
И это будет самый лучший памятник.
Особой метой нынче календарь –
Печальный день весеннего апреля...
Оглядываясь в прожитую даль,
Я чувствую: остановилось время...
Как много, чёрт возьми, досталось нам!
Полмира карта «пятен» тех задела...
Окажется ль орешек по зубам
За эту чертою беспредела?
Почтим, друзья, святую тишину
На всю страну минутою молчания!...
Сумели же переступить черту
Безмерного народного отчаяния.
Чернобыль... Припять... - вечные слова,
Они паролем для друзей и близких...
Гудит от напряжения голова
Фамилия бесконечных списков...
А сколько только нынче узнаем?! –
Период их полураспада страшен...
И дети, опалённые огнём,
Родившееся поколень наше...
Я вспоминаю телемарафон –
Единство душ, охваченных бедою,
Наверно, лучшим памятником - он ,
Неповторимый в нынешней Истории!
Мир озабочен: как бы нам помочь
Закрывать тот Богом проклятый Чернобыль,
Чтоб никогда не наступила ночь,
Чтобы не брать у Саркофага пробы...
Теперь пора вести другой отсчёт:
Та «зона» долго будет мертворожденной...
Но это означает только то,
Чт мы прорвёмся, выдержим, способны
Пересмотреть в самих себе изъян,
Поднять защиту, строже стать и чище...
Такой ценой оплаченный обман
Не может обернуться обезличьем.
Всему есть срок - еще наступит день,
Когда увидим фейерверк Салюта
Во дравье тех, кто выдержал ту тень,
Когда шёл счёт на доли от минуты.
И Знак «УЧАСТНИК...» изо всех наград
Особой будет пользоваться льготой:
- Был сопричастным... или же вот так:
Он - реквием по матушке-пехоте...

1991- 2016

Мы помним!

(написано к 20-й годовщине аварии на ЧАЭС)

Знаком «За ликвидацию...» тех, кто шагнул в огонь,
Выживших в радиации и возвратившихся в строй,
Через двадцатилетие – вроде бы всё и правильно...
О тех, кто шагнул в бессмертие, строчки мои израненные.
Не просто огонь и атом – реактор там был с дырой...
Он стал настоящим адом, вселенской большой бедой.
Когда разъярённый пар ужас принёс живым,
Атомный этот жар «шарик» заморозил...
Облако из тревог сквозь бесноватый дым
Нам отмечало срок в схватке лихой за жизнь.
Предупреждая крик: «Как же Земля красива!..»
Встал по-над Припятью взрыв невероятной силы.
И наша история «До...» стала историей «После...»
Было тогда нелегко, стало ли нынче проще?
Страшное - позади?! Душу терзает боль:
Где вы, друзья мои, - те, что вступили в бой?
Достойные лучших строф, баллад и прекрасных песен,
Дел малых и катастроф герои и неизвестные...
Теперь уж яснее ясного, что, жертвуя там собой,
Мы здесь породнились ярко одной военной судьбой.
Мы - общество «ливидаторов»... и память у нас одна:
Тогда, когда было жарко, нас всех позвала война.
Солдаты борьбы с радиацией отмечены общим крестом –
Последствия наши ужасные... отличия – только концом...
Повержен невидимый враг... Уверенный в полной победе,
Я возвратился назад, откуда никто и не верил.
Теперь мы – облучены, достойные дети России...
Теперь мы обречены... Мы - помним. Другие – забыли.
Очень непросто всё и через двадцать лет –
Памятью этот счёт чёрный оставил след...
Рвётся к лицу огонь, к сердцу прорвался атом...
Судьбы детей и жён – чем они виноваты?
Горе рыдающих вдов, памятные медали...
Снова взрывается блок, души уже устали...
Вновь к памятнику иду двадцать шестого апреля –
Грех мне ругать Судьбу: живу, сам себе не веря...
А сколько уже в земле? А сколько в больничной койке?
Тревожно тебе и мне на той переключке горькой...
Я выстрадал эти строки и право на них имею:
Друзья, что сгорели в блоке, в тревожное жили время.
И нам седины досталось, и боли непереносимой...
Единогостра солдататы теряют последние силы.
Такой наш жестокий «праздник», такая сегодня жизнь –
Чернобыль тревожит и дразнит... Ах, как же нам хочется жить!..
Не «бью» я слезу, не плачу – задача моя иная:
Если что-то я в жизни значу – из ЧАЭСа произрастает.

Чернобыльцы, мои братья: последствиям нету срока...
При встрече рукопожатие имеет особую гордость!
Живём мы за тех пожарных и всех, кто закрыл собою
Этот больной реактор, в бессмертье шагнув героем.
По центру Креста «Участник...» недаром же - капля крови...
Мне – честь, что я был причастен, обидно мне за другое:
Когда было очень надо, обещано было много...
Сегодня моя награда как будто бы мне укором...
«Закон...» уже похоронили, льгот больше не существует -
Кому нужны наши были?.. И что теперь с нами будет?
Бессмысленным стал наш подвиг, чужие долги оплачены...
Другие забыли... Мы - помним. Не зря двадцать лет потрачены.
О, сколько пришлось испытать в судьбе злых интриг и подставок!..
Трудиться, любить и прощать – моё сокровенное право!
Чернобыль – и правда, и – ложь:здесь всё непонятно и сложно...
Одно достоверно, что зло – забыть его невозможно!
Из города умерших снов мы выбрались, еле живые,
Спасая страну и любовь, став времени раньше седыми.
И мы ещё скажем себе, друзьям своим - однополчанам:
«Как ни было трудно в беде, мы выстояли!.. И – ладно.
Потомкам оставим пример, что Родина – это святое...
А всякий функционер когда-нибудь встретится с горем.
И горе ему, и беда, когда и он тоже услышит,
Что «...ваша беда – не беда... Простите, но так уже вышло...».
И новый чиновник решит, кому и какие награды...
А я просто радуюсь: «Жив!..», и это – великое благо!

2006

Памяти друга Александра Смира

Великий СМИР... Отличные «Шуризмы...»
Всегда распахнут радостью к друзьям,
Вся жизнь его – служение Отчизны...
Отмеченный талантом «Божий дар...»

Он молод был и сердцем и душой,
Был переполнен планами на «завтра...»
И вдруг столь неожиданный уход
Туда, откуда нет пути обратно...

Летают чайки низко над Невой –
Любимый город плачет по Поэту...
Его стихи теперь всегда со мной,
Но не уходит боль моя при этом...

Я вчитываюсь в «Сашенцы...» - стихи,
Обратно возвращаюсь к тем «Шуризмам...» -
Как коротко и образно они
В две – три строки вложили смысл жизни...

И юмор в них, ирония к себе,
К тому, что видит сердце и печалит ...
Сегодня открываю их везде –
Как мог не различать их изначально?

Прощай, мой друг!.. ты будешь нам пример,
Как надо жить, распахивая сердце,
Твои стихи и книги «Петраэдр»
Продолжат жить оставленным наследством...

27 марта - Международный день театра

Актёрам хочется любви,
Аплодисментов и удачи...
Чтоб сердце прыгало в груди,
Захлёбывалось ролью Счастья...

Актёрам хочется любви,
Удачно встретить режиссёра,
Чтоб воспылал огонь Игры,
Что жаждет он на сцене новой.

Сегодня, завтра и всегда
Творит молитву неземную,

Чтобы вошла его ЗВЕЗДА,
И к ней коллеги не ревнуют.

Театр – дом... Театр – жизнь...
Театр – божественное чудо...
Вошёл на сцену и – держись!..
Здесь звёзды светят отовсюду...

И надо научиться ждать
Той – самой главной в жизни роли,
Когда сумеешь смысл понять
И боль, и радость у героя.

Тогда откроется тебе
Внутри дыхание второе,
И ты пойдёшь с ним по Судьбе,
Не отличимый от героя.

Тогда друзья по сцене: «АХ!.. –
Как точен сыгранный им образ!..»
У всех признание на губах,
И ты испытываешь гордость.

Теперь ты свой... Талант и труд
Достойно встречен Режиссёром,
Теперь тебя на сцене ждут
И верят: Будешь ты Актёром!..

Ты принят в славный коллектив,
Теперь идти «вперёд и выше!»
Ложится на душу девиз,
Которым твой театр дышит.

Растёт волнение в груди –
Премьеры новой роль досталась...
Актёрам хочется любви,
Признанья публики из зала...

Надежда – бог грядущих дней...

Надежда – бог грядущих дней...
Я знаю: сердце не остынет –
Любовь живёт в душе моей,
Хотя потом ломает крылья.

Вчера – я знаю: не вернуть...
Про завтра – я не понимаю...
Какой тяжелый это путь:
В любовном пламени сгораю.

Неисполнимые желания
Мне долго не дают уснуть –
Волной идут воспоминания,
Что нагоняют в теле грусть.

Как выжить в мире беспредельном,
Простить предательство любви?
Где взять слова для новой песни,
Забыв признания твои?

Надежда – Бог грядущих дней,
Мы верим: всё ещё случится...
И снова радуга огней
Улыбкой нам согреет лица.

Взамен исчезнувшей любви
Прибудет новый луч надежды,
И губы тёплые твои
Меня обрадуют, как прежде...

И будет час, и будет день,
И ночь, похожая на Сказку...
Ты открываешь в счастье дверь –
Ответом вспыхнувшую ласку...

О, дай мне Бог, переболеть тобой...

О, дай мне Бог, переболеть тобой,
Твоей любовью ласковой и нежной –
Два полюса связав одной Судьбой,
Не потеряв ни веры, ни надежды!..

Я знаю: никогда не откажусь
От твоих божественных объятий,
Ты мне - как единственная грусть,
Ты мне – как единственное счастье.

Ты мне – словно воздух, целый мир,
Ты мне – бесконечное начало,
Ты – моя симфония любви,
Ты мне – возвращение к причалу...

Но не изменить событий ход –
Ты уже давно Судьбой чужою...
Дай мне Бог, твой пережить уход,
Подождать, как боль моя проходит...

Дай мне сил, что разум мой постиг
Вновь в твои глаза смотреть без муки...
Пережив с тобою счастья миг,
Выжить в бесконечности разлуки...

О, дай мне Бог, переболеть тобой –
Той весны нам не вернуть обратно...
А сегодня давит летний зной –
Так опасны солнечные пятна...

Давай дождёмся...

В моих стихах живёт любовь –
Я только ею и спасаюсь...
Она одна волнует кровь,
Года обратно мне считает.

Я верю, что ещё могу
Создать нетленную поэму,
Где всё как будто наяву,
Где Сказки дарят перемены...

Хочу туда, где молод был,
Где были силы безграничны,
Где сам любил и был любим,
Где знал, что будет всё отлично.

Но жизнь иной даёт сюжет –
Года уходят безвозвратно,
И не могу найти ответ
На свет твой лучезарно-яркий...

Призыв твой ясен мне без слов,
Меня он манит бесконечно,
Но нету сил, и нет стихов –
Душа как будто вмёрзла в вечность.

Зимой мне холодно... увы!... –
Давай дождёмся звон капли,
Той – лучшей для меня поры:
Весны и соловьиной трели...

Виктория ЛЯВДАНСКАЯ

Раздвоение

Покинь меня и мне не верь.
Я злая ведьма из страшной сказки.
Тебя не я, а моя тень
Волшебные дарила ласки.

Ты с нею был, её любил,
А я тихонько колдовала,
Чтоб с нею ты про всё забыл.
Мне это радость доставляло.

Ведь не способна я любить
И лишена всего святого!
Лишь тень свою заставить быть
Могу любой, и то недолго.

Уже устала колдовать
И с тенью вновь соединяюсь.
К добру не стоит призывать -
Я на него не откликаюсь.

Я не достойна твоих чувств
И колдовство с тебя снимаю.
От зла свободным будешь пусть -
Я на глазах твоих расту.

Освобождённый от любви,
Мной наколдованной бесстыдно,
Легко меня забудешь ты,
Возненавидев очень сильно.

Ты вскоре счастье обретёшь,
Достойную себя полюбишь.
И жизнь прекрасной назовёшь,
И горя знать, поверь, не будешь.

Что хочешь думай обо мне.
С тобой придётся нам расстаться.
Раскрою тайну я тебе:
Не нужно к ведьме прикасаться!

Не сможешь поцелуем ты
Её любить себя заставить,
А добрым ангелом мечты
Колдунью трудно мне представить.

Сражаться с нею смысла нет.
Она всё время побеждает
И, кроме зла и всяких бед,
Колдунья ничего не знает.

Она — сама себе судья
И для неё все люди — куклы,
В которые она, шутя,
Играет просто так, от скуки.

Тебе не сделать из неё
Прекрасной, доброй, нежной феи,
Хоть ты и полюбил её,
Хоть ты в любви сам Бог и Гений!

И если вдруг она тебя
Сама спокойно отпускает -
Забудь и скройся навсегда,
Тут случай лишь тебя спасает.

Соблазн

Облако пушистое спряталось в тумане.
Нити золотистые невидимкой стали.
Ветер шепчет ласково, соблазнив берёзу:
«Ты попробуй сдвинуться и узнаешь пользу».

А бедняжка мучилась, до земли клонилась.
Страшно ей, но всё-таки на слова польстилась.
Закачалась, вздрогнула, рухнула на землю!
И от боли ветви протянула к ветру:

«Помоги мне, милый!» - слёзы покатались -
К ветру, умирая, жалобно взмолилась.
«То, что так случилось - не моя вина.
Виновата в этом только ты сама», -

Ветер пробежался по её стволу. -
«Ты не обижайся, я перешагну», -
И пустился дальше с листьями играть,
Чтобы незаметно все листья сорвать.

Без названия

Как по утрам трава росу роняет,
Так слёзы падают мне прямо на ладони.
Безмолвно так печаль свою скрывает
Несчастный путник, сбившийся с дороги.

И ошалелый ветер с ног сбивает,
И холодеет сердце от тревоги,
А где-то в вышине звезда сверкает
Последний раз... и падает мне в ноги.

С себя безжалостно одежды все срывает.
Природа застывает на пороге
Моей души несчастной... И вится
Дух Страшного Суда. И плачут боги.

Татьяна СОРЕНСЕН

Дания

Мой Петербург

*Давно бы надо не летать.
Давно бы надо приземлиться.
И эту бывшую столицу
Такой, как есть, воспринимать.*

Символ этого города – крылья. Крылья ангелов, крылья грифонов, крылья мостов. Они очень разные – эти крылья. Крылья бесплотных существ – ангелов, охраняющих, защищающих, поднимающих духовное над физическим.

Крылья грифонов – хранителей золота. Тоже охраняющих, но материальное, прикованных цепями к земле, к материальному миру, в котором мы явлены.

Крылья мостов - они сложены днём, давая жить этому городу, связывая его острова. Они взлетают только ночью. Эти крылья разъединяющие. Они висят над Невой и дают дорогу другой жизни - ночной, дорогу другим путям - водным, не преграждая, но разрешая. Но они разделяют город ночью и живущих на его островах людей. Это крылья разделяющие.

Крылья города - благословляющие, материальные и разделяющие. Чтобы жить в этом городе нужно иметь крылья. Чтобы взлетать над суетой, пустотой, предательством, разрухой, брэнностью, чтобы видеть вечное.

Я выращивала крылья в этом городе и летала над ним, любя его всей душой, жалея, понимая, принимая безраздельно. Эти полёты таили падения, но познав чувство полёта, хотелось летать опять. А когда крылья окрепли, и вдруг задул большой ветер перестройки, разрушивший всё в этом городе духовное, да и материальное, разрушив ценности, с которыми мы жили – дружбу, любовь, надёжность, веру, доверие, сострадание, благодарность – ценности, без которых человек не может быть человеком – существом, соединяющим в себе духовное и физическое, душу и тело, то эти крылья унесли меня далеко от моего родного города. И приземлили в другой стране, стране, которую мы знали потому, что в ней жил

величайший сказочник – Г.Х. Андерсен. Стране, где не увидишь крылья на улицах. Здесь не летают, здесь твёрдо ступают по земле. Но эту землю здесь любят, охраняют, берегут. Ею гордятся. Здесь ухоженные леса и поля, а города – очень чистые, не разрушенные историей, но её впитавшие. Только привыкнув к ощущению полётов, здесь жить трудно. Материальное царит и подавляет, и приковывает цепями к земле. Здесь хорошо быть грифоном, но не ангелом. Здесь вдруг остро понимаешь, почему эта страна родила Андерсена. Здесь не хватает сказок, романтики, чудес. И он придумал их. И стал символом. Гордостью. Но это не значит, что его понимают и чувствуют. Понимаем, чувствуем и живём в его сказках скорее мы. Он больше наш, чем их. Как ни странно.

Но я ведь хотела рассказать о Питере.

Это город крестов. Они здесь кругом. Парящие в небе и покосившиеся на неухоженных кладбищах. Этот город и сам крест, и судьба у него крестная. Он менял имена. Какой другой город в мире поменял всего за 300 лет существования 4 раза имя, пробыв 200 лет из них столицей. Его недаром называют город-призрак, город-фантом. Кресты охраняют его, благославляют. А сколько их сняли, порушив храмы и разрушив души и судьбы. История его – боль и скорбь, но торжественная, облачённая в золочёные декорации куполов, крыльев, крестов, прямых, как струны улиц и проспектов, спокойной торжественностью реки, заключённой в гранит, речек и протоков, превращённых в каналы, и окованных решётками набережных. Но свернув с набережных, здесь попадаешь во дворы – колодцы, заброшенные, мрачные, неухоженные.

Это город огромных контрастов, и они здесь на каждом шагу, не давая душе успокоиться и отдохнуть. Но ведь ей и не надо успокаиваться. Только хочется дать ей побольше радости и поменьше боли.

Писать стихи меня научил мой город, вручив крылья и научив душу взлетать над суетой, восхищаться и сострадать. Жаль, что теперь эти крылья слишком редко заносят меня сюда.

* * *

И этот город необыкновенный,
Он, переживший рай и ад,
Из шпилей состоящий и оград,
Был создан из мечты и вдохновений.

* * *

Живут на свете чудеса,
А мы шагаем где-то рядом,
Смотря на все тяжелым взглядом,
Не замечая небеса.

Не устремляя взор к крестам,
К летящим в небо острым шпилям,
И к золоченым куполам,
Что этот город осенили.

Бредем по жизни кое-как,
А чудеса проходят мимо,
И тают в вечности незримо,
Пока нам в жизни все не так.

И я вступаю в мир чудес,
И этим миром восхищаюсь.
И вместе с ним преображаюсь,
И слышу музыку небес.

* * *

И Спас застыл над водами канала,
А рядом шумный Невский в суете.
Там всё не то и все не совсем не те,
И только здесь эпоха устояла.

Эпоха словно чудом замерла,
И строго отражаются в каналах
Дома, хотя и в их просторных залах
Ох, как давно не блещут зеркала.

И лишь старинные фасады
Напоминают о былом.
Литых решеток медленный излом
Зовет нас в тишь Михайловского сада.

Того, увы, запущенного сада,
Где отлучает нас от суеты
И лечит от духовной пустоты
Гирляндами увитая ограда.

* * *

И чтобы всё не начинать сначала,
Ведь впереди холодная зима,
Убрали тихо пристань от причала.
Я от причала отошла сама.

* * *

А той земле, что под асфальтом скрыта,
Давно не страшен ни мороз, ни зной.
От непогоды навсегда укрыта.
Осуждена на вечнейший покой,

Она забыла чёткий звон капели,
Шуршанье листьев, холодность ночей.
Она давно забыла вкус дождей,
И как порой бывают злы метели,

Она забыла, как легко жила,
Как одевалась яркими цветами,
Как ожидала внешнего тепла,
И как дышалось ей под небесами.

И все-таки она еще жива.
И вестников нет-нет, да посылает.
Сквозь толщину асфальта прорастает
Весною очень нежная трава.

* * *

Этот город Петров,
Эти крылья мостов,
Эти лики святых на соборах,
Желтый цвет куполов
И колодцы дворов,
Этот ветренный город,
Который мне дорог.

И застывший в ночи
Вижу Спас-на-Крови.
Дремлют воды в каналах.
И кричи не кричи -
Не дождешься любви,
Не начать все сначала.

Город львов и коней,
Город белых ночей
И крестов вознесенных.
Город бывших царей,
Город тяжких цепей,
Город дум обреченных.

* * *

И золотистый шпиль так остро врезан
В прозрачно-синий, чистый небосвод.
Парит над городом, назло всем бедам,
Лучистый ангел, глядя на восход.

И каждый день приветственно нам машет
Оттуда золотым своим крылом.
А сколько видел бурь - нам не расскажет.
Наш каждый день благословляет он.

А если над Невой бушует ветер,
И вдруг так одиноко на земле,
Он помогает жить на этом свете
Такой же одинокий в высоте.

* * *

Ну вот, и кончилось внезапно бабье лето,
И осень, жестко взяв свои права,
О чем-то горько плачет до рассвета,
А утром обрывает деревья.

* * *

Душа перестала болеть.
Все выжжено, словно в пустыне.
Привычно иду по равнине
И некуда больше лететь.

Ведь в мире, лишённом смысла,
Нет места любви и стихам,
Но можно выращивать крылья,
Чтоб улетать к облакам.

* * *

Тебе призналась я в любви,
А ты её отверг.
И приказал мне: «Не зови»
И плотно запер дверь.

И телефон мой замолчал,
А твой не отвечал.
Лишь дождь под окнами бренчал,
И убран был причал.

И вместе с сорванной листвой
Кружилась я в толпе.
А ты не слышал голос мой,
Вернее, не хотел.

* * *

Этот снег был так юн и наивен,
И так верил еще в чудеса.
Верил в то, что он сможет украсить
Эти черные города.

И ложаюсь нам спокойно на плечи,
Верить в чудо и нас призывал.
Он хотел, чтоб мы верили встречам,
Лишь растоптанным быть не желал.

А когда превращался вдруг в слякоть,
Все не верил, что это всерьез,
Молча таял, оставив на память
На щеках мокрый след своих слез.

Мой Петербург (Хайку)

Таят тревогу
Облупленные фасады
Моего города.

Всё так же Ленин
На броневике зовёт
К революции.

Призывно рука
Протянута к небу,
А там облака.

Давно устали
Люди от революций
За эти годы.

Плывут облака.
Им не нужна революция.
Только ветер.

Так неуютно
На улицах города,
Бывшего родным.

Грязные дома,
Разбитые тротуары
И судьбы людей.

Ранит боль дворов,
Но праздничны улицы,
Несмотря на боль.

Праздная толпа
Не хочет видеть раны,
Да и не нужно.

Несётся толпа
Неизвестно куда и зачем,
Но не за счастьем.

Трудно в суете
Услышать голос души
Только стук сердца.

Суета будней,
В которой нет места
Покою души.

Нет спокойствия
На лицах жителей
Города Петра.

Мрачные лица
В мрачном городе,
Уже не моём.

Пронзителен шпиль,
Устремлённый в небо,
И ангел на нём.

Напоминают
О былом величии
Золотые шпили.

Золотым шпилям
Недоступна суета,
Как и крестам.

Золотые шпили
Несут тяжесть крестов,
Лучась и сверкая.

Золотые кресты
Над куполами церквей.
Распятые люди.

Падают листья -
Празднично-золотые,
На грязный асфальт.

Опала листва
На грязные тротуары
Города царей.

Жёлтые листья,
Даже падая на землю,
Летят не спеша.

Кружит по свету
Несбывшиеся мечты
Холодный ветер.

С новой силой
Люблю мой город
Безусловно.

*Чужая страна
Не может дать счастья.
Своя - не хочет.*

А жизнь ложится между строк

*А жизнь ложится между строк,
Написанных в моём блокноте*

* * *

И мысли не доходят до стихов
И ускользают, нерифмованные, вдаль.
Их никогда я не услышу голосов,
Но остаётся нерифмованной печаль.

И мне порою жаль вот этих строк,
Что никогда на лист бумаги не легли,
Что был отпущен им короткий срок
И навсегда они куда-то вдаль ушли.

А ведь всего лишь нужно было сесть,
Взять в руки карандаш и записать.
Оставив на бумаге, как печать,
Услышанную неземную весть.

Так мы бежим куда-то в суете,
Не слыша тихий нежный голос-шелест строк,
Их оставляем на потом. А в вышине
Парит неслышно слово. Слово – Бог.

* * *

Мы отражаем отражённые миры.
Себя мы помещаем в их пространство.
И этой нами выбранной дорогой странствий
Бредём, как будто на неё обречены.

Живём в придуманных мирах.
Их ежедневно создаем сами,
Внося в них радости, печали.
И пребываем в созданных воображеньем снах.

Мы можем сами выбирать миры.
И выбирать другие отраженья.
И выбирать другие продолженья.
И выбирать другую жизнь, другие сны.

Дана свобода нам была с рожденья.
Другие встречи и предназначенья.
И если эти выбрали, то отвечаем только мы
За созданные в нём миры.

Мы можем выбирать другие мысли.
Мы вправе выбирать другие смыслы.

* * *

А рифмы стоят на пути,
Но вновь возвращаются в вечность.
И не понимают беспечность,
С которой даю им уйти.

И люди мелькают в пути
Что встречи со мной ожидали,
Но близкими так и не стали.
Им тоже дала я уйти.

И так дни за днями бегут
А я не спешу им навстречу.
Боюсь, что я так и не встречу,
Тех близких, которые ждут.

Тех близких, что встречу со мной,
Всю жизнь свою ожидали,
Но близкими так и не стали.
Покрыло виски сединой.

Которым дана я судьбою.
Дана, чтобы что-то понять.
Но мимо легко прошагать.
Так что происходит со мною?

И я замедляю свой шаг.
На мир вновь гляжу с удивленьем,
С восторгом и с вдохновеньем
Стараясь дышать с миром в такт.

И мир улыбается вновь.
И вижу, спешит мне навстречу
Единственный, данный навечно,
Неся мне в охапке любовь.

И рифмы приходят опять,
Сверкая росой на травинках,
Играя на флейтах и скрипках,
Неся и даря благодать.

* * *

И по жизни я брела
Торопливо и уныло.
Дни летели, сердце ныло
Без надежды и тепла.

Но одним весенним днём,
Когда всё любовью дышит,
Расцветает всё кругом,
Был мне послан голос свыше.

Он меня призывно звал
В никуда из ниоткуда
Звал меня дожидаться чуда,
А какого – не сказал.

Голос нежно звал туда,
Где была волшебность страсти,
Где ушедшие года
Не имели больше власти.

Там всегда цвели цветы
Несмотря на время года.
Обходила непогода.
Наяву там были сны.

И Любовь там всем несла
Доброту, тепло и ласку,
И для всех вот эта сказка
Там реальностью была.

Там была всегда весна.
Никогда там дождь не капал.
Лишь от счастья Ангел плакал
У раскрытого окна.

* * *

Мелькают люди, города,
Мелькают сонмища событий.
Мы убегаем от себя,
И от судьбы, и от открытий.

Открытия таятся в нас,
А мы, как будто в кинозале,
Где скоро кончится сеанс,
А роль мы так и не сыграли.

Мы только просмотрели фильм,
Себя порой в нем узнавая.
Нам показался он чужим,
Хотя, конечно же, хотим
Идти по жизни, роль играя.

Но свет тихонечко погас,
А жизнь так и не началась!

* * *

Зачем хотим друг другу доказать,
Что мы сильнее, чем на самом деле
И не даём самим себе признать,
Что мы так много в жизни не успели?

А может, легче было бы простить
Самих себя. И всё начать сначала.
И каждый день лишь о любви просить,
И чтоб друг друга мы не обижали.

И, наконец, по жизни, не спеша,
Пройти остаток дней и, всё осмыслив,
Свой скорый суд отныне не верша,
Прощать, любить, надеяться, молиться.

* * *

А мы давно уж не живем.
И прошлого неся одежды,
Лишаем мы себя надежды,
Судьбы подарков не берем.

Ее боимся изменить,
Судьбы своей еще не зная.
А может - предстоит иная
Жизнь. И ее дано прожить.

Нам кажется, что всё прошло,
Что всё уже произошло.

Игорь САФРОНОВ

Баллада Виндавской дороги

Это было так просто, так сложно -
Взять купить билет и... уехать
В даль, пропахшую новой солью,
От унылых, сырых строений,
От подвалов и террористов,
От газет и канализаций,
От зрачков электронных зомби,
Где мы все - сумасшедший театр!

Это было так просто, Боже, -
От могил петербургских кладбищ;
От оград, от икон над дверью,
Диких встреч, опаливших счастьем,
Произволом страстей бессмертных,
Первобытным глотком свободы,
От кривых белоночных линий,
Не сошедшихся на горизонте,
Той мечты, что, как мертвая чайка,
Распростерла мертвые крылья
Под нахмуренным бледным небом,
Ставшим нам немым приговором.

Словно бинт засохший оторнул –
Взять купить билет и уехать!..
Прочь от медных труб, медитаций,
Прочь от собственных поучений,
От себя сквозь осень с багрянцем –
Твой билет и играй, как знаешь!..

Сумасшедшее соло: мимо!
Паутины вокзалов скудных,
Мимо памяти, мимо, мимо -
По святой Виндавской дороге
Рижским поездом к морю, дюнам!
Рижским поездом к воле, ветру!
Мимо золота дней осенних,
Мимо астр, георгинов черных,
Мимо Палкино, мимо разъездов -
По святой Виндавской дороге
Вдаль, где шпили в тревожном небе,
Как рапиры ужалют сердце
И вернут меня в мою юность,
Что уснула на влажных плитах

Площадей предутренне-нежных.
Жизнь моя – Петербург и Рига,
А меж ними зрелей, чем годы,
Что сгорели на углях сердца,
А меж ними Любовь летает
Обезумевшей вещью птицей
И летит, будто тень живая,
По холодным сырým откосам
Вместе с поездом, уходящим
В бледный Запад на запах моря.

Это было так просто, так просто –
Взять купить билет и уехать
От Любви, тебе изменившей,
От ее похоронных маршей,
От последней Любви умершей
У тебя на груди так просто,
У тебя на груди умершей,
От надежд, обращенных в пепел...

Все как в жанре вселенской драмы:
Занят я, и ты не свободна
От твоих кошмарных видений,
От твоей оскаленной кармы,
От не знаю чего, что мешало
Нам любить друг друга и только
И остаться в живых, но грянул
Этот гром самострела судный
И осталось лишь эхо в мире,
Только эхо, печальное эхо...

Это было так просто, так просто –
Взять купить билет и уехать
Из себя, чтоб спасти надежду
От когтей своей памяти кровной,
От кровавых столбов распятыя,
Где три чувства моих погибли,
Три Любви, что вздували пламя
Моей странной нелепой жизни,
Три греха, что прожгли мне душу
Три гвоздя, что меня пригвоздили
К муке жизни, как свет на рельсах,
Убегающих в никуда...

Это было так просто, так просто,
Взять купить билет и уехать,
Чтоб себя забыть и забыться
От кошмара немых вопросов –
Приговором в душе звучащих,
Обращенных к себе: что я значу?!
Для себя самого: что я значу?!
Сам себе объяснить не в силах –
Чем я жив, для чего существую?
И зачем ищу и страдаю,
К невозможной любви припадая?

- Отрекись! – мне хрипит с одышкой
Старый дуб, что скрипит над крышей
Одного деревенского дома,
Где любовь, что звали Натальей,
Мне в глаза бросалась, как пламя
На скрипучих сухих половицах,
В тех осенних ночах беззвездных
На разломе эпох кричащих.

От беспамятства – в неизбежность!
От себя, от пустых разборок
В никуда, где не знают боли,
Где, как клюкву, память раздавят,
Где себя сохраняют в дзене...
Рижским поездом к воле, к ветру,
Рижским поездом – и на запад;
Мимо астр «Седая дама»,
Мимо жидкой осенней грязи
По святой Виндавской дороге
Под скрипичное соло грусти,
Что играет слепая скрипачка.
Моя жизнь, что капризна, как ветер...
- Отрекись! – мне свистит с востока
Из-за крепкой спины Урала
Ветер нашей большой разлуки.
Болевая моя подруга,
Помнишь камское сердце наше,
Что стучало когда-то слитно
Над Елабугой, над зимою,
Над поруганной колокольней,
Где мы молча клялись друг другу
В беспредельности нашей дружбы?..
Что осталось внутри, Тамара?
Там, где спряталась наша сущность?
Двадцать лет как прошло, а память
Колесует меня виною
За свершенное преступленье,

За убийство любви бессмертной...
Это было так просто, так страшно
Сесть на поезд транзитный в Омске
И увидеть смертельный ужас
В обреченных глазах любимой,
Разорвавших меня на части,
На кровавые рваные части...
20 лет – как удар разруба,
20 лет – забытья страшнее,
20 лет – в ожидании смерти...
- Отрекись! – мне кричат беззвучно
Птицы черной тоски и пепла,
Что вихряются в осенних далях,
Точно легкие хлопья сажи.
- Отрекись, отрешись, отмойся,
Отруби свое прошлое с кровью
Невозможно тащить ведь в гору
Этот ужас заплечной раны
Отрекись от себя! Покайся!
Сбрось к чертям эту черную ношу,
Ведь себе ты давно чужой же,
Разве ты не видишь подмены?
Что ж осталось в душе отныне –
Неужели только ошибки
Соучастия в преступленьях,
Эти сшибки воспоминаний,
Эти схватки всадников страшных
Голосов и видений смутных –
Твой немой и вечный катарсис,
Неужели все дело в личном?!
- Отрекись! – мне шепчет Мария
Из-под белых клавишей Баха,
Из багряных всполохов фуги.
Как блестяще она играла
На мечтах моей юности давней
Среди гулких соборов Риги,
На готовом к бессмертью сердце.
Где ты нежная женщина Мрия?
Из предутренних классов Риги,
Молдаванка, цыганка, солистка
С кем горит твое нежное соло?..
Как ты думаешь, чем случайность
Столь хранима в памяти чуткой,
Залетая в нее как птица,
Под гудящие своды сердца?
Звуком, запахом, аурой жеста
Или может быть странной походкой
Среди улиц, уснувших для счастья?
Моя память, будь проклята трижды!

Если ты меня вдруг позабудешь,
Словно женщина, бросишь, оставишь -
Отступившись, меня оставишь...
Ты за мною несешься, как птица,
Как голодная черная птица,
Не давая себя позабыть мне,
Перестуком колес возвращая
В те далекие юные грезы,
В ту любовь, от которой я зачат.
- Откажись! – мне кричат те птицы. –
От себя, расцепись с собою,
Будь неверен – спустись на землю,
Откажись от любых желаний –
От мечтаний, от грез, иллюзий –
Будь неверным – куда как проще –
Потуши свой костер в саду.
Стань свободным от той свободы,
Разве это не просто – мимо! –
Этой жизни не видеть просто,
Быть никем и ничем, - не собою!
Ускользать от углов и воронок,
Жить по-ужьи: все время прятаясь,
Здравым смыслом себя страхуя

От капризов судьбы и жизни.
Так зачем мы творим ошибки
В зоне риска, играя слепо,
Чтоб и впрямь однажды ослепнуть,
Плоским смыслом себя угробив?
Не поднявшись с колен – отречься
От себя – презренная участь,
Жить с ущербной душой урода,
Пряча трусость в мнимом комфорте,
Каждый миг, подыхая с довольством
В затхлом погребке потребления?
Каждый день, как червь, зарываться
В ил обмана, в песок иллюзии
В человеческий кал довольства,
Захлебнувшись в зловонной жиже?
Лучше сделать последний выпад
И себя из жизни уволить,
Чем оставить себе этот жребий.
Это было так просто, так просто
Взять купить билет... и остаться!..
На осенней земле остаться,
Как заложник грядущего чувства...

1999-2001 гг.

Плата за счастье

Я сидела на камне
У бегущей воды,
И сказала река мне:
– Жди,
залётка,
беды!

Я ищу её взглядом
У прибрежных ракушек,
А беда уже рядом,
За спиною стоит.

Это выстрадал каждый,
Кто способен любить:
Что бывает однажды –
Не дано повторить.

Счастье лишь пригубила,
Стала верить и ждать.
На беду полюбила –
Не смогла удержать.

Чашу горькой –
не чаю
Осушая до дна,
Каждый день я встречаю
Не одна –
и одна!

С этим кончить пора ведь!
Но в зачётах судьбы
Ничего не поправить,
Ничего не забыть.

Не боюсь укоризны.
Боль стерпя,
не кричу.
Всем несбывшимся в жизни
За миг счастья плачу.

И на чьё-то участие
Говорю свысока,
Что та плата за счастье
Вовсе не велика.

Зеркальце

*Ей в приданое дано
Было зеркальце одно.*

А.С.Пушкин

Не случайно
жизнью
случай правит:
То всплываешь,
то идёшь на дно ...
Зеркальце
в дешёвенькой оправе
Было ей подарено одно.

От души дарила,
без опаски,
Говорила вещие слова –
То ли фея
из старинной сказки,
То ли
просто
добрая волхва:

– Не гляди,
что простенька обнова,
Но,
как чудодейственный факир,
Оживит её
одно лишь слово,
Это слово –
ключ в волшебный мир!

В зеркальце глядясь,
не постареет

Та,
кому
найти тот ключ дано.

На ветру
оно
её согреет,
Светом изойдёт,
когда темно.

И пока оно не разобьётся,
Будет
рай с ним
даже в шалаше.

Только отыскать
тебе придётся
Ключ заветный
у себя в душе.

А она
души не ознобила,
Хоть сквозило
ветром
в голове.
То ли про наказ тот позабыла,
То ли не поверила волхве.

Зеркальце
в кармане затаскала –
Без того
её прекрасна стать!
Слово это,
может,
не искала,
Может,
не сумела отыскать.

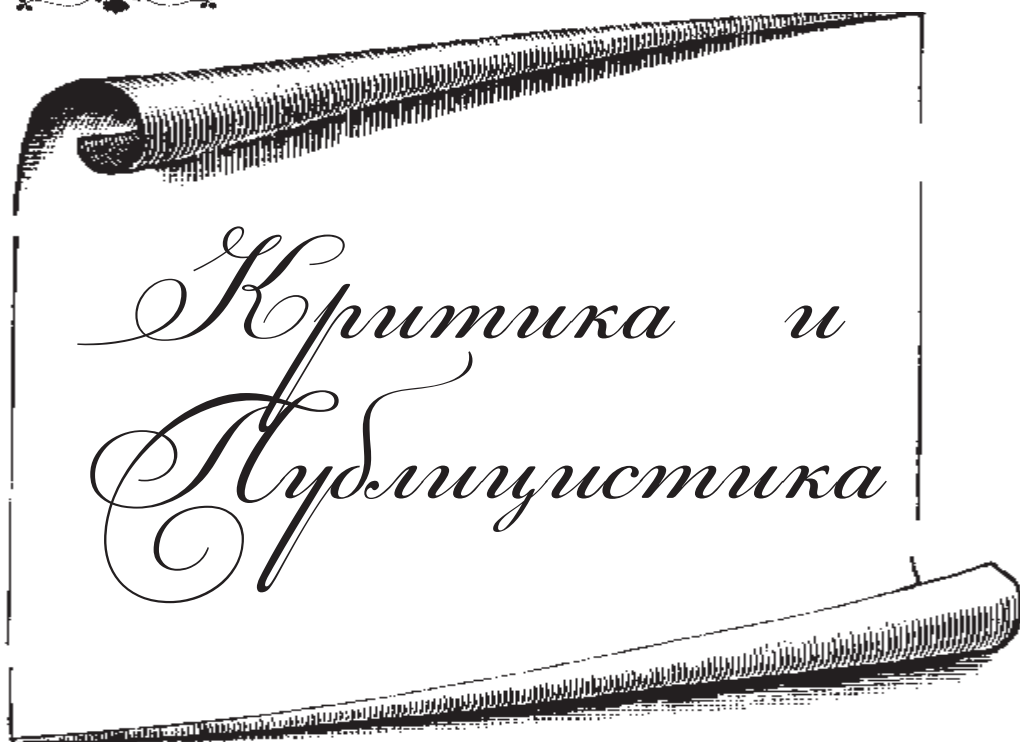
Ни к чему душе
такие муки,
Если взгляды сходятся на ней!

Солнечного зайчика
от скуки
Изредка гоняла по стене.
Что же толку в том,
что скачет зайка?!
На недолгий час лишь развлекло.
Так и не поверила хозяйка,
Что в руках волшебное стекло ...

Отошло,
как не было,
преданье.
Мысли занял
вылощенный быт.
И неумолимо
увяданье
Из овала зеркальца глядит.

Надоел неугомонный зайка.
Молодость
годами посекло.
И всё реже
старая хозяйка
Смотрит
в потускневшее стекло.

Сергей НОВИКОВ

Магия гармонии и красоты

Меня как психолога, поэта и художника всегда притягивал соблазн пройти по границе между миром, который мы привыкли, в силу своего неосознанного страха, считать материальным, видимым, осязаемым и понятным, и миром метафизическим, который мы не видим, но чувствуем его подсознательно и, вместе с тем, боимся признать его наличие в реальности, потому что он нам непонятен и, вполне возможно, враждебен. Однако притягательность метафизического мира, его влияние на нас вызывают потребность у художников, музыкантов и, в особенности, поэтов, по признанию французского теоретика сюрреализма Андре Бретона (1896–1966), «...писать, как течёт сознание, в том порядке или беспорядке, в каком сменяются ощущения и мысли, следовать чувствованию, находить смысл в бессмысленной связи событий и образов, до-

верить им вести себя в новые сферы».

Писать, как течет сознание... Возможность вхождения в этот поток определяется прежде всего чувством свободы духа, его возвышения над обыденностью (материальностью) жизни и стремления постичь первопричину всего сущего в самом себе. И когда этот поток соприкасается с поэтическим талантом, с божественным даром проявлять словом откровения красоты и гармонии в окружающей нас жизни в нашем повседневном мире, он приподнимает нас и влечёт за собой в неведомые сферы духовного наслаждения. Вот почему стихи талантливые, наполненные гармонией, становятся сильным позитивным духовным наркотиком, заставляющим нас забывать боль и страдания – эти вечные спутники повседневности.

Евгений Раевский

(литературно-поэтический портрет)

О русском поэте Евгении Раевском говорят и пишут зло, с ненавистью, с чувством восхищения, с экзальтацией и, что чаще всего, с признанием за ним таланта яркого и возвышенного, таящего в себе очарование любви и музыки, которые он передаёт нам своими стихами. Пожалуй, в наше время ни об одном современном петербургском поэте не пишут так

«многогранно», как о Раевском, что, по сути, и подтверждает его яркий талант и несомненную индивидуальность. А на всё остальное нам, как говорится...

Но это – нам, живущим рядом в поэтической жизни. Самому же поэту приходится признавать укусы злобных карликов зависти, невежества и лжи:

Как истинно русский поэт Евгений Раевский неразрывно связан с природой России. И с Россией он нежно и трепетно говорит на языке леса и поля, цветов и деревьев, возвращается в Русь языческую, пьёт её хмельную таинственность и дарит её нам:

Я с детства с лесом в нежности простой,
В природе всё разумно и наивно,
Взаимное довольство добротой,
В живых лесах целебность неизбежна.

Я плакал боль природной суете,
Великолепию радушия и силы,
Читал покой на влажной бересте
И ждал, чтоб откровенье отпустило...

И снова переплетение космической энергии звёзд и биоэнергии земли – мир, созданный поэтом в часы вдохновения, мир, включающий в себя покровительство Шекспира и вневременность с постоянным ощущением мифологических персонажей царства вечного покоя:

Отведай ночи, выпей свет от звёзд,
Ладони опусти в мерцанье мира.
Ты в свете фосфорических берёз
Достойна строк великого Шекспира.

Блеск неизвестный льёт со всех сторон,
Краса твоя попрала все законы,
Здесь время нанесло себе урон,
Любовь вне чар Аида и Харона.

Евгений Раевский, как и многие талантливые поэты России советского периода, пришёл в поэзию не с Олимпа благополучия, созданного для него предыдущими поколениями родственников в лице родителей, – сам Евгений Раевский создал свою судьбу и выбрал свой собственный путь, начало которого было заложено божественным провидением в душе подростка, смотрящего, зачастую отрешённо, из окна полуподвала в бескрайнюю даль серовато-серебристого неба над Ленинградом со смутной надеждой на взлётность:

... Полуподвалье юность обрело
Глядеть на стены прачечной из окон,
Сквозь зимнее узоров волокно
Я видел нечто светлое, иное,
Мучительно писал про неземное,
Волос своих кусая длинный локон...

Реальность нынешнего бытия, благополучно расположившегося в стенах обветшалых домов Санкт-Петербурга, в истлевших от ветхости отопительных и прочих систем жизнеобеспечения его граждан – всё тех же пасынков политических систем – не зачеркнула поэтической влюблённости Евгения Раевского в свой город; нет, не затесался он в ряды серых злопыхателей и не поддался «благородству зла», поднимаясь к вершинам прекрасной поэзии в своей печали о неприкаянности бывшей когда-то блистательной столицы России:

...Гонимый колдовскими миражами,
В тисках бессонницы брожу,
Средь волшебства печальными глазами
Я в лики города задумчиво гляжу,
И прежней прелести я в них не нахожу.

Коптится Невский в выхлопном угаре,
Куранты Думы перестали бить...

На этой оборвавшейся ноте взлетевшего смычка скрипки можно было бы и поставить точку, но я всё же искушаюсь элегией Раевского, сверкающей золотистыми искрами на арках, на пролётах мостов, на высветленных закатом крышах домов вечернего Петербурга, которому поэт признается в любви и постоянстве:

Когда нежнеют отблески заката
На коромыслах арок и мостов,
Я слышу воробьиные стаккато,
Что питерцу понятны и без слов.

То музыка милейших из созданий,
Что так неперелётны и верны.
Залётный воробей – дитя изгнаний,
Знак чьей-то бессознательной вины.

ЕВГЕНИЙ РАЕВСКИЙ

Мой отец Павел Павлович Раевский

(Окончание. Начало в №№ 7, 11)

Отец не любил нытья и причитаний. Головная, зубная боль, бытовые порезы или расстройства желудка, ушибы и ссадины не рассматривались им как причина для уныния или плохого настроения. Только попробуй сказать при нём по несерьёзности или юношеской дурачливости, что, мол, от какой-то там боли жизнь не мила, он тут же это пресекал:

- Ну вот ещё! Распищался! Не ныть! Ты же мужчина! Степану Разину и руки и ноги отрубили, а он в чудо верил до последней секунды.

Мол, и без рук и ног жить можно, лишь бы жить...

Следует написать и о том, что отец очень любил исторические фильмы. Первый фильм, который мне было суждено лицезреть был «Кардинал Ришелье», я уже не помню, в какой стране он был снят, тогда я был ещё совсем ребёнком, но к истории, в частности, русской, пристрастился с благословения своего отца. Фильмы «Александр Суворов», «Иван Грозный», «Пётр Первый», «Адмирал Ушаков», «Корабли штурмуют бастионы» и многие другие подобные кинокартины порождали во мне неистовое чувство гордости за русскую землю, русский народ, русскую веру... Я плакал слезами восторга при просмотре этих фильмов, а отец ворчал: «Ну хватит тебе, мальчик Женя, реветь». Но часто при этом плакал сам без всякого стеснения.

В годы воинствующего атеизма, а следовательно, жёсткого навязывания безбожия со стороны государства отец, в отличие от некоторых других родственников, никогда не стес-

нялся своего происхождения, ходил в храм и носил свой крестильный крест, всегда указывал в биографии, что он внук священника. А родственников, вступивших в КПСС, считал мракобесами.

Неоднократно отец рассказывал о большой мужской дружбе своего отца митрополита Павла Васильевича Раевского с митрополитом Александром Ивановичем Боярским. Рассказывал, в частности, и о том, что после расстрела Александра Ивановича его сыновья Николай и Сергей, в будущем выдающиеся актёры, были приняты в семью Раевских как родные и длительное время проживали в Ленинграде на Тихвинской улице, дом 12. Мой дед Павел Васильевич Раевский оказал большую помощь в том, чтобы Николай и Сергей Боярские получили актёрское образование. Сергей Боярский, в будущем отец нашего главного мушкетёра Советского Союза, по рассказам отца, какой-то период ухаживал за Верой Павловной Раевской, родной сестрой моего отца.

Я не могу писать об этом подробно, в период этих событий я был ещё мальчишкой. Важно заметить, что однажды супруга Николая Боярского, заслуженная артистка РСФСР Лидия Петровна Штыкан, увидев меня на телевидении в 1960-е годы на передаче «Телевизионный клуб молодёжи», которую вёл тележурналист Виталий Вишневский, при встрече воскликнула: «Женя? Раевский? Вас назвали в честь погибшего на войне дяди. Боже, как же Вы на деда похожи!» К сожалению, я не придал этой реплике никакого значения. Телевидение действовало магически: звездой те-

П.П. Раевский и Е.П. Раевский

лезкрана тогда я казался себе сам. В будущем с Лидией Штыкан мы дважды встречались на радио, но я почему-то застенялся, и разговора не получилось. Это непростительное мальчишество с моей стороны.

...Когда отец узнал о том, что я призван служить на Тихоокеанский флот, то крепко-накрепко мне наказал: «Не вздумай татуировок себе делать! Аборигенство это! Ты не папуас и не индеец. Ни под какими предложениями на это не соглашайся, не позорь свой великий род, гордо носи звание ленинградца и русского интеллигента, но если надо будет постоять за себя - не сплошай!» Единственным на своём эскадренном миноносце проекта 56 я остался без татуировок, чем и ныне горжусь и благодарен отцу, но вот с матом, к сожалению, а может быть, и к счастью, подружился. Удивительно, сам не знаю, как я, до службы на флоте человек, не понимающий мата вообще, научился ругаться так, что какой-то период сам стал себя бояться. Но, назначенный на какой-то период боцманом корабля, понял, какая в этом необходимость, какая сила.

О своём отце я мог бы писать бесконечно, но о всех его человеческих качествах и достоинствах не напишешь в небольшом рассказе. Пусть со стороны отца не было ко мне больших отеческих чувств, пусть мне не было ку-

плено желаемых в детстве игрушек, пусть в воспитании моём участвовали порой не родители и не родственники, а чужие люди, улица, школа, работа, служба и многое другое, мне всё же хочется написать о том, что даже и не важно, есть родной человек рядом или нет, но осознание того, что он где-то живёт, помнит о тебе, желает тебе тепла, добра и света, молится за тебя - великое человеческое счастье.

Возможно, я и повторюсь, но не знавший порой отцовской похвалы и поощрения, я никогда не злобился, не завидовал никому, не перед кем не унижался, научился любить людей, дружить с ними, быть постоянно нужным и полезным им:

...И в зрелости дар юности храня,
Живу любовью я...

За три дня до смерти отца я увидел у него под подушкой одну из своих книг и со слезами воскликнул: «Господи, батя! Ты меня читаешь?!» - «Да, сынок, ты стал поэтом, большим, русским, необыкновенным...»

В день похорон отца облака на небе были похожи на ангелов, а на их фоне долго летал красивый молодой орёл как символ Памяти, как символ Вечности...

Наталья СОЛОВЬЕВА

Современные неологизмы в поэзии Дмитрия Киршина

Создание новых слов или образование новых форм слов – словотворчество в широком понимании – имеет в русских поэтических текстах давнюю традицию, восходящую к временам М. Ломоносова. Однако если в Золотой век русской поэзии расширение языка осуществлялось, в основном, за счёт введения в лексикон иностранных понятий, отсутствовавших в русском языке (вспомним пушкинские «машинально» или «du comme il faut», выделяемые им в текстах курсивом), то в Серебряном веке процесс словотворчества был «поставлен на поток» и обзавёлся некими теоретическими обоснованиями – литературными манифестами.

Поэты начала XX века активно реанимировали из архаичного забвения слова, давно вышедшие из литературного обихода или присутствующие местным говорам (Н. Клюев), революционно преобразовывали язык (В. Хлебников, В. Маяковский, В. Каменский), занимались поэтическим украшательством (И. Северянин, К. Бальмонт).

Более позднему течению постмодернизма, несущему свои «воды» и в нынешнем XXI веке, присуща ёрническая игра слов и «переворачивание» основ мировой культуры (Д. Пригов, Т. Кибиров).

Неологизмы Дмитрия Киршина имеют принципиально иное «происхождение», его поэзии одинаково чужеродны смех хлебниковских «усмейных смехачей», северянинские «серебряно-луныщиеся» сонаты и приговский «четвертьфабрикат». Главным основанием для введения в текст новых слов у Киршина является точная и яркая передача смысла, в этом плане поэту наиболее близок подход к словотворчеству А. Блока и М. Цветаевой.

Новое слово, несущее смысловую нагрузку схожего по звучанию «оригинала», приобретает в поэзии Киршина дополнительный объём, своеобразную «самооценку», что в литературной традиции характерно скорее для говорящих имён-фамилий в произведениях

классицизма. Однако киршинские неологизмы остро современны, в них нет литературной «ветхозаветности»:

Отвергая старины веяния,
С новой силой ныне и присно мы
Строим общество потребления –
Отговаривать нас бе-е-ссмысленно!

Постепенное превращение потребителя в барана – это ли не тенденция развития современного российского общества, остроумно выраженная неологизмом «потребление»? В продолжение темы и обсуждаемого литературного метода читаем в «Русских частушках после третьей чекушки»:

Отдаёмся лотереям,
Шоу смотрим без конца –
От потехи лодыреем,
Появляется гнильца.

Здесь запоминается не только авторское «лодыреем», но и оригинальная рифма, подчёркивающая замысел поэта. Аналогичный приём усиления звучания неологизма с помощью соответствующего ему слова в рифме применяется Дмитрием Киршиным неоднократно, причём рифмуемые понятия могут звучать как смысловым диссонансом, так и консонансом:

Солнце в полдень припекает,
Сердце к парню прикипает,
Он же любит вполнакала,
Мнёт на сене вполнахала...

Или:

Дешёвкой ресторанной
По-над вселенским скрежетом
Взовётся плач пространный:
«Россиюшка, о, где же ты?! –

В мелодиях и строках
Узорно окаймлённая...» –
На каторгах и стройках
Позорно окаймлённая!..

В цикле «Парамошка» неологизм «вполнакала» является женской возмущённо-иронической оценкой, развитием понятия «вполнакала». Совсем иной творческий метод применён в стихотворении «Великий Октябрь», где строка «Узорно окаймлённая» вступает в явный диссонанс со словосочетанием «Позорно окаймлённая», а слова «окаймлённая» и «окаймлённая» рифмуются столь же внутренне противоречиво, сколь фарисейски живо, по мнению автора, само понятие «Великий Октябрь».

В упомянутых выше «Русских частушках...» обращают на себя внимание строки финальной строфы:

День-деньской пою в зените,
Клюв отчаянно открыв, –
Не скупитесь, оцените
Мой притворческий порыв!

Насколько многогранным получился неологизм «притворческий»! В нём и очевидное созвучие с понятием «притворщицкий», и активность «околоторчества», столь характерная для нынешней дилетантской, вызывающе коммерческой эпохи.

Иногда второй план неологизма раскрыт читателю явно при помощи слова-«первоисточника», как в стихотворении, начинающемся строками:

«Я светлокудрая богиня,
А ты – амурчик на подхвате...»
Не быть карге в небесном чине,
Победокурила – и хватит!

В завершающей строфе того же стиха читаем:

Румянец юности погинет
В болоте старческой кровати...
«Я белокурая богиня!...»
Побелокурила – и хватит!

Неологизм «побелокурила» воспринимается при таком построении произведения своеобразным расширенным синонимом слова «победокурила», к которому добавлен подтекст самоуверенной легкомысленности.

Дополнение смысла при использовании сложносочинённого неологизма присутствует и в строфе из стихотворения «Закат Империи»:

...К прыщеволосым гитаристам
Сбегались девочки украдкой,
На кухне пили чай вприглядку,
Нестройно пели до утра.

Подростковый «хипповый» статус лирического героя подчёркивается новообразованием «прыщеволосый», сочетающем в себе угри-прыщи и длинные волосы молодого человека. Но в данном слове присутствует и второй план, задаваемый созвучием с глаголом «опростоволоситься», который характеризует общее состояние юных умов в эпоху общественного слома и заката Империи.

В некоторых произведениях Дмитрия Киришина неологизмы применяются как акценты при описании «зеркального действия» по отношению к известным устойчивым понятиям. Так, в «Покаянии колдуна» читаем:

Уничтожил волшебный кристалл,
Стёр заклятье с тетрадной обложки,
Хвост зашёптанный он расшептал
У соседской испуганной кошки.

В цикле «Ярость любви» обнаруживаем другой пример:

Смогу ль ревнивый гнев избыть?
Поддамся ль мстительной обиде?
Так просто было разлюбить!
Так нелегко разненавидеть!..

В приведённых строках глаголы-неологизмы «расшептал» и «разненавидеть» являются действиями, обратными по отношению к «зашептал» и «возненавидеть», однако в последнем случае в стихе имеется ещё одна, более важная антитеза – между «разлюбить»

и «разненавидеть». Именно её в большей степени подчёркивает автор своим лексическим нововведением, вместо словосочетания «вновь полюбить» применяя оригинальное двойное отрицание.

Цитата из поэтического цикла «Ярость любви» относится к концу 1990-х годов, а неологизм «разненавидеть» (в английском варианте – «unhate») был использован как новшество в известной скандальной рекламе United Colors Of Benetton, увидевшей свет в конце 2011 года и признанной лучшей печатной рекламой года по версии Cannes Lions... Воистину – настоящий поэт неизмеримо креативнее любого рекламного агента.

В арсенале творческих приёмов Дмитрия Киршина присутствует гармоническое усиление смысла за счёт последовательного включения в текст известного слова и созвучного ему неологизма, имеющего, тем не менее, совсем другой корень:

На троне – раб самонадеянный,
Но Божьей властью осиян
Зерном надежды в мир посеянный,
Осмеянный, осаломеянный
Первокреститель Иоанн.

Неологизм «осаломеянный» предстаёт здесь явным фонетическим созвучием, своеобразным расширением определения «осмеянный», хотя существительное «смех» относится совсем к другому словообразовательному гнезду, чем имя Саломея. Для полного понимания такой переключки требуется знание не столько слова, сколько культурного контекста, в данном случае – Священного Писания.

То же присутствует и в строфе:

Распущусь-ка навсегда с Дуней-стервою:
Подложила мне свинью – да не первую!
Может, век бы куковал с виноватою,
Не родись она такой... свиноватою.

Конечно, слова «вина» и «свинство» – не однокоренные, однако в таком контексте неологизм «свиноватою» не только фонетически, но и оценочно-смысловое подчиняет себе словосочетание «с виноватою».

В стихотворении «Фанатка» приём разнокоренного созвучия используется для передачи разочарования лирической героини:

Натуральный кровопийца
В статном теле олимпийца...
Даром смотришься элладно,
Разлюблю тебя – и ладно!

Так и хочется вместо «и ладно» срифмовать: «э, ладно!». Но автор намеренно не применяет столь явно напрашивающийся оборот, хотя он несомненно подразумевается – как наиболее точное созвучие с неологизмом «элладно».

Пожалуй, самый яркий пример внутреннего «диалога» разнокоренных слов встречаем в стихотворении «Татьянин день»:

Отрава с жару, с пылу,
Заклятием откупорись!
Весталки – расступились,
Бывалые – расступились...

Между связанным с весталками глаголом «расступились» и присущим бывалым ведьмам действием «расступились» – целая жизнь, наполненная множеством личностных метаморфоз. И читатель сам может выстроить в воображении этот ряд событий, превративших юных девушек в счастливых обладательниц летающих ступ... Автор же для достижения данного эффекта не меняет ни одной буквы, лишь умело смещая ударение в неологизме «расступились»!

Аналогичный метод с использованием неологизма-омонима присутствует и в стихотворении «Купец» из цикла «Игра», но здесь ударение остаётся на месте, зато изменяется часть речи:

Под прикрытием хорей
Он служил искусству торга,
От успеха матеряя,
Гоноря от восторга.

Слово «гоноря» применяется тут в первую очередь как деепричастие, хотя может быть прочитано и как существительное. Толь-

ко начальная строфа стиха говорит нам о том, что первичной для восприятия смысла является всё же новообразованная отглагольная форма:

... Не в поэты – так в актёры!
Он играл умами ловко.
«Этот с гонором, матёрый!» –
Распустила слух тусовка.

В полной мере словотворческий дар Дмитрия Киршина проявился в стихотворении «Сергианизм», посвящённом декларации митрополита Сергия (Страгородского) 16/29 июля 1927 года о признании им советской власти. Уже в самом названии произведения ясно видится второй план, авторская оценка сергианизма как проявления сатанизма. Смысловой эффект усиливается тем, что текст стиха является словно бы продолжением приведённой в качестве эпиграфа цитаты из вышеназванного документа:

Дьячок запойный прозябал, старея,
Но взбудоражил новой власти глас –
Стремглав до чина пролетаерея
Ханыга дослужился в тот же час.

Глашатай воли «социально близких»
За классово-свирепые слова
Повышен в сане –
он расстрельноспископ,
И в Книге Мёртвых есть его глава.

Багряной тьмой Отчизну оросили –
Взошла страна бараков и лачуг!..
Взамен креста получит от России
Наган и ризу митрополитрук.

Средь иерархов моден серый бархат –
Дремучий бес царит в еретике,
Бравируя судьбой компартиарха
С тотемною звездой на клобуке.

Следует отдать должное смелости и бескомпромиссности, с которой автор использует неологизмы для реализации своего замысла. «Пролетаерей» вместо «протоиерея» подчёркивает сущностное происхождение ереси

митрополита Сергия. «Архиепископ» в новой иерархии заменён «расстрельноспископом», что исторически весьма точно: без участия в составлении расстрельных списков в лихие постреволюционные годы было затруднительно продвинуться по службе, поскольку большевистские «рады» требовали жертв. Сан «митрополитрук» – и вовсе несомненная удача поэта, ведь не секрет, что значительное число священнослужителей вербовалось «органами», без этой своеобразной присяги на верности НКВД можно было ставить крест на церковном служении. Наконец, в новообразовании «компартиарх» автор путём перестановки всего двух букв в середине сложного слова рождает целую категорию высшего церковного иерарха, «сросшегося» с породившей его коммунистической (большевистской) партией. Таким образом, с помощью неологизмов поэт показывает путь ничтожества во власть в смутные, жестокие времена.

Творческая работа Дмитрия Киршина, постоянный поиск новых литературных изобразительных средств для передачи мыслей и чувств говорят об авторе как о сложившемся мастере, тонко понимающем русское слово и умеющем воплотить свои замыслы в запоминающейся поэтической форме. Выражаю надежду, что некоторые из обсуждённых выше авторских лексических нововведений закрепятся в литературном языке и даже станут составной частью русского общенародного языка.

Литература:

1. Дмитрий Киршин. Испытание: Стихи. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1998.
2. Дмитрий Киршин. Философская лирика. – СПб.: ИПТ, 1999.
3. Дмитрий Киршин. Между небом и землёй: Стихотворения, поэмы. – СПб.: Реноме, 2012.
4. Российский Межрегиональный союз писателей. Дмитрий Киршин. Цикл буклетов от 30 сентября 2015 года. – СПб., 2015.

Анатолий НАЗИРОВ

В кабинете волшебника (воспоминания о встрече с Л. Мартыновым)

В октябре 1995 года в квартире дома на Ломоносовском проспекте в Москве вдова Леонида Николаевича Мартынова Галина Алексеевна Сухова-Мартынова предложила мне написать воспоминания о встрече с поэтом.

– Тем более, – говорила она, – что нет воспоминаний, в которых бы Леонид Николаевич комментировал чьи-то стихи. То, что вы рассказали, это интересно.

* * *

Летом 1979 года на мой звонок двери открыла полноватая пожилая женщина с добродушным приветливым лицом. Это была Нина Анатольевна Мартынова-Попова, первая жена Леонида Николаевича:

– Из записки, приложенной к стихам, мы поняли, что вы на один день в Москве. Какая случайность! Именно сегодня Леонид Николаевич почувствовал себя плохо на даче, и мы приехали в город, но об этом никто не знает. Иначе он бы не смог вас принять, а сейчас он с вами побеседует. Проходите в кабинет.

Вполоборота спиной к окну за аккуратно прибранным столом в кресле сидел Леонид Николаевич Мартынов. Он предложил мне сесть на стул, стоящий напротив. Перед моими глазами в беспорядке, но лишь по видимости, лежали на подоконнике и на полу камни различной конфигурации и величины, а за моей спиной и справа стены обширного кабинета с пола до потолка были обставлены книгами, которые частично стопками располагались прямо на полу.

– Ваши стихи я прочитал. Сразу скажу, что мне Вас нечем обрадовать. А эпитафия хороший.

Подборка стихов, которую я опустил утром этого дня в почтовый ящик, состояла из двух с половиной десятков стихов разной величины. Она была озаглавлена «Монолог вечного человека» с эпитафией:

Кто следующий?

Ты следующий.

Во многом еще не сведущий,
Но ясную цель преследующий,
Моим оружием орудующий,
Откликнись, товарищ будущий.
(Л. Мартынов)

– Теперь о стихах, – сказал Леонид Николаевич, – и стал читать своей специфической манерой с выделением ритмического строя:

Сущность человека

Не в том, что есть чело и веко.

– Из этого не видно, в чем сущность человека

Гены,

Вас просвечивают рентгены
И воздействуют химикаты,
И высвечивают фосфориты,
Но вы стойкие, как солдаты,
Как мундирами, тайнами скрыты.

– Надо выяснить, действительно ли это так. Я, например, в этом не уверен.

Я принес к тебе на суд
Свое творение -
Так младенца принесут
На крещение
И надеются, что тут
Есть спасение.
Ты сказала:
– Тонны руд,
К сожалению
Моего не найдут
Одобрения.

– И правильно вас критикуют. А вот стихотворение, которое мне понравилось. Но не потому, что оно хорошее, а потому, что оно мне напомнило знакомого в юности в двадцатые годы, который увлекался футуризмом и

писал в таком же стиле, с титаническими настроениями:

Играя глаз твоих лучом,
Я понял вдруг, что облучен.
Полученное очень горячо,
И холодно оставлено оно.
Но больно загорелась седина,
Не знала и не думала она,
Что с пламенем тягаться мудрено,
А каменное сердце не дано.
Я жжение томящее молю,
Когтями рву горящую смолу.
И мне теперь, что видно по всему,
Как Прометею, если бы ему
Рвать тело приходилось самому.

– Еще раз скажу, что этот стих напоминает мне увлечение в юности, поэтому вызывает у меня особое отношение.

Обо мне вспоминаешь редко,
Как сытый о черством хлебе.
.....
Обо мне вспоминаешь редко,
И дело не в этике, тактике,
Диалектике и дидактике,
А просто в твоём характере:
Для жизни в другой галактике
Проходишь межзвездную практику.

– Вы в своих стихах накручиваете, но в этом нет ничего хорошего, – и, пристальнее посмотрев на меня, он продолжал: – Вы сейчас думаете: сам-то еще, небось, не так накручиваешь.

– Да нет, – попытался я возразить.

– Вижу, что так думаете. Так вот, признаю, был грех. Но все-таки самое любимое у меня то, что самое простое, например:

Ты относишься ко мне,
Как к полям.
Ты относишься ко мне,
Как к лесам.
Ты относишься ко мне,
Как я сам
Относился бы к волне,
К парусам.

– Кроме того, если я пишу иногда усложнено, то мне семьдесят четыре года, а вам еще

нет тридцати. Вот стихотворение, которое получилось:

Отчаянье

Он оставил те края,
Не звучал где и рояль,
А озвучивала даль
Из туманов полоса,
Покрывая как вуаль
Песнопенные леса.

Не в первый и последний вечер
Охотно шел на праздность встречи,
Сжигал неоновые свечи,
Ласкал нейлоновые плечи,
Твердил Верлена и Вийона,
Перебирая волосы шиньона.
Под звуки полонеза и ноктюрна
Ему грозили гладким маникюром,
Миниатюрным пальцем манекена
С упреками в незнании Верлена.
Но жертвовал он отчим домом
И жертвовал он сердцем дамы.
Не залила всю горечь горечь рома,
Не заросли бурьяном раны в шрамы.
И стал он рад уйти назад.
В пути гроза и снегопад,
И водопад бьет по глазам
И не дает уйти назад,
А он бежал, чтоб окунуться
В туманы синие в меже,
Лежащей в светлой дали.
Пришел к деревьям прикоснуться,
Но упали
Деревья из папье-маше.

– Впрочем, и это стихотворение не получилось, хотя в нем есть что-то похожее на действие с развитием сюжета. Очень хорошо, что вы пишете о Вийоне: его образ был искажен обывателями потому, что они приписали ему свои пороки. Образ Вийона должен быть восстановлен в соответствии с исторической справедливостью. Читаем дальше:

Монолог Эвариста Галуа

Мне жизнь представилась
Полетом камня из пращи,
Что убивает великана
.....

Таланты, а рядом убогие:
Взаимная компенсация.
Не атланты и боги многие,
Но убожества реставрация.
При жизни не получены призы
И нет наград за баррикады,
В предсмертных мадригалах мой призыв
К бессмертью уравнений в радикалах.

– Чувствуется, что вы прониклись этой темой, которая конечно заслуживает внимания поэзии. Напишите хорошее стихотворение про Эвариста Галуа. И у меня было обращение к математикам. Помните, «Мать математика Гаусса»? Далее:

Говорили мне: за рвение,
Мол, поплатишься сполна ты,
Только вовсе не в смирении
Я смотрел на вал девятый.
Говорили, что заботы
Прикуют меня к постели,
Я ж по-прежнему работал
И в последний день Помпеи.

– Верю, что вы работали в последний день Помпеи, потому что поэтически это сказано убедительно. Если же говорить о стихах в целом, то вы пока что рифмуете. От этого нет вреда, но нет и особой пользы. Ведь, что такое стихотворение? Оно как бы уже существует и носится в воздухе, его остается только открыть. Это как камень, принявший форму чего-то существующего. Я глубоко убежден, что природа в камне создает изображение каждого из нас. Мне, например, удалось найти свое изображение. Если вы хотите серьезно работать в поэзии, вам надо уметь легко писать в любом стиле мировой поэзии, например, в стиле Гомера, Гете, Байрона. Это большой и серьезный труд. Скажите, о чем ваша диссертация?

– Философские вопросы физики, это для специалистов, – мне не хотелось переключать внимание на себя.

– Надо писать так, чтобы было понятно неспециалистам. Вы читали книгу Макса Борна «Физика в жизни моего поколения»?

– Я знаю, что есть такая книга, но я ее не читал.

– Напрасно, эта книга пример того, как доступно можно писать о сложном.

Леонид Николаевич, опираясь на стол с одной стороны и на ручку кресла – с другой, не без напряжения поднялся проводить меня до дверей. Подошла Нина Анатольевна и спросила:

– Наверное, вы не очень удовлетворены беседой?

– Я всегда был удовлетворен беседой с Мартыновым, – вырвалось у меня.

– Вот за это спасибо, – сказал Леонид Николаевич, крепко пожимая мне руку на прощание.

* * *

После этого рассказа Галина Алексеевна вспомнила:

– Действительно, в середине лета 1979 года Леонид Николаевич с Ниной Анатольевной неожиданно приехали с дачи. Я это знаю, потому что была его лечащим врачом. Не хотите ли пройти в кабинет? – спросила она.

Я согласился и, войдя в кабинет, почувствовал, что не видел его без Леонида Николаевича. Кресло за столом у окна, слегка отодвинутое, было пустым. Мой взгляд, медленно переходя с камней на подоконнике на стену с картинами, а затем на противоположную стенку с книжными полками, остановился на книге с названием «Топология».

«И это увлечение моей юности находится здесь», – подумал я, когда услышал голос Галины Алексеевны.

– А здесь камень – образ Леонида Николаевича. Он нашел самого себя. Правда, похож?

Я держал в руках небольшой коричневый камень – изображение в профиль молодого, слегка курносого, Леонида Мартынова. Не помню, что я ответил, вспоминая его строки «Я странник коричневый весь...» и, продолжая смотреть на камень, почувствовал сидящего в кресле Леонида Николаевича: в уголках его губ застыла легкая и добродушная улыбка, но глаза, внимательные и серьезные, смотрели на меня и одновременно сквозь. Контуры его тела становились то четкими, то прозрачными и размытыми. В этот момент стены кабинета как бы растворились и за ними открылась взору необъятная страна под названием «Лукоморье».

Сергей ПСАРЁВ

Реквием. Дуэль декабриста

Сальери

А!

Ты сочиняешь *Requiem*? Давно ли?

Моцарт

Давно, недели три. Но странный случай...

Не сказывал тебе я?

Александр Пушкин. «Моцарт и Сальери».

В парках Петербурга полыхает пожар осенних красок. Любимое время года, тишина и покой на душе. Вот и еще один лист отрывается от ветки вскормившей его, кружится и падает на землю. Ветер раскачивает вершины черных кленов, и вниз сыплется целый фейерверк. Каждый листок неповторим и имеет свой особый рисунок, как теплая человеческая рука...

Старинный парк Лесного института или по-местному «Лесопилки». Пожалуй, он один из лучших в городе. С начала XIX века его создавали умелые руки садовников и ученых. Все здесь делалось с любовью и на века...

Мы медленно идем по аллее парка, ты и я. Небо дышит холодом, тепло скорее внутреннее, от нашей близости. У нас осталось мало времени, но мы растягиваем его и пьем по капельке. Расставаться не хочется. Наслаждаемся каждым мгновением бытия. Пусть все это останется в нашей памяти. Ведь в следующий раз чего-то уже не будет, лучшие мгновения не повторяются. Будут другие. И вообще, дальше все будет только потом. Значит нужно сейчас запомнить этот день, чтобы жить дальше...

Спускаемся вниз мимо учебных корпусов и старинных построек дачного типа. Кленовые рощи сменяются величественными вязами и лиственницами. У самого пруда два огромных, в несколько обхватов дуба. Рядом покосившаяся от времени каменная ваза. Темная поверхность пруда морщится и гнется от ряби, кружится беспокойный хоровод городских уток. Опавшие листья совсем сухие и нет в них еще горького прелого запаха смерти. Просто наступил осенний золотой сон. Вот выглянет из-за туч солнце, и все опять засверкает и оживет...

Теперь мы идем по парку вдоль Новорос-

сийской улицы. До 1952 года она называлась Новосильцевской. Скоро, почти одновременно, замечаем невысокий серый обелиск, особый памятный знак. Странно, бывали здесь не раз, но не замечали его прежде. Значит, только сейчас пришло это время...

Читаем скромную и лаконичную надпись на каменной плите. Оказывается, на этом неприметном, затерянном среди деревьев месте, в сентябре 1825 года состоялся поединок, взволновавший весь Петербург.

Что же в этом удивительного? Вполне заурядное дело для того времени. Так часто решались вопросы чести общей дворянской семьи, не прибегая к посторонней помощи. Дуэли среди разночинцев тоже были возможны, но... всегда считались аномалией...

Теперь только в музейных экспозициях можно увидеть любопытную незаменимую бытовую вещицу того времени: дуэльный гарнитур, изящный ящичек с двумя пистолетами и сопутствующими принадлежностями. Делали их красивыми и удобными для применения. Должен сказать, что однажды мне приходилось держать такой пистолет в руках. Совершенное оружие убийства, превращенное в произведение искусства. Дуэльный пистолет с кремневым замком удачно сбалансирован по весу. Можно хорошо прицелиться, ствол «не гуляет». Вот только спуск курка слишком тугой, да потом еще около секунды нужно ждать пока произойдет выстрел. Психологически это делать трудно, рука в ожидании выстрела начинает сдвигаться. Искры и дым от выстрела, все это потом идет в лицо. Заряжать его тоже непростое и долгое дело. Нужно и пороху в ствол отсыпать, и пулю потом забить при помощи шомпола ударами специального деревянного молоточка.

В 60-х годах прошлого столетия экспертная комиссия, изучавшая обстоятельства гибели Лермонтова, произвела контрольные выстрелы из дуэльных пистолетов. Оказалось, что их пробивная способность лишь немногим уступает знаменитому тульскому пистолету Токарева. При столь высоких боевых свойствах дуэльных пистолетов и малом расстоянии между дуэлянтами остается только удивляться, почему они не перестреляли друг друга...

Всегда были мастера своего дела. Александр Пушкин попадал из такого пистолета с десяти шагов в карточного туза. Знаменитый бретер Федор Толстой, по некоторым данным, убил на дуэлях одиннадцать человек, и мы об этом совершенно ничего не знаем.

Наш случай особый, здесь выстрелы прогремели на всю страну...

Повод для дуэли оказался до банальности простым. Знатный дворянин, наследник огромного состояния и флигель-адъютант Его Величества Владимир Новосильцев по настоянию своей матери отказался жениться на помолвленной с ним дворянке Екатерине Черновой, воспитаннице Смольного института благородных девиц. Красоты была она необыкновенной, но из небогатой семьи и происхождения скромного. Отчество у нее, как у простолюдинки: Пахомовна...

Дальше самое главное. Другим участником поединка оказался брат невесты Константин Чернов, подпоручик лейб-гвардии Семёновского полка. Его секундант – Кондратий Рылеев. Оба они члены тайного Северного общества, будущие декабристы. По части последних теперь существует много противоречивых мнений. Уместно помнить, что главной идеей декабристов было справедливое переустройство общества, где будет править закон, а не прихоть властей предрежащих. Думаю, что такая идея остается актуальной и сегодня...

Получалось, что аристократ Владимир Новосильцев и его неприглядный по понятиям чести поступок для них стал олицетворением несправедливости русского общества. Вот и ключ к разгадке: это была дуэль декабриста. Первые выстрелы прозвучат здесь и уже потом на Сенатской площади...

Утверждали, что ненависть к Новосильцеву в семье Черновых была столь велика, что

старик Чернов, благословляя сына Константина отомстить Владимиру, сказал ему: “Если будешь убит, то следующий по старшинству брат твой будет стреляться с Новосильцевым, если он будет убит – пойдет третий и так дальше, до самого младшего, пятого. Падет последний – я сам пойду. Умру или отомщу за всех вас!..”

Сын не отставал от отца. В поступке Новосильцева он видел социальную подоплеку, желание молодого московского аристократа унижить его семью. Золотая молодежь во все времена позволяла себе слишком многое. В своей записке перед дуэлью Константин Чернов писал: «Пусть паду я, но пусть падет и он, в пример жалким гордецам, чтобы золото и знатный род не надсмехались над невинностью и благородством души».

Во все времена для дуэлянтов существовало незыблемое правило, когда оскорбление, нанесенное женщине, ее лично не касалось, а непосредственно падало на ее естественного защитника, который и становился оскорбленным лицом, причем степень тяжести оскорбления повышалась на одну ступень. Здесь оказался как раз тот самый тяжелый случай...

Условия дуэли были предельно жестокие, примирение невозможно. Стрелялись «...с барьера, дистанция восемь шагов, с расходом по пяти»... Осечка в расчет не принималась. Поединок мог закончиться только четным выстрелом или невозможностью сделать его по причине ранения или смерти участника. Сохранивший свой выстрел мог расстрелять обидчика прямо в упор.

Еще в 1834 году на месте дуэли расстояние между барьерами было отмечено двумя гранитными плитами похожими на старые мельничные жернова. Много позже, в 1988 году, появилась еще и эта памятная стела, рассказывавшая о поединке. Она навсегда примирала соперников, поставив их имена рядом. Здесь можно и сейчас отмерить короткую дистанцию и даже подойти к барьеру.

Внимательно оглядываем место дуэли и ищем свидетелей трагических событий. Может быть, эти старые клены видели поединок? Ветки у них старые, как высохшие черные руки. В изломах их линий читается какая-то скрытая внутренняя мука...

Становлюсь в позицию дуэлянта, ствол пистолета у меня поднят вертикально вверх

и находится у виска. Иду к барьеру, опускаю руку с предполагаемым пистолетом и начинаю наводить его на противника. Все следует делать быстро, нужно успеть выстрелить первым. От этого зависит моя жизнь...

Конечно, можно и здесь промахнуться, если рука дрогнет в последний момент. Трудно убить человека, стреляя в упор. Для этого нужно перейти в себе какую-то крайнюю черту, за которой все дозволено. Это тебе не компьютерные "стрелялки" и не картинка в телевизоре. Даже не поле реального боя, где действуешь из-за укрытия, маскируешься и ускоренно передвигаешься, все иначе.

В поединке на такой дистанции противнику смотришь в глаза, можешь сам стать незащищенной мишенью. Смерть глядит на тебя из ствола. Это действует как гипноз и сковывает движения...

У памятной стелы во все это сильно веришь. Еще один шаг к барьеру. Здесь вся твоя жизнь пролетает в одно мгновение, появляется ощущение ее самого края. Что-то изменилось вокруг. Это же я сам стою в темно-зеленом двубортном мундире с расшитыми золотом эполетами на плечах...

Честь офицера лейб-гвардии Семеновского полка ко многому обязывает. Россия знает наш полк со времен Петра Великого. Не жалея живота своего бились мы под Нарвою и Бородино. В сражении при Кульме в 1813 году Высочайшей милостью полк был пожалован Георгиевскими знаменами. А 16 октября 1820 года наша головная рота первой в армии выступила против жестоких порядков Аракчеева и потребовала сменить командира немца Шварца. Роту обманом завели в манеж, арестовали и строем отправили прямо в Петропавловскую крепость. За роту вступился весь Семеновский полк. Тогда уже весь полк окружили военным гарнизоном и тоже полным составом отправились в крепость!

Зачинщиков из солдат прогнали сквозь строй. Знаете, что это такое? Свистит флейта, бьют барабаны. Обнаженного до пояса солдата хлещут шпицрутенами. Чаще всего он уже в начале экзекуции теряет сознание от боли и многих других ударов не чувствует. Всех остальных солдат раскассировали по разным дальним военным гарнизонам. Вот как обошлись с ветеранами, героями Бородина и

освободителями Европы от тирании Наполеона...

Тронули ранние морозы листву, она и посыпалась, укрыла землю теплым одеялом. Ты собираешь опавшие листья и с прилежностью хорошей ученицы рассказываешь мне особенности каждого из них. Потом все это кладешь к серой гранитной стеле. Безотчетно стараюсь запомнить тебя такой, будто прощаюсь навсегда. Боже, какие у тебя сейчас глаза... Неужели я раньше не видел их цвета? Сейчас они синие. Иногда теплеют или холодеют, заходятся облаками и дождем. Совсем как петербургское небо...

Не гадала мне гадалка жить до старости. Вздохнула и сказала, что не видит ничего. Живи, говорит, так...

Черный ствол пистолета качнулся и плюнул огнем. Выстрела не услышал. Только что-то ударило в голову, словно охватило раскаленной проволокой. Тело и ноги сразу стали ватными и непослушными. Мир опрокинулся, вижу только небо и желтые листья, они падают как снег. Совсем не чувствую холода и боли. Меркнет белый свет в глазах, лиц склонившихся надо мною более не узнаю...

В тот роковой день 10 сентября в 6 часов утра выстрелы сходящихся противников прозвучали одновременно. На таком расстоянии шансов остаться в живых у них не было. Стрелявшиеся получили смертельные ранения, от которых оба позднее скончались. К тому времени им обоим исполнилось только 20 лет...

Теперь все видится под другим углом, снизу. Тело тяжелое и трудно оторвать глаза, разомкнуть губы. Где я? Кажется, у себя полку, в Семеновской слободе. Где-то рядом деревянные солдатские казармы и знаменитый Семеновский плац. Потом, после моей смерти там, в 1849 году, казнят петрашевцев, а в 1881 повесят народовольцев-цареубийц. В просвещенном XXI веке всех их будут называть террористами, а декабристов - заговорщиками и изменниками Отечества. Ужели все это было напрасно и зря пылали наши сердца?

Сообщают, что мой противник Владимир Новосильцев скончался, но это уже не радует меня. Перед смертью и высшим судом все равны и одинаково наги. Туда не въедешь на роскошном автомобиле и нажитые на земле богатства с собой не возьмешь.

Вот и моя сестра Катенька, смоляночка наша, говорит, что ежели умру, то честь, защищенная такой ценой, будет для нее слишком тяжела. Как с этим жить дальше? Более не держу зла и на Владимира. Неволен он, решать свою судьбу сам, мягок слишком. Мать его тоже жаль. В том и вина, что слишком любила свое дитя. Какая же мать такого необузданного чувства не знает?

Ко мне заходят соратники по тайному обществу. Называют героем и символом борьбы против неограниченной власти самодержавия. В России сейчас каждый холоп и раб, но будет гражданином. Дайте, срок. Нужен такой сигнал обществу, чтобы разбудить его. Грустно не то, сколько русских людей страдает, а то, что огромное количество их страдает и даже не осознает этого...

Все говорят эти красивые и правильные слова, а в глазах жалость. Мне уже все равно, знаю, что скоро умру. Только жить еще хочется, даже через такие муки.

Вот и кончилась твоя дальняя дорога. Дом казенный, последний твой скоро опустят в холодную сырую землю. Ничего больше не будет. Господи, никогда так сильно не хотелось жить, как в тот момент, когда приходилось умереть...

Почему же мы так безжалостно тратим свою жизнь, играем со смертью в годы нашей молодости?

Старик Чернов сейчас почему-то похож на моего покойного батюшку или отца князя Андрея Болконского, литературного героя графа Льва Толстого. Он все еще задирист и хочет кому-то отомстить. Почему у него мокрые глаза? Он часто отворачивается и вытирает лицо. Старику хотелось умереть прежде меня. Да, видно, не судьба. Не нужно плакать, отец. Наше дело военное...

Опять померк свет. Кажется, позвали священника и начали исповедовать...

Почему же так темно? Велите больше подать свечей в комнату...

Странное и ясное ведение. Меня совершенно голого везут куда-то на старой разбитой телеге. Колеса ее подпрыгивают и дребезжат на каждом камне. Любой толчок отдается во всем теле. Рядом идут грязные небритые солдаты, похожие на римских легионеров. Они смеются и подгоняют запряженную пару быков.

Почему так больно моей голове? Словно возложили на нее терновый венок. Солнце высоко и извилистая дорога ведет куда-то в гору, все выше и выше. На самой вершине меня грубо стаскивают на землю, куда-то волокут. Сбивают тяжелые железные оковы. Я свободен? Рядом наскоро сколоченный крест. Меня распинают на нем как лягушку на лабораторном столе и прибавляют руки. Крест поднимают, и земля остается внизу. Боли теперь нет, потому что я уже не человек, я символ и знамя. За мной пойдут тысячи других мучеников. Нужно только принести себя в жертву другим.

На вершине горы гудит ветер. Здесь даже травы нет, только безжизненные камни. Даже неумолимые ласточки-береговушки режут воздух где-то внизу, в провале глубокой пропасти. Там у них гнезда. Выше меня только парящий в небе орел. Он всегда сверху, над схваткой...

Страдания Константина Чернова продолжались около двух недель. Князь Оболенский, близкий друг Кондратия Рылеева вспоминал: “Вхожу в небольшую переднюю, меня встретил Кондратий Федорович; я вошел, и, признаюсь, совершенно потерялся от сильного чувства, возбужденного видом юноши, так рано обреченного на смерть”.

Позднее, похороны бедного и безвестного ранее подпоручика Чернова на Смоленском кладбище вылились в первую в России уличную политическую манифестацию. До известных декабрьских событий на Сенатской площади оставалось еще три месяца.

Вильгельм Кюхельбеккер по этому поводу написал стихи, где были такие строки:

Клянемся честью и Черновым:
Вражда и брань временщикам,
Царей трепещущим рабам,
Тиранам, нас угнесть готовым!..

Не берусь оценивать литературные достоинства, но политическая направленность здесь очевидна.

Эта история всколыхнула все общество настолько, что в какой-то момент затмила такое событие в жизни государства, как смерть императора Александра Павловича. Все только и говорили о “пресловутой битве московской спеси с петербургской простотой”...

У этой истории была и другая сторона. Безутешное горе матери погибшего на дуэли Владимира Новосильцева. Собственная жизнь у Екатерины Новосильцевой, урожденной графини Орловой, не сложилась – неверность мужа, имевшего детей на стороне. Оставалась одна надежда: сын, блестящий кавалергард, самый молодой адъютант в свите Александра I и будущий наследник ее состояния. Он умер на грязном чухонском постоялом дворе недалеко от места дуэли. Тогда это была глухая окраина Петербурга. Мать приехала туда из Москвы и еще застала сына живым. Она молила Господа о прощении и предлагала любые деньги врачам за спасение Владимира...

Несчастливая и по-своему добрая женщина, теперь она считала себя убийцей своего сына. Тело молодого человека отвезли в Москву и схоронили в Новоспасском монастыре. Всю остальную жизнь Екатерина Новосильцева провела в молитвах, предаваясь делам милосердия. Она больше никогда не снимала траура...

На месте, где скончался ее сын, Екатерина Новосильцева выстроила церковь во имя святого равноапостольного князя Владимира, а рядом поставила три здания благотворительного заведения для солдат-инвалидов. Храм простоял до 1932 года. У зданий бывшей богадельни дальнейшая судьба оказалась счастливее. Их недавно отреставрировали под модный гостиничный комплекс, сохранив первоначальный исторический вид. Несколько неожиданным на их фоне выглядит размещенное рядом «творческое пространство современного искусства» с нелепыми выставочными экспонатами в виде огромных кубов и пирамид. Что же, у каждого времени свои приметы...

В декабре 2015 года исполнилось 190 лет восстанию на Сенатской площади Санкт-Петербурга...

«Неужели все это забыто?» – думается мне иногда при виде некоторых постыдных страниц нашей окружающей действительности. Тогда остается просто помнить об этом и жить дальше. С чистыми помыслами, по совести и чести...

Мне когда-то довелось служить в армии вместе с двумя потомками декабристов. Они гордились своей родословной и сохранили в душе какую-то особую страстность и обо-

стренное чувство собственного достоинства. По-разному сложилась их дальнейшая судьба...

В шорохе падающей листвы нам по-прежнему слышались далекие голоса, мы все еще жили этим далеким временем...

Этот студент у старого вяза чем-то неуловимо похож на декабриста, молодого поручика Кавалергардского полка Ивана Анненкова с картины неизвестного художника. Он так же высок, голубоглаз и очень хорош собой. С неподражаемой ленивой грацией юноша облокотился на ствол могучего дерева. Мысленно представляю его в белом мундире кавалергарда и замшевых лосинах, подчеркивающих достоинства стройной фигуры. Сам Император оставлял карты и шел специально полюбоваться на него, когда приходил черед исполнять мазурку. Обычно Анненков исполнял ее намеренно в паре с великой княжной Александрой Федоровной. Правда, вместо палаша в гремящих ножнах, в руках у него сейчас веерные грабли. В парке шла уборка опавших листьев. К нему подошли три студентки. Между ними завязался непринужденный, почти светский разговор.

Легко представить, что все это происходило в дворянском собрании 5 сентября 1825 года. Тогда вся эта необыкновенная пестрота осенних листьев могла бы превратиться в сменяющиеся лица. Сверкающие дамские плечи, черные фраки и шитые золотом мундиры, люстры, лампы и зеркала. Ощущение бесконечного счастья и пройденной «трагической точки невозврата». Где-то здесь могли оказаться наши герои и состоялся вызов на дуэль. Решались вопросы чести и их судьбы, а рядом на паркете беззаботно скользили танцующие пары и делали фигуры вальсом. Они даже не замечали, как мимо них стремительно пролетало время. Отчаянные музыканты, не зная усталости, подхватили новый мотив. Это был уже знакомый всем нам «Осенний вальс» Фредерика Шопена.

В нем мне всегда слышатся грустные ноты и слова прощания, но каждый год он опять возвращается к нам, чтобы снова подарить этот праздник удивительной красоты природы.

Только люди уходят от нас навсегда, оставляя память о своих делах и поступках...

Виктория ЛЯВДАНСКАЯ

Знакомьтесь: поденгу - удивительный и универсальный...

Почему люди заводят собак? Причин намного больше, чем мы себе представляем. В моём случае изначально это была реализация детской мечты, также это может быть реализация потребности в заботе о ком-то, потребность в компаньоне, в безусловной любви, реализация потребностей младших членов семьи, потребность в защите и охране, реализация стремления к власти (самая нежелательная причина), а также потребности профессиональной деятельности.

Собак предпочитают люди, открытые окружающим, самодостаточные, те, кто легко заводят новые контакты. Такие люди в своём животном видят, прежде всего, друга. Они нуждаются в постоянной эмоциональной подпитке, а собаки умеют выражать радость, преданность, демонстрируя тем самым свои эмоции. Если вы из числа тех, кто нуждается в обмене эмоциями, общении, собаки будут наилучшими домашними питомцами именно для вас.

Дружба является, пожалуй, наиболее универсальной вещью, которую собаки дают людям. Научные исследования свидетельствуют о том, что собаки приносят много пользы для здоровья. Собаки помогают расслабиться, снизить артериальное давление, вести активный образ жизни и многое другое. Связь с собакой формируется в тот момент, когда она входит в жизнь человека. Со временем эта связь постоянно укрепляется.

Почему человек выбирает определенную породу? Ответом на этот вопрос может служить мода на породу, эстетический подход, принцип престижа, детские переживания, также (и это наихудший из возможных) принцип «чтоб боялись», и тот, что выбрала я, - рациональный подход. Помимо мотивации, естественно, важную роль играет ситуация «здесь и сейчас», то есть то, в каких обстоятельствах принимается окончательное решение по породе. Это следующие факторы: эмоциональный, фактор наличия, фактор неожиданности и фактор «всё к одному». Безусловно, на вы-

бор собаки огромное влияние оказывает конкретный характер и темперамент будущего владельца.

Каждая порода собак хороша по-своему, у каждой есть своя история, свои достоинства и недостатки и каждая обладает характерной внешностью, которая не позволяет спутать её ни с какой другой породой. В многочисленной литературе и на просторах Интернета вы можете найти массу информации о той или иной породе собак, где вам советуют выбирать ту, что больше всего понравится. И тут я хочу с этим не согласиться. Дело в том, что то, что сегодня нравится, может обернуться разочарованием завтра. Увы, но если не брать во внимание перечисленные выше факторы при покупке щенка, даже наши вкусы меняются!

Единственным правильным решением перед покупкой щенка в момент выбора породы, на мой взгляд, является быть предельно честным с самим собой и самому себе ответить на следующие вопросы: какой вы человек, какой у вас темперамент, какие основные черты характера, каковы ваши увлечения, как много у вас свободного времени, в каких условиях вы живете и т. д. И самый главный вопрос: для чего вам нужна собака? Каждый человек, принявший решение приобрести собаку, ожидает гармоничных отношений с ней (это тема отдельного разговора), но не каждый знает, что выбор породы также оказывает большое влияние на качество будущих отношений хозяина с собакой. Когда отношения между вами и вашим питомцем гармоничны, вы можете многому у него научиться. Научиться непосредственности восприятия мира — основе человеческого здоровья. Многие, уже человеческие, проблемы, возникают из-за того, что человек не умеет чувствовать себя и окружающих. Не умеет жить здесь и сейчас. Радующаяся собака полностью растворяется в своей радости, не стесняясь её выражать. Если бы человек умел так же открыто выражать свои чувства — здоровых людей было бы гораздо больше.

Я давно и профессионально занимаюсь кинологией, содержала разные породы собак и, как мне казалось, знаю о выборе всё. Но в 2012 году совершенно случайно и спонтанно я открыла для себя универсальную породу собак, рассказом о которой хочу поделиться с вами. Это порода — португальский поденгу. Именно представители этой породы способны сделать наши взаимоотношения с ней гармоничными. А возможным это становится благодаря универсальности этой породы. Судите сами: порода с очень древней историей, с тремя ростовыми разновидностями: малый, средний, большой и с двумя вариантами шерстного покрова: гладкошерстный и жесткошёрстный, с различными окрасами: жёлтый и олений всех оттенков от светлого до тёмного с белыми отметинами или без них, либо белый с пятнами данных цветов. Описанное в стандарте использование этой породы следующее: охотничья собака, сторожевая собака и собака-компаньон. Согласитесь, не каждая порода собак может похвастаться таким разнообразием!

Я остановила свой выбор на португальском поденгу малом гладкошёрстном (поденгу португезе). Сегодня в Санкт-Петербурге я являюсь единственным счастливым обладателем пары представителей этой удивительной породы собак. Да, эта порода очень популярна за рубежом, но пока очень редкая у нас в России. И я хочу рассказать вам о том, чего вы не прочтёте в стандарте породы.

На первое место я поставлю, пожалуй, интеллект. Это просто удивительно, насколько умная и послушная эта порода! Представители португальского поденгу очень любознательны, наблюдательны, самостоятельны, обладают отличной памятью и быстро обучаются, прекрасно адаптируются к условиям, в которые попадают и с удовольствием выполняют любые просьбы хозяина. С этой породой можно заниматься курсингом и аджилити, ходить на охоту и даже в лес за грибами! У меня сложилось впечатление, что ничего невозможного для поденгу не существует!

Второй очень важный момент — это связь с хозяином. Поденгу очень тактичны, ненавязчивы, внимательны и отлично чувствуют настроение владельца. Это удивительно тонко чувствующие существа! Здесь я хотела бы

отметить, что поденгу делают всё, чтобы у хозяина не было повода огорчиться или рассердиться на своего питомца. Также они преданны, отважны и всегда готовы защитить, если того потребует ситуация. Поденгу прекрасно ладят с детьми, а также с другими животными. Они готовы сопровождать вас повсюду, играть, работать или отдыхать, когда того желает хозяин.

Третье обстоятельство универсальности португальского поденгу заключается в практичности. Представьте, маленький размер 20-30 см, короткая шерсть без подшёрстка, которая не требует особого ухода, чистоплотность, отсутствие тяги к порче имущества, крепкое здоровье (в том числе состояние зубов и дёсен, которые у большинства мелких пород собак требуют дополнительного ухода) и крепкая нервная система, долгожительство (средняя продолжительность жизни 12-14 лет), что немаловажно, учитывая как сильно мы привязываемся к нашим питомцам, неприхотливость в еде (собаки этой породы едят то, что даст им хозяин и при этом с отличным аппетитом), доброжелательный нрав и покладистость — разве эта порода не мечта для жителя мегаполиса?

Я очень надеюсь, что смогла заинтересовать вас этой универсальной породой. Уверена, что совсем скоро не только я, но и вы откроете для себя удивительный мир португальского поденгу.

Хочется верить, что каждый настоящий и будущий владелец собаки понимает, что ответственность за гармоничные отношения с его питомцем лежит полностью на нём, какую бы породу он ни выбрал и насколько бы универсальной она ни была.

Ольга ПОЛЯКОВА

Зрительное восприятие подвига мученичества. Портреты новомучеников.

Страшно представить, что зверски уничтожено десятки тысяч христиан, большинство из которых ныне канонизировано как новомученики.

Многообразие личностных дарований, талантов, величие их подвижнических деяний трудно переоценить, сколько дел во славу Божию не осуществлено!

Но это все слова, а если мыслить как художник языком пластики рисунка и живописи, становится необходимым, т.е. христианским и профессиональным долгом, рассказать о подвиге мученичества визуальным языком.

Лица, глаза, те жизненные ситуации, в которых они оказались, дополняют образы новомучеников, переданные словесно. Может быть, на кого-то обратит более внимательный взгляд Русская Православная церковь, или может быть, просто возникнет спор, обсуждение конкретных людей, уточнение ситуаций, просто интерес к этой проблеме.

Возможно, кто-то посмотрит на своих предков более внимательно анализируя свои корни с этой точки зрения, не важно на какой стороне они были. Кто-то будет отмаливать грехи своих предков, кто-то с молитвенным благоговением и благодарностью будет обращаться к праотцам за духовной помощью и стараться быть похожим на них.

Многие состояния души не доступны слову. Есть тончайшие эмоциональные моменты, передать которые может только визуальный ряд. Живопись, графика, скульптура находятся на духовной высоте над нашей жизнью. Небольшой графический сюжет, изображающий наспех воткнутые между Соловецкими камнями крестиками с номерами вместо имен наших великих поэтов, ученых, духовенства, могут потрясти в одно мгновение самую черствую душу и остаться в памяти навсегда. Здесь не надо вдаваться в красноречивые разъяснения. Крестик, связанный провололочкой и укрепленный среди суровых камней над прахом новомучеников производит сильное впечатление. Этот сюжет щемит душу, вызывает слезу, это

надсловесный уровень впечатления. В этом роль живописи и рисунка. Состояние индифферентности Соловецких камней обостряет впечатление от человеческих страданий. Лица могут сказать еще больше.

Подавляющее большинство церковных иерархов происходило из духовного сословия или из петербургской аристократической среды. Разносторонне одаренные, высокообразованные, они способны были твердо отстаивать чистоту православной веры в сочетании со способностью к политическим компромиссам. Их подлинно аристократический внешний облик, в лицах достоинство христианина, интеллект, мужество и твердость защитника отечества.

Среди новомучеников есть и очень простые глубоко верующие люди, принявшие смерть за Христа, имея выбор решения.

Это удивительные лица, о них можно сказать, что это «лики». В них и божественная красота, и твердый духовный стержень в их глазах, и доброта, и мудрость, и знание того, что нам скрыто, и твердость вере и слову.

Размышляя над вопросом новомученичества, хотелось бы расширить взгляд на этот вопрос. Разве не относятся к новомученикам многие из простых женщин, рожавшие детей, воспитывавшие их в христианских традициях и умершие раньше срока от непомерного труда и лишений, но не роптавшие на жизнь, и с именем Господа на устах.

Не им ли мы обязаны тем, что жива Русская Православная церковь, и прихожан в ней все больше и больше.

Эти женщины могли бы выбрать более легкий жизненный путь. У многих из них был выбор: посвятить свою жизнь служению божьему делу, которое могут осилить только они, или искать всевозможные способы выживания, не рожать, не воспитывать в духе благочестия детей, не жертвовать своей жизнью и здоровьем, что вполне можно было бы оправдать страшной ситуацией.

Необходимо передать в портретах женщин безграничное терпение, мощный личностный стержень, крепость духа. Отсутствие духовной расслабленности.

Создано много портретов женщин, выде-

лявшихся в сонме российских новомучеников своей приверженностью к древнерусскому благочестию.

Уже создана большая галерея портретов новомучеников: митрополит Владимир (Богоявленский), митрополит Вениамин (Казанский), митрополит Серафим (Чичагов), митрополит Иосиф (Петровы), епископ Григорий (Лебедев), архимандрит Лев (Егоров), протоиерей Викторин Добронравов, протоиерей Измаил Рождественский, монахиня Анастасия (Платонова) – известная церковная писательница, католический епископ Антоний Малецкий, лютеранский священник Курт Мусс, протоиерей Петр Скипетров, Кира Обленская, В.М.Лосева, Павел Флоренский и др.

Тема чрезвычайно тяжелая для художников. Во-первых, изучение материалов, документов, рукописей, фотографий. Художнику необходимо сконцентрировать всю эту информацию, представить визуально и мастерски все это изобразить. Зрители ощутят в портретах новомучеников близкие им черты, будут сочувствовать им, устрашаться испытаниям и почувствуют неоплатный долг перед новомучениками.

С большим почтением, молитвенным благоговением, смирением, уважением и любовью продолжается работа над портретами новомучеников, замечательных людей разных сословий и образовательного уровня, оказавшихся в разных очень жестоких жизненных ситуациях, где перед ними был поставлен нравственный выбор, и они его сделали.

Создание зрительного восприятия подвига мученичества - задача художника. Автору хотелось бы обратить внимание на эту тему и пригласить к углублению и расширению темы новомученичества и работе над ней.

Список литературы:

1. *Аверинцев С.С. София – Логос: Словарь.* – Киев: Духи Літера, 2001
2. *Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета.* – М.: Издательство Московской Патриархии, 1988
3. *Вауловский Успенский женский скит 1903 – 2003 к столетию основания. Воскресенский Собор г. Романов-Борисоглебск.* – М.: Отчий дом, 2003
4. *Жизнь по единому евангелию разнообразие опыта. Свидетельства православных*

и францисканских святых. /сост. О.Текле Ветрали/ OFM Венеция-Рим. Кафедра теологии и экуменической духовности Unoil Signore, 1998

5. *Зизаулас Иоанн, митр. Бытие как общение. Очерки о личности и Церкви.* – М., 2006

6. *Избранные жития русских Святых X-XV вв.* – М.: Молодая гвардия, 1992

7. *Коняев Н. Святой профессор. Книга о мученике Юрии Петровиче Новиковом.* – М.: Русь, 2008

8. *Крылов А.К., Крылова О.Ю. Макарьевские чтения. Выпуск III часть II Можайск,* 1995. С. 24-41

9. *Петербургские Святые. Календарь 2008 г.* /сост. Соколовская Л.А./ – СПб: Диалог, 2007

10. *Православный Летописец Санкт-Петербурга.* – СПб, 2009 № 36

11. *Реати Ф.Э. Бог в XX веке: человек – путь к пониманию Бога (Западное богословие XX века).* Европейский Дом Санкт-Петербург, 2002

12. *Тахо-Годи А.А., Лосев А.Ф. Греческая культура в мифах, символах и терминах.* – СПб: Алтейя, 1999

13. *Трубецкой Е. Смысл жизни,* 1918

Рисунок пейзажа

Любой творческий процесс не может не учитывать объективные законы природы. Знание научных положений искусства непременно лежит в основе обучения художника. При изображении пейзажа фундаментом научной основы является в первую очередь перспектива. Без знания перспективы невозможно построить ни одну пейзажную композицию. Кроме пространственного построения необходимо рассматривать принципы распределения светотени. Использование законов передачи пространства чрезвычайно расширяет возможности художника.

Перспектива сама по себе не художественное, а чисто математическое явление, т.к. с полным правом можно сказать, что большая или меньшая погрешность или даже полное отсутствие перспективной конструкции не имеет никакого отношения к художественной ценности (как, разумеется, и наоборот, строгое соблюдение перспективных законов никоим образом не вредит художественной

«свободе»). Однако, если перспектива не самоценностный элемент, то она все же элемент стилистический и даже, более того, ее можно определить как одну из «символических форм», через которые «духовно значимое содержание связано с конкретным чувственным знаком и этому знаку внутренне присуще», если воспользоваться удачно найденным термином Эрнста Кассиера.

Отсюда следует, что для определенной художественной эпохи, или для осуществления поставленных задач данным художником, более существенно не то, имеется ли перспектива в произведении, но то, какая именно перспектива выбрана.

Рассмотрим варианты пространственных построений пейзажа на плоскости. Перед художником всегда стояла задача на двухмерной плоскости создать трехмерное пространство. Античность и Средневековье ее решали интуитивно, следуя лишь зрительным впечатлениям, здравому смыслу и традиции. Возрождение создало математически строгое учение о способах передачи пространства, назвав его системой перспективы. Казалось, проблема была решена. Естественно, все понимали, что художник не обязан строго следовать математическим правилам, однако существование научно безупречного решения проблемы придавало европейскому изобразительному искусству серьезную основательность.

На практике художники убеждаются в том, что ренессансная система перспективы не всегда эффективна. Возникло понимание того обстоятельства, что в теории ренессансной перспективы не учитывается работа мозга. Человеческий мозг существенно преобразовывает изображение, возникшее на сетчатке глаза. Существует много несоответствий между живым зрительным восприятием человека с учетом психологии, движения взгляда, жизненного и эмоционального опыта, образования и теорией. Возникает вопрос, какими изобразительными средствами возможно пользоваться, учитывая преобразующую деятельность мозга, для реализации замысла, находясь на академических позициях.

Рисунок пейзажа имеет свою специфику – неограниченную глубину пространства. Именно поэтому при рассмотрении методов изображения пространства до горизонта

уместно обсудить вопрос о том, как наиболее естественно передать облик заполняющих его объектов (домов, деревьев и т.п.), расположенных на разных планах. Основной проблемой является способ наиболее точной передачи на двухмерной плоскости картины созданного работой мозга субъективного трехмерного пространства зрительного восприятия. Адекватная передача субъективного пространства на плоскости в принципе не возможна. Поэтому существует проблема выбора – какие художественные задачи в данной работе решаются, чему отдаются приоритеты, на какие элементы изображения сместить неизбежные искажения, при этом не нарушая единой системы, какой угол зрения художник будет использовать.

Эрвин Панофский в своей работе «Перспектива как «символическая форма»» обозначил проблему видения в локальной художественной задаче – разработке линейной перспективы развивающуюся в истории философскую проблему восприятия и воспроизведения реальности.

В 30-е годы XX в. в Принстонском университете сложился круг потенциальных единомышленников Э. Панофского, лауреатов Нобелевской премии Альберта Эйнштейна, Вольфганга Паули, Томаса Манна, работающих над проблемами пространства.

Эрвин Панофский в 20-е – 30-е гг. XX в., а затем Борис Раушенбах в 60-е – 70-е гг. в своих книгах приводят примеры различных методов, казалось бы не имеющих отношения к теории перспективы, т.к. они предназначены для передачи объективного пространства. Чертежные методы в искусстве в наиболее чистом виде применялись в Древнем Египте и были чем-то на подобие художественного черчения. Если в техническом черчении применяют три ортогональные проекции (вид спереди, сбоку и сверху), то в Египетских рельефах, понимая, что одна проекция малоинформативна, художники совмещали две проекции в одном изображении. Так, пруд изображен в плане, а деревья вокруг него даны в виде сбоку. В случае с пейзажем с большим обзором земли, ее можно показать только на плане, если художнику важно передать не землю, а то, что стоит на ней, то земля превращается в линию, а деревья и архитектура изображены сбоку или

спереди. Так же поступали художники Древней Руси.

К применению чертежных методов в искусстве можно отнести и использование разномасштабности. Этими приемами удачно пользуются русские иконописцы, китайские, японские художники. На примере Древне Египетского изображения, где в сцене загрузки корабля, стоящего у причала, использованы три ортогональные проекции, разномасштабность и символичность изображения без ущерба для художественности произведения. Таких изображений множество, они прекрасно «ложатся» на плоскость и успешно могут быть повторены в современном монументальном и декоративно-прикладном искусстве.

Метод локальных аксонометрий или как его иногда называют «параллельной системой перспективы» применяется для изображения неглубоких пространств, разделенных на два плана: задний – декорация для тщательно проработанного переднего. Этот прием виртуозно используется иконописцами при изображении пейзажной среды. Аксонометрия с успехом применяется в реалистической портретной живописи для решения таких задач. Еще один метод в линейной перспективе: начало изображаемого пространства не совпадает с границей картины – изобразительная плоскость проходит через него так, что оно кажется выступающим вперед и окружающим зрителя. Картина становится «срезом действительности», так что представленное пространство разворачивается во всех направлениях, выходя за пределы изображенного. Это позволяет почувствовать бесконечность и непрерывность пространства. (Ян ван Эйк «Мадонна в церкви»)

Эталоном формально правильного считается изображение, построенное по закону системы перспективы, созданной великими мастерами эпохи Возрождения. Более того, т.к. эта система описывалась строгими математическими соотношениями и получалась в результате почти очевидных геометрических построений, основанных на нескольких не менее очевидных исходных положениях носит название «системы научной перспективы». Но она базируется на том условии, что взгляд неподвижен и угол зрения очень не велик. Считается, что этот вид перспективы

незаменим на этапе формирования взглядов художника в учебном процессе и эффективен в профессиональной и творческой работе.

Конкретный натуральный характер рисунка дает возможность связать античный, ренессансный, классический опыт с интересом к своей национальной природе. Многосторонние знания и практический опыт позволяют передать утонченность, пафосность, суровость, романтизм, зачастую свойственную русским художникам идеализацию национальной действительности.

Сочетание теоретического обоснования правил изображения условного, искусственного пейзажа, опыта большого количества натуральных зарисовок дает возможность создать на основе подражания частному некоему стоящего выше натуры идеального художественного образа.

Интересно рассмотреть конкретную работу художников над пейзажами и проанализировать какие методы применялись для реализации идей зачастую интуитивно. Работа над пейзажами И.Левитана состояла из большого количества натуральных набросков, где видно, что сделав первую зарисовку, Левитан переходил на другое, более высокое место, в силу чего горизонт повышался, пространство энергичнее открывалось. (эскизы к картине «Над Вечным покоем»)

В Третьяковской галерее хранится много первоначальных зарисовок, вариантов, где перед нами раскрывается лаборатория художника. Левитан создает сочиненный пейзаж, иногда совмещая два разных мотива. Часто это взгляд с нескольких горизонтов, сначала с низкого а потом с более высокого. Это и «Весна. Большая вода», «Золотая осень», «Над Вечным покоем», «Зима». Автор дает возможность парить и дышать полной грудью в этом увеличенном раздвинутом пространстве. Этих эффектов он добивается выше перечисленными приемами.

Другой пейзаж «Вечерний звон», к которому много зарисовок с разных мест и даже картина «Тихая обитель» с фронтальной композицией, видимо, натурной. Это сложный «сочиненный» пейзаж, который словно приглашает взгляд гулять по картине, то двигаясь по воде и в глубину к монастырю и вдоль течения реки за заворот, погружаясь в откры-

вающийся за ним дальний план. Да и в самом изображении монастыря есть возможность углубиться дальше и дальше по мосткам к лодкам, диагональное расположение которых уведет взор в левый угол, отвлекая его от созерцания колеблющегося отражения берега. Движение в глубину от мостков через реку, к воротам монастыря, как бы возвращается назад двумя фигурками монахов, отражениями в воде и, наконец, лодкой.

Левитан плавно провел зрителя по сложному пути, по своим любимым дорожкам и как бы вернул взор в центр картины. От этого плавного движения взора по тем мотивам, которые любы художнику, а затем возвращением к центру, зритель долго находится в благодном созерцательном состоянии.

Другие задачи ставил перед собой Гюбер Робер. В 1802 г. он был избран Академией художеств почетным вольным общинником. Сочетание декоративности с изящными перспективными головоломками в построении архитектуры, которая играет большую роль даже в парковых пейзажах французского художника.

Работы Робера не могли оставить равнодушными русских художников. Virtuозные решения перспективных проблем то в вертикальных полотнах очень казалось бы неудобных форматов 1 x 4 или горизонтали 1x5. Противоречивость теоретических решений и настроений, ноты возвышенной печали в сочетании с внешней жизнерадостностью. Космическое пространство со многими точками схода достигают результата, шокируют и оставляют в недоумении.

Надо сказать о некоторых технических моментах в рисунке пейзажа: например, ощущение движения. Роль диагонали в пейзаже очень важна. Диагональ подъема слева направо вверх, диагональ падения, направленная справа налево вниз – существенный момент восприятия. «По ней идет восходящее движение вверх направо как будто все ускользящее и уходящее в ракурс и в глубину» (В.А.Фаворский). Это диагональное движение передает настроение подъема, позитива, полета. Происходит некое художественное «чудо», переживаемое нами.

Мера тона, соотношение черного и бело-

го тоже очень важна, не пластическая борьба между белым и черным, а их гармония.

Интересно рассматривать растения, кусты, деревья. Их изящество прежде всего основано на движении форм и линий. Стремясь вверх к свету, преодолевая сопротивление среды, ель превращается в обелиск, сосна в канделябр. Характер сложного движения ветвей берез, лип, елей, сосен очень выразителен и экспрессивен. Мы интуитивно ищем центр тяжести в случае наклона. Ветви строятся по естественному изгибу пружины.

Если проанализировать линии, которые выражают пластику растений, облаков, ландшафта, мы должны будем заметить, что кривые изогнутые линии, особенно неравномерно изогнутые будут выражать большее движение, чем прямые. Прямая линия выражает движение равномерное и довольно быстрое, взгляд по ней стремительно проскальзывает. Кривая неравномерно изогнутая моделирует ритм, скорость, следить за этим движением очень увлекательно, то замедленное вдумчивое, то резкое ускоренное. На выпрямленных фрагментах движение стремительно ускоряется, на закругленных, как на резких виражах будет плавно замедляться. Так линия волн имитирует постепенное замедление движения, уходящее в бесконечность.

О некоторых современных проблемах: сегодня существуют широкие возможности использования фотоматериалов вместо натуры; однако надо понимать, что фотография зачастую не приближает изображение к правильному (т.е. соответствующему зрительному восприятию), а напротив, отдаляет от него. Даже беглое сравнение показывает, что фотографическая перспектива сильно искажает передачу естественного зрительного восприятия. В глаза бросается заметное уменьшение всех объектов, находящихся на заднем плане – деревьев, архитектуры, ландшафта. Пространство на заднем плане как бы сжимается, горизонт понижается. Это сжатие и уменьшение распространяется не на все изображение, передний план наоборот увеличивается в размерах и деформируется.

Только комплекс творческих и научных методов дает всю полноту передачи пространства и настроения в рисунке пейзажа.

Вячеслав ПОЛЯКОВ

Кайка

Кайка – небольшая 3,5 м – 4,5 м, гребная двухвесельная плоскодонная лодка. – Основа культуры «старых азовцев-казаков-камышников» Нижнего Дона. Без кайки вообще невозможно представить казака донского, кубанского, терского, уральского (яицкого) и других представителей древней заимшишной поречной культуры.

Во всех доступных автору изданиях не довелось встретить простого и понятного с детства названия лодки – «кайка». Жизнь нижнедонского казака начиналась и заканчивалась «кайкой». До сих пор на Нижнем Дону говорят о смертельно больном или усопшем «ему кайка». Наверно это отголоски древней дохристианской индоарийской культуры погребения через сожжение погибших героев в кораблях. Так поступали не только скандинавы-викинги – выходцы с Нижнего Дона. Читайте об этом у Т. Хейердала в его последней книге «В поисках Одина». В русской специальной литературе 19 в. и в «Казачьем словаре-справочнике» т. II Сан Ансельмо, Калифорния, США, 1968 г. упоминается название лодки и есть статья «Каюк». В принципе каюк это кайка, но побольше, до двух пар весел и грузоподъемностью не 300 – 600 кг, а 500 кг – 1,5 т. Еще больше у казаков «байды» от 1 т. до 35 т., 2-6 гребцов, чаще 4, по обному на весло. За байдами следуют легендарные многовесельные до 15 пар, парусно-гребные, боевые казачьи «чайки». Но главным, индивидуальным, универсальным, каждодневным плав. средством у казаков все же были кайки.

Цель статьи ввести в научный и литературный оборот понятие «кайка».

В дельтах Дона, Днепра, Кубани и Терека люди жили в доинструментальный период с эпохи палеолита и чем говорят многочисленные археологические находки. Обильные пищевые ресурсы – «Божий присуд» по-казачьи собирался просто руками. Во время нереста, в весенний разлив, в дельте Дона «рыба шла

горбом» - из бурлящей от косяков рыбы воды торчали спины тарани. В ерчихах (протоках вытекавших и впадавших в ерик) текущих по «паше» (заливных лугах) где выпасался после схода воды скот на особо сочной и сладкой траве, скапливалось огромное количество рыбы – сазанов и даже осетров, севрюги и стерляди. Эта рыба не могла скатиться в ерик (проток вытекавшей и впадавшей ниже в основное русло реки). Плескаясь, рыба сама вырывала яму и валом преграждала сток внизу в ерик. Дети, играя, вытаскивали эту рыбу на берег в огромном количестве. Где этого не делали люди, там пировали птицы и животные.

Когда появились орудия, средства охоты и рыболовства, в том числе, плоты из камыша, связанные «чаконом» (рагозом), по-казачьи, «салы», и наконец с появлением пил, позволявших сделать доску и рейку для общивки, появилась «кайка». Когда у камышников – старых азовских казаков появились пилы, неизвестно. На перекрестке древних цивилизаций Востока, Юга и Запада, полагаем, что это произошло не позднее V-VI веков до н.э., когда возникли в дельтах Дона и Кубани греческие города-колонии древняя Тана, затем Танаис. Останки больших греческих и римских галер обнаружены археологами в Мертвом Донце (северном рукаве донской дельты) и в реке Маныч. Малых гребных судов – лодок пока не обнаружено. Но без малого флота большого просто не бывает.

Следовательно, можно утверждать, что прообразы казачьих каек появились в дельте Дона не позднее IV века до н.э.

В станице Елизаветинской – бывшей греческой Танае археологами обнаружены большие рыбные «просола», по-казачьи, для объемной (промышленной) засолки рыбы построенных в IV в. до н.э., вылов которой в таком количестве был не возможен без малых судов-лодок. Погрузка и выгрузка больших морских судов тоже.

До появления греков в дельте Дона там проживали многие народы, в том числе древ-

ние меоты (прославяне), скифы, асы, аланы и др.

Вмещающий ландшафт формировал определенный тип поречной приморской культуры. Неважно когда аборигены и пришлые народы, проживающие в дельте и на бесчисленных притоках Дона, ериках и ерчихах, лиманах и озерах стали называть себя казаками. Образ жизни и местная культура практически не изменилась. Казаки жили «с травы да с воды», «не сеяли не жали, завсегда сыты бували».

Не совсем верно представлять казака только на коне с нагайкой, пикой и шашкой, точнее низового казака всегда вооруженного, но в кайке. Казаки народ поречный, приморский. Не надо забывать, что все 11 казачьих войск назывались от названий рек и морей: Донцы, Кубанцы, Терцы, Агроханцы, Уральцы, Семиреки, Амурцы, Черноморцы, Азовцы и др.

На водоразделах в Великой Евразийской Степи господствовали до поры кочевники-номады. Для них естественным препятствиями были реки, озера, моря, болота, непроходимые леса и горы. У низменных рек с болотистыми, топкими, заросшими камышом берегами, густыми кустарниками и лесами кочевники искали проходы для водопоя и брода. В известных казакам местах устраивали переправы «на салах». Степники очень остерегались встречи с камышниками. Лучше было договориться с ними или нанять для переправы на больших реках, что делали татаро-монголы.

Они организовали специальные переправы на которых служили «казаки-ордынцы» на всей территории огромной империи. Еще при чингизах казаки-ордынцы проникли на восток в Сибирь, Среднюю Азию до самого Курулена и даже Китая (Быкадоров, Гордеев, Савельев). Речные магистрали образовали географический каркас исторического пространства, стали трассами расселения казаков первопроходцев. Они освоили это огромное пространство в одну шестую часть земной суши, одухотворили и закрепили за теми или иными формами государственной целостности. Процесс освоения был невозможен без легендарной «чудо кайки».

Низовое Донское Казачье войско (Глав-

ное войско оно же Великое Войско) было неуловимо для противников, наступавших на казаков-камышников конно в пешем строю или на больших кораблях. Казаки практически мгновенно растворялись в безбрежной камышовой стихии и столь же неожиданно для противника собирались в Войско, нанося сокрушительные удары. Они были неуловимы благодаря москитному флоту каек.

Рассредоточившись на всем пойменном пространстве в городках-займищах, казаки создали очень эффективную систему оповещения, едва уловимыми для непосвященных, знаками, звуками птичьих посвистов и криканий, заломами камыша, световыми и дымовыми сигналами, с помощью вешек и каменных туров и даже просто грязи. Существовал даже отдельный язык света, полностью заменявший речь. Казаки с помощью заломов и плетений камыша могли «написать» целый текст.

Зимой, когда противник мог достать казаков по льду, они собирались в Главное Войско на зимовку и большими силами в укрепленных местах могли вести эффективную оборону.

На высоких кайках большими и малыми партиями (легковыми станицами) казаки, минуя открытые степные пространства, по Кумо-Манычской системе рек и озер уходили на Каспий, Волгу, Яик (Урал) и Терек. Был путь на кайках на Кубань и в Запороги.

Кайки очень легкие, их можно даже в одиночку, как байдарки, переносить на плечах или вдвоем на руках. На многие десятки километров они перетаскиваются одной лошадью «на волокуше». Просты и дешевы в изготовлении, мореходны и непотопляемы когда обвешаны «салами». Легко с помощью шеста или «бабаик» (весел) на них можно пробираться вперед и назад через густые заросли камыша, не ломая его и не оставляя за собой следа, поэтому, на кайке очень легко и быстро «схвататься у камыши».

В конце 50-х годов прошлого столетия автор не раз становился свидетелем постройки каек и других казачьих судов в станице Елизаветинской бывшей древнегреческой Танае.

Накануне постройке мастер, звали его Валентин, обходил казачьи дворы и предла-

гал «пошить», «поконопатить» и «поблачить» Кайки, которых было много у каждого казака.

В одиночку, без подручных, не торопясь, мастер полностью делал кайку за три дня. Очень хорошая «легкая и ходкая» кайка стоила тридцать рублей «хрущевками», но можно было договориться и за пятнадцать. Проконопатить и «поблачить» три-пять рублей. Сшивали набор и обшивали корпус без единого гвоздя и шурупа. Все делали с помощью просмоленной веревки, топориком, долотом, стамесками, киянкой, рубанком, коловоротом «на шип» (нагель). Каждую деталь набора и обшивки тщательно подгоняли и пропаривали варом на натуральной смоле и олифе. Тянули веревками и воротами. В Кайке за тридцать рублей набор был из дуба. Стоимость материалов в цену не входила.

На островах в дельте Дона все передвижения были на кайках: в гости, по делам, на работу, в школу, в магазин. Особенно в весенний разлив и при «низовке» - юго-западном ветре. Свадьбы, праздники, гулянья и похороны низовых казаков-камышников – все на кайках. Гуляли по Дону с песнями всей станицей на многих сотнях каек одновременно. Ходили на них с 4-5-летнего возраста до глубокой старости. Иногда «громадили бабайками» - гребли на веслах 90-летние старухи. На рынок «базар» из станицы Елизаветинской вверх по течению на 20-25 км в г. Ростов-на-Дону уходили целые флотилии каек и каюков, груженных рыбой, фруктами, овощами и молоком. Часто гребли женщины, уходя из станицы поздно ночью, чтобы на зорьке быть на базаре. Это все говорит о легкости хода каек.

Передвигаться на них было удобно, комфортно и гораздо быстрее, чем порою даже на лошади, особенно если спускались вниз по течению. Вверх шли галсами, пересекая «стрежень» (быстрое течение посередине реки), двигаясь по мелководью «по куширям» (зарослям), где вода почти стоячая.

Веками созданная культура нижних донцов-камышников позволяла невероятно эффективно вести боевые действия на кайках. Находясь по двое-трое в кайке казаки брали на abordаж любой тип кораблей и торговых судов, подходя к ним в ночи, непогоде, тумане,

внезапно возникая «ниоткуда» из своей родной стихии – камышей. Громили стоящие на рейде, шли проплывающие по фарватеру корабли и суда. Подбираясь к неприятелю, часто притапливали кайки в салах и маскировались под плывущее дерево или куст. На отмели за «провы» -штевни мгновенно «сушили» легкую кайку, переворачивая ее прямо в воде. Многие умели это делать с детства и на большой воде, немного затем поработав «текучем»-черпаком. Огнестрельное оружие, боеприпасы, бомбы и мины перевозили в кайках в сухих бурдюках, чтоб не сырели. Отдыхали, готовили еду и справляли нужду не сходя на берег.

Поразить множественные цели неприятель не мог. Опыт сражений доказывал гораздо большую эффективность и меньшие потери при морских и речных сражениях на кайках. Они облегал незаметный подход и внезапность нападения на ночные кавалерийские и пехотные станы противников.

Мы полагаем, что легендарные кайки должны занять достойное место в пантеоне военных лодок и кораблей всех стран и народов.

Казаки-дворяне

Казаки никогда не знали рабства: они никогда никого не унижали и сами никогда не знали рабского гнета. Отсюда их первое и главное достоинство: чувство внутренней свободы. Вместе с тем органической чертой казака всегда была присущая любовь к порядку. Гармоническое сочетание этих двух начал (свободы и порядка) всегда делало из казаков самую верную опору, самый надежный оплот здоровой государственности на демократической основе. «Где нет равенства, там нет справедливости, а где нет справедливости, там нет нравственности, где нет нравственности, там нет будущего». Эти начала всегда лежали в основании строительства казачьей жизни.

Казак законно и справедливо гордился собой, и эта гордость основана не на внешних данных – не на интересе, не на крови, - а на трезвом чувстве собственного достоинства, утвержденного на основах высшего порядка.

Этим объясняется поразительная сила ассимиляции, претворяющей национальную пестроту в феномен казачества.

Отсутствие равенства вносило разрушительную болезнь в жизнь русского духа, воспитывая в одних рабство, жадно жаждущее лишь «реванша», в других – привычку к бесконтрольной власти, к произволу современной коррупции – взяточничеству, и, обязательно «Божиею милостью», за отсутствием других оснований. Отсюда – вечная взаимная вражда, борьба между властью и народом.

Примечательно, что борьба за власть – против народа – всегда велась в России от имени народа, которому по-прежнему определена роль статиста в истории. Прежняя власть успела приобрести хотя бы культурные формы управления. Там, где нет должной правды в отношении к собственному родному народу, - не может быть правды и к казачеству.

Власть всегда охотно пользовалась врожденной любовью казаков к законности и порядку для укрепления своей позиции. Эта политика всегда была провокационной для казаков. Казачьи «вольности», в сущности, оставались только словами в манифестах, жалованных грамотах, президентских указах и государственных законах.

Казачья свобода, конечно, остается для русского народа идеалом и сегодня, потому что только на исторических казачьих началах свободы и порядка и может прочно укрепиться здоровая государственность общероссийская. Возрождение казачества – ответ русского народа на гнилой порядок, который построен на палке, защищающей народное бесправие.

Миссия казачества поэтому остается пока в силе – самым фактором своего существования, всей природой своего духа, показательным полем разумной государственности.

Казачьи дворяне – гражданское состояние неизвестное в казачьих общинах и республиках во время их независимого существования. Правда, доверие, уважение и высокая оценка боевых заслуг в свободном обществе часто открывали казаку дорогу к выборным постам и некоторым экономическим преимуществам «личности из народа», но дворяне с особыми правами появились только в XVI веке среди

«царских холопов», служилых казаков, как средство прикрепления их к кругу служебных обязанностей. Историк Ключевский указывает, что «в 1585 г. в Епифановском уезде 289 донских казаков зараз были поверстаны в звание детей боярских, составляющих низший чин провинциального дворянства, и получили там поместные надель». По особым заслугам многие казаки были наделены и крупными земельными участками со званием и правами дворян-помещиков. Их роды поставляли первых кандидатов на должности военных начальников, как в казачьей городской службе, так и в стрелецких полках – «приказах». Привыкнув к положению «начальных людей», новые дворяне отходили от казачьей народной среды, рождались с русским дворянством и все крепче прирастали к русскому быту. Они знали, что вернувшись в казачье общество на Дону, они потеряют все приобретенные преимущества, и потому только немногие из этой «верхушки» оказались впоследствии на казачьих реках. Зато многие потомки дворянских родов и сейчас помнят свое казачье происхождение.

Вслед за присоединением земли донских казаков к России установлены были общие имперские права гражданского состояния. В 1798 году император Павел I ввел у казаков армейские чины и присвоение офицерам дворянского звания. Казак получал личное дворянство после производства в первый офицерский чин, или продвинувшись в статской службе до чина IX класса (титулярный советник), или будучи награжден орденом, учрежденным для чиновников или офицеров. Потомственное дворянство казак приобретал, дослужившись до чина действительного статского советника в гражданской или до чина полковника (позднее до чина войскового старшины) в военной службе, или если был награжден орденом Святого Георгия, орденом Святого Владимира или каким-либо другим орденом первой степени. Это были «служилые дворяне». Если же казак за особые заслуги награждался крупным поместьем, он становился «поместным дворянином». Донской атаман М.И. Платов и Ф.П. Денисов, получив поместья, возведены в графское достоинство».

Сохраняется предание, что царь Иван Грозный наградил Ермака Тимофеевича за покорение Сибири титулом князя Сибирского.

Так сложилось расслоение казачества на казаков-помещиков и казаков-общинников. Но это расслоение ни в какой мере не может быть сравнимо с той пропастью, которая лежала между казаками и крепостными крестьянами и оставалась не вполне сглаженной до 1917 года. Не надо при этом забывать, что не только войсковые старшины, но и некоторые донские станицы владели крепостными крестьянами.

Казаки в дореформенное время не только считали себя, но и действительно были по объему своих прав и обязанностей значительно выше крестьян и других податных сословий. От крестьян они отличались прежде всего личной свободой, а от других податных сословий – свободной от подушной подати. Можно сказать, что до великих реформ Александра II все сословия делились на две резко разграниченные группы: привилегированные и податные сословия. К первой относились дворянство, духовенство и казаки, к другой – купечество, мещанство и крестьяне. Это подтверждается тем, что до революции, упразднившей сословия, можно было быть одновременно дворянином или священником и казаком, но нельзя было крестьянину или члену податного сословия быть в то же время и казаком. Каждый казак мог стать дворянином или священником, оставаясь казаком, а потомки казака-дворянина если в течении трех поколений не получают офицерского чина, и дети казака-священника, если не посвящались в духовный сан, теряли дворянство или принадлежность к духовенству, но оставались при этом казаками.

Казак-помещик, казак – генерал-адъютант, казак-сенатор, бывая в родном хуторе, в станице, пользовались всеми правами и не имели никаких особых привилегий по сравнению с остальными станичниками. Они имели свой пай в станичных землях, право голоса на станичном сходе и подчинялись власти своего станичного атамана, хотя бы он и был старшим урядником.

У казаков было, да и есть еще ясно вы-

раженное сознание своего единства, того, что они и только они составляют Войско Донское, Войско Кубанское, Войско Уральское и другие казачьи войска.

Казаки – поместные титулованные дворяне – получали в награду за особые заслуги от императора поместья во всех губерниях России, только не в пределах казачьих войск, где у них оставался офицерский и наградной пай до 1500 десятин.

Имея возможность выкупать крепостных крестьян, невольников – плененных христиан в Турции, Персии и на Кавказе – или брать ясырь (пленных), казаки отпускали их на волю, выделяли им из юртовой (станичной) землю для поселения и устройства сел. Уже вольных селян привлекали в качестве наемных работников для обработки своих паев, получаемых только на время прохождения службы, после которой казак лишался пая. Оставался наградной пай, который не передавался по наследству. По «обычному праву» вдовы получали половину пая, а вдовы с сиротами полный и наградной пай.

Если у казака уходили служить не один, а сразу несколько сыновей, дослуживались до офицеров и имели награды, то обработать выделенную землю он со своей семьей физически не мог. Поэтому вынужден был либо сдавать паевую землю в аренду селянам, либо нанимать их на работу. Лучших пригодных к службе селян на состязательной (соревновательной) основе верстали в приписные, которые уходили на службу в казачьи полки, полностью снаряжались, получали в подарок коня за счет станицы и наделялись полным юртовым казачьим паем земли. Дети приписных уже были природными казаками. Приписные – иногородные, по народному постановлению принятые в замкнутую казачью среду. Если на казачьи земли приходили казаки из семей, задержавшихся на Руси, в Литве или на Украине, и они имели доказательства своего казачьего происхождения, то наши предки принимали их сразу и считали их природными, а не приписными. Без доказательства о казачьем происхождении – свидетельства казаков – в казаки не принимали, считали «сказочным казакom», то есть с его собственных слов.

Никакого подневольного труда у казаков в природе не существовало. Пленных иноверцев (басурман) отдавали за выкуп в обмен на именных, прежде всего своих станичников или других христиан.

Девушек-ясырок (полянок) к сожительству никогда не принуждали (это был очень большой грех), а выкрещивали и, с позволения прежде всего всех казачек и всей «Честной станицы», брали в законные жены или отдавали замуж за селян.

Казачьи дворяне брали в аренду резервную войсковую, а не юртовую землю для устройства конных заводов, организации сельскохозяйственного производства, устройства шахт для угледобычи и других видов промышленного использования. Выплачивали войскам аренду и подоходные налоги.

В казачьих войсках было организованное дворянское сословие, преимущественно из казаков. Большинство образованных людей и чиновников в войсках были казаки. Между казачьим дворянством и интеллигенцией, с одной стороны, и казаками – с другой, не было и не могло быть пропасти, какая существовала между дворянством и интеллигенцией губерний России и крестьянством. До 1905 года русский крестьянин не мог поступать в высшее учебное заведение, стать офицером или чиновником, не выйдя из крестьянского сословия, не порвав совершенно со своей бывшей средой. Казак же, оставаясь казаком, шел в университет, становился судьей, доктором, офицером, чиновником, председателем окружного суда или дипломатом, но всегда оставался казаком.

Казачьи военные чины окончательно утверждены в Табеле о рангах Положением о казачьих войсках. В 1835 году права казачьих «чиновников» - офицеров регулировались. Сводом законов российской империи (т. IX). Существовали казачьи чины: подхорунжий, хорунжий, сотник, подесаул, есаул, войсковой старшина, полковник, генерал-майор, генерал-лейтенант и генерал от кавалерии. К чинам от подхорунжего до есаула обращались «ваше благородие», к есаулу, войсковому старшине и полковнику «ваше высокоблагородие», к генералам «ваше превосходитель-

ство», а к титулованным – «ваше высокопревосходительство».

Что бы выйти в офицеры, необходимо было сдать офицерский экзамен на общих основаниях для всех офицеров русской армии. Первый офицерский чин присваивался только личным указом государя императора «О производстве в офицерское достоинство».

Систематическая подготовка к офицерской службе проводилась в кадетских корпусах, в Новочеркасском и Оренбургском казачьих училищах, а также в казачьей сотне Николаевского кавалерийского училища в Петербурге. Если же казак поступал в общевойсковое военное училище, то и оттуда он выпускался с производством в казачий чин хорунжего, после чего командировался на службу в казачью конную и пластунскую часть или в любую общевойсковую. Обер-офицеры казачьих полков производились в следующие чины, прослужив в прежнем три года. Чин есаула получать было труднее – только при освободившейся вакансии на должность командира сотни. После десяти лет службы в чине есаула можно было ожидать, при наличии вакансии на должность заместителя командира полка, чина войскового старшины. На должность командира полка – полковника – утверждал Государь Император.

Быстрое продвижение по службе в штаб-офицерских чинах удавалось лицам, окончившим одну из военных академий (Генерального штаба, артиллерийскую, инженерную, юридическую, интендантскую) или хотя бы одно из дополнительных школ с высшей программой (кавалерийскую, офицерскую стрелковую, артиллерийскую).

Во время Первой мировой войны офицеры-казаки производились в последующие чины после четырехмесячной фронтовой службы в пластунских частях, шести месяцев в коннице, девяти в артиллерии, за два ранения, за 12 месяцев командования сотней и т.п., производились также в качестве награды за отличие в боях и получив орден Святого Георгия Победоносца.

История предопределила назначение того военного сословия Российской империи, которое называется казачеством. В своей сути оно

уникально и создавалось не годами, а многими столетиями. Его историческая роль общеизвестна и сомнению не подлежала и не подлежит ни вчера, ни сегодня, ни в будущем.

Во-первых, это землепроходство и открытие новых земель на «Восходе Солнца». Эта дорога была проложена казаками-ордынцами и дружиной атамана Ермака Тимофеевича –

Князя Сибирского и отмечена тысячами безмолвных могил безвестных казаков-удальцов с крестами из плавника.

Семен Дежнев, Владимир Атласов, Иван Козыревский, Ерофей Хабаров, Петр Бекетов и другие запечатали свои славные имена первопроходцев на географической карте. Среди их соратников – сибирских и якутских казаков – не было людей слабых душевно и физически, способных спастись перед теми трудностями, которые постоянно вставали на их пути. Если отступали, то только для того, что бы пойти вновь и вновь к заветной цели, что бы добиться ее любой ценой – ценой человеческих жизней, трудов, перенесенных опасностей.

Во-вторых, это «хождение казаков в отцах духовных» православного народа в злую годину смут и национальных испытаний, социальных катаклизмов, борьбы России за свое историческое величие. Для казаков – патриархов Гермогена и Дмитрия ростовского – независимость Отечества от покушений на него явных и тайных врагов была превыше всего в жизни.

В-третьих, это стремление самых широких казачьих кругов стать объединительной

силой русской земли. Казаки во все времена были государственниками. Воссоединение великой России и Белоруссии далось казачеству, в первую очередь реестровому украинскому, дорогой ценой в десятки тысяч жизней.

Та освободительная борьба дала немало великих личностей казаков-государственников. Среди них – гетман Богдан Хмельницкий, полковник Максим Кривонос, Иван Богун и Даниил Апостол. Все они стали на века героями воссоединения Украины с Россией.

В-четвертых – руководящая роль казаков в народных восстаниях, которыми полна история России. Тема Степана Разина, Емельяна Пугачева, Кондратия Булавина, Максима Железняка, Ивана Балаша и многих других – отдельная и очень обширная.

Наконец, выдвижение казачеством из своей «могучей» среды великих людей в разные области науки, литературы, медицины, изобразительного искусства... Это было частью служения Отечеству воинского сословия казаков. Но самое главное предназначение казачества и его войск – это защита пределов родной земли, ее вооруженная защита, идущая из глубокой древности. Илья Муромец – «матерый первый казак». В Киево-Печерской лавре сохранилась гробница с его останками (мощами). Русская Православная Церковь канонизировала Илью Муромца. День его памяти отмечается 19 декабря.

За семьдесят лет в двадцатом веке уничтожить казачество не удалось. Очевидно, его историческая роль не закончена.

Алексей ВОРОНОВ

«Город Солнца» или Дурацкий остров? (к 40-летию со дня кончины Николая Николаевича Носова)

Наверно, многие из нас ещё помнят те недалёкие времена, когда едва ли не главной задачей на пути демократизации России объявлялась незамедлительная и безоговорочная «деидеологизация» всех сфер общественной жизни. Именно тогда, в 1990-е годы, образование рассматривалось исключительно как разновидность сферы услуг. При подобном подходе образование понималось лишь как усвоение определённого количества знаний и профессиональных навыков. Что касается воспитания, которое всегда лежало в основе любой системы образования, то его предлагалось исключить как устаревший и не обязательный элемент. Сейчас уже очевидна неприемлемость подобного подхода, поскольку ни знания, ни навыки не способны сами по себе сформировать человека как Личность – это задачу можно решить только с помощью воспитания, позволяющего сформировать в умах и сердцах учащихся определённую систему ценностей. При этом воспитание, охватывающее все ступени образования, вплоть до высшего, начинается ещё с дошкольного возраста и его конечный результат во многом определяется книгами, которые ещё с детства читают будущие граждане нашего Отечества. Помимо классики и фольклора, «золотой фонд» отечественной детской литературы составляет немало произведений выдающихся писателей XX века – от Бориса Шергина и Петра Бажова до Радия Погодина и Юрия Коваля. Впрочем, многие их произведения можно назвать «детскими» лишь условно, поскольку они, внешне незатейливые и весёлые, затрагивают достаточно серьёзные проблемы, касающиеся не только «давно минувших дней», но и современной действительности. В полной мере это относится и к творчеству выдающегося прозаика Николая Николаевича Носова (1908 – 1976).

Несмотря на то, что Николай Носов официально считается советским писателем, необходимо помнить, что первые десять лет его жизни прошли в царской России, свято чтившей многие духовные заветы и традиции, которые затем были сметены вихрем революционных бурь. А ведь детство – именно то самое время, когда у маленького человека, пусть неосознанно, во многом на подсознательном уровне – но закладываются те ценности и установки, которые в дальнейшем во многом определяют его жизнь. Сменив несколько профессий и поработав в школе, Николай Носов пришёл в большую литературу уже в достаточно зрелом возрасте. В 1938 году, когда писателю исполнилось 30 лет, был опубликован его первый рассказ «Затейники». С тех пор творчество Носова пользуется неизменным интересом и любовью советской (а теперь уже и «постсоветской») детворы. Загадку необычайной популярности его произведений легко объяснить, если вспомнить слова Ф.М. Достоевского: «Дети солнца, дети своего солнца, - о, как они были прекрасны! Никогда я не видывал на нашей земле такой красоты в человеке. Разве лишь в детях наших, в самые первые годы их возраста» («Сон смешного человека»). Чистота и детская вера маленьких героев Носова в конечную справедливость земного бытия; их искренняя убеждённость в том, что справедливость и доброты обязательно одержат победу над злом – вот главная их притягательная сила. При этом творчество Н.Н. Носова органически связано не только с его прямыми предшественниками, – популярными в 1920-е – 30-е гг. «народными сказителями», - но и с русской литературой XIX столетия (прежде всего, с Н.В. Гоголем и Н.С. Лесковым), с писателями «серебряного века» (здесь нужно, в первую очередь, вспомнить Н. Агнiewiczа, некоторые из персонажей

которого во многом послужили прообразами Незнайки и его друзей), а также с традициями отечественного фольклора.

Связь произведений Николая Носова с древнерусской литературой отчётливее всего просматривается в созданной им трилогии о Незнайке. Повесть «Приключения Незнайки и его друзей» начинается с рассказа о Цветочном городе, в котором живут весёлые коротышки. Один из них, по имени Знайка, прочитал множество книг и может создать всё что угодно - от воздушного шара до космической ракеты. Его антипод – Незнайка – ничего не знает и не умеет, а все его попытки научиться чему-нибудь полезному терпят полный крах (единственное, в чём он непревзойдённый мастер, так это в способности бесконечно вляпываться в дурацкие истории). И, тем не менее, этот недотёпа в жёлтых канареечных брюках и огромной широкополой шляпе, вызывает у читателей неподдельное сочувствие и искренние симпатии – точно так же, как и знакомый всем по русским сказкам Иванушка-дурачок. Оба этих персонажа, при всей своей нелепости, необыкновенно обаятельны, а главное – абсолютно лишены зависти или злобы. Подобно сказочному Иванушке, Незнайка открыт и добросердечен, он всегда готов прийти на помощь каждому по первому зову (даже если не умеет и не знает как помочь). Слова и поступки Незнайки воспринимаются другими коротышками как очевидные глупости – но порой за ними отчётливо проступают и глубина, и философская мудрость, и особенный смысл (здесь уместно вспомнить о том, что именно русская духовная культура дала миру наибольшее количество «блаженных» и «юродивых», образы которых запечатлены и в фольклоре, и в литературе, и в житийных сказаниях).

Ещё одна отличительная черта в характере Незнайки – необыкновенно развитые фантазия и воображение. Не умея ни рисовать, ни сочинять стихи, он, тем не менее, живёт и мыслит как истинный художник. «Творческой палитрой» для Незнайки является весь окружающий мир, который он неустанно преоб-

ражает в соответствии с собственными фантазиями. Сочинив какую-нибудь небылицу, Незнайка верит в неё так искренне, что заражает этой верой и других коротышек. В повести «Приключения Незнайки и его друзей» наш герой, вообразив, что от солнца оторвался кусок и летит прямо на город, поднял такую панику, что коротышки со страха чуть не разбежались кто куда. Когда же выяснилось, что он всё сочинил, Незнайке задали вопрос – как в его голову могла придти такая дикая фантазия. На это он чистосердечно признался: «А я и сам не знаю».

В этой же повести есть сцена, обнаруживающая прямые аналогии со знаменитой «сценой вранья» из комедии Н.В. Гоголя «Ревизор». Там Хлестаков, потерявший голову от гостеприимства чиновников, и к тому же разгорячённый спиртным, вдохновенно расписывает окружающим, как за ним бегают по Петербургу «тридцать пять тысяч курьеров». Здесь Незнайка, потерпевший аварию на воздушном шаре и подобранный жителями ближайшего городка, уверяет всех, что именно он придумал этот шар и был главным среди коротышек в воздушном путешествии. При этом он, как и Хлестаков, безоговорочно верит во все сочиняемые им небылицы – и в то, как во время полёта прорубали топором облака, и в то, как в его честь слагал оды поэт Цветик. Заканчиваются эти сцены тоже одинаково. Вконец завравшийся Хлестаков на словах «Меня завтра же произведут в фельдмаршалы!» - споткнулся и чуть не полетел вверх тормашками; Незнайка же так разгорячился, что чуть не перебил всю посуду на столе.

Русские писатели XIX века нередко обращались в своих сказках к Богу и святым (достаточно вспомнить творения А.С. Пушкина или «Ночь перед Рождеством» Н.В. Гоголя, повествование в которой ведётся от лица... дьяка той самой Никольской церкви в Диканьке, прихожанами которой была семья Гоголей, и в которой будущий писатель был крещён ещё младенцем). Советские писатели, по вполне понятным причинам, были лишены такой возможности. Тем не менее, во многих

произведениях русских сказочников XX века, обнаруживается связь с евангельскими притчами и заповедями, являющимися основой христианского мировоззрения (из ленинградских писателей в этом смысле наиболее показательно творчество Евгения Шварца). Из произведений Николая Носова, эта связь наиболее отчётливо заметна в повести «Незнайка в Солнечном городе».

Читая сказки, Незнайка узнаёт о том, что если совершить подряд три хороших поступка – к тебе придёт волшебник и исполнит любое желание. Незнайка тут же берётся за ум и начинает творить добрые дела – однако волшебник почему-то не приходит. Оказывается, для исполнения его мечты недостаточно просто совершать хорошие поступки. Нужно совершать их абсолютно бескорыстно, не думая о личной выгоде – а это для Незнайки, делавшего добрые дела только ради будущей встречи с волшебником, оказывается непосильной задачей. Через некоторое время, уже подзабыв о своей мечте, он всё-таки совершил три бескорыстных и добрых поступка – и тут же встретился с волшебником. Получив от него в награду волшебную палочку, Незнайка отправляется путешествовать вместе с друзьями – и через некоторое время попадает в Солнечный город, необыкновенно красивый, радушный и гостеприимный.

Повесть «Незнайка в Солнечном городе» создавалась в те годы, когда Н.С. Хрущёв и его соратники обещали всему миру, что ровно через 20 лет в СССР будет построено развитое коммунистическое общество. Город, в котором оказываются Незнайка и его друзья, с виду как будто и есть тот самый, заветный «Город Солнца», о котором веками грезили мечтатели всех времён и народов. На каждом шагу путешественников встречают чудеса современной техники, полное благоденствие, бесконечная доброта и уважение людей друг к другу. Казалось бы – вот он, светлый коммунизм; вот оно, счастье на века... Не тут-то было! «Чудогород» на поверку оказался обыкновенным колоссом на глиняных ногах, рухнувшим от крохотного толчка извне. Случилось так, что

по воле Незнайки в Солнечном городе появились три осла, превращённые в людей, – Брыкун, Калигула и Пегасик. Как и полагается настоящим ослам, они упрямо не желали хорошо себя вести – хулиганили, хамили и устраивали всем подряд «сногшибательные» каверзы. А что же остальные жители Солнечного города, такие культурные и воспитанные?! Они в мгновение ока переняли все ослиные повадки и тоже начали «оскотиниваться», да так лихо, что вскоре в доселе мирном и спокойном городе воцарился полный «беспредел» (если использовать современную терминологию).

Узнав, что именно он является виновником всех бед, обрушившихся на Солнечный город, Незнайка пытается исправить положение с помощью своей чудо-палочки. Но она уже навсегда утратила волшебную силу из-за того, что её хозяин совершил слишком много плохих поступков. В это время вновь появляется волшебник. Незнайка спрашивает его: «А нельзя ли, чтобы так просто желание исполнилось, без волшебной палочки?». И получает ответ: «Почему же нельзя? Если желание большое, и к тому же хорошее, то можно». Незнайка тут же попросил у волшебника вернуть Солнечный город к прежней жизни, ликвидировав все последствия спровоцированных им безобразий. В сказке это желание было немедленно исполнено. А в жизни?.. Сразу же приходят на память недавние события во многих странах мира, в том числе и республиках бывшего Советского Союза. Еще недавно мы гордились «нерушимой братской дружбой» советских народов – и что же от неё осталось? Даже на Украине, тесно связанной с нами многовековыми кровными узами, растёт и ширится число агрессивных, озлобленных существ, одержимых патологической ненавистью к тем, кто смеет говорить и думать иначе, чем они. И вот уже в тех местах, где в годы Великой Отечественной войны наши отцы и деды отдавали свою жизнь, снова льётся кровь, правят был хаос и беззаконие – только на сей раз этот кошмар сотворили не захватчики, пришедшие откуда-то извне, а сами «братья-славяне», слепо и бездумно уни-

чтожающие друг друга. Возникает вопрос: как такое могло случиться?

Ответить на него нетрудно, если вспомнить, что именно в 1970-е – 1980-е годы (как раз в то время, когда М. Саакашвили, П. Порошенко, П. Яценюк и другие хорошо знакомые нам «исторические личности» были школьниками или студентами) многие известные педагоги, а также видные мастера культуры и искусства, забили тревогу по поводу чрезмерной инфантильности советской молодёжи. В отличие от их родителей, сполна испытавших на себе ужасы войны и послевоенных лишений, эти молодые люди выросли в благополучии и комфорте – поэтому вполне искренне полагали, что со страной ровным счётом ничего не случится, если они будут жить так, как им хочется. А хотелось им, чтобы всё было как на Западе – и музыка, и одежда, и возможность беззаботно проводить время, не отвлекаясь на работу или учёбу. Среди тех, кто предупреждал об опасности подобного рода мировоззрений, был, в частности, известный писатель-фронтовик Валентин Пикуль, в середине 1980-х годов прямо заявивший в своём телеинтервью, что наша молодёжь слишком перекармлена. И Сергей Михалков, и Юрий Бондарев, и другие мастера культуры старшего поколения предупреждали тогда, что подобная безответственность добром не кончится, и если со страной случится беда – ни один из так называемых «неформалов» даже не пошевелит пальцем, чтобы ей помочь. Так всё и случилось – некогда могучая и сильная держава в 1991 году прекратила своё существование во многом из-за равнодушия тех, кто по возрасту и по зову сердца обязаны были встать в первые ряды её защитников. Многие молодые россияне даже радовались происшедшей катастрофе, искренне полагая, что теперь, покончив с «совковостью», мы уж точно заживём не хуже чем в Америке. Увы, вместо процветания нас ждали долгие годы беззакония, нищеты и хаоса, во многом сотворённого по нашей же вине. Только в последние годы началось возрождение России – но предстоит ещё немало сделать для того, чтобы вернуть

нашей стране былую мощь и величие, а её гражданам – подлинную свободу и надёжную защиту от всяческих «ветрогонов». Именно так в повести Носова назывались молодчики, сеявшие смуту в Солнечном городе – и эти человекообразные дикари оказались как две капли воды похожими и на агрессивных советских «неформалов» конца 1980-х годов, и на современных смутьянов, повсеместно разжигających вражду и ненависть.

Какова же цена такому «Городу Солнца», если его обитатели столь беспечны и беззаботны, что даже не в состоянии отличить добро от зла? Да, технический прогресс необходим – но сам по себе он ничего не даёт человеческой душе. Если мы хотим сохранить себя как народ, мы не должны ограничиваться одними лишь «чудо-городами», наштипованными современными нанотехнологиями (хоть и они, конечно, тоже нужны). Необходимо неустанно заниматься воспитанием у подрастающего поколения истинной любви к своим ближним и к своему Отечеству. Конечно, это очень долгий и кропотливый труд. Но истинное Счастье может быть только выстраданным всей жизнью, а не дарованным «сверху» в виде очередной царской милости или президентского указа. Именно такую «сверхзадачу» мы обнаруживаем в такой, казалось бы, весёлой и озорной истории о путешествии Незнайки в Солнечный город.

Ещё более «антиутопический» характер носит заключительная часть трилогии Николая Носова – повесть «Незнайка на Луне», в которой Незнайка и его друзья, совершившие полёт на Луну, испытывают на себе все прелести капиталистического «рая». Побывав в многочисленных передрягах, Незнайка за бродяжничество попадает под суд и отправляется в ссылку на Дурацкий остров – настоящий идеал так называемого «общества потребления». Прибывших на остров нищих и бродяг целый день с утра до вечера кормят вкусной едой, в кинотеатрах для них крутят новейшие «блокбастеры», а для любителей прокатиться на качелях и каруселях устроен целый «диснейленд». Чем не жизнь?!.. Вот

только обитатели Дурацкого острова недолго наслаждаются своим призрачным «счастьем» - вскоре после прибытия на «землю обетованную», они незаметно для себя превращаются в баранов или овец.

Разумеется, мириться с таким кошмаром Незнайка и его друзья не могли и не захотели. Прибывший с Земли «космический десант» коротышек помогает угнетённым жителям Луны устроить «социалистическую революцию», затем активно участвует в строительстве новой жизни. Но внезапно коротышки всё бросают и в спешном порядке возвращаются на Землю. Что же заставило их прекратить строительство светлого будущего «на отдельно взятой планете»?

Причиной послужила внезапная хворь Незнайки. Оказывается, всех коротышек, которые долго бывают вдали от родины, настигает тяжёлая болезнь, от которой они могут умереть, если не вернуться домой. На последних страницах повести мы видим, как отчаянно борется за стремительно угасающую жизнь Незнайки весь экипаж космического корабля – и радуемся, когда наш герой, моментально исцелившийся после возвращения на родную землю, восклицает: «Ну, вот, мы и дома! А теперь можно ещё куда-нибудь полететь!».

Человеческая жизнь – вот самая высокая ценность, по сравнению с которой меркнет

любая идея социального переустройства. Эта мысль проходит красной нитью через всю русскую литературу XIX столетия – достаточно вспомнить «Капитанскую дочку» А.С. Пушкина или страстный монолог Ивана Карамазова, готового «вернуть билет» в светлое будущее, если оно будет оплачено хоть бы одной детской слезой. Эту же «сверхзадачу» мы находим в романах Андрея Платонова, рассказах Василия Шукшина и многих других литературных произведениях XX века. И сегодня, на заре нового тысячелетия, черты которого пока скорее угадываются, чем просматриваются, многие художники по-прежнему горячо и страстно напоминают нам о хрупкости человеческой жизни; о том, что душа человека – главное богатство, которое невозможно оценить ни в одной свободно конвертируемой валюте (на память сразу же приходят сравнительно недавние фильмы «Возвращение» А. Звягинцева, «Остров» П. Лунгина, «12» Н. Михалкова и «Белые ночи почтальона Алексея Тряпицына» А. Кончаловского). О том, как непросто вырастить и воспитать человека, сохранив и преумножив всё лучшее из того, что заложено в его душе ещё с раннего детства, напоминают нам и «солнечные книги» Николая Николаевича Носова, одного из самых выдающихся детских писателей России XX столетия.

Татьяна СОРЕНСЕН

Дания

История эмиграции в Дании после 1917 г. и состояние русского кладбища в Копенгагене

Памяти наших предков посвящается

В ноябре 2015 г. на очередном VI конгрессе российских соотечественников в Москве одна из секций называлась «Историческая память и противодействие попыткам искажения истории». На секции было представлено много интересных докладов, которые к сожалению, нигде нельзя прочесть. Выступала там и я с кратким докладом: «История эмиграции в Дании после 1917 г. и состояние русского кладбища в Копенгагене». И я благодарна журналу «Золотое слово» за возможность представить статью на эту тему на страницах альманаха.

Основной мыслью доклада было - чтобы не исказить историю, её нужно знать. А насколько мы её знаем? Дана ли настоящая оценка революции, красного террора, сталинских репрессий, эмиграции? Думается, что сначала нужно восстановить историческую память, саму историю.

Настоящая статья посвящена истории эмиграции в Дании и плачевному состоянию кладбища, где покоятся люди, попавшие в мессиво революции и нашедшие свой последний приют вдалеке от Родины. Послереволюционная эмиграция Дании. Что мы знаем о ней? О этих людях? Интересно ли нам это? Или мы Иваны, родства не помнящие?

Истории эмиграции в Дании изучена достаточно мало, вернее сказать, на датском языке эта тема освещена значительно больше, чем на русском. В Дании есть много книг и публикаций на эту тему, а вот на русском языке этих публикаций мало, и поэтому эта тема фактически почти неизвестна не только в России, но и в современной диаспоре русских соотечественников в Дании. Хотелось бы, чтобы эта тема стала предметом изучения и внимания

для всех россиян, интересующихся историей, в том числе всей зарубежной российской диаспоры в целом. И не только потому что она добавит многое к знанию и пониманию истории этого периода, но и потому, что эта часть эмиграции – ближайшее окружение матери последнего русского императора Николая II – Марии Фёдоровны - датской принцессы Дагмар, которой удалось вместе с двумя дочерьми Ксенией и Ольгой, их мужьями и детьми. уцелеть в это безумное время и вернуться на родину.

Надо отметить, что Ялтинский революционный Совет в 1918 г. «приговорил» к смерти всю семью Романовых, однако исполнение приговора затянулось из-за соперничества между революционными советами Ялты и Севастополя. Огромную роль в этом спасении сыграл комиссар Севастопольского Совета - Задорожный Филипп Львович, который был начальником команды надзора за всеми дворцами в Ливадии и крымскими узниками. Он был лично предан великому князю Александру Михайловичу (Сандро) - мужу Ксении, бывшему его начальнику в авиационной школе. Мария Фёдоровна считала его своим спасителем, т. к. в 1918 г. в Крыму был разгул жестокого красного террора и это одна из самых страшных страниц истории полуострова.

Эта длинная и трагическая история, очень аргументированно и документально описана датским историком Бентом Йенсенем в его книге «Среди цареубийц» (1997г.). Действительно страшная и обличительная книга, основанная на скрупулёзном изучении исторических материалов в различных архивах Дании и России. Книга была переведена на

русский в 2001 г., но изданная тиражом 3000 экз. фактически является редкостью. Уверена, что заинтересованные читатели её найдут.

Также в 2004 г. была издана книга «Рядом с императрицей. Воспоминания лейб-казака» (изд. 2004), которая ещё 2 раза переиздавалась и дополнялась, последний раз в 2011г. Книга состоит из воспоминаний лейб - казака императрицы Тимофея Ящика, а также исторических статей различных авторов, посвящённых этому периоду. В последнем издании представлены страницы дневников Марии Фёдоровны и Ольги Александровны периода 1917-1920 гг.

Тимофей Ксенофонович Ящик (1878-1946 гг.) в апреле 1914 г. был назначен вторым камер-казакком Николая II, выполняя обязанности его личного телохранителя. В 1916 г. Т. К. Ящик был откомандирован вторым личным телохранителем в распоряжение вдовствующей императрицы Марии Федоровны, которая в это время переехала на постоянное жительство из Петрограда в Киев. После свержения монархии в России Т. К. Ящик остался рядом с императрицей, продолжая охранять ее в Крыму. В 1918 г. он вывез в свою родную станицу Новоминскую дочь императрицы и младшую сестру Николая II – великую княгиню Ольгу Александровну. В хате Т. К. Ящика в 1920 г. она родила своего второго сына Гурия.

Сам Т. К. Ящик, по долгу службы покинул Россию, где осталась семья - жена с 9 детьми, последовав за Марией Федоровной в эмиграцию, верный своей присяге и не оставивший свою службу до её кончины в 1928 г. Жену его в 1922 г. расстреляли большевики, и в Дании он позже (в 1925 г.), с благословения Марии Фёдоровны, женился на датчанке Агнес, принявшей православие и получившей имя Нина, которая глубоко прониклась русской культурой и поддерживала своего мужа во всём. Ему удавалось на протяжении всех лет жизни в Дании поддерживать связь с Россией и посылать деньги семье по каким-то, ведомым только ему каналам.

В запасниках музея Вооруженных сил в Копенгагене хранится необычная коллекция. Это личные вещи русского казака Тимо-

фея Ящика: черкеска с газырями, револьвер, шашка, кинжал, документы и столовый набор с гербами датского королевского дома. Для датчан он стал символом воинской верности, безоговорочного исполнения присяги и пониманием, что значит «служить до конца».

Таким же верным камер-казакком был и Кирилл Иванович Поляков (1879 - 1934), назначенный камер-казакком при комнатах Государыни императрицы Марии Фёдоровны в 1913г. Он также находился рядом с императрицей все годы до её кончины, покинув после революции семью - жену и 8 детей. О Кирилле Ивановиче написано, к сожалению, значительно меньше, хотя, благодаря исследованиям ст. научного сотрудника Эрмитажа Н.И. Тарасовой, удалось найти в фондах РГИА документ – послужной список, содержащий сведения о нём и его службе до 1915 г. В фондах Эрмитажа была также найдена его шинель. Вот так интересно сложилась история- вещи Тимофея Ящика хранятся в музее в Дании, а Полякова - в России, в Эрмитаже.

Оба они в 1919 году последовали из Крыма за своей хозяйкой в изгнание — сначала в Британию, а затем на ее родину, в Данию. Они были ее преданными и неразлучными молчаливыми спутниками на протяжении всех этих лет, поражая европейцев тем, что даже спать ложились у дверей ее покоев, раскинув на инкрустированном дворцовом паркете бурку и положив в изголовье револьвер со взведенным курком. Ведь большевики могли попытаться проникнуть даже в тихий Копенгаген, чтобы разделаться с их госпожой так же, как с ее старшим сыном и его семьей.

Вот как вспоминает день похорон Марии Фёдоровны её зять Александр Михайлович (Сандро): «Вернувшись... я нашёл там двух верных казаков. Они сидели на крыльце, уставившись в пустоту, осунувшиеся и безутешные. Что ждало их в будущем? Всю свою жизнь, как до, так и после революции они состояли при императрице. Из всей некогда многочисленной свиты лишь эти двое остались ей верны в несчастьях 1917 - 1918 гг.» (Из книги воспоминаний Великого князя Александра Михайловича).

И если Т. К. Ящик имел замечательную

верную жену-датчанку, имел свой маленький дом, в котором он открыл бакалейную лавку, то жизнь К.И. Полякова сложилась трагичнее - без языка, без семьи, без денег. Работу он находил с трудом - от вахтёра до мойщика бутылок, что было психически трудно для старого солдата. Т. К. Ящик предложил ему поселиться в их доме, где К. И. Поляков скоропостижно скончался в 1934 г. в возрасте 55 лет. Уверена, что его потомки, которые разыскивали друг друга благодаря изданию книги «Рядом я императрицей. Воспоминания лейб-казака», напишут когда-нибудь книгу об их замечательном предке. В августе прошлого года один из правнуков Кирилла Ивановича - Вячеслав Анатольевич Поляков с женою Ольгой Александровной впервые побывали в Дании на могиле К.И. Полякова и его друга Т. К. Ящика, где была отслужена панихида.

О Марии Фёдоровне написано достаточно много. Особенно много публикаций было в связи с её перезахоронением в Петропавловском соборе Петербурга в 2006 г., в том числе были изданы её дневники.

«Все те годы, которые Мария Федоровна прожила в Дании, - считает историк Бент Йенсен, - датские официальные круги держали ясно выраженную дистанцию по отношению к высокопоставленной русской эмигрантке. Императрица не имела никаких средств к существованию, но датское правительство не собиралось финансировать ее из государственного бюджета. Бывшая датская принцесса Дагмара стала для них русской Марией Федоровной и членом чужого царского дома. Вдовствующая императрица вынуждена была сама оплачивать своего секретаря, казачка, придворную даму, прислугу, а сверх того иметь средства на текущие расходы. Есть сведения, что финансовую поддержку ей оказал датский король, но о какой сумме шла речь - неизвестно. Английские родственники Марии Федоровны выделили из своих личных средств около 10 000 фунтов стерлингов, Восточно-Азиатская компания открыла ей кредит, были и более скромные пожертвования из-за границы.»

Мария Фёдоровна была неофициальной главой российского императорского дома до

её смерти в 1928 г., и на её отпевание в Копенгаген съехались короли, принцы и принцессы, родственники и эмиграция со всей Европы. Это прощание можно назвать прощанием с Россией, и именно так воспринимали это большинство приехавших. «И пусть ближайшие её родственники были изгнанниками без гроша за душой, за гробом её шло чуть не полсотни коронованных особ, и столько посланников и чрезвычайных послов набилось в Копенгагенский Кафедральный собор, что впору было развязать ещё одну мировую войну. Будь она жива и пожелай путешествовать, большинство из них отказали бы ей в визе», - читаем в книге воспоминаний Великого князя Александра Михайловича. Какие пронзительно грустные слова!

О ближайшем окружении, последовавшем за ней в Данию, о тех, для кого она добивалась получения виз для приезда в Данию - её ближайших друзей и знакомых, известно и написано достаточно мало. Датская эмиграция после 1917 г. была очень малочисленная. На 1921 г. она насчитывала 3100 чел. (по другим источникам, 3500). Около 2000 человек жили в Копенгагене и окрестностях, и большинство группировалось вокруг Марии Фёдоровны, и её дочери великой княгини Ольги Александровны.

Великая княгиня Ольга Александровна Куликовская была удивительно сильная, мужественная женщина и необыкновенно талантливая художница. Ольга Александровна - младшая дочь Александра III, родившаяся в 1882 г., в 1901 году была повенчана против воли с 33-летним герцогом Петром Ольденбургским. Брак был неудачным и, вопреки обычаям того времени, она добилась разрешения на развод и вышла замуж за «простого смертного» - ротмистра Николая Александровича Куликовского, перестав «считаться Романовой». Разрешение на развод они ждали более 10 лет, т.к. брат - Николай II все эти годы не давал разрешения.

Они поженились в 4 ноября 1916 г., всего за несколько месяцев до отречения Николая II и февральской революции. Во время первой мировой войны Ольга Александровна работала сестрой милосердия, сама организовала

госпиталь Красного Креста, где работала 3 года и была награждена медалью св. Георгия. После падения династии Романовых, уехала вместе мужем в Крым к матери, где в августе 1917 г. родился старший сын Тихон. В Крыму, как и вся семья, они проживали в условиях, близких к домашнему аресту, но жили при этом не во дворце.

В Крыму они находились с 1917 по 1919 гг. При наступлении красных в 1919 г. Ольга Александровна, вопреки воле матери, не эмигрировала вместе с ней и сестрой с детьми, решив переехать на Кавказ, очищенный от большевиков вооружёнными силами Юга России, в крупную казачью станицу Новоминская. Она ждала второго ребенка (родился в апреле 1919 г.) и не хотела покидать Россию, разделяя желание мужа бороться с большевиками. Но в 1920 г. в станице Новоминской стало небезопасно, т. к. юг России был объят пожаром гражданской войны и Т. К. Ящик был послан Марией Фёдоровной, чтобы эвакуировать ее с мужем и двумя маленькими детьми из Ростова через Новороссийск в Константинополь, а затем через Турцию и континентальную Европу в Данию. Это было действительно рискованное и трудное предприятие, но верному и находчивому казаку это удалось.

Ольга Александровна, одна из немногих членов Императорской семьи, спасшихся после большевистского переворота, пережила всех прочих внуков (внучек) императора Александра II. Как и отец, она предпочитала простую жизнь. За свою жизнь написала более 2000 картин, доходы от продажи которых позволяли ей поддерживать семью и заниматься благотворительностью.

В Дании она стала как бы центром молодёжной эмиграции и различных движений. Во время и после II мировой войны Ольга Александровна помогала вместе с князем генералом С. Н. Потоцким (1877—1954) русским военнопленным и русским, не имеющим гражданства, чтобы не быть отправленными в ГУЛАГ, переправляя их в другие страны. В 1947 г. и начале 1948 г. Советский Союз предъявил Дании ноты протеста, с требованием выслать русских и прибалтов в СССР. В этих нотах великая княгиня Ольга Алексан-

дровна обвинялась в связях с антисоветскими организациями и помощи русским на чужбине — «врагам народа» во время и после войны. Весной 1948 года, спасаясь от преследования Сталина, 66-летняя Великая княгиня вместе с семьей и внуками вынуждена была эмигрировать в Канаду. Они эмигрировали как сельскохозяйственные эмигранты и фермеры, купив ферму, но через 4 года, в связи с ухудшением здоровья Николая Александровича, продали ферму и переехали в окрестности Торонто, где в 1958 году умер Николай Александрович в возрасте 76 лет, а спустя 2 года в 1960 г. в возрасте 78 лет умерла Ольга Александровна. Оба они похоронены на Йоркском кладбище г. Торонто.

До смерти Марии Фёдоровны в 1928 г. вся семья жила на вилле Видёре под Копенгагеном, принадлежавшей б. императрице, а в 1930 г. семья купила небольшое фермерское хозяйство Кнудсминде в Баллерупе (тихий сельский район Копенгагена), где они жили до отъезда в Канаду в 1948 г. и занимались сельским хозяйством. Это поместье стало своеобразным центром русской эмиграции, особенно её молодёжной группы. Сыновья Тихон и Гурий окончили военное училище и стали офицерами. Оба они женились на датчанках из простых семей.

В этом доме в 1991 г. был открыт музей, посвящённый Ольге Александровне, где находится коллекция из более 100 её картин, а кроме этого много вещей, переданных сюда русскими эмигрантами и огромный фотоархив.

Жизнь эмигрантов в Дании была тяжёлой. Все эмигранты не имели ни русского, ни датского паспорта. У всех был интернациональный идентификационный документ для беженцев без гражданства, так называемый паспорт Нансена, учреждённый в 1922 г. для беженцев по инициативе Фритьофа Нансена, норвежского полярного исследователя, который с 1921 года он был верховным комиссаром по вопросам беженцев в Лиге наций. Этот паспорт был признан 50 странами. В первую очередь он выдавался в основном для эмигрантов из России и армян. Министерство занятости Дании было очень жёстким, и, по прибытии эмигрантов, они направлялись в

подсобные хозяйства в помощь фермерам как подсобные рабочие. Среди эмигрантов было много военных, в том числе полковников, генералов, адмиралов. Некоторым из них посчастливилось получить места в различных фирмах и кампаниях, в первую очередь в страховом обществе «Россия», а также в банки или инженерами, другим удавалось устраиваться в поместья для ухода за лошадьми и их выездкой. Некоторые эмигранты открывали свои мастерские-швейные, скорняжные. Был даже сигаретный фабрикант (Петрос Петропулос). Но большинству приходилось жить очень трудно и практически без средств к существованию. Многие из эмигрантов были близкими друзьями Марии Фёдоровны и именно она помогла им с приездом в Данию и получением вида на жительство. Это были князья, графы, бароны, владевшие до революции огромными поместьями и потерявшими всё, включая Родину. Визы всех эмигрантов должны были продлеваться в полиции каждые 3 месяца. Многие из эмигрантов получили постоянный вид на жительство или гражданство только через 30 лет - в конце 1940 – начале 1950 г. и то, в связи с возможной репатриацией в СССР.

Вся эмиграция группировалась вокруг церкви. В центральной части Копенгагена за Королевским дворцом на улице Бредгаде в 1883 г. была построена по проекту арх. Д.Н. Гримма Императором Александром III и его супругой Императрицей Марией Фёдоровной, русская церковь, освящённая во имя св. Александра Невского, небесного покровителя Императора. Именно эта церковь была поистине объединяющей для русской эмиграции и стала её центром. Там устраивались благотворительные базары, а вырученные деньги поступали в фонд помощи соотечественникам. Значительную роль играли личности настоятелей и священников. Протоирей Леонид Колчев был личным духовником Марии Фёдоровны во время заточения в Крыму (1917-1919 гг.), затем служил в Константинополе. Мария Фёдоровна добилась для него визы в Данию, куда он прибыл по Нансеновскому паспорту и был до конца её жизни личным духовником. Он отпевал Марию Фёдоровну в 1928 г. и с 1924 г. до своей смерти в 1944 г.

являлся настоятелем церкви Александра Невского в Копенгагене

Существовало русское молодежное общество. Оно имело очень большое значение для эмигрантской молодёжи. Наиболее яркая фигура в нем - Евгений Павловский, сын генерал- лейтенанта Болислава Павловского, принимавшего участие в белом движении в Сибири. Судьба его неизвестна. Евгений приехал в Данию в 1928 г. к семье (матери с отчимом датчанином, работавшем в Сибири после революции). Евгений основал балалаечный оркестр, состоял вначале всего из 12 молодых людей и они выступали как в Дании, так и за границей. Его датская жена Ранди также играла в оркестре, а после смерти Евгения в 1985 г. возглавляла этот оркестр. Их дети Нина и Юрий – музыканты и певцы в этом оркестре. Оркестр балалаек Павловского существует в Копенгагене до сих пор и в этом году ему исполняется 80 лет! По этому случаю в Копенгагене будет дан большой концерт. Основной состав оркестра сегодня - датчане, не говорящие по-русски, но любящие русскую музыку и культуру.

До 1924 г. в Дании существовало посольство России, представляющее временное правительство России. Но после признания Данией СССР в 1924 здание перешло СССР, а сотрудники посольства и консульства автоматически стали эмигрантами без гражданства. Среди этих людей наиболее заметной фигурой являлся князь Сергей Николаевич Потоцкий (1877—1954) - генерал-майор, военный разведчик. Он был военным атташе России в Бельгии и Нидерландах в 1914 -1917 гг. За этот период получил много орденов. С 1917 — военный атташе в Дании, сохранял эту должность в качестве представителя Колчака и Врангеля. Позже и до конца жизни оставался председателем Офицерского союза в Копенгагене и Общества Красного Креста в Дании. Умер и похоронен на русском кладбище в Копенгагене.

В ближний круг тех людей, которые не покинули императрицу и последовали за ней входила графиня Зинаида Георгиевна Менген (1878 - 1950). Необходимо остановиться на личности этой замечательной женщины,

посвятившей всю свою жизнь служению императрице Марии Фёдоровне. Она родилась в Санкт-Петербурге и была самой младшей в семье из пяти братьев и сестер. Ее отец был в это время генерал-майором в свите царя Александра Второго. Её крестными родителями при крещении стали Царь Александр Второй и сама Мария Федоровна. С 1912 г. она стала придворной дамой и с тех пор день за днем, год за годом следовала со своей Императрицей, в Крым, в эмиграцию. Приехавшая в Данию без денег, посылала помощь своей старшей сестре Евгении, которая жила в страшной нужде в Ленинграде. Императрица помогла Зинаиде открыть в Копенгагене небольшой магазинчик с туалетами из Парижа, парфюмерией, косметикой и мылом.

Воспоминания графини записала датский литератор Ида Веннерберг, которая неоднократно встречалась с ней, слушая её удивительные рассказы. «Мы разговаривали, обсуждая прошлое, настоящее и будущее. Счастлирое и идиллическое существование графини погребло в восстании и крови. Но с благородным спокойствием и христианским терпением она может теперь рассказать о том времени, которое для неё рассыпалось в прах. Благодаря нашим встречам, я поняла, что испытания, выпавшие на долю этой удивительной женщины, не пройдут и мимо нас. Никому не избежать потрясений в сегодняшнем мире, который раскалывается и дробится.» «Этой удивительной женщине было что помнить. Начиная с истории собственного рода и завершая годами жертвенного служения. В роду Менгденов переплелись потрясающие судьбы древних немецких рыцарей, шотландских лепщиков по гипсу, создававших шедевры Царского Села, и потомственных русских дворян с ветвистым генеалогическим древом...» Книга была издана Идой Веннерберг в Дании в разгар второй мировой войны в 1943 году на датском языке. А потом, найденная в архивах через 60 лет после издания Ириной Демидовой - председателем культурно-исторического общества «Дагмария», была переведена на русский Александром Комиссаровым, и им же полностью подготовлена к изданию. Литературная обработка была заказана писательнице

из Санкт-Петербурга Татьяне Александровне Кудрявцевой, проделавшей поистине колоссальную работу по проверке исторических фактов, описанных в книге, сделавшей именную указатель. Были проверены исторические факты. В оригинальном тексте присутствовали давно устаревшие понятия: названия карточных игр, танцев, предметов, которые давно вышли из употребления. Эта работа заняла около года и потребовала от нее установления контакта с десятками историков, музейных и архивных работников и просто энтузиастов. Но вот денег на издание не нашлось! Все издательства запрашивали сумму в несколько тысяч долларов, а таких денег общество Дагмария и Александр Комиссаров, переведший книгу и сделавший собственноручно дизайн, найти не смогли. Он на свои деньги отпечатал в Голландии 30 экземпляров в подарок людям, принимавшим участие в работе над книгой! Эта бесценная книга лежит и ждёт своего часа! Как бы хотелось, чтобы нашлись эти совсем небольшие деньги для России, чтобы книга, наконец дошла до своего читателя.

Как я отмечала в самом начале статьи, на датском языке можно найти книги, посвящённые русской эмиграции. И одной из наиболее значительных и полных является книга “I Dagmars skygge” - «В тени Дагмар». Захватывающая книга на почти 250 страницах, с множеством уникальных фотографий, изданная в 2011 г. на датском языке! И до сих пор не переведённая на русский! Практически энциклопедия не только об эмиграции и эмигрантах, но и об истории и традициях. Материал для книги собирался с 2004. Инициаторами этого проекта стал культурный центр Ассистенс (Assistens), существующий при одном из самых известных в Дании кладбищ Ассистенс, совместно с музеем Ольги Александровны в Баллерупе. Принимала в этом активное участие и Ирина Демидова, которая собрала большой материал в архивах, перевела много документов с датского языка и передала их для этого издания.

В книге собраны и обобщены все данные о русской диаспоре, об их жизни, культуре, традициях, образе жизни в эмиграции, при-

ведены записи и свидетельства очевидцев, газетные материалы, архивы и многое другое. А затем, для издания книги, пришлось искать датские фонды, и нашлись фонды, давшие деньги, чтобы издать книгу о русской эмиграции и о тех кто похоронен на этом кладбище. В Дании - не в России! О нашей истории!

Как важно было бы издать подобную книгу на русском языке, взяв за основу уже собранные материалы. Конечно, это была бы совершенно другая книга, ведь много историков занимаются этим периодом, но как здорово было бы объединить усилия особенно в преддверии 100-летия революции, этого трагического события в нашей истории. Нельзя не оценить большое историческое и общечеловеческое значение такой книги - настоящей энциклопедии русской эмиграции в Дании. Это помогло бы нам всем больше узнать историю, историю без искажений и фальсификаций, факты, а не их интерпретацию. Факты порой разноречивы, но это факты. Это было бы данью нашим предкам, всем тем кто попал в мясорубку революции и гражданской войны, эмигрантам и оставшимся в России, всем без различия чинов и званий, но чья жизнь пришлось на эту страшную эпоху. Эта книга заставила бы нас помнить историю и помогла бы растопить наши сердца. А именно это необходимо сегодня для мира.

Уверена, что книга была бы востребована, нашла бы своего читателя и помогла бы восстановлению не только исторической памяти и справедливости, но и восстановлению запущенного русского кладбища.

Выбиты даты

На сером граните

Между ними - жизнь.

Счастье и слёзы

Нашли последний приют

Под серой плитой.

Русское кладбище в Копенгагене

В центре Копенгагена находится кладбище Assistens (Ассистенс). Это не просто кладбище, но особенный парк - парк памяти,

где исторические монументы находятся среди старинных и редких деревьев. Это кладбище - мемориал.

На этом кладбище похоронены самые известные люди Дании: Г.Х. Андерсен, Сорен Кьеркегор, Нильс Бор, поэтому сюда ежедневно приходят сотни людей, приезжают автобусы с туристами.

На этом кладбище имеются два небольших участка русской земли - Старое и Новое русские кладбища. Один участок - Старое русское кладбище - был куплен Императором Александром Третьим в 1883 г., а второй - Новое русское кладбище - в 1912 году Государем Николаем Вторым. На старом русском кладбище - 92 захоронения (последнее в 2006 г.), на новом - 89 захоронений (последнее в 1999 г.). На каждом участке несколько захоронений. То есть люди лежат в несколько рядов. На ограде участка Нового русского кладбища надпись по-русски - «Русское кладбище».

Эти участки кладбища огорожены. Их вид рассказывает сразу всем о том, что здесь покоятся люди другой культуры, другой страны. Множество людей останавливаются и глядят на них не только потому, что они отличаются от их кладбищ по стилистике и не похожи на их, чистые и ухоженные кладбища, но они видят могилы, заросшие травой, с лежащими на земле разрушенными крестами и монументами. Думаю, это у них вызывает недоумение. Типично наше российское кладбище. Забытое, запущенное. А ведь покоятся там наши предки, люди, судьба которых была разрушена революцией.

На самом деле судьба этих двух участков непростая и мне было достаточно трудно разобраться в этом вопросе. Кладбище на этом месте существовало с 1760 г. а с 1880 г. перешло Римско-Католическому приходу Св. Ангар, договор аренды с которым истекал в 1980 г., после чего оно переходило к Копенгагенской Коммуне (муниципалитет Копенгагена). Именно на этом кладбище по контракту с владельцами - Римско-Католическим приходом Св. Ангар - Императором Александром Третьим в 1883 г. был куплен, первый участок - Старое русское кладбище, а в 1912 году Государем Николаем Вторым - второй

участок в 177 кв.м - Новое русское кладбище. Согласно контракту аренда этих участков, как и всего кладбища, заканчивалась в 1980 г., после чего они переходили, как и всё кладбище, опять к Копенгагенской Коммуне. Согласно контрактам, разрешалось хоронить по традициям православной веры, устанавливая традиционные кресты, памятники и надгробия и полностью осуществлять уход за этой территорией по своему усмотрению. Владельцем был приход церкви Александра Невского на Бредгаде. Но всё изменилось в 1980 г. после перехода кладбища к Копенгагенской Коммуне, которая решила провести реконструкцию и очистку кладбища, оставив только наиболее ценные памятники. К счастью, вокруг этого проекта разгорелся скандал и работы были приостановлены. В 1987 г., по представлению Национального музея, Старое русское кладбище было признано историческим наследием, как единственное русское кладбище в Копенгагене, обозначенное на картах, и должно было сохраняться полностью без вмешательства Копенгагенской Коммуны, а уход за ним остался за приходом церкви Александра Невского на Бредгаде.

А вот участка Нового русского кладбища по непонятным причинам это постановление не коснулось, хотя некоторые персональные захоронения, такие как двух верных лейб-казаков Т. К. Ящика и К. И. Полякова, З. Мегден, С. Потоцкого, настоятеля Леонида Колчева, признавались Национальным музеем историческим наследием, но в целом все памятники на кладбище были квалифицированы по разряду «наименее исторически значимых», и кладбище оказалось под угрозой приведения в порядок Коммуной, т.е. очистки и сноса памятников. И это несмотря на то, что там похоронены люди из ближайшего окружения Марии Фёдоровны, принцы и принцессы, князья и бароны, контр-адмиралы, генералы и офицеры, члены династии Романовых, люди, разделившие с последней императрицей трудную эмигрантскую судьбу. За сохранение этого участка велась длительная официальная борьба. Тем не менее с некоторых могил памятники были сняты. Но самое главное, что в 2010 г. этот участок всё же стал опять

официально принадлежать приходу церкви Александра Невского на Бредгаде, которое обязано осуществлять содержание и уход за этим участком, но денег на содержание их в надлежащем порядке у них, к сожалению, нет. Уход и содержание всего остального кладбища осуществляет коммуна г. Копенгагена и это усиливает контраст.

Наши два маленьких кладбища - наша гордость и наша боль, ведь здесь покоятся знаменитые и удивительные люди, цвет русской нации. Только перечисление имён - это история России, её лучших достойнейших семей.

Хотелось бы привести здесь имена только некоторых из них:

Михаил Михайлович Римский-Корсаков (1872-1950), Контр-адмирал (24.11.1919, производство Главкома Вооруженных Сил Юга России) с женой Софией. После ликвидации Вооруженных Сил Юга России весной 1920 г. эвакуировался из Феодосии в Константинополь. В Копенгагене возглавлял группу русских морских офицеров в Дании.

Николай Николаевич Тунцельман фон Адлерфлуг (1867-1933), военачальник, генерал-майор, потерявший ногу в I мировой войне, член правления Союза взаимопомощи русских офицеров в Дании. Не выдержав испытаний на чужбине, он и его жена Александра покончили жизнь самоубийством. Это было не редкость среди русской эмиграции.

Семья старинного дворянского рода князей Ладыженских, владевших обширными поместьями в Новгородской губернии. Вдова покойного камергера князя Ладыженского Мария (1864-1941) с сыном Сергеем (1888-1962) в 1917 г. вынуждена была с угрозой для жизни покинуть захваченное крестьянами поместье и эмигрировала в Данию. Сергей работал переводчиком в страховом обществе «Саламандра», и у него было двое детей - Татьяна и Фёдор. Вся семья была очень близка к Марии Фёдоровне и к приходу церкви Александра Невского, где Фёдор (род. 1917) - заведовал обеспечением церкви всем необходимым, а Татьяна (1919-2006) была на протяжении многих лет старостой прихода. Вся семья похоронена на Старом русском кладбище.

Николай Александрович Вяземский

(1857-1925), князь, вице-адмирал, и его жена Вера. Н.А. Вяземский командовал царской яхтой «Царевна», а затем «Полярная звезда», был членом Адмиралтейского совета. С 1918 г. – обергофмаршал Императрицы Марии Фёдоровны.

Николай Николаевич Герсдорф (1857-1936), русский барон, одно из самых доверенных лиц императрицы, получивший военное образование в Дании и служивший в датской армии, получивший датское гражданство в 1885 г., но всю жизнь считавший себя русским, имевший большое влияние и игравший большую роль в русской эмиграции, бывший почётным членом русского благотворительного общества. Неценима его роль в деле против СССР, претендовавшего на передачу здания церкви Александра Невского на Бредгаде и русских кладбищ под юрисдикцию СССР, как ранее зданий посольства и консульства. Это дело было выиграно с его помощью в суде. Он же был создателем «фонда Дагмар» для Марии Фёдоровны, в связи с её 80-летием. Н. Н. Герсдорф собирал документы о русской эмиграции, писал дневник. К сожалению его наследие не опубликовано до сих пор.

Михаил Лазарев (умер в 1928 г.), генерал, его жена Ольга (умерла в 1969 г.), бывшая в ближайшем окружении Марии Фёдоровны и сопровождавшая её часто ещё до революции во время визитов в Данию. Оба приехали в Данию в 1920 г. через Осло после разгрома белой армии. Михаил работал в страховом обществе «Россия».

Вдова старшего брата З. Г. Мегден Георгия Георгиевича, генерал-майора свиты Его Величества, зверски убитого 1.03.1917 группой солдат-дезертиров, графиня Мария Мегден (урожд. графиня Кассини), жившая в Крыму с 1917 по 1919 гг. и покинувшая Россию на корабле вместе с Марией Фёдоровной.

А сколько ещё покоится здесь людей, воевавших в I мировой войне, а затем пытавшихся отстоять Россию в рядах белой армии и вынужденных в конечном итоге покинуть Родину, навсегда сохранивших верность своей стране, сохранивших русский язык и любовь к русской культуре и традициям, передавших

эту любовь своим потомкам и всю свою жизнь мечтавших вернуться на Родину, их жён и детей, членов их семей. О каждом из них и об их судьбе можно написать книгу, о наших соотечественниках, обретших здесь свой последний приют.

Как было сказано выше, при кладбище существует культурный центр «Ассистенс», который собирает исторические документы о людях, покоящихся здесь. Не просто даты жизни, но и исторические сведения об этих людях, их биографии, хотя это очень трудно. Именно в этой книге я нашла многое из того, что изложено в этой статье.

Церковь по мере возможностей ухаживает за кладбищем. Также общество «Дагмария» с 2002 года трудится над изменением его внешнего вида, собирает материалы, биографии, занимается поиском родственников, установлением деревянных крестов вместо утраченных, восстановлением надгробий. Проводятся выставки и фотовыставки. Издаются книги. Но это всего несколько человек. И делают это они на свои деньги. И, безусловно, это непосильная работа для общественной организации.

Мне бы очень хотелось, чтобы эта статья помогла начать проект восстановления и содержания этих двух маленьких кусочков русской земли в Дании, где покоятся наши предки, ведь других родных у них нет!! Эти люди потеряли Родину, и у большинства этих людей не осталось потомков, готовых беречь память и ухаживать за могилами. Уверена, что наши совместные усилия помогут восстановлению исторической памяти и справедливости.

Ведь у некоторых есть родные в России. Благодаря книге «Рядом с императрицей. Воспоминания лейб-казака», нашлись потомки Т. К. Ящика и К. И. Полякова. Они могли бы стать движущей силой этого проекта. Чтобы восстановить не только могилы их предков, но и эти два маленьке кладбища в целом.

Нельзя, чтобы посредине Копенгагена лежали наши разрушенные кресты, повалившиеся и поросшие травой надгробья. На этих надгробьях уже не разглядеть имён! Стыдно за нас. И за нашу Родину, убившую за это столетие миллионы своих сограждан, разрушившую всё в пользу безумных идей и устроив-

шую геноцид своего народа.

Мы их единственная семья. Давайте помнить об этом, поминая всех покоящихся на кладбище.

Давайте снова становиться людьми!

*Среди бурьяна
Разрушенные кресты
Взывают к нам.
Любовь к предкам -
Отличительная черта
Людей от зверей.*

Вместо послесловия

Я давно интересуюсь послереволюционной историей, т. к. когда-то, прочитав дневник моего деда Юрия Константиновича фон Копшталъ о первой мировой войне и революции, стала собирать сведения о моей семье, основная часть которой безвестно канула в огне революции, члены которой были расстреляны, прошли ГУЛАГ, и только малая часть семьи чудом уцелела.

И хотя я живу в Дании 19 лет, но русское кладбище посетить не удавалось, несмотря на то что читала и слышала о нём. Живу я в так называемой Ютландии, которая достаточно далеко от Копенгагена, лежащего в Зеландии (посмотрите на географическую карту).

18 лет назад я организовала очень интересную встречу с детьми первых эмигрантов. Княгиней Татьяной Сергеевной Ладыженской и Сергеем Гусевым. Татьяна Сергеевна родилась в Дании в 1919 г. Сергей - в 1924 г. - в Берлине в семье офицера белой гвардии. Он жил долгое время во Франции и всего несколько лет в Дании. Оба они говорили на прекрасном русском языке, выучив его в семье, а также в дружной русской диаспоре. Это было огромное счастье - слушать этих людей - носителей истории и их прекрасный русский язык, хотя в России они не бывали. Мне посчастливилось также позднее даже побывать в квартире у Татьяны Сергеевны в Копенгагене. На стенах

висели фотографии семьи, друзей и картины Ольги Александровны Куликовской, младшей дочери Марии Фёдоровны. Татьяна Сергеевна умерла в 2006 г. и похоронена на старом русском участке кладбища.

И вот только в мае этого года, я впервые, к моему стыду, побывала на кладбище ASSISTENS вместе с Ириной Демидовой, одной из немногих, посещающих кладбище постоянно и совместно с членами её общества ухаживающей за могилами. Впрочем, уверена, что немногие соотечественники, проживающие в Дании бывали на нём или даже слышали!! Вид кладбища и его запущенность поразили меня.

Для углубления в историю этого вопроса и написания этой статьи мне пришлось перечитать много книг, изданных на датском и русском, на тему русской эмиграции, встретиться и побеседовать со многими людьми, в первую очередь, конечно же, со священниками двух наших приходов (Алекса́ндро-Невского и Московского Патриархата), Российским Посольством в Дании, Российским центром науки и культуры, Ириной Демидовой, культурным центром «ASSISTENS». В конечном итоге я поняла, что все организации, к сожалению, разрознены и приведение кладбища в достойный вид невозможно без объединения усилий и без финансовой помощи со стороны России.

И всё же я верю и надеюсь, что мечта о приведении русских кладбищ в порядок, издании большим тиражом книги воспоминаний З.Г. Мегден и издания на русском языке энциклопедии о русской эмиграции в Дании, подобной датскому изданию, осуществится.

И публикация этой статьи в прекрасном альманахе «Золотое слово» станет своеобразным «спусковым крючком» для осуществления этих проектов. И верю, что помогут в этом постоянные авторы этого Альманаха и родственники К. И. Полякова-Вячеслав Анатольевич и Ольга Александровна Поляковы.

Давайте не только мечтать вместе, но и вместе осуществлять наши мечты!

Наталья ВЕСЕЛОВА

Полпути до небес

(Впечатления современного паломника)

*Аще забудут тебе Иерусалиме,
забвена буди десница моя.*

Пс. 136, ст. 5

Лететь в Израиль – летом! С ума ты сошла, что ли? Тепловой удар, инфаркт, инсульт – все вместе обеспечено! Так напутствовали меня абсолютно все знакомые, но я, с юности отягощенная самолётофобией, не очень об этом думала – верней, думала, но так: «Тепловой удар у меня будет только в том случае, если самолет не разобьется».

И он не разбился. Шасси мягко коснулось посадочной полосы, грянули аплодисменты, на сей раз предназначенные не мне, а русскому экипажу, и я стала готовиться к худшему. Едва ли не зажмурившись, шагнула в не порусски ярким солнцем озаренный проем на трап и –... ничего страшного не произошло. Ну, жарко. В Петербурге бывает и хуже. Здесь же «раскаленное дыхание пустыни», на расстоянии представляемое как отголосок адского пекла, высушивает воздух и делает жару вполне переносимой...

Значит, я все-таки здесь. Впервые здесь – свободная, счастливая, трепетно несущая осознание осуществляющейся мечты.

Вопреки ожиданиям, совершенно необременительный паспортный контроль – и вот мы уже включаем кондиционеры в огромном серебристом автобусе, и он мягко, как птица с гнезда, снимается с места. Не мешало бы выкупаться с дороги, да и купальники уж наготове, ан нет – рейс наш опоздал на четыре часа – ужас! – отстали от программы! – так что:

«Вот это вот, братья и сестры, такое большое и ярко-синее, которое вы видите справа, – так это – Средиземное море. Запомнили? Но мы с вами тут не остановимся, мы на полной скорости мчимся в Яффо, в гробницу Святой Тавифы».

С гидом нам, определенно повезло. Гид, он же духовник группы, иеромонах о. Алипий, кажется, знает о Святой Земле все – и не только о Святой Земле целиком, но и о каж-

дом ее листике или камешке на Фаворе.

А сам он не ведает ни жажды (ни разу не видела, чтобы он «прикладывался к бутылке», как все мы – раз в три минуты), ни голода (есть-то он ел, конечно, вместе с нами, но мгновенно и без гурманства), ни усталости (неутомимый пешеход и рассказчик, всегда был полон сил и энтузиазма и вечно соблазнял нас чем-то совершенно обязательным для поклонения, но очень далеким, в ту пору, когда самые выносливые из нас начинали по пути садиться куда попало). Веселый и говорливый хохол, упорно и без насмешки называвший нас, русских, «великороссами», он то заставлял весь автобус плакать от смеха, отпустив специфическую православную шуточку, то вдруг оборачивался строгим духовником, вынуждая нас, вполне расслабившихся от его демократического обращения, прикусить язык во время исповеди...

Гробницу Святой Тавифы в монастыре Апостола Петра я запомнила смутно, как и сам монастырь.

Сердце рвалось в Иерусалим – дивную настоящую родину каждого христианина... Вечера в Святой Земле не бывает: краткие минуты невнятных сумерек – и чернильная ночь плотным покрывалом почти мгновенно падает на землю сверху. В этой ночи мы и подъехали к Иерусалиму, разместились кое-как в гостинице, от усталости уже не ропща на сверхмалые размеры номеров, и, накормленные, были распущены о. Алипием на отдых до утра. Но... Спать?! Сейчас?! Когда вся душа переворачивается от долгожданного свидания с местом, определенно, стоящим на полпути к горнему миру?!

Первая вцепляюсь в подрясник о. Алипия, за мной – несколько столь же чувствительных паломников:

«Батюшка! – Христом Богом! – Идемте

сейчас – туда! – Потому что если вы с нами в город – не пойдете – то мы одни сбежим! – и если мы там, в ночи, – сгинем – то вас – замучит совесть!» Добрый хохол смеется, просит себе хоть полчаса на роздых – и в полночь все-таки ведет нас на ночную «экскурсию» по Иерусалиму. Из той экскурсии я не помню ровно ничего, кроме горчичного дерева – того самого, у которого зерно меньше всех зерен на свете – но не это было важно, а: я – здесь. Вот этими ногами да по этим камням... И голова кружилась от восторга – ведь каждый побывавший здесь скажет: самый воздух Иерусалима пьянит даже не голову, а душу...

Утром, когда мы собрались уже всей группой у гостиницы для пешеходного паломничества, ночная прогулка аукнулась земным: те самые ноги, которые да по тем самым камням – до утра отдохнуть не успели, а, наоборот, распухли, в туфли не лезли, и я сразу ощутила себя Русалочкой, жертвенно шагающей по ножам – и это ощущение во Святой Земле меня так больше и не покинуло. При почти полной невосприимчивости к запредельной усталости и постоянной бессоннице остального тела, ступни огнем горели всегда – часто до того, что губу приходилось до крови прикусывать. «Ничего-ничего», – справедливо утешил меня кто-то из группы. – «Здесь у каждого – свое искушение...»

Итак, Долина Иосафата. С двенадцати лет, когда я выучила, помнится, наизусть «Поэму без героя», эти слова звучали для меня только в контексте

С той, какую была когда-то

.....

До Долины Иосафата

Снова встретиться не хочу...

Предположить, что я здесь сама себя встречу, и не так уж и нескоро, я тогда даже в шутку не смогла бы. Это вот отсюда начнется воскресение мертвых, о котором каждый раз в Символе Веры мы дерзновенно произносим «Чаю!» – а теперь все очень мирно: много-много белых-белых могилочек под ослепительным солнцем – и шумит среди них поток Кедрон... Самым старым захоронениям по три с половиной тысячи лет, но при этом надписи на надгробиях, говорят, вполне читабельные.

Кстати, о потоке Кедроне. Это только название очень романтичное, а на деле – так это

сточная канава. Именно туда с древнейших времен и по сейчас безо всякой фильтрации сливаются нечистоты со всего Израиля – и стремится сей поток непосредственно в воспетое «целебное» Мертвое море. «Кто хочет так исцелиться, – вроде бы и без тени шуточки советует о. Алипий, – зачем ехать в такую даль? Достаточно просто взять ночной горшок любого еврея и обмазаться его содержимым». После этой небрежной фразы бесконечные просьбы «завернуть по дороге куда-нибудь и к Мертвому морю на пару часиков» прекращаются насовсем. А мне и с самого начала совершенно не хотелось оскверниться грязью с того места, где стояли Содом и Гоморра, той грязью, что на тысячелетия впитала в себя самый омерзительный из грехов...

По дороге в Гефсиманию заходим в русский монастырь Св. Марии Магдалины – поклониться мощам Св. мучениц княгини Елисаветы и ее келейницы преподобномученицы Варвары, живыми сброшенными большевиками в шахту под Алапаевском. Мощи сохранились нетленными, лежат во весь рост, все видно под тонким покрывалом: ножки, ручки, носик, который во время истязаний Елизавете Федоровне сломали прикладом – но верный духовник вправил на мертвом лице... Первое впечатление: «Господи, какие же они были маленькие обе! Понятно, что плоть усохла – но не так же! Как можно было – здоровым мужикам! – ненавидеть таких маленьких женщин – и такой лютой смерти придать, пули пожалев...

И вот, наконец, вымечтанное чудо – Гефсиманский – сад? – рай? За высокой оградой несколько оливковых деревьев, а по дороге мы уже узнали, что это – те самые деревья. Возраст их установлен – 2004 года, хотя оливы более семисот лет обычно не живут. А поскольку Гефсиманский сад был частной собственностью Иакима и Анны, давно разоренных и держать работников не имевших средств, то вывод напрашивается... простой: Кто за четыре-пять лет до Рождества Христова мог посадить эти деревья? Богородица, про Которую уж очень хорошо известно, что никаким физическим трудом Она не гнушалась... Во всяком случае, именно среди вот этих деревьев в кошмарную ночь предательства терзаемый невероятной, недоступной нам скор-

бью, прошел Спаситель к тому камню, где до кровавого пота молился, а поднявшись, получил тот поцелуй: «Радуйся, Равви!» Уж хоть бы молчал, целуя...

Над камнем стоит теперь храм, где мы всей шеренгой непроизвольно падаем на колени: камень – достоверно тот самый. Фотоаппараты отказывают у всех – но не до того: в слезах многие. Уж что-то, а горечь предательства в той или иной мере испытал на себе каждый, а на этом месте свершилось самое большое предательство на земле.

На обратном пути через сад вместе с Ольгой К. начинаем кружить вокруг ограды – хоть бы самый маленький листочек с того дерева! Тянусь изо всех сил, едва ли не вдавливаясь в решетку – тщетно: толпы таких желающих веками прыгали здесь у ограды, поэтому в последних пределах досягаемости деревья выглядят вылизанными. Но Бог милостив – маячит садовник-араб – докричатся бы! Воплю изо всех сил по-английски:

«Один лист! Только один лист с того дерева!!!» – и мы с Ольгой получаем целую веточку. Не бесплатно, конечно, но арабы тоже жить хотят. Почти хищно делим добычу под завистливыми взглядами остальных. Потом подбираю еще два перышка горлицы (местная разновидность голубя), а Оля К. – счастливица! – такое большое красивое перо неизвестной птицы. Шепот зрителей сада за нами: «Хорошо, когда паломники – русские. Весь мусор подберут – неделю мести не надо!» Оборачиваюсь и улыбаюсь, сообщая тем самым, что и поняла, и не в обиде.

Солнце давно намертво повисло в зените, силы кончились почти совсем, воду уже раз выпили, в монастыре набрали святую – но и ее пьем «просто так» – а ведь предстоит еще пройти Крестный Путь.

Что это теперь такое? Это узкие, устремленные вверх улочки в Старом городе, сплошь состоящие из магазинчиков, кафешек и лавчонок, кишашие арабами, озабоченными единственной целью – сбить паломникам залежалый товар. На пути – остановки, отмеченные иногда часоуказками. Здесь Он впервые упал под тяжестью креста. Здесь встретил Свою Пречистую Матерь. Здесь еще не христианка Вероника с уже христианским милосердием отерла Ему лицо, подарив нам, по преданию,

Нерукотворный Спас.

Не знаю, как другие, но я уже не иду, а ползу, стиснув зубы. Ползу – сытая, напившаяся воды, с фотоаппаратом на шее и в приподнятом настроении. А Его вели здесь избитого многохвостой плетью (а на конце каждого хвоста – свинцовый грузик!), с в лохмотья изодранной кожей и отстающим мясом, с переломанными ребрами и разможенным носом, без воды, двое суток пищи не вкушавшего, в кости проигранного римской солдатней... Он нес крест – пока не отдали Симону – я легко шагаю в обнимку со своими грехами, грешками и грешницами, такими родными и приятными – Он же был совершенно безгрешен...

Но вдруг я обнаруживаю, что со всех сторон на разные голоса доносится... мое имя! Надрывные выкрики «Наташа! Наташа!» и потом сопровождают меня всюду, где хоть что-то продают – а продают тут везде. Оказывается, «Наташа» – это любая русская туристка или паломница, подобно тому, как у нас немцев даже до сих пор кое-где называют «фрицами». Вот странно! Не Маша, не Лена... Сначала я вздрагивала, но быстро привыкла. Вообще, проблем общения в Израиле не существует: та его часть – весьма незначительная – которая по странному недоразумению не говорит по-русски, шпарит по-английски без затруднений. Случаются даже казусы. Заело у меня как-то фотокамеру; взмыленная, влетаю в фотосалон и долго по-английски объясняю свое горе. Английский я знаю, так что объясняю, надо полагать, толково. Девушка из салона внимательно выслушивает меня, выкатив на мою особу семитские плошки, а потом просит спокойно: «Да вы не надрывайтесь, вы по-русски говорите». Так и вспоминается: «Да ты не выпендривайся, ты рукой покажи!»

В храме Гроба Господня мы за Литургией на следующую ночь причащались, а потом уже неофициально, малыми «инициативными группами», проводили там и все прочие ночи, кроме той, когда на Преображение поднимались пешком на гору Фавор. Он огромен, этот храм, и лучше всего там действительно ночью: идешь совершенно одна под гулками недосыгаемыми сводами среди колонн ротонды – и лишь иногда замаячит впереди или тихо возникнет из полумрака силуэт другого паломника – чаще всего русского, реже – гре-

ка. А вот ощущения лучше всего передать так: «И это происходит со мной – на самом деле?!» До сих пор иногда мнится: вдруг как–нибудь поутру окажется, что мне все это приснилось? И не сподобилась я на самом деле бродить в одиночестве ночи напролет по храму Гроба Господня? Потому что если уж по большому счету, то – такого счастья раз удостоившись, и мечтать о каком–то другом попросту кощунственно, кроме разве что – «Ими же веси судьбами...» – но к земному пути это уже не относится.

Уже обняла ту навеки обугленную колонну у входа, из которой в пятнадцатом веке вырвался Благодатный Огонь к православным, не допущенным внутрь храма – не сойдя на Гроб по молитвам еретиков-монофизитов. «Наша вера правая, наша вера православная!» – воскликнули тогда все, присутствовавшие при чуде, и это стало своего рода нашим победным слоганом до сего дня... Прямо напротив входа – Камень Помазания. Именно на него положили Пречистое Тело Спасителя, когда мертвое, жалкое, окровавленное было снято с креста, и готовили его к погребению. И сейчас принято возливать ароматы – возливали и все мы, а потом буквально падали на камень головой и локтями, целовали, прижимались лицом... Это одна из немногих святынь, сохранившихся в первозданности, т. е. не переделанных, не покрытых мрамором, серебром, украшениями. Конечно, украшения есть, и много, но святыни они не заслоняют, как это происходит почти везде. Понятно стремление людей украсить самое дорогое, но по мне – так теплой душе было бы, если б прямо так: гора, камень, пещера...

Пещера Погребения – Кувуклия – слева от входа и имеет вид довольно большой часовни, стоящей внутри храма, прямо под сводом его огромного купола. Кувуклия имеет две части: предел Ангела, где он и сидел на камне, удивляясь на жен–мироносиц: «Что вы ищите живого среди мертвых?» – и часть того камня теперь во время Литургии служит престолом; далее – собственно гроб, т. е. пещера с ложем по правую руку. Вот ложе как раз и покрыто сверху мрамором – но ведь именно сюда сходит в Великую Субботу Небесный Огонь! В Кувуклию я каждый раз инстинктивно вползала на четвереньках, роняла голову на ложе, где

свершилось величайшее таинство в истории – лежало и воскресло мертвое тело Бога! – и замирала так. Это место единственное, где сердце говорит Святым Духом, где невозможно пожелать несправедного, где исполняются все молитвенные прошения людей, притекающих сюда с верой. И немотствует немощный «комариный» разум умнейших смертных перед грозной святыней, и единственно нужная молитва пробивается сквозь заготовленные заранее («О чем буду просить у Гроба Господня?!») суетные просьбочки: «Господи, ими же веси судьбами...»

От Кувуклии до Голгофы храм опоясывает ротонда – такая внутренняя колоннада, прерываемая часовенками и лесенками, ведущими в своего рода подвалы, где размещаются небольшие церкви и, опять же, часовни.

Это именно там я была свидетелем двух настоящих чудес, про которые могу сказать не «мне рассказала лучшая подруга», а: это произошло лично со мной. Понимаете? Со мной лично.

Маленькая часовня над Камнем Бичевания. Белый мраморный престол, а под ним – обломок того самого черного столба, привязав к которому истязали Спасителя особой плетью для изощренных пыток. Так вот, я пока еще не в том возрасте, чтобы меня можно было заподозрить в маразме, и потому заявляю абсолютно твердо: приложив ухо к престолу, я этим именно ухом слышала ужасающие звуки ударов, отдававшиеся прямо в сердце. Эти удары слышны не каждый раз. Можно простоять час и не услышать ровно ничего. Двое людей, припав к престолу рядышком, могут слышать разное. Некоторые слышат звук молотка, забивающего колодки, кто–то – свист бича, а иные – бряцание цепей или даже стоны и человеческое многоголосье. Кое–кто терпеливо слушает это, обливаясь слезами. Иных после первого же удара отбрасывает вон от престола – но есть и такие, кто уверяет, что никогда ничего там не слышал, сколько не вслушивался. Что касается меня, то я по жизни чужда экзальтации и не внушаема; я скорей приму сторону скептика в вопросе любого «доморощенного» чуда – но в данном случае все происходило на моих глазах, звучало в моих ушах – и не раз. Неверующим, со смехом пытавшимся убедить меня позже, что

я – наивная дурочка, а в столешнице – магнитофон, ответить мне нечего не потому, что это «вопрос веры», а потому что здесь просто нужно придти и убедиться...

Второе чудо, не менее впечатляющее, но воспринималось как-то не так тягостно, что ли... Есть там подвальчик, в подвальчике – часовенка, а в часовенке – Богородичная икона «Скорбящая», забранная частой, черной от копоти многочисленных свечей решеткой. Икона старая, почти стершаяся – настолько, что снизу уцелели вообще только доски, а письмо сохранилось лишь сверху – там, где Лик и нимб. Черты Божьей Матери едва-едва различимы на темном, сплошь истрескавшемся фоне. Но если крепко вжаться лицом в ограждение, взять в левую руку горящую свечу, просунуть ее возможно дальше за решетку, отрегулировать направление света так, чтобы он падал на самый Лик – то можно иногда увидеть, как медленно-медленно открываются очи Царицы Небесной. Откроются, глянут тебе в душу, на миг осветив все твое непотребство до последнего грязного потайного угла – и вновь перед тобой плотно сомкнутые вежды Пречистой.

Там всегда кто-нибудь есть, в той часовенке. Особенно умилительно, когда люди подбираются простые, не обремененные философскими заблуждениями: «Спи-ит, спи-ит, Магушка... Отдыхает от нас, грешных... Ой! Ой! Смотрите – просыпается! Открывает! Смотрит! Мать Пресвятая Богородица, спаси нас и помилуй! Опять закрывает глазки... Ну-у, заснула, родимая...» На сердце горячее, когда слышишь такое... На меня Она глянула один раз. Больше – сколько я лицом по саже ни возюкалась – очи Ее оставались прикрытыми. Однажды только – или это показалось от длительного напряженного вглядыванья – чуть было начали приподниматься веки, но тут – вошли знакомые, окликнули... Но, может, я и ошибаюсь...

На Голгофу ведет довольно крутая лестница. Страшно сказать, но за чудным убранством самого главного места на Земле, места свершения искупительной жертвы за все человечество, простите за дурной каламбур, живого места не видно. Лишь засунув по плечо руку в отверстие над скалой, где стоял Честной Крест Господень, можно коснуться про-

хладного влажного камня. Многие не дерзают – лишь благоговейно прикладываются к серебряной звезде, украшающей круглое отверстие – и смиренно отходят. Наверное, за смирение такое Господь их вознаграждает – но у меня его не нашлось. Десятки раз взбиралась я на Голгофу – и столько же просовывала руку в звезду и отирала камень ладонью, потом догадалась – салфеткой... Салфетка у меня вскоре стала благоухать – впрочем, благоухает все, привезенное из Святой Земли.

На третий день рано утром нас повезли в монастырь Св.Креста под Иерусалимом. В ночь мы не спали – причащались у Гроба Господня, воды купить не успели – впрочем, возможность эта была нам обещана по дороге в Вифлеем. А потому все блаженно кемарили под кондиционерами. Я же еще и раздражалась: почему-де поспать не дают полноценно до Вифлеема, а гонят еще в какой-то монастырь – мало их, что ли, в Святой Земле? Все, чай, не обойдешь! Хмуро вылезла, мрачно фотографировала фрески, писанные, оказывается, самим Шотой Руставели, не постеснявшимся и самого себя изобразить на них рядом со святыми – правда, в размере, пропорциональном собственной святости. Во дворе сидела под гранатом и гладила голенастых монастырских котят. Немного все мы оживились, услышав подлинную историю Креста Господня и уже бодрее покупали иконки-картинки, изображавшие Лота, бегущего из Содома, его же, сажающего чудо-дерево, через десятки столетий не пригодившееся при постройке Соломонова храма... И надо ж было такому случиться, чтоб какой-то там «некондиционный» ствол попросту выбросили в Овечью купальню – и именно ради него, через очередную тысячу лет принявшего на себя распятую плоть Спасителя, все эти годы сходил на воду купели Ангел, возмущая ее и исцеляя любые болезни.

Но мое-то недоспавшее тело рвалось обратно в автобус – и почти что с возмущением поплелась я к какому-то колодецу за о. Алипием. И узнала, что колодец тот триста лет стоял сухим. И однажды прозорливый старец Патриарх Иерусалимский Феодосий сказал таковы слова: «Так и будет стоять сухим колодец, пока перед самым приходом антихриста не наполнится. И кто будет с верой пить

ту воду – над тем антихрист власти иметь не будет». Так вот, наполнился он несколько лет назад. Власти, прослышав об этом, прислали из Иерусалима комиссию, имевшую цель разоблачить публично коварных монахинь, решивших подвести к колодцу воду и тем поправить свое материальное положение, приманив толпы паломников, жаждущих воды. Враждебно настроенная комиссия была вынуждена констатировать факт: в колодце – чистая вода природного происхождения. Колодец, кстати, я тоже сфотографировала, и на фотографии над ним проявился столб белого света. («Дефект пленки!» – дружно запыхтели скептики). Может и дефект. Но... «Ну, кому на что лить?» – размахиваясь в нашу сторону полным ведром, спросил развеселый хранитель колодца. Я, слегка ерничая: «Я с детства на голову больная, ее полейте!» – и тут же была окачена с головы до ног. Кстати, что вы думаете? До того я на таблетках от давления сидела, без них уж и жизни не мыслила – так с тех пор голова не болела... У Оли К. была жестоко натерта нога, она хромала, попросила плеснуть ей на ноги – и уже вечером влетела к нам в номер: «Женщины, глядите! Здесь была – рана! Вот такая! А теперь!» – а теперь там был едва заметный розовый рубчик...

Воды у колодца напились мы на всю оставшуюся жизнь, а потом вспомнили, как водится, «о родных и близких». Бутылок ни у кого не нашлось – нас ведь о чуде таком не предупредил никто! Я бросилась нарезать круги по монастырю в поисках хоть какой тары, и вскоре мне сильно повезло: в каком-то углу нашлись бутылки из-под «Кока-колы». Посчитав, что для реверансов в сторону ближнего сейчас не самое подходящее время, я первая схватила двухлитровую и наполнила ее под пробку. Теперь, в Петербурге, я раздаю ее желающим в коробочках из-под фотопленки – больше не даю, и то кончается. И вот что странно: кажется, дают тебе такую воду – выпей на всякий случай! Так ведь нет: некоторые (хорошие, любимые, верующие) не берут ни в какую под разными предложениями. А другие, среди которых есть и мне лично, мягко говоря, несимпатичные, пьют с радостью. Водичка-то, а?

В Вифлееме мы проскочили очень удачно: накануне тех самых терактов, что положили, по всей видимости, окончательный конец

въезду иностранцев в Палестину. Как и по прибытии в Бен-Гурион, при подъезде к пограничной зоне, о. Алипий (а еще раньше – сотрудники паломнической службы) запугал нас до икоты возможным «великим шмоном», допросом и едва ли не повальными арестами на границе. Ничего подобного. Из двух израильских военных один и вовсе поленился лезть в автобус, а второй лишь небрежно пожелал, чтобы мы подняли вверх российские паспорта, что мы охотно и сделали, после чего автобус через полминуты оказался в Палестине.

Паломников не обижают равно евреи и арабы – кто же режет курицу, несущую золотые яйца? У первого же сувенирного магазина, где бесплатно поили кофе с кардамоном (гадость страшная, особенно по жаре), нас обступили толпы местных коробейников, соблазняя довольно привлекательными бусами и безобразными сумками. По мере того, как мы не соблазнялись, цены стремительно падали – вплоть до предела, честно определенного мною как «дешевле только даром». Мне очень захотелось бус из крупной неровной бирюзы – за доллар! – и я затосковала, стесняясь перед другими покупать неправославный «суетный» товар. Теперь жалею.

Церковь над пещерой Рождества Христова в Вифлееме мрачновата, сама пещера превращена, по обычаю, в милую шкатулочку. Место, где Господь родился, ясли, куда положила Его, новорожденного, Дева-Мать, – все забрано красивым белым мрамором, и вовсе не испытываешь того сокрушительного ощущения, что ведь изначально-то это – хлев! Что нигде, кроме как в хлеву для скота, не нашлось места родиться Спасителю мира... Потом спускаемся в другую церковь – туда, где за решеткой горой навалены черепа тех младенцев, что были истреблены в Вифлееме по приказу Ирода. Много и взрослых черепов: матери гибли вместе с детьми, защищая первенцев от вооруженных солдат – голыми руками.

Здесь отмаливают аборт. По традиции Греческой Православной Церкви супругов, допустивших убийство ребенка во чреве, но раскаявшихся и пришедших на исповедь, не допускают до причастия до тех пор, пока они не приедут сюда, в пещеру убиенных Иродом

младенцев, и не испросят прощения. Беззвучно рыдая, повисла на решетке и наша группа. В ужасе стоят поодаль молодожены, совершающие с нами свадебное путешествие. Потом, в молчании, не глядя друг на друга, выходим на свет – возможно, прощенные? – поголовные убийцы.

К автобусу бежим, сбившись в плотную кучку: отбиться от своих страшно: здесь – война. Много свежих руин, напряжение в лицах, черная нищета – вечная спутница всех войн... Я вижу арабских девочек-школьниц, а у одной из них экзотический туземный головной убор, то есть, попросту белая тряпка, живописно намотанная, – и я мгновенно свою соседке по комнате фотоаппарат. Кидаюсь к девочке в погоне за уникальным кадром, меж тем как группа быстро уходит вперед. Знаками и улыбкой наскоро объясняю девочке, что хочу сняться с ней, а сама окидываю взглядом окрестности: не появится ли сейчас из-за угла разгневанный родитель, требующий денег – с таким шутки плохи. Но родителя нет, и мы с девочкой, трогательно обнявшись, фотографируемся на долгую, долгую память...

В канун Преображенья Господня все тот же автобус, ведомый все тем же несколько приунывшим водителем, так и не сумевшим сделать свой маленький гешефт с нашей группой, а именно – втюхать кассеты про Израиль по двадцать долларов штука, взял курс на Галилею. В противоположность сплошь белокаменной Иудее, в Галилее дома только из черного камня – таковы местные породы там и там. Заехали по пути в монастырь Св. Герасима – того самого, у которого, по словам Нектария Оптинского, благодати был «целый каравай»: в качестве ручного любимца держал он льва (Нектарий – кота, потому и говорил, что благодати у него лишь «краюшка»). С этим львом изображается Герасим на иконах, ему молятся при болезнях животных, в честь него назвал Тургенев убийцу несчастной Му-Му, а в его монастыре – единственном из всех – сразу же предложили нам скромную трапезу: сок и мягкий белый хлеб – и дальше путь наш лежал в Кану, в монастырь памяти первого чуда Господня – претворения воды в вино на брачном пире...

Церковь оказалась там небольшая и невпечатляющая. Рванулись мы было к огромно-

му каменному водоносу – вдруг из тех самых шести?! – но были быстро охлаждены о. Алипием: нет, не те, позднейшая стилизация... Но Кана не была бы Каной, если бы... Правильно, именно там мы опустошили винный магазинчик. Вин – великое множество, цены – атомные, но это нас, до того за каждый шекель торговавшихся, в Кане именно смутить не могло. Правда, когда потом распробовали вино, оказалось – портвейн не лучшего качества, но душа все равно пела: как же – того самого, нерукотворного вина духовный отзвук! «Ну вот, – констатировал о. Алипий, наблюдая нас, забывших про жару, озабоченно снующих туда и обратно между автобусом и магазином: туда – с пустыми сумками, обратно – с полными. – Наконец-то православные паломники получили возможность заняться любимым делом!»

«Рыбу, рыбу поехали есть! К морю Галилейскому!» – нашел безошибочный способ поторопить братий кто-то из убежденных трезвенников. Рыбу ту (как она называется официально, о. Алипий не вспомнил) здесь все зовут апостольской, и она не водится больше нигде в мире, кроме как здесь, в Галилейском море (оно же – озеро Генисаретское). На вкус она средней паршивости – так, гибрид тощенького леща и мороженого судака; не очень, к счастью, костлявая – но приготовлена была скверно, так что раз даже пришлось отослать порцию обратно на кухню. Вдобавок, обслуживали в том ресторане нерадиво, кондиционер подкашливал, а деньги, как и везде, содрали немалые. В результате, голодные, но счастливые – еще бы: только что тою же рыбкой, что и Господь, и Апостолы полакомились! – умолили мы о. Алипия доставить нам еще одно удовольствие: благословить хоть полчаса поплавать в море. Благословил, лапушка, дав аж сорок минут, и, как детсадовцы, мы с ликующими воплями ринулись по пляжу к ласковой на вид воде. Помню, как с размаху нырнула головой вниз, еще в полете инстинктивно предвкушая блаженное погружение в прохладу – и с обиженным воем вынырнула: вода оказалась горячей! Рядом слышались стоны разочарования моих временных друзей: сверху – жарит, снизу – едва не кипит... И, напялив одежду на мокрые купальники, уныло побрели к автобусу.

Купальники, правда, потом пригодились

в монастыре Св. Марии Египетской. Пока о. Алипий тщетно пытался договориться с хозяевами, чтобы пропустили нас омыться в целебном источнике, мы безо всякого позволения прекрасно обошлись: не по русской даже, а по советской еще традиции, быстренько платица поскидали, да в пронзительно холодную воду – троекратно: «Во имя Отца...» – не решившиеся действовать без разрешения особо дисциплинированные паломники нашей смелости уже в автобусе позавидовали.

А автобус шел в Назарет, где предстоял нам короткий отдых перед пешим подъемом на гору Фавор – ту, где преобразился Спаситель перед тремя учениками, где беседовал с Моисеем и Илией о Своей искупительной жертве – и куда ежегодно в ночь на Преображение после Божественной литургии сходит чудесное облако.

Правило к причастию читали в автобусе, я напросилась читать Последование, о. Алипий сунул мне в одну руку микрофон, в другую – молитвослов, усадил на место гида – «благодарю». Счастье, что Последование я помню почти наизусть, и можно было, читая, – «Во причастие святынь Твоих как дерзну, недостойная?» – смотреть вперед, как стелется под колеса Галилея, и осознавать, что вот это – миг правды, каких не так уж и много бывает в жизни...

В отличие от Иерусалима, в Назарете, помню, накормили нас в гостинице отвратительно, после чего мы повалились с моей соседкой, петербурженкой Ольгой Л. на кровати в надежде урвать перед подъемом хоть часок укрепляющей дремы (сбор назначен был на 11 часов вечера в холле) – и обе провалились, измученные, в черный, глухой и тяжелый сон.

Вот тут-то и произошло со мной третье чудо.

Я очнулась оттого, что чья-то крепкая рука энергично трясла меня за плечо, и ясно услышала слова: «Наташа, поднимайся! Опоздаешь на Фавор!» Привычка просыпаться сразу по побудке, никогда не свойственная мне на Родине, в Святой Земле сформировалась в первый же день – и я автоматически подняла к лицу руку с часами. Они показывали без четверти одиннадцать. «Так, – сказала себе я. – Минут пять можно поспать: Ольга меня разбудила и теперь умывается, так что ванная все равно закрыта». Через пять ми-

нут, удивляясь, что соседка еще не вернулась в комнату, я села на кровати, огляделась – и ... увидела Ольгу. Спящую на своей кровати каменным сном, спиной ко мне. Я подлетела и затормошила ее: «Ольга, сумасшедшая! Зачем ты, когда меня разбудила, обратно легла?! За пять минут до выхода!» – «Я?! Легла?! – возмутилась Ольга. – Я и не просыпалась, иначе зачем бы я ложилась?! Если б ты меня сейчас не растрясла – опоздали бы обе!» Я промолчала, не стала рассказывать. Но ведь кто-то – да разбудил меня!

Высота горы Фавор (Тавор – правильной) – 588 метров. Это их нам предстояло одолеть по серпантину – почти в полной темноте. Для особо немощных предложили маршрутку – но все дружно отказались, твердо помня: кто пешим поднимется на Фавор, тому отпустятся все грехи. Да будет нам по вере нашей! – и мы энергично начали свое героическое восхождение.

Такой исповеди у меня в жизни еще не было: исповедуемся на ходу, по очереди пристраиваясь сбоку к о. Алипию, задыхаясь, вываливаем ему свои грехи, а потом, накрытые епитрахилью, прижатой к затылку его тяжелой ладонью, шагаем с ним в ногу, выслушивая те самые слова – каждый раз неповторимые: «Господь и Бог наш, Иисус Христос, благодатию и щедротами Своего человеколюбия, да простит ти, чадо, вся согрешения твоя. И аз, недостойный иеромонах, властью, мне данной, прощаю и разрешаю тебя от всех грехов твоих ...» – но сегодня слова эти неповторимы в прямом смысле: тут уж действительно почти ручаться можно, что такое в моей жизни не повторится больше никогда.

Это только сначала идти довольно легко, и свободные от исповеди даже меж собой пошучивают. Но потом, когда уже неизвестно, сколько поворотов серпантина обогнули – а вершина как была недосыгаема – так и осталась, и огоньки снизу ну ничуть не удалились – в сердце начинает заползать отчаянье. Вся одежда давно промокла от пота насквозь и прилипла к телу, легкая куртка, которую я упорно волочу с собой, кажется пудовой, а про ноги я вообще не говорю – их будто в колodки заковали. Липкий пот течет струями, хлюпает в туфлях, волосы как после бани, чувствительная восторженность в духе Франциска Ассизского давно сгинула, и настоящее

пожелание только одно: быть бы живу. Но малодушные порывы сдать и доехать в маршрутке, к счастью, неосуществимы: машины проносятся мимо битком набитые... Я в конце концов бросила отирать лицо и отжимать волосы. До полуночи, по крайней мере, хоть воду мы пили, но после, когда пить – перед причастием – стало нельзя... И в какую-то уже очень смутную минуту, увидев сквозь тьму замаячившие впереди ворота, что означало – мы куда-то пришли! – я сама себе не поверила...

Первое впечатление от монастыря на вершине Фавора: толпы самого разномастного люда – идущего, орущего, спящего (поющего, вопиющего и взывающего). Что здесь понадобилось арабам? Они притащили с собой пухлые ватные одеяла и, завернувшись в них, демонстративно спят под открытым небом прямо на земле и в самых неожиданных местах – а ты еще изволь заботиться, чтоб на кого из них ненароком не наступить.

Потеряв не только всю группу, но и соседку Ольгу, я в изнеможении валюсь на ступени храма Преображения сбоку – остывать и сохнуть. За многолюдством, алтарь вынесен наружу, служба идет на площади перед храмом, но мне стоять там не только физически невозможно, но и духовно бесполезно: служат по-гречески, распев абсолютно незнакомый, и я даже не силюсь определить, что там: вечерняя начинается или уж Литургия заканчивается. Часа через полтора плетусь внутрь храма, где неожиданно обретаю Ольгу, и мы вместе, приложившись без разбору ко всем подряд святыням (объяснить, где какая на этот раз некому), пристраиваемся спать рядышком на скамью. Подобно лошади, я уже готова, кажется, заснуть стоя – а уж если б мне сейчас одеяло, как тем арабам... Замечаю очередь к странной иконе Богородицы. Она похожа на обычную нецветную ксерокопию с довольно схематичным изображением – но за оклад заложено множество фотографий – больших и малых, цветных и черно-белых... Уже привыкнув к иногда малопонятным обычаям Святой Земли, я сразу смекаю: чудотворная – и бегу в очередь. Пока стояла, объяснили, что икона, побывав в морских волнах и чудесным образом не рассыпавшись в прах, стала после этого являть чудеса исцелений. Мне удастся оставить за окладом только фотографию сына,

что всегда была с собой, – а знала б заранее – сколько фоточек родных и любимых больных я бы туда засунула!

И вот, когда чувства мои притупились во все, когда стало мниться, что время остановилось, и не будет конца ни непонятной службе, ни призрачному скитанию по окрестностям храма – вдруг издалека, от алтаря, доносится: «...Небесного Бога-Отца и глаголати...» Господи, да это ж о. Алипий сослужает в алтаре, конец Литургии, «Отче наш»! Так, глядишь, не только к причастию не успею, но и облако без меня сойдет и уйдет! И я трусцой припускаю (наверное, это громко сказано – скорей, ковыляю с некоторым ускорением) по направлению к площади и продираюсь поближе к навесу над алтарем. Духовенство причащается. А ведь раньше, в автобусе, о. Алипий рассказывал, что облако сходит обычно как раз в момент причащения священников! Где же оно?! Нету! Вот какой-то монах выглядывает из-под навеса и настороженно вглядывается в черное небо. Ясно, зачем: облако ждет. Вся толпа в напряженном внимании задирает головы – но по-прежнему ясно виден крест в вышине, воздух чист и прозрачен, четки очертания месяца... Нет облака! «Ну конечно! – с тоской думаю я. – Не сойдет на этот раз: я приехала. Уж такая-то грешница точно не сподобится...» Своим чередом начинается причащение мирян, несколько иереев-греков выносят Чаши – и ожидание Чуда на некоторое время перебивается ажиотажем. У Чаш – столпотворение, давка и удивительно, что еще не драка. Когда я уже совсем близко, меня толкают сзади так, что я едва не лечу прямоком на священника – вот был бы кошмар! Нет такого родного, знакомого по русским церквям, неспешного благочиния, стирается острота величайшего момента: Я! – В Преображенье!! – На Фаворе!!! – Причащаюсь!!!! Одна мысль: на ногах бы удержаться и отойти благополучно. Удалось Божьей милостью. О запивке и не мечтаю – если и подали, то где найдешь в толчее этой – и потому, отчаянно ища замену, бегу к той монашенке, что давно уж поодаль разливает крепкий кофе для желающих – по крошечным пластмассовым стаканчикам...

Так что ж облако?! – вспоминаю на полпути, и сердце защемляет чем-то вроде недоверия: неужели действительно не сойдет? Облако не сойдет – сегодня, Огонь – на Пас-

ху... Чур, чур меня, чур! И тысячи людей все вглядываются и вглядываются до боли в озаренное светом тропически-крупных звезд близкое небо...

Оно пришло не оттуда, откуда все ждали – и, может быть, я сподобилась увидеть его одной из первых: во всяком случае, истерических воплей «Облако!!!», через секунду потрясших гору до основания, тогда еще не прозвучало. Не знаю, что заставило меня в какой-то момент обернуться, глянуть вверх через правое плечо – и... Оно стремительно надвигалось – нет, падало – сверху и наискосок – клубящееся, серебристо-коричневое и мерцающее... Что я чувствовала? Честное слово, не знаю. Несколько раз строго напомнила себе: я вижу чудо! – и продолжала стоять столбом. Никакого экстатического восторга, водопада слез умиления, припадка бурной радости, сопровождающегося прыжками и кульбитами – ничего из того, что в изобилии и разнообразии можно было наблюдать вокруг в те минуты – со мной не произошло. Как некоторые, я просто воздела вверх руки и так замерла. Потом, спохватившись, стала поднимать и погружать в облако иконки, святыньки – но скоро поднимать стало незачем: 19 августа 2003 года чудо явилось особенно щедрым – вскоре влажное плотное тело облака опустилось до наших ног, освятив каждую нитку одежды, каждый цветок в траве и камень на дорожке... Мы шли на спуск, еще окутанные тем драгоценным паром...

У ворот – монах-грек с серьезным вопросом: «Русские?» – «Да, да!» – «Вот», – и он протягивает Ольге и мне по иконке с пояснительным текстом. Вглядываюсь – Иерусалимская; текст – на греческом. Зачем тогда спрашивал? Но подарочек получить все равно оказалось приятно.

Это моя была идея выйти нам с Ольгой на двадцать минут пораньше остальных: «С нашей-то улиточной скоростью, нам как раз фора и потребуется...», – но давно группа догнала, перегнала нас и скрылась за дальним поворотом. В тот именно час своей жизни я поняла, что значит «идти на «Господи, помилуй» – раньше это звучало для меня в чужих устах романтической абстракцией. Виток серпантина, виток, виток, виток... А желанные огни города ничуть не ближе и спуск, оказы-

вается, гораздо труднее подъема! Туфли, служившие верой и правдой на всех пешеходных тропах, вдруг из-за нетипичной постановки стопы стали натирать кругом, мало тренированные мышцы отзывались острой болью при каждом шаге, на подошвах, казалось, и вовсе отсутствовала кожа – эффект шагания по раскаленным углям был полный. Круг, еще круг, Господи, помилуй – и в какой-то момент огни ощутимо приблизились. Не автобусная ли это стоянка далеко внизу виднеется сквозь бледный рассвет?!

...На свое место падаю почти замертво, отключаясь через полминуты – и лишь как сквозь толстую стену чей-то голос, явно мне: «Наталья, у тебя кровь на губе!» Приходится сделать страшное усилие, чтобы провести сухим языком по сухому же рту. Посолонело: губа, вроде, прокушена – малой кровью отделалась. Спать. Автобус возвращается в Назарет, где мы проспим еще час – до завтрака, и опять на колеса, и назад в Иудею, в Иерусалим, в последний раз...

Есть в пустыне Иудейской монастырь Св.Георга. Чтобы попасть туда, нужно долго спускаться под отвесно-беспощадными лучами, среди песков и скал. Потому что монастырь словно наклеплен на вертикальную скалу сбоку и находится в глубине, у дна каменно-песчаной чаши. Сверху, со смотровой площадки, видны голубые крыши строений, а вокруг, на сколько хватает взгляда, – сплошь многочисленные темные отверстия – входы в пещеры над бездной. Надо всем этим неподвижно стоит неестественно яркое небо, а на смотровой площадке – несколько женщин, не нашедших в себе сил спускаться в монастырь, а потом подниматься обратно: они машут вслед тем, кто силы в себе нашел. Одна из этих женщин – я, другая – моя соседка Оля Л., кроме нас – пожилая женщина-врач, еще три дамы и Оля К. – девушка, которую нельзя упомянуть просто так, походая: о ней, в принципе, нужно собраться и написать отдельно. По профессии Оля – диктор, а в жизни – человек пламенной веры, огромного духовного дерзновения и, возможно, одно из особо возлюбленных чад Христовых.

Оля К. взволнованно ходит по краю пропасти, я стою в задумчивости, мы обе размышляем об одном: может, зря не пошли? Но

Оля останавливается и, нахмурившись, оглядывает нас – раз, другой... И вдруг – почти криком: «Женщины! Нас же семеро!» – «Ну и что?» – «Что, что! Семь жен в пустыне Иудейской – вот что! Молитву по соглашению надо творить!» – и умильный взгляд в мою сторону. В ее глазах я – спец по молитве по соглашению. В старом приходе мы когда-то действительно за что-то молились всей общиной, так что редкую ту молитву я тогда же от руки переписала и от долгого употребления – выучила. В молитвословах она случается нечасто, Оля ее не знала, но в чудодейственности была убеждена свято. Несколько раз мы с ней вместе молились этой молитвой по ее просьбе – у Гроба Господня и на Голгофе – о разрешении действительно крайней ситуации в Ольгиной жизни – я читала по памяти молитву, она добавляла прошение... Вот и теперь, в пустыне Иудейской, похоже, зреет очередной мой бенефис.

Семь жен опустились на колени, не сговорившись – о чем же молиться будем. Оля, робко: «О России?» – и я начала: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, Ты бо рекл еси пречистыми усты Твоими: аминь, глаголю вам, еще два от вас совещаются на земли о всякой вещи...» – и так постепенно дохожу до слов «...согласившихся просить Тебя о...» – и дальше должно идти прошение. Но духовный подъем мой в ту минуту так велик, что я ни на кого не оборачиваюсь для совета ни словом, ни взглядом. И – экспромтом, без запинки, Духом Святым – раз в жизни: «...даровании прощения за грех цареубийства многогрешной и многострадальной Родине нашей, о ниспослании России Помазанника Божьего, о недопущении антихриста на святую ее землю, о всенародном покаянии и возрождении единственно правой веры нашей. Но обаче не яко же мы хотим, но яко же Ты. Да будет во веки воля Твоя. Аминь».

Трижды повторяла я молитву и все прошения, и остальные перечисляли тихо свои имена – так молились семь жен над пропастью в пустыне Иудейской – о другой, последней Святой Земле...

Что еще видела я, что запомнила сугубо?

Пещеру Лазаря Четверодневника, куда пролезть можно только полулежа и ползком,

протискиваясь вниз по сглаженным за 20 веков ступеням, и удивляясь, что Лазарь – то на призыв «Выйди вон!» вышел еще и обвитый пеленами!

Знаменитую «стопочку» – то есть не бесформенную вмятину на камне, а анатомически правильный отпечаток стопы человека, отрывающегося от земли вопреки закону всемирного тяготения. (А потом чуть не получила неподалеку от часовни Вознесения неприятности от арабов, дерзко показав одному из них фигу в ответ на требование денег за то, что я сфотографировалась с его верблюдом).

В Назарете, в церкви Благовещенья, католическом, единственном современном, я сфотографировала мозаичное изображение (рука не повернулась написать «икону») Богородицы с Младенцем. Все бы ничего – да только Оба Они – ярко выраженные японцы, т.е. мозаика – дар Японии. «Япона-мать», – инстинктивно подумала я, ужаснулась было, но о.Алипий, нимало не смутившись, через секунду мою мысль озвучил. Подлинная пещера Благовещенья оказалась запертой на ключ за решеткой, и для православных паломников братья-католики ее так и не открыли. Во дворе той же церкви мы обнаружили нечто вообще неопишное: Божью Матерь Ангольскую и Архангела Гавриила, благовествующего Ей, – в виде скульптур... Сущие гоблины, прости, Господи, душу грешную – да что с католиков взять...

Однажды долго поднимались мы по солнцепеку в Горненский женский монастырь – чтобы оказаться там перед наглухо закрытыми воротами. Есть у меня фотография, где Оля К. и я сидим прямо на земле под стеною – после подъема такие, что краше в гроб кладут. Зато, когда ворота все-таки открылись, то мы неожиданно оказались перед камнем, на котором Иоанн Предтеча произнес свою первую проповедь, а потом в церкви со странным названием Целование Елисавет, я впервые в жизни увидела икону, где обнялись обе эти женщины, обе нося во чреве, Одна – Самого Господа, другая – Его Предтечу... А на том месте, где, по преданию, Пречистая родственно поцеловала свою старушку-«южику», бьет теперь целебный родник, очень нас на подъеме выручивший: в израильский полдень мокрыми лезть на очередную гору все же легче.

В Капернауме мы стояли перед вполне прилично сохранившимся домом Петровой тещи, однажды весьма кстати слегшей в горячке – чтобы быть исцеленной молодым зятем Равви и попасть в Евангелие.

А пели вы Крещенский тропарь среди лета?! Я – пела, и очень громко, когда многократно погружалась с головой в теплые священные воды Иордана. Дав нам время на омовение, о. Алипий строго предупредил: «Только не резвиться: вода – святая». Но, каюсь, резвились – вернее, просто ошалели от радости. В длинных белых рубахах и женщины, и мужчины, от счастья плакали и ныряли, в сотый раз крестясь и повторяя: во имя Отца... Аминь... И Сына... Аминь... И Святого Духа... Аминь... – и каждый раз старались погружаться как можно глубже. Помню себя, плывущую ближе к середине реки, на глубине уже – вдоль берега и «поюще–вопиющую» во весь голос: «Во Иордане крещающуся Тебе, Господи, Троическое явися поклонение...» – подтверждаю полное отсутствие у себя слуха и голоса – но ведь не выходило же смешно, честное слово!

Помню бабу Любу, притчу нашей группы («Молчать, пока зубы торчат!») – любимая ее фраза в ответ на самую скромную попытку завести невинный разговор), выудившую из Иордана целую горку священных черных камешков и с суровым видом сортирующую их на мостках; чей-то изумленный крик: «Братья и сестры – да мы ж в России! Смотрите – совсем русская река!» И правда: неизвестные тропические деревья склонились над Иорданом точь–в–точь, как наши ивы – полное впечатление русскости – Москва–река, и все тут. Жирные, избалованные непрерывной кормежкой рыбы по–настоящему кусают нас за ноги, стоит только попытаться встать на дно, – поэтому стараемся постоянно держаться на плаву.

Рыбы – что, а перед отъездом некоторые оказались покусаны... крокодилами! По дороге в какой–то армянской монастырь, куда, проведя последнюю ночь у Гроба Господня, мы с соседкой рано утром пойти уже не смогли, те, кто все–таки пошел, вернулись слегка окровавленными: как–то неудачно крокодилью ферму миновали, что ли...

О группе нашей вспоминаю с благодарностью: под соблазны друг друга почти не

подставляли, чуть что – старательно просили прощения, отвешивая «соблазненному» поясные поклоны: все понимали, где находимся. Люди, конечно, в основном, мягко говоря, хорошо обеспеченные («Ничего–ничего, потрудитесь Господу ногами, а то привыкли, понимаешь, в шикарных машинах ездить!») – подначивал наш добрый иеромонах) – но глубоко верующие, так что о. Алипий утешил тех, кто раньше не знал: «Вы не пугайтесь, что легче верблюду войти в игольные уши, чем богатому в Царствие Небесное. Покажу я вам эти «уши» – может, и войдете Божьей милостью...». «Уши» мы видели – это дверца такая в воротах была, совсем маленькая, но верблюдика небольшого с усилием пропихнуть в нее можно...

Вот и заканчивается моя неделя на Святой Земле – как час пролетела. Невозможно ощутить здесь себя – не дома. Пусть ничего материального с того времени почти не сохранилось: на самом–то деле не по этим камням ходил Спаситель, не по асфальту тем более – за две тысячи лет «культурных наслоений» уровень земли поднялся на добрый десяток метров... Не этим воздухом дышал – давно уж тот унесли многочисленные ветра... Но вот эти горы и скалы видел земными глазами, те же созвездия безмолвно стояли тогда над головой своего Создателя. Если бы ничего другого вообще не осталось, то только из–за этого стоило бы сюда приехать...

Очередной «Боинг» спускается на землю из поднебесья. Теперь уж не так страшно: если не сядет, то хоть на обратном пути, хоть главное сделано. С тоской смотрю в черный иллюминатор: уж скорей бы. Сзади доносится спокойный женский голос. Услышав сию сакраментальную фразу, про страх я забываю мгновенно и начисто: «Ну вот, а ты говорила, в России фонарей нет. Вон, посмотри вниз: есть фонари». Ольга и я скрючиваемся в креслах от хохота, насколько позволяют ремни: все в порядке, мы дома, в России, сейчас ступим темной дождливой ночью на родную землю – и как хорошо, что там, внизу, есть пока фонари.

*Октябрь 2003 года.
Санкт–Петербург.*

Proza

ИВАН ИЛЬИН

По опятам

Четверо студентов педагогического института опоздали на Толмачёвскую турбазу к началу маршрута. Все группы уже ушли в походы на лодках по реке Луге. На турбазе оставались только пожилые люди и те, кого наш врач не допустил в поход. Так что молодым студентам – двум парням и двум девушкам сидеть со стариками на пляже было скучно, а вечерние танцы мы временно отменили.

Я предложил ребятам пойти поискать среди лесов и болот на северном берегу реки Луги заброшенную базу партизанского отряда. О том, где была эта база были только косвенные сведения от родственников погибших там партизан.

Ребята сразу загорелись этой идеей. Мы взяли в рюкзаки палатку, спальные мешки, продуктов на пять дней и пошли с Толмачёвской турбазы, мимо деревни Ящера, а дальше по старой извилистой дороге проходящей по левому берегу реки Луги. По этой грунтовой дороге, наверное, уже давно никто и ни на чём не ездил. В глубоких колеях росли никем не примятые цветы. Через боковые ручейки, впадавшие в Лугу, были когда-то построены мостики, потом их заменили положенными поперёк жёрдочками, а сейчас и эти жёрдочки сгнили, и лежали не поперёк воды, а валялись, как попало. Было начало августа, жарко и душно. Парило, наверное, к грозе. На краю горизонта сгущались и становились всё темнее тяжёлые тучи. Через ручейки мы переходили вброд. Каждый раз останавливались посередине воды, пили и отмывались от пота. Километров через семь подошли к полуразрушенной деревне Кемка, стоявшей на высоком берегу у впадения в Лугу речки с тем же названием. Мы знали, что партизанский лагерь был построен колхозниками этой деревни по заданию Лужского райкома партии.

Крайняя изба, к которой мы подошли, стояла посреди большого сада без забора но уже с поспевающими яблоками. На полянке в саду была привязана к колышку чёрная коза.

Две пожилые женщины торопливо убирали в сарай недосушенное сено. Очевидно, тоже ожидали грозу.

– Здравствуйте, Бог в помощь, вежливо поздоровались мы.

Женщины что-то пробурчали в ответ и продолжали работать. Мы предложили помочь убрать до грозы сено и попросили грабли и вилы. В ответ они нас послали подальше и спросили, зачем мы вообще-то сюда приперлись.

– А мы с Толмачёвской турбазы, – объяснил я, – ищем место партизанского лагеря, в котором погибла партизанка Герой Советского Союза Антонина Петрова.

Женщины ничего не ответили и продолжали молча убирать сено. Думая, что они меня не расслышали, я повторил свой вопрос погромче. Одна из женщин со злостью воткнула вилы в землю, сплюнула набившуюся в горло пыль и махнула рукой на другой конец деревни:

– Вон, у того старого хрыча спросите.

У крайней избушки-развалюшки на другом конце деревни, на сучковатом чурбаке сидел старый дед с большой седой бородой и, не вставая с чурбака, колотил на мелкие полешки дрова.

Старику мы тоже предложили свою и Божию помощь. Он спокойно отдал нам топор, опираясь на палку, пересел на другой чурбан и сказал, что его зовут дед Василий. Потом достал из кармана мятую газету, аккуратно оторвал нужный листик, скрутил из него огромную козью ножку и набил её махоркой из красиво вышитого, но очень старого и потёртого кисета. Раскурив самокрутку от зажигалки, сделанной из винтовочного патрона, дед спросил у наших девушек, умеют ли они обращаться с самоваром. Городские студентки осторожно потрогали самовар и сказали, что нет, не умеют. Пришлось с самоваром возиться мне: разжигать сосновыми шишками и раздувать старым кирзовым сапогом. Дед послал девушек в огород и велел нарвать зелёного лука, укропа и огурцов. Ещё велел накопать

молодой картошки.

Под навесом летней кухни стоял длинный стол и две скамейки. Мы выложили на стол продукты из рюкзаков, принесли кипящий самовар и позвали деда чаёвничать. Я достал чекушку водки и разлил её в два стакана. Студенты от выпивки отказались. Мы с дедом чокнулись, и одновременно с этим сверкнула молния, грянул гром и хлынул ливень. Дед, с явным удовольствием, выпил водочку и закусил шпротами. А я закусил свежим салатом, приготовленным девушками.

На другом конце деревни женщины не успели до дождя убрать сено в сарай. Я сказал деду, что мы предлагали им свою помощь, но нас обругали и отказались. Дед, очевидно, давно не пил водки. Она сразу сильно ударила ему в голову, и он разговорился:

– Их теперь всегда Бог наказывает за прошлые грехи, – со злостью сказал дед Василий. – Тут у нас за болотом в начале Войны был партизанский лагерь. Строил этот лагерь Тихон, наш председатель колхоза. Вон Фроська, это та, что пониже и потолще была жена этого председателя, а тощая и сутулая Сонька его сестра. Тихон-то, чтобы его на фронт не взяли, нарочно ногу себе топором повредил. Вот ему и приказали для партизан лагерь приготовить, землянки построить, погреб для урожая колхозного сделать. Даже сена за-пасли и пару коров в лагерь перегнали. У нас вон за тем лесом, что на склоне к реке начи-нается огромное болото. Где-то можно пройти за клюквой, а где-то зыбуны глубокие. Даже зимой не замерзают. А на болоте есть несколько сухих островов с густым лесом. Вот на одном из этих островов наши бабы да старики и построили партизанский лагерь. Мужиков-то уже всех на фронт забрали. Командантом лагеря Тихона назначили. Он у нас членом райкома партии был, а командовать отрядом поручили братьям Ивану и Станиславу Полейко.

На болоте через глубокие зыбуны гать проложили из коротких брёвнышек, чтобы для проезда на машине узко было. Брёвна для гати на плечах носили и в болото притапливали, чтобы не видно было. Гать-то провели не прямо к острову, а мимо него метров на

пятьдесят, а потом уже вокруг и к острову подвели с другого конца. На мысу, около густой ёлки, всегда стоял кто-нибудь в дозоре. Если бы, кто-то чужой шёл по гати и не крикнул пароль, то всех можно было покосить из пулемёта. На открытом болоте укрыться было бы негде. Или под пули, или тонуть.

А сестра Тихона Сонька ещё до войны работала в школе училкой немецкого языка. Её немцы и забрали в комендатуру помогать при допросах пленных и партизан. Вот она, сучка, быстро спуталась с каким-то немецким офицером. Сонька-то и рассказала своему гестаповцу про партизанский лагерь. А потом и привела карателей в Кемку. В деревне уже ни одного мужика не было. Все или на фронте, или в партизанах. Одни бабы да дети. Каратели забрали двух малолетних детей Тихона, а его жену Фроську послали в лагерь сказать Тихону, что дочка простудилась и умирает от воспаления лёгких. Тихон взял у лагерного врача лекарство и пошёл с женой в Кемку. Сестра Сонька сказала Тихону, что дети здоровы, а гестаповцы знают про то, что он член райкома партии и завхоз партизанского лагеря. Со всей деревни детей и женщин каратели загнали в одну избу, и заперли. Ставни были заколочены, а рядом стояла канистра с бензином. Тихону приказали провес-ти карателей к лагерю партизанского отряда, а иначе избу с детьми и женщинами сожгут.

К лагерю Тихон подошёл один. В этот вечер на посту стоял четырнадцатилетний парнишка, по прозвищу «Отвейка». Он был заикой и вместо «отвёртка» мог ска-зать только «отвейка». Пароль Тихон сказал правильно и, обойдя остров, сторонкой прошёл на пост к ёлке, где стоял Отвейка, и задушил парнишку. Потом помахал немцам белой рубахой. Немцы неожиданно появились прямо посередине лагеря, и открыли беспорядочную стрельбу из своих «Шмайсеров».

В этот вечер в лагере было только одиннадцать партизан, вернувшихся из разведки. Все остальные ушли готовить взрыв на железной дороге.

Парни отдыхали в землянках, а у костра сидела одна Антонина. Она постирала парням рубашки и они сушились на верёвке у костра.

А сама Антонина зашивала чью-то рваную телогрейку. За повешенным бельём немцы не сразу увидели Антонину. Она успела схватить пулемёт Дегтярёва и, спрятавшись за пень и за кучу дров, стала стрелять. Парни тоже стреляли из землянок, как из блиндажей. Немцам прятаться было негде и их, в этом бою, было убито в несколько раз больше, чем партизан. Но землянки забросали гранатами. На раненую в левую руку Антонину накинuloсь сразу несколько немцев и она подорвала себя последней гранатой.

Дом с партизанскими жёнами и детьми немцы всё равно сожгли. Оставили в живых только семью Тихона.

Потом Тихона назначили надсмотрщиком над русскими рабочими, работавшими под немецким конвоем на восстановлении железнодорожных путей, подорванных партизанами. После Войны Тихона судили только за то, что он помогал немцам восстанавливать железную дорогу. Он отсидел свой небольшой срок, вернулся в Лугу и жил на улице Антонины Петровой. А умер подлец своей смертью.

Но ничего не исчезает бесследно. Спустя несколько лет в гестаповских архивах, находящихся в ГДР, нашли записанный с немецкой аккуратностью подробный отчёт о «подвиге» Тихона по уничтожению партизанского лагеря. Там было написано даже про Отвейку.

Сын деда Василия Серёжа тоже погиб тогда вместе с Антониной. Они очень дружили ещё до войны. Антонина работала в Лужском райкоме комсомола, а Серёжа учился в техникуме. Это Антонина вышивала Серёже вот этот кисет. А дед Василий уже тогда был непризывного возраста и жил с женой и с дочкой в деревне Ящера. Они потом ходили хоронить погибших партизан. «Вот я и взял себе на память Серёжин кисет, вышитый Антониной», – закончил свой рассказ дед Василий. Он начал опять крутить козью ножку и как-то странно зашмыгал носом, прикрываясь старым кисетом.

Коротко отхлестал шквалистый грозовой ливень, но мы в этот день дальше не пошли, а сварили ужин и остались ночевать в избе у деда Василия. Не хотелось оставлять его в одиночестве растревоженного грустными

воспоминаниями. Вечером накопили червей и дедовыми удочками наловили в Луге крупной рыбы на двойную рыбацкую уху и на жарёху. Уха к утру застыла в заливное, а жареной рыбы мы ещё и с собой взяли.

Дед Василий подробно рассказал нам, как найти начало старой партизанской гати через болото. Велел идти очень осторожно. Брёвнышки давно прогнили и можно сорваться в болото и «утухнуть». Лучше если те, кто пойдёт первыми, свяжутся верёвкой. Дед даже предложил нам свою бельевую верёвку, но мы отказались. У меня был с собой альпинистский капроновый шнур, а дедова верёвка была старая, потёртая и связана бабьими узлами.

За годы, прошедшие после Войны болото сильно подсохло. Брёвнышки гати лежали уже не в глубине зыбунов, а на поверхности. На полусгнивших брёвнышках росли опята. Их было так много, что казалось через болото, извиваясь между трясинами, тянется к дальнему лесистому острову золотая дорожка. Никто из нас не провалился, и мы спокойно дошли до партизанского лагеря. Крыши землянок обвалились. Над братской могилой стоял старый, покосившийся от времени, восьмиконечный православный крест. Везде запустение и густые заросли малинника. Около трухлявых пней валялся искореженный взрывом гранаты пулемёт Дегтярёва.

Мы поправили могилу и крест. Собрали и положили на могилу полевые цветы и пошли обратно по дорожке из рыжих опят.

О нашем походе я написал отчёт и отнёс его в приёмную военкомата города Луги.

Потом администрация города Луги устроила на месте партизанского лагеря мемориал памяти. Проложили удобную дорожку от железной дороги. На День Победы приезжали пионеры и военные пенсионеры. Говорили речи. Возлагали венки. На железной дороге сделали остановку «Разъезд Антонины Петровой». В Луге поставили памятник Герою Советского Союза Антонине Петровой. Назвали в её честь улицу и школу. Антонину перезахоронили в город Лугу. Вспомнили, что ещё до своей гибели в партизанском лагере, Антонина Петрова совершила несколько под-

вигов. В июле 1941г она в немецком тылу, вместе с группой разведчиков, уничтожила колонну немецких машин. Разведчики из кустов забросали гранатами немецкие машины, но первую гранату, попавшую прямо в радиатор передней машины, бросила Антонина.

В августе 1941 г. Антонина одна была в разведке в районе деревни Югостицы на южном берегу Черемнецкого озера. Она обнаружила большое скопление немецких танков, готовящихся по Киевскому шоссе ударить на Ленинград. В деревне Югостицы никого из жителей уже не было, но телефон в конторе ещё работал. Антонина позвонила в Лугу, в райком партии, и сообщила о танках. Наши самолёты разбомбили эти танки, стоявшие кучно и без горячего.

Сейчас уже нет пионеров, и вымерли ветераны, помнившие Войну. Если мне позволят возраст и здоровье, то хотелось бы опять прогуляться по той самой дорожке через болото, и посмотреть всё ещё так же ли густо растут на ней золотые опята, как природные ордена погибшим партизанам?

Пурга

В праздник Нового года всегда хочется пошуметь, потанцевать, попеть песни, пострелять и, вообще побезобразничать. По молодости лет мы все жили или с родителями, или в коммуналках, а у соседей были дети и шуметь после полуночи, даже в Новый год, разрешалось только на один час больше, а потом надо было расходиться по домам, а транспорт уже не ходил. Вот и придумали мы дружной компанией поехать на Новый год в деревню Кемка на берегу реки Луга в избу деда Василия, с которым я познакомился прошлым летом, когда мы искали место партизанского лагеря, где погибла Герой Советского Союза Антонина Петрова. От станции Толмачёво до деревни Кемка было километров 15 и почти без дороги. Надо сказать, что в этот год предновогодний день 31 декабря хотя и был укороченным, но всё же был рабочим. Рюкзаки и лыжи мы заранее завезли в камеру хранения на Варшавский вокзал, а прямо с работы помчались на поезд. Пока ехали до Толмачёва, уже стемне-

ло. Вышли из поезда под снегопад и сильный ветер. Встали на лыжи и пошли 5 км по накатанной дороге до санатория «Живой ручей». Ветер задувает снег за шкирку, в рукава и в прочие щели одежды. У лыж подлип. Наверное мы не попали в мазь. Врач скорой помощи Рая взяла с собой на наш праздник своего начальника, кандидата медицинских наук Льва Моисеевича. Лыжи он взял напрокат, но оказалось, что оба крепления на лыжах поставлены на левую ногу, а Лев Моисеевич сильно страдает левым уклонизмом. Пришлось мне достать ремнабор, сесть на рюкзак, положить на колени лыжу несчастного медика и переставлять на ветру и морозе крепления на правую ногу. Ребята обступили меня, чтобы прикрыть от ветра, а кандидатскую ногу, без ботинка, завернули в чей-то запасной свитер. Я примерял ботинок, сверлил дырочки, засовывал в дырочки валики из лыжной мази, чтобы хорошо за-винчивались шурупы... Всё это голыми руками на ветру и на морозе, а Лев Моисеевич сказал, что я шлимазл слишком долго переставляю его крепление. Я ответил, что оставляю ему ремнабор, и мы пойдём вперёд, а он пусть сам переставляет крепления, а потом догоняет нас по следам. Сообразил и замолк!

За «Живым ручьём» малохоженную, даже летом, дорогу замело снегом так, что мы сразу сбились с пути и пошли просто вдоль реки Луги, проваливаясь на узких беговых лыжах выше колена. Ветер и снегопад усилились так, что задний не видел идущего впереди. Мишка посмотрел на часы и сказал, что мы уже почти час назад встретили Новый год, а шампанское не пили. Шампанское достали, но оно было так хорошо охлаждённым, что в бутылке плавали ледышки. Решили не открывать. Первыми через снежную целину ломались то я, то Людмила. Она была упрямая, двужильная и мастер спорта по лыжам и по альпинизму. Последним тащился Лев Моисеевич, всё время отставал и что-то там ныл и ворчал. Просился посидеть и отдохнуть. Обещал потом догнать. Пришлось его грубо отругать и пару раз ткнуть в задницу, этого кандидата, острым штычком лыжной палки, но из его рюкзака часть груза я переложил к себе.

Нас было шестеро. Мишке было тяжело, но он очень упрям, доверял мне и молча шёл, шёл и шёл. Рая была покрепче, но всё пыталась извиняться за то, что привела к нам этого царя зверей Льва. Медсестра Зина плакала, но старалась, чтобы мы этого не замечали. Просто у неё на лице таял солёный снег. Мы с Людмилой по очереди шли впереди, ломили глубокую целину снега и говорили всем, что у нас так бывает часто и дело это нам привычное, а бывает иногда и гораздо хуже. Шутили на посторонние темы и рассказывали на ветру глупые старые анекдоты.

Новый Год на ходу мы не отметили и в половине второго ночи пришли в Кемку. В избе деда Василия хулиганы выбили стёкла в одном из окон, и на пол намело сугроб снега. Лев Моисеевич упал в сугроб посреди избы, свернулся калачиком, затрясся и заплакал о своей пропащей жизни. Бормотал, что все мы здесь пропадём навсегда и замёрзнем насмерть. Найдут нас только весной, обглоданных до костей голодными крысами. Жалел свою маму.

Противно было смотреть на плачущего и ноющего взрослого мужика. Мы перетащили умирающего Льва на топчан. Укрыли тремя спальными мешками, чтобы он согрелся и, чтобы не слышать его стонов и всхлипываний. Я предлагал навалить этому «царю зверей» и насильно заставить его работать, но Рая не разрешила обижать своего уважаемого начальничка. Пришлось вместо красивой экзекуции устраивать красоту, тепло и порядок в доме. Хорошо, что печка была цела и исправна. С соседнего забора оторвали несколько реек штакетника. На окно прибили штакетником снаружи и изнутри полиэтиленовую плёнку. Зажгли несколько свечей. Убрали из избы снег. Прочистили трубу и затопили сразу и печку, и плиту. Через пол часа стало тепло, а через час жарко.

Лев вылез из-под спальных мешков, хлебнул медицинского спирта и весело стал рассказывать еврейские анекдоты. Прямо в печке жарили шашлык и запивали всяческими горячими и горячительными напитками. Мы так намёрзлись, что нам казалось, будто алкоголь нас совсем не берёт. Ан нет! Не брал, не

брал, а потом всех сразу взял и свалил. Подложили дров, упали, укутались и отключились. От развешенной мокрой одежды жарко натопленная изба была полна пара, как баня, но мы уже спали. А на улице ветер утих, снег прекратился и как-то даже по-теплело.

Утром нас разбудили наши друзья. Они спокойно, вместе с родственниками, встретили дома Новый год, а утром первым поездом приехали в Толмачёво. Нашу ночную лыжную замела метель, но ветер уплотнил снег, а жёлоб от лыжни был виден и им идти было полегче. Друзья еле-еле сумели нас разбудить. В печке ещё были горящие угли. Мы подложили несколько лучинок, дунули и дрова запылали. Сперва мы выпили много, много, крепкого, крепкого чаю с сэндвичами и только потом пришли к общему знаменателю с вновь прибывшими.

Все дружно стали готовиться к вечернему празднику, принесли из леса и подвесили к потолочной балке красивую ёлочку. Висячая ёлка всем понравилась. Во первых она не может упасть, а во вторых можно ёлку крутануть, а хоровод может стоять. Эффект одинаковый!!! У каждого с собой было по три игрушки и ёлку стали наряжать. По стенам развесили шуточные плакаты и лозунги, склеенные из газетных заголовков. Наскоро перекусили и стали готовить Новогодний ужин.

А мы с Мишкой, Раей и Зиной пошли вниз к старице около речки. Ветер, после ночного снегопада, уплотнил наст и мы стали строить эскимосскую хижину из снежных кирпичей. У нас было задумано, в марте пойти «на богомолье» по льду Онежского озера от Ошты до Кижей. Путь по открытому льду предполагали пройти за восемь дней. Палаток решили не брать, а как эскимосы каждый вечер строить хижины из снега, так называемые «иглу».

Утоптали снежную площадку и очертили на ней круг. Я встал в середину, а Миша стал нарезать плотничной ножовкой большие и продолговатые снежные кирпичи. Рая и Зина брали эти кирпичи на фанерки и подавали мне. Я по спирали укладывал кирпичи и строил сужающийся кверху снежный дом. Прорезали внизу дверь, и ко мне залезла Рая. Миша с Зиной вырезали особо большую снежную плиту,

подали нам, и мы с Раей закрыли крышу нашего дворца. Согнутой ножовкой подровняли изнутри стенки, а для затыкания двери набили снегом большой мешок.

Затратили на строительство часа три. Решили, что при опыте и сноровке будем строить меньше, чем за два часа. Раю назначили «Снежной королевой». Накачали резиновой лягушкой свои надувные матрасы и, вместе со спальными мешками, отнесли в снежную хижину. Решили ночевать, как настоящие полярники Нансен или Амундсен. В стенку хижины воткнули подсвечник на три свечи и пошли греться в избу.

Посредине избы уже висела и слегка кружилась подвешенная к потолку ёлочка, украшенная всякой всячиной и лампочками, горевшими от батареек. На ёлке, опасаясь пожара, свечей не зажигали. По стенам были прибиты разные подсвечники и даже висела самодельная люстра со свечами. Ну совсем, как на старинных балах. Скамейки перед столом были зрительным залом, а на другом конце избы, около русской печки, была сцена и даже занавес из пёстрого одеяла.

Праздничный концерт начался с «живых картин». Мы, по очереди, вживую изображали какие-нибудь известные всем памятники или картины, а зрители должны были угадывать. Первый угадавший выпивал рюмку. Были показаны Лаокоон, Медный всадник, Венера Милосская, Сфинксы, Даная, «Возвращение блудного сына» и пр. Потом Лёва придумал запустить в космос Человека-ракеты. Мишку завернули в полиэтилен, заставили присесть на корточки. Лева высчитал правильную тра-

екторию запуска, и мы начали отсчёт времени: «Пять, четыре, три, два, один, СТАРТ!» У Миши между коленками были спрятаны, связанные в пучок семь хлопушек, он дернул сразу за все верёвочки. В нас и на стол полетел большой заряд конфетти, а Миша упрыгал за печку. Все салаты и прочая закуска, были засыпаны пёстрыми конфетишками. На этом концерт кончился и начались простые танцы-манцы. Мы ещё немного подурачились и ушли ночевать в свою снежную хижину. Там было холодно и темно, а матрасы, надутые в тепле, остыли и стали почти плоскими. Мы зажгли свечи, поддули матрасы и залезли четвером в один большой общий спальный мешок. Быстро согрелись и уснули.

Утром кто-то проткнул лыжной палкой стенку нашего снежного дома и стал крутить эту палку внутри хижины, призывая нас вылезать к завтраку. Вылезли, взяли под мышки надутые матрасы и прочие вещи, и пошли в избу. Ребята натопили печки так, что сидели в футболках, и то потели. Я закинул свой матрас на верхние нары и сел завтракать. Конечно, опять налили всем, произнесли тост и стали чокаться. Вот под звон кружек и раздался взрыв. Это лопнул от перегрева мой надувной матрас. Мы сочли этот взрыв добрым предзнаменованием перед нашим ледовым походом на богомолье в Кижы. То, что на богомолье надо не ездить, а ходить, мне ещё в детстве объясняла моя крёстная тётя Капа. Вот мы и решили пройти зимой на лыжах по льду Онежского озера от Ошты на самом юге до Кижей. Восемь дней ледяного похода с ночлегами по-эскимосски.

ЛЕМПИ КАРЗОВА-ГОЛОВИНА

День учителя

Людочка прогуливалась по саду, любуясь большим разнообразием ярких осенних красок. Казалось, что он насыщен всеми цветами радуги. Багровый куст черной рябины, усыпанный гроздьями черных с сизым налетом ягод, очень выделялся на фоне зеленых листьев сирени, растущей рядом. Вишня превратилась в удивительное пунцово-красное дерево. Особенно много в саду было яблонь разных сортов. Листья их остались зелеными, лишь на некоторых появился буро-красноватый оттенок. В основном урожай уже был собран, но остались еще деревья с изумительными крупными яркими плодами. Людочка подошла ближе, выбрала светло-желтое яблоко, покрытое оранжево-красным полосатым румянцем, протянула руку к нижней ветке и сорвала его. Девочка надкусила яблоко, оно было прохладное, удивительно сочное, кисло-сладкого вкуса. Мякоть тоже не простая, а кремовая с розовыми крапинками.

Людочка, наслаждаясь яблоком, продолжала рассматривать сад. Ее интересовали, прежде всего, цветы. Ведь завтра День учителя и в школу все ребята придут с букетами. Какие же цветы ей выбрать? Она разглядывала гладиолусы с мечевидными листьями, над которыми высились стройные колоски с крупными цветками различной окраски. Ее внимание привлекли пышные кусты георгинов. На фоне темной зелени словно вспыхнули яркие осенние звезды разнообразной формы и цветов. Ей они показались особенно приветливы и дружелюбны. Девочка решила, что она сделает букет, в котором будут красоваться крупные бело-бордовые шапки георгинов.

Утром Людочка надела парадную форму – коричневое платье с белоснежным кружевным воротничком и такими же манжетами, а поверх платья – белый передник. Бабушка вплела в ее светло-русые косички белые капроновые ленты. Маленькая кокетка подбежала к зеркалу. Ее голубые глаза сияли. В этой восьмилетней девочке словно проснулась

женщина, оценивающая себя. Большие бантики привели Людочку в восторг. Явно довольная своим внешним видом, она взяла шикарный букет георгинов и отправилась в школу.

По дороге Людочка вспомнила День учителя в прошлом году. Все дети в праздничной форме с осенними цветами в руках выстроились на линейку. Учителя стояли перед ними. Прозвучали поздравительные речи, и началось время вручения цветов. Ученики побежали с букетами к учителям. Мария Ивановна, учительница их класса, поспешно принимала цветы. Ребята, словно сговорившись, буквально заваливали букетами директора школы и завуча. Тогда Людочка преподнесла букет гладиолусов Марии Ивановне, которая, даже не заметив ее, положила цветы в охапку с остальными. И тут девочка обратила внимание на Ивана Михайловича, учителя физкультуры. Он стоял с пустыми руками, ему никто не подарил ни цветочка. В тот момент ей хотелось забрать гладиолусы у Марии Ивановны и подарить их Ивану Михайловичу. Но поздно, дело сделано. Девочка вернулась на место. Линейка заканчивалась. Лица всех присутствующих светились радостью. Улыбался и Иван Михайлович, стоя рядом с другими учителями, еле удерживающими букеты. Чуткая Людочка, конечно, понимала, что этой улыбкой он хотел скрыть свою боль, которую она прочитала в его глазах. Девочка огорчилась. Ей было очень жалко учителя физкультуры. Но почему она не обратила внимания на него раньше? Его печальные глаза не давали ей покоя весь год. Теперь она твердо знала, что сегодня подарит свой букет только Ивану Михайловичу.

Все дети пришли в школу нарядные. У многих в руках красовались различные букеты, но кто-то пришел без цветов. Как всегда в праздники ребята выстроились на линейку. Учителя стояли в ряд перед детьми, и Иван Михайлович тоже. Начались поздравительные речи. Людочка ждала с нетерпением момента вручения цветов. И, наконец, этот момент настал. Девочка приготовилась бежать. Но вдруг

Иван Михайлович отдалился от линии учитель и направился к выходу.

«Куда же он уходит? – подумала Людочка. – Я ведь так долго этого ждала».

Девочка стояла с букетом в руках, наблюдая за учителем физкультуры, в то время как другие дети бежали поздравлять Марию Ивановну, директора школы, завуча... Иван Михайлович подошел к учительской и скрылся за ее дверью. Людочка, не обращая внимания ни на кого, решительно двинулась за ним. Она вошла в учительскую и остановилась. Иван Михайлович сидел за столом и сосредоточенно изучал классный журнал. Затем он поднял глаза и удивленно посмотрел на Людочку. Девочка робко улыбнулась и взволнованно прознесла:

– Иван Михайлович, я поздравляю Вас с Днем учителя! – с этими словами она подошла к столу, протянув ему букет с пышными шапками бело-бордовых георгинов.

Мужчина встал и с благодарностью принял у нее цветы.

– Спасибо, Людочка, – его басистый голос был удивительно мягок. Огромный, атлетически сложенный мужчина стоял перед маленькой, хрупкой девочкой, и на глазах его выступили слезы.

– Спасибо, – с нежностью повторил он.

Довольная Людочка поспешила покинуть учительскую.

Линейка подошла к концу. Мария Ивановна, директор школы, завуч, как всегда, держали большие охапки цветов в руках. Все вокруг были довольны.

Дети разошлись по классам. Людочка села на свое место. Рядом с ней сел Валерка, сосед по парте.

– Любишь ты Михалыча, – съехидничал он, поглядывая на счастливое личико подружки. Оказывается, он наблюдал за ней всю линейку, и, конечно, догадался, зачем она пошла в учительскую.

Людочка ничего не ответила мальчику. Таинственная улыбка не сходила с ее лица. Перед глазами стоял незабываемый взгляд Ивана Михайловича со слезами на глазах.

В класс вошла Мария Ивановна. Начался урок, и потекла своим чередом обычная школьная жизнь.

Первое выступление

Обычно перед праздниками Мария Ивановна раздавала некоторым детям стихотворения, чтобы они их выучили и выступили на школьном концерте. Людочка каждый раз с надеждой ждала листочек, но учительница обходила ее стороной. Девочке всегда было очень обидно, но она никому ничего не говорила об этом. Однажды она все-таки решилась поделиться своими мыслями с бабушкой.

– Бабушка, почему дети выступают на праздниках, а Мария Ивановна не дает мне стихов? Она что думает, что я не выучу или плохо прочитаю? – обиженно начала она.

– Да не знаю, внученька. Может, и думает так, – сочувственно проговорила бабушка.

– Знаешь, как мне хочется тоже выступать. Я очень люблю читать стихи, – в голосе звучала мольба, словно бабушка была добрая волшебница, которая умеет все уладить.

Людочка очень любила бабушку. Они проводили много времени вдвоем. Мама с папой утром торопились на работу, вечером приезжали поздно. Они работали вместе в одном ателье мод, вечерами часто задерживались из-за заказчиков. Только в выходные дни девочка могла вдоволь наговориться с родителями. Бабушка всегда была дома, по утрам она кормила внучку завтраком, после школы ее ждал теплый обед. Ужин тоже готовила бабушка. С ней Людочка делилась детскими радостями, огорчениями, секретами, и бабушка рассказывала ей много интересных историй. Девочка даже не представляла, как бы она могла жить без нее. Бабушка, пожалев внучку, решила пойти в школу и поговорить с учительницей.

Приближался очередной праздник – Международный женский день 8 Марта. Мария Ивановна, как всегда, стала раздавать детям стихи к выступлению. В этот раз она дала стихотворение и Людочке. Девочка, не скрывая своей радости, взяла у нее листочек.

– Наконец-то и мне дали, – подумала она, – Мария Ивановна поверила в меня.

Людочка с нетерпением ждала окончания занятий, чтобы скорей поделиться этой новостью с бабушкой.

Девочка почти вбежала в дом.

– Бабушка! – раздался жизнерадостный возглас. – Мне дали, дали стихотворение!

– Ну, вот и хорошо, – весело отозвалась бабушка. – Переоденься сначала. Покушаешь, потом будешь учить стишок.

После обеда девочка прочитала стихотворение вслух. Оно тоже было необычное, не такое, как у остальных, потому что в нем говорилось о бабушке. Обе были довольны, а бабушка вдвойне, потому что внучка будет читать стихотворение о ней.

Стих Людочка выучила быстро. Несколько раз прочитала его наизусть бабушке. Потом она репетировала перед зеркалом, представляя себя на сцене.

Вот и наступил долгожданный праздник. В школу пришли родители, бабушки, дедушки. Они расположились вместе с учителями в зрительном зале. Дети были в парадной форме, девочки в белых передниках, мальчики в белых рубашках. Начался концерт. Читались стихи, пелись песни, а Алла танцевала. Ей все похлопывали и подпевали тра-ля-ля, потому что не было музыки. Алла считала себя королевой бала. Настала очередь и Людочки. Она вышла на сцену и громко начала читать стихотворение о бабушке. Читала с выражением, так, как она умела, вложив всю душу и любовь в строчки. Ей аплодировали. Девочка поклонилась и направилась к своему классу.

После окончания концерта Мария Ивановна позвала ее:

– Люда, подойди к нам, пожалуйста. Елена Николаевна хочет поговорить с тобой.

Елена Николаевна, директор школы, сидела рядом с незнакомой женщиной. Они обе

смотрели на подходившую к ним девочку и улыбались ей.

– Люда, у нас в гостях сегодня заведующая клубом, – начала говорить Елена Николаевна. – Ей очень понравилось твое выступление. Завтра в клубе будет концерт, посвященный празднику 8 Марта. Ты смогла бы там также прочитать это стихотворение?

– Да, смогла бы, – не задумываясь, ответила девочка, утвердительно кивнув головой.

К ним подошла бабушка.

– Какая у вас замечательная внучка, – сказала ей Елена Николаевна.

Далее она рассказывала бабушке о предстоящем концерте и просила привести туда девочку. Безусловно, бабушка и внучка радовались. Такого поворота событий они не ожидали. Дебют прошел удачно. Людочка оказалась единственной участницей, которую выбрали на выступление в клубе.

На следующий день бабушка и внучка пришли в клуб к назначенному времени. Зал полностью заполнился зрителями. Заведующая клубом поздравила всех с праздником и пригласила на сцену Людочку. Маленькая первоклассница в белоснежном переднике, надетом поверх школьного коричневого платья, с огромным белым бантом на голове, открывала праздничный концерт, читая уверенным голосом стихотворение о бабушке. Ей дружно аплодировали.

Девочка лучилась счастьем, сбывлась ее мечта. С тех пор Мария Ивановна, раздавая стихи перед праздниками, никогда не забывала Людочку.

ОЛЬГА САФАРОВА

Смерть ювелира

Повесть

(Продолжение. Начало в № 12)

Глава 2

Донос и Выборгская интерлюдия

Директор Ювелирторга Озеров Николай Владимирович сидел в своём прекрасном кабинете, в бывшем доме Карла Фаберже, на бывшей улице Большой Морской и с любовью перебирал и рассматривал разнокалиберные баночки и тюбики с импортной лыжной мазью для всевозможного состояния снежной поверхности. «...О, какая нужная мазь... Как хорошо, что всё так аккуратно снабжено переводами... Скоро зима, – думал он, – снова встану на лыжи, октябрь уже...». Тут его мысли вернулись к делам: «...Через две недели юбилей открытия первой валютной «Берёзки» в Астории, надо банкет закатить, городское начальство, партийное и советское надо будет пригласить. Хоть мы и Московского подчинения, но местная власть - тоже власть... надо...».

И снова стал рассматривать баночки лыжной мази. Прошлой зимой на международных соревнованиях по прыжкам с трамплина в Кавголово Ювелирторг проводил выездную торговлю на валюту для иностранных спортсменов, которую возглавляла назначенная его приказом Алёна Яковлева, зам. директора одного из крупнейших магазинов. Кому же ещё и поручать было это дело, как не ей: знает английский и немецкий, учится в аспирантуре, прошла специальную практику в Инторгбанке по иностранным валютам, когда Ювелирторгу Министерство вменило в обязанность организовать систему магазинов «Берёзка». Вот только не член партии, - сколько раз он сам её уговаривал, лично рекомендацию обещал дать... Но как-то она всё уворачивается-отнекивается. Вот она по его просьбе, и собирали у отъезжавших после соревнований немцев и скандинавов специальную, профес-

сиональную лыжную мазь - молодец такая! Да переводами снабдила каждую упаковочку...

В дверь постучали, вошла нарядная секретарша Татьяна, принесла почту и документы на подпись. Озеров со вздохом отложил баночки и тюбики, занялся документами. Вот он взял очередную бумагу... Так... из районной прокуратуры... Так-так... сопроводилочка... Так-так-так... «...Ммм...направляем Вам... разобраться и принять меры... смотрите приложение ...». Он развернул приложенный документ и с удивлением начал читать, сначала внимательно, потом, не усмотрев конкретики, по диагонали:

Вх. №... В ОБХСС Куйбышевского р-на г. Ленинграда... окт. 197...г. Копия: В прокуратуру Куйбышевского р-на...Копия: В Райком КПСС Куйбышевского р-на... От гр. Ванкульм В.П., проживающей по адресу: г. Ленинград, ул... дом.... кв...

ЗАЯВЛЕНИЕ. Я как, искренне преданная нашей Социалистической Родине гражданка... внимание соответствующих органов к преступной и безнравственной деятельности некоей гражданки Яковлевой А.А., морально разложившейся... расхищающей социалистическую собственность... иностранную валюту... не место в Советской торговле, нарушает элементарные нормы... упомянутая, позорящая звание советского.... нравственные и моральные устои... Предпринять давно назревшие меры...

С уважением, гр. Ванкульм В.П... окт. 197... года... подпись неразборчива.

Поперёк текста, в левом верхнем углу - косая резолюция: «Директору Межобластной Северо-Западной Конторы Ювелирторг - разобраться и принять меры, о принятых мерах доложить». Подпись. Дата.

Ах ты, чёрт возьми! Озеров сокрушённо и

недоумённо покрутил головой – вроде бы ничего конкретного, но сигнал поступил – придётся разбираться, вот ведь пакостный донос какой...

А в это время секретарь Татьяна, сощуриив красиво подведённые глаза, шептала в телефонную трубку: «Алёна Алексеевна, тут на вас из Прокуратуры «телега» пришла, только что директору с почтой отнесла...». Только положила трубку – её вызвал звонком Озеров и распорядился назавтра, с утра пригласить Яковлеву.

«Телега» очень огорчила директора Ювелирторга, не только как должностное лицо, но и как человека – Озеров симпатизировал Алёне.

Причина же этой напасти в виде доноса по имени Антон Ванкульм, называемый друзьями и поклонниками Антон-ювелир, в ярости собирал свои вещи и ювелирные инструменты. На полу валялась бумага из Вендиспансера, которую ему только что совала в лицо жена с криками: «... Ты меня заразил, и всех своих баб перезаразил... знаю-знаю, кто и что... анализы... засужу... вот справка... печать... посажу... посмей только уйти!!!»

Мысли - вихрем, какая справка, какие анализы?! Он к ней почти четыре месяца не прикасался, последние три месяца вообще ночевал то у Игоря, то ещё у кого-то из друзей, заходил только забрать кое-что из вещей... А заказы работал, оставаясь вечерами в лаборатории!.. «Аааа, - сообразил он, – у неё же подруга по мединституту в вендиспансере работает – вот и справка с печатью, вот вам и анализы... Боже! – он похолодел. – Неужели Валентина и Алёну выследила? – из холода его кинуло в жар... Уж если тогда, весной, в обеденный перерыв в институтской столовой, при всех устроила скандал лаборантке Нине. У него с той никогда ничего не было! Просто та сама рядом села тогда и салат ему без его просьбы принесла, а он и разулыбался ей – пассивный бабник – так Игорь его называет... А Валентина ведь специально приходит в обед из своего института Гриппа, следит за ним, ребята говорили, из-за угла...

Господи, Алёна!.. Что Валентина ей наплетёт?.. Кто кого и чем «заразил»... Алёна

же может подумать, что ... Я... И... С ВАЛЕНТИНОЙ – ТОЖЕ!!!.

Он бросил сборы и полетел к Игорю в больницу – тот сегодня дежурит на своей хирургии, и обещал ему адрес - снять квартиру. Немедленно, немедленно съехать, вещи потом заберёт...

Сколько взаимосвязанных узлом событий происходит в одно и то же время, плетётся ткань жизни, переплетаются нити судьбы, задетый слегка камень, ускоряясь и прирастая другими, несётся с горы... Маятник достиг высшей точки и стремится обратно... Кот Шрёдингера то ли жив, то ли мёртв... А в служебный подъезд Мариинского театра входит яркая знойная брюнетка и, дождавшись нужного молодого человека со скрипкой, мужа Алёны, тихо говорит ему что-то, тот презрительно отстраняется и громко прерывает её шёпот восклицанием: «Не буду я участвовать в этих интригах и слушать всякие сплетни... уйдите!». И вылетает на улицу, шваркнув в сердцах дверью; мысли его заняты предстоящим конкурсом и одной вертушкой из кордебалета.

Брюнетка резко подходит к телефону-автомату в вестибюле и набирает номер родителей Алёны...

В это же время Антон отдаёт деньги хозяйке только что снятой однокомнатной квартиры в знаменитом и мистическом Гаванском рабочем городке им. Дриля, что с начала века расположен на Малом проспекте, угол Гаванской; хозяйка отдаёт ему ключ и уходит...

И в это же время Алёна звонит в квартиру родителей, ей открывают – мама плачет, отец, красный от волнения, не может говорить – им только что позвонила женщина, назвалась доброжелательницей и сказала, что Алёну уволили с работы и скоро посадят.

Она кое-как успокоила родителей, что это какая-то ошибка, просто не туда попали, ошиблись номером, а фамилия?.. Ну, что фамилия – самая распространённая фамилия, просто совпадение... Ну вот же я – ваша Алёна, живая, здоровая, не уволенная и на свободе! Побыв у родителей, поймала такси, поехала домой на 2-ой Мушинский, по дороге пытаюсь сообразить: секретарь Татьяна утром

сказала что-то о письме из прокуратуры, потом позвонила о распоряжении директора явиться на совещание завтра с утра. Ничего необычного, прокуратура, а то и особисты частенько устраивают проверки и инспекции, как-никак валютные магазины, ювелирные изделия, золото, ценности – всегда под особым контролем, проверяют – заодно и отовариваются дефицитом, как же без этого! Никаких чрезвычайных происшествий в последнее время не было, всё на учёте, всё в сейфах и на сигнализации, все сотрудники и она сама, – проверены-перепроверены всеми какими следует «органами». А этот звонок родителям? Это явно не «органы»... Или...

Приехала около 12-ти, поднялась на лифте на свой этаж, в дверях квартиры торчит бумажка. Вынула, развернула – косые строчки карандашом: «Отвяжись от этого парня-ювелира, а то плохо будет...». Так, смысл событий стал проясняться... Не заходя в квартиру, она развернулась и бегом вниз: лифт на ночь уже отключили. Из автомата вызвала по секретному номеру такси и через 20 минут звонила в дверь подруги Людмилы. В ответ на её удивлённые расспросы – просто попросилась переночевать.

Ей не спалось, грызло отвратительное чувство незащищённости, присутствие тупой, тёмной, враждебной силы, как будто мутно-зелёная холодная лавина нависла над головой, как тогда в Сочи, на линии прибоя нависла трёхметровая волна, песок и гравий потекли из-под ног в обратную сторону, пенный гребень обрушился, опрокинул, завертел, и понёс её от берега неумолимо... Тогда её, оглушённую, хорошо глотнувшую воды, побитую камнями и перепуганную, вытащил муж, мастерски поднырнувший под тот девятый вал. Муж... Он только сегодня утром должен был приехать с гастролей, сразу на репетицию, потом вечерний спектакль, а сейчас, наверное, уже дома. А если бы записку он нашёл?

Вся их совместная жизнь проходила в разных временных пространствах: ох, как права была свекровь, предрекая им именно это, Сивилла прозорливая! Утром Алёна уходила на работу, он ещё спал, потом он ехал в театр на репетицию, она была на работе, а обедал он

у свекрови (она жила рядом с театром). Потом он занимался подготовкой сольной программы – мать ему аккомпанировала, и он шёл на вечерний спектакль. А когда Алёна заканчивала рабочий день в магазине, то директор Ювелирторга Озеров созывал руководителей и начальников служб на совещание в своём кабинете или частенько в ресторане расположенной поблизости «Астории». Возвращалась она поздно и уже спала, когда муж ещё позже добирался из театра домой, к площади Мужества. Отпуск у них всегда был в разное время – «по производственной необходимости» специфики их работы. У него – бесконечные гастроли и подготовка к конкурсам, во время которых свекровь настаивала, чтобы он жил у неё: она, концертмейстер, занималась с ним. У Алёны же – частые командировки по всему Северо-Западу, в города, где были магазины Ювелирторга – в Архангельск, Мурманск, Новгород, Калининград-Кёнигсберг.

Наконец она заснула...

Утром, бледная и невыспавшаяся, она вошла в кабинет Озерова, тот встал навстречу, усадил в кресло, сам сел рядом в соседнее. Начал официально: «Алёна Алексеевна, вы пришли к нам сразу после института, начали работу старшим продавцом, выросли в нашем коллективе...». Он сбился, заёрзал в кресле, и вдруг глянув не официозными, а вполне человеческими испуганными глазами, протянул ей два листа бумаги: «На вот, сама прочти...». Она же, неожиданно для себя, протянула ему вчерашнюю карандашную записку. Прочитав каждый своё, они посмотрели друг другу в глаза – Озеров с облегчением и сочувствием, Алёна смущённо и выжидательно.

Первой мыслью директора было: «Слава Богу, ничего криминального... так... ревность... бабские интриги... этой, как её? Ванкульм, кажется. Всё понятно, адюльтер, как говаривали в старину, любовный треугольник...». А потом ему подумалось: «Но Алёна – она руководитель, коллективу пример, хотя в сфере служебной у неё всё в порядке – но, НО – моральный облик, пересуды... хоть она и беспартийная, но она – руководитель, организатор, и прекрасный организатор...». Следующая мысль мелькнула уже совсем не админи-

стративная: «Ах, бедная девочка, вон, какая бледненькая сидит, сияет тихим светом...». Он взял её за руку:

- Вот как сделаем: иди к секретарю, скажи, что я велел выписать тебе командировку в Выборг и на границу в Торфяновку. Поезжай, проинспектируй там валютный магазин, я позвоню, чтобы тебе в Выборге гостиницу заказали. А я пока ответ на эту «телегу» подготовлю, - он улыбнулся и продолжил: - Вернёшься – будет тебе ответственное поручение. А ещё подключу тебя к организации банкета. У «Берёзок» юбилей - ну, сама знаешь, - потом он посуровел и сказал, вставая (она тоже поднялась): - Алёна, ты уж разберись со своими мужчинами, если это у тебя серьёзно - подай на развод, что ли... Мне же надо на письмо ответить не только, что все наветы по работе не подтвердились, но и... ну... - моральный облик, ну... ты же понимаешь...

В тот день гонимые возлюбленные, увязнув в событиях, не сумели разыскать друг друга по телефонам. Алёна ночевала у родителей, и опять всю ночь тот страшный зелёный то водный, то стеклянный девятый вал, крутил её, унося в Никуда, разбиваясь на звенящие, разящие сердце осколки; зыбучий, текущий песок уходил из под ног, и снова взмывал-нависал страшной пастью тот пенистый гребень...

Антон же поздно вечером рискнул приехать к Алёне домой, не успев придумать, что скажет, если её нет... А если есть? Но дверь никто не открыл. Позвонил Людмиле – та ничего не знала, а что и знала, не сказала: молчание - золото, мало ли что сболтнёшь, чего и не надо бы... Алёна в это время с трудом дозвонилась Игорю в хирургию, тот адрес съёмной квартиры не помнил, а бумажку с адресом отдал Антону. Она попросила ему передать, что уезжает завтра рано утром в Выборг на три дня; Игорь же дозвонился и сказал об этом другу только утром, когда Алёна уже ехала в поезде.

В Выборге её встретила директор ювелирного магазина «Алмаз», о которой Алёна знала, да и весь Ювелирторг знал, что незамужняя Нина Ивановна - интимная подруга Озерова. «И дай им Бог, - подумала Алёна, глядя на милое спокойное лицо Нины, - пусть

у них будет всё безоблачно, дай им Бог...».

Заселили Алёну в одноместный номер, пообедали в ресторане гостиницы, за столом Нина смотрела на Алёну сочувственно, но говорила только о делах. Прощаясь, Нина Ивановна сказала:

- Отдыхай, Алёна, завтра поедем в Торфяновку, на границу, я за тобой утром заеду, не забудь командировочное и паспорт, пропуск я уже заказала, отдыхай пока...

Валютный магазин на контрольно-пропускном пункте, рядом с таможенной, считался филиалом Нининого «Алмаза».

Алёна, опустив руки, постояла посреди номера, казённо-холодного, стандартного, чужого. Из соседнего номера через общий балкон потёк томительный мужской голос, похоже, магнитофонная запись: «Есть город золотой, с прозрачными воротами и ясною звездой...». Она присела на диван, ушла в свои мысли, глядя перед собой невидящими глазами, отразилась в овальном зеркале, сфокусировала взгляд, всмотрелась и убедилась – последние события ничуть не отразились на её внешности. По-прежнему, её грациозная акварельная женственность как будто сверкала, подсвеченная блеском молний и звёзд того памятного грозового июня с Антоном («...Пускай звезда ведёт тебя дорогой в дивный сад...»). Казалось, что её изменчивая прелесть, освещённая и освящённая его любовью («... Кто светел, тот и свят... кто любит, тот любим...»), переполненная его влюблённым восхищением, изливалась в избытке, как изливается свет из зеркал, преумножая радужное сверкание хрустальных люстр. И его глаза, ослеплённые страстью («...чей так светел взор незабываемый...»), полнятся отражённым светом её прелести... - так думалось ей под чарующий мотив.

И душа её, вопреки событиям, пребывала исполненной пьянящей радостью жизни и лёгкостью бытия. Настоящее воспринималось как, волшебный эликсир бессмертия, сотворённый из потаённых мечтаний, сбывшихся ожиданий и восхитительной близости... Прошлого и, тем более, будущего как бы не существовало вовсе, было только сиюминутное счастье. «Под небом голубым, где город

золотой, с прозрачными воротами и ясною звездой, а в городе том сад, всё травы да цветы...» - звучало в унисон её мыслям.

Существовала только ИХ вселенная, персональный Город Золотой - грозное лето и хмельная осень, полёт Харлея и ветер в лицо, цветы и драгоценности, рок-музыка и скрипка в подвальчике ресторана, лёгкие прикосновения и жаркие сплетения, терпкий запах вина и пьянящий аромат объятий и обволакивающая нежность, бесконечная кантилена, музыка сфер... Это и есть их реальность, а всё остальное – работа, дом, бытовые хлопоты, окружающие люди - невнятный сон, мираж, иллюзия... Так мнилось ей в её временном помешательстве и эгоизме влюблённости...

Алёнины веки опустились, зеркальный двойник затуманился... Кружение в грёзах... парение в дрёме... Скольжение в сон... и вот она уже спит, и опять поднимается грозный, мутно-зелёный, пенный вал... сейчас закрутит...уже крутит... но кружит всё тише-тише, уже в спокойной гладкой пелене, грезится – вот качает в атласной воде её нагое тело. Шёлковые струи... полёт-парение... кружение... Алёна поднимает сонные веки и видит его глаза, «чей так светел взор незабываемый...», и всей своей сутью она чувствует его, Антона, - он бросился следом за ней, искал, нашёл, и вот взял на руки и медленно кружит её в объятиях по гостиничному номеру...

И казалось им, вот запели струны, раскрылись цветы, склонились звёзды, зашептались древние сакральные слова:

«...О, ты прекрасна, возлюбленная моя, ты прекрасна! глаза твои - голуби у потока вод... Пленила ты сердце мое, душа моя, невеста, пленила ты сердце мое одним взглядом очей твоих... О, ты прекрасен, возлюбленный мой, и неутомим!...». И время для них остановило бег свой...

«...Подкрепите меня вином, освежите меня яблоками, ибо я изнемогаю от любви...».

И глубокой ночью они подкрепились бутылкой вина, плиткой шоколада и печеньем...

Утром Нина Ивановна на машине пограничной службы с майором за рулём заеха-

ла за Алёной. Нинины возможности и связи в славном городе Выборге были чрезвычайно велики, но не настолько, чтобы захватить Алёниного друга с собой, в погранзону. Возлюбленным не хотелось расставаться, но у Антона даже паспорта с собой не было - и ему пришлось остаться в гостинице, где Нинино-го влияния вполне хватило для его заселения даже без паспорта.

«Как хорош... - шепнула Нина Алёне. – Пластика какая тигриная... ни одна бы не устояла...».

Ясное октябрьское утро, чёрная сверкающая «Волга»; бравый молодой офицер вышел из машины и сделал стойку - верхним чутьём почуял флюиды торжествующей любви, витающие вокруг Алёны, как электрические разряды. Он открыл и придержал для неё заднюю дверцу, нагнувшись, вдохнул её аромат, и ноздри его затрепетали, потом он сделал каменное лицо в сторону провожавшего её до машины Антона, обошёл машину и галантно открыл дверцу Нине. Сел за руль и лихо газанул.

Антон смотрел вслед машине, не утратив дурманящего ощущения обладателя, разделённая страсть непроницаемой бронёй защищала его самолюбие. И вдруг древние ритуальные слова опять проросли из глубин его памяти (детство, голос деда, читающего вслух Песню Песней), и ликующими фанфарами зазвучало в нём: «И водопады не смогут потушить любви, и реки не зальют ее... Нанизала ты меня, как перстень, на руку твою: ибо крепка, как смерть, любовь... - внутренний голос перешёл на шёпот, – ...но... – как Ад безжалостна ревность, стрелы ее – стрелы огня, пламя Господне...».

Он вошёл в вестибюль, очнулся от мыслей, попросил ключ. Девушка, осязательно придерживая ключ в руке, поймала его взгляд, наконец, выпустила ключ и интимным тоном сказала (он уже заранее знал, что именно):

- Вы у нас впервые? Может быть, вам город показать?

Вопреки своей обычной «кавалерственной» манере, он сделал вид, что не расслышал. Он боялся пустыми разговорами расплескать тот святой Грааль любви, что нёс в себе.

Любовь... Что это – любовь? «... Вот - это она, блистающая, как заря, прекрасная, как луна, светлая, как солнце, грозная, как полки со знаменами!...» - опять запело в нём.

И, как Ад, безжалостна ревность Чёрной Валентины... Девиз ревнивых жён: «Так не доставайся же ты никому!» - и он знал, что в любой момент мог попасть под статью 99 УК (незаконный промысел), драгметаллы же и драгоценные камни считались валютой, а если золото приисковое, а камни старательские, то и статья другая – расстрельная. Ядовиты стрелы ревности...

Поблуждав по городу, он зашёл в кафе, взял рюмку коньяка и, вертя её в руке, думал: «Вот через 2-3, ну, 4 часа, она вернётся, наступит вечер, мы снова будем вместе... блуждать в садах твоих потаённых, несравненная моя; белого золота подвески подарю я тебе, с опаловыми звёздами, ожерельями украшу шею твою, ключицы хрупкие... витая цепь золотая заструится в ложбинку между грудей...». Так витал он в мечтах до её возвращения – и всё сбылось, даже слаще, чем мечталось... Много ещё неизведанного было в их садах потаённых...

Глава 3 Банкет в «Берёзке» и появление Трикстера

К юбилею валютных «Берёзок» решено было обновить витраж в среднем зале магазина, расположенного в начале Невского. Витраж изрядно выгорел и выглядел потрёпанным и неуместным в новом, пафосном валютном статусе ювелирного магазина. Это и было то самое поручение Алёне, о котором говорил директор Озеров, и её путь на следующий день по возвращении из Выборга лежал в Комбинат декоративно-прикладного искусства, что располагался в красивой (спасибо – не взорванной) церкви между Старо-Калинкиным мостом и Нарвскими воротами. Она доехала на такси до площади Репина, где такси и сломалось, а Алёна пошла пешком, благо недалеко. Остановилась на Старо-Калинкином мосту, посмотрела на воду, огляделась вокруг – Коломна, какое странное и неудобное место,

мистическое, как многие места в этом прекрасном городе. Здесь смешались барочный 18-ый век и уныло-конструктивистское начало века 20-го: красивый старинный мост, а рядом краснокирпичное жутковатое здание, похожее на тюрьму; вот неудобный треугольный сквер и перенесённый с другого берега верстовой мраморный столб, он же пирамидка солнечных часов. Всё смешалось, думалось Алёне, ну, прямо как в её жизни – старое и новое слилось, вот как это неровное тугое сплетение трамвайных путей у моста, то по асфальту, то по булыжной мостовой. Чем теперь мерить-соизмерять двоящуюся действительность? – коломенскими вёрстами или километрами, любовью-привычкой или любовью-сумасшествием, словом «надо» или словом «хочу»? Завтра надо начинать бракоразводную эпопею... Она ещё постояла на мосту, оглянулась – какое изломанное пространство, геометрия фантазмагии - треугольный сквер, перпендикулярные друг другу мосты и дом-утюг с невозможно острым углом, перспектива Фонтанки и под углом к ней – гладь канала Грибоедова - отражения, отрешения... И в этой отрешённости от реальности и в эгоизме влюблённости она меньше всего думала о муже, свекрови и даже о реакции родителей на предстоящий развод.

* * *

С будущим автором нового витража Иваном Коваленко была назначена встреча в дирекции Комбината. Он уже ждал в сумрачном помещении бывшей ризницы и приветствовал её словами: «А мы с вами знакомы, нас Клёна познакомила в Столе заказов Елисеевского на Малой Садовой, помните?». Действительно, Алёна «отоваривалась» в этом заповеднике дефицита, как многие причастные к системе «я – тебе, ты – мне», и, помнится, действительно её там познакомили с этим громадным, похожим на гориллу, то ли скульптором, то ли художником. Его чёрные, близко посаженные глазки под нависшими сросшимися бровями и копной буйных чёрных кудрей хитровато и доброжелательно посвёркивали на Алёну, её рука утонула в его лапище. Заполнив кое-

какие необходимые бумаги, они взяли такси и поехали смотреть старый витраж и обговаривать новации. Всю дорогу Иван хвастался и разглагольствовал о своей работе в Мариинском театре несколько лет назад над декорациями к балету «Каменный цветок» в команде главного художника театра Вирсаладзе. И, по его словам, именно он, Иван Коваленко, «... всю-то работу великолепно и сотворил, будучи знатоком и энтузиастом драгоценных и поделочных камней, коллекционером и творческой личностью, масштаба Микеланджело и других гениев кватроченто!!!».

Через пару дней готовые эскизы в цвете были одобрены Озеровым и ещё через несколько дней предьявлены для утверждения художественному совету Комбината. На заседании Алёна присутствовала как представитель заказчика и помогала Ивану отбиваться от двух старикашек, приверженцев соцреализма, усмотревших среди друз и кристаллов в кольцеобразных срезах малахита «круглые очки бухгалтера», как сварливо выразился один из старикашек. Побрызжав и уразумев стараниями других членов худсовета сумму отчисления в пользу Комбината, старикашки угомонились, прошамкав: «...Ну, если заказчику нравится...», и – утвердили проект.

Хитрец Коваленко стал делать не настоящий витраж – в свинцовой или латунной протяжке из цветного стекла, а какбы с целью удешевления и ускорения – ухитрился нарисовать-отпрессовать на листах полупрозрачного стеклопластика специальными лаками все эти друзы, кристаллы и камни. Потом разместили три полотнища пластика на глухой задней стене большого зала и подсветили изнутри лампами дневного света. Управились к зимнему Солнцестоянию, к 22-му декабря, к Анне Зимней.

И банкет состоялся почему-то не в Астории, а в этом центральном зале крупнейшего магазина «Берёзка», что выходил огромными витринными окнами на Невский. В витринах мерцали подсвеченные цветными лампами круглые стеклянные аквариумы с водой и чем-то блестящим внутри, витрины полувзвесили-задекорировали серебряными нитями, витраж сверкал-переливался. По стенам и на шкафах

с хрусталём сияли и отражались свечи в индийских гравированных канделябрах и бра (из товарных запасов магазина; потом продавцы целую неделю отчищали их от восковых натёков). Зал был уставлен столиками на четверых. И один побольше – для начальства и особо важных гостей.

Среди особо важных были приглашены, разумеется, какие-то надутые деятели из партийного и советского городского руководства, несколько партийных и профсоюзных тётенок, трое из которых оказались в одинаковых платьях – и ничего удивительного: все отоваривались в одном месте, в «Голубом зале» Гостиного Двора, этого закрытого для рядовых покупателей обкомовского распределителя. Эти три клона, все три в залаченных причёсках «халой», попялились друг на друга, и две из них помчались домой на такси – переодеться.

Ювелирторг – аристократия и элита торгового мира – был представлен всеми директорами и товароведами ювелирных магазинов Северо-запада. Распорядителем был элегантный Леонид Вертейм (вылитый агент 007, актёр Пирс Бронсман), Леонид в своё время удивил весь город, выставив в аквариуме с рыбками водонепроницаемые часы в витрине своего магазина, там, где теперь вестибюль станции метро «Канал Грибоедова». Не менее элегантный, но более задумчивый, с видом кабинетного учёного – Яша Плотников. Он был настолько осторожен, что встречался со своими клиентами, жаждавшими дефицита, в «Метрополе» за обедом, брал мзду и конфиденциально советовал им подойти к стендам его магазина «Рубин», скажем, ровно без одной минуты четыре пополудни. А ровно в четыре старший продавец выносил бархатный планшет с вожделенными бриллиантами прямо пред ясны очи так «удачно зашедшего» покупателя, а Яши в это время и в магазинете не было! – высший пилотаж блатмейстерства. За соседним столиком шутил весёлый и разбитной, как дореволюционный купец первой гильдии Дюдяков, по прозвищу Дюдя, директор большого магазина, рядом с Филармонией, напротив ресторана «Садко». А вот и прелестная Нина Попова из Выборга и суро-

вый, с военной выправкой Некипелов, непосредственный Алёнин начальник. Красавица товаровед Люся Ананьева блистала в ослепительном платье из элитного ателье, а не в каком-нибудь кримпленовом финском ширпотребе.

Затейник Вертейм около каждого куверта организовал именные плакетки из разных поделочных камней с гравировкой золотом даты события и фамилией приглашённого, Алёне досталась плакетка из серпентина-змеевика. Она полюбовалась: серпентин – атласистый камень темно-зеленого цвета со змеиным рисунком, даёт ощущение защиты и душевного равновесия. Как Леонид угадал: именно этого ей сейчас и не хватает. С нею за столиком были нарядная товаровед Люся с русой косой вокруг головы, директор из Мурманска Гарнфельд, вкрадчивый коротышка с внимательными глазами, и громадный Ванька Коваленко – его тоже пригласили, как автора и творца нового витража.

Витраж над их головами сиял имитациями драгоценностей, подсвеченными изнутри и кидающими разноцветные блики на хрусталь и столовые приборы. Алёна видела, что Коваленко чувствовал себя неуютно – ему, привыкшему быть на первых ролях и разглагольствовать о своих успехах и талантах, было странно, что никто не чествовал его, творца прекрасного витража. Но хитёр он был и умён звериной хитростью, вёл себя безукоризненно, ухаживал за Люсей и Алёной, светски беседовал с Гарнфельдом, поплёскивал глазами на начальственный стол.

За начальственным же столом произносились тосты за увеличение валютной выручки, за выполнение плана, и выражалась благодарность коллективу за самоотверженную работу, последний спич был произнесён через микрофон на весь зал, все поаплодировали.

Торжественная часть проходила без чрезмерного официоза: Ювелирторг – Московского подчинения, и директор Озеров чувствовал себя на равных с местным начальством. Включили магнитофон, поплыла музыка ненавязчивым фоном, за начальственным столом поредело – похоже, кое-кто из приглашённых отбыл восвояси, и Гарнфельд Мурманский со

своим бокалом откочевал на освободившееся место, не забыв прихватить свою именную плакетку из малахита. Люсины же из орлецародонита сверкала красными всполохами у её прибора. Ивану досталась плакетка из кипенно-белого кахолонга, он обрадовался ей, как ребёнок, повертел в могучей лапе, расположился за столом повольготнее, взглянул на Алёну, наклонился к Люсе, и его бас вкрадчиво зарокотал:

- О, кахолонг! Вы знаете, дамы, древние индийцы и египтяне называли его «молоком священной коровы», обитающей в небесных храмах и роняющей на землю капли волшебного душистого молока, которое, достигая земли, превращается в молочно-белый камень-кахолонг, прилипающий к языку... – Ванька положил плакетку на язык и скорчил восторженную физиономию, вынул и продолжил - ...и медово-сладкий... О, избыток сласти, доводящий священного быка Аписа до исступления, и он, пылая вожделением, оплодотворяет жаждущую землю силой плодородия, изобилия и достатка...

Он взглянул на Алёнин серпентин, на её склонённую голову и отрешённое лицо, взял её плакетку, нежно погладил узор змеиных чешуек и сказал:

- Не я, похоже, не я сегодня ваш змей-искуситель... - и повернулся к Люсе: - Я сегодня как вожделеющий бык и хочу похитить Вас, как бык похитил нимфу Европу, пока лишь на плавный и медленный танец.

И Люся, девушка высокая и спортивная, просто утонула в его мощных объятьях в плавном танго; танцевал он уверенно и легко. Алёна же, вертя в руках плакетку, устремила взгляд на кольцо со сверкающей пёрышками крошечной птичкой-колибри под кварцевой полусферой и снова как будто чувствовала прикосновения рук своего влюблённого ювелира, надевшего ей позавчера это кольцо. Она погрузилась в туманные сладкие волны ощущений-воспоминаний-предвкушений бывших и будущих свиданий... шёпотов... запахов... объятий... обмираний, подобных сладкой смерти... Ей представлялось, что сбылся древний миф о совершенном андрогине, разделённом ревнивым божеством на

мужчину и женщину, что ищут друг друга с тех пор в бескрайней вселенной, во времени и пространстве, и, найдя, восстанавливают своё единство. Вот кончится этот банкет, и они вновь обретут свое единство в полумраке странной съёмной квартиры, где кровать стояла под зияющим, уходящим в никуда, незаделанным дымоходом бывшего камина, в котором шуршали и ворочались то ли летучие мыши, то ли домовой. Кровать пришлось переставить из-под чёрного провала в дальний угол, но из этого хода в никуда продолжала исходить некая неопределённая угроза, воплотившаяся вчера в оравшую за дверями, как фурия мщения, вездесущую ревнивую жену, Чёрную Валентину. Она выследила-таки Антона и устроила скандал на лестнице. Хозяйка дала три дня на поиски другой квартиры – кому нужны скандалы...

Так погружённая в свои мысли и мечтания Алёна потанцевала со своим директором Некипеловым, пообщалась с несколькими коллегами, что подсаживались к ней, пока Коваленко с Люсей после танца присели за начальственный стол. Все, подвыпив, почувствовали себя вольнее, присаживались за соседние столики, кое-где сдвинули их и объединились в большие компании. Электричество выключили, и зал освещался только многочисленными свечами. Иван вернулся за Алёнин столик с Люсей и высоким, похожим на молодого Алена Делона юношей, он оказался сыном какой-то из профсоюзных деятельниц, хотя вечер предполагался в формате «без мужей, жён и детей». Сама мамаша уже удалилась, а «Ален Делон» остался, пленённый притягательным, закрытым для обывателей миром золота, драгоценностей и валютной торговли и, как выяснилось, пленённый Алёной. Он заметил, что Иван с дамой направляется к своему месту и, набравшись решимости, попросил того познакомить его с задумчивой Алёной. Коваленко, широкими обезьяньими ноздрями почуявший чужое вожделение, с вкрадчивым воодушевлением представил юношу Алёне и Люсе, тот назвался Юрой Куликовым, студентом Военмеха, и присел за столик.

Иван наполнил бокалы и стал чистить для дам апельсин, ловко орудуя толстыми

пальцами, производя какие-то странные манипуляции с оранжевой коркой и приговаривая: «Сладкий... сладкий-сладкий... сладкий мальчик-апельсин... ручки-ножки-черенок-чок-чок...», - раздал всем очищенные дольки, а посередине стола, на белой скатерти, в бликах света свечей, раскинув ручки-ножки, лежал искусно вырезанный-изваянный человечек, и его уд детородный, образованный белым центральным стержнем апельсина, вызывающе торчал кверху между растопыренных ножек.

Юра покраснел, Люся с Алёной засмеялись, маскируя смущение, Иван же, расширив ноздри и сощурился хитрые глазки, поднял бокал:

- Я пью, дети мои, за вечный Эрос, тождественный Танатосу и побеждающий его, ибо сильна, как смерть любовь, как ад – безжалостна... - и опустошил бокал...

Начитанная Алёна поправила:

- Да не любовь безжалостна, а, как ад, безжалостна – ревность, стрелы её – стрелы огня, пламя Господне...

Иван, ничуть не смутившись поправкой, продолжил, плавно поводя снова полным бокалом и лукаво глядя из под сросшихся бровей:

- ...Безжалостна и любовь, как вот я, любя этот апельсин... - он отправил дольку в рот, - этот сладкий апельсин, раздеваю, терзаю и разрываю его, а он, умирая, породил и дал нам этого сладкого мальчика... - он поднял коркового человечка за уд детородный... - сладкого другой сластью, той, что порождает новую жизнь...

И Иван ловким движением перебросил Сладкого мальчика на соседний столик, там сейчас же возникло смущённо-весёлое оживление.

Юра, протянув дрожащую руку, пригласил Алёну танцевать. Ах, эта неподвластная разуму дрожь любовного озноба, так знакомая и ей, - но с другим, с другим... Стройная в своём расклёшенном, приталенном брючном костюме, Алёна несколько церемонно двигалась в трепещущих Юриных объятьях, нарочито скованная после Ванькиных камуфлетов и репримандов, надеясь холодностью умерить юношеский пыл партнёра. Другие глаза хоте-

лось её видеть перед собой так близко, другую руку чувствовать на себе. Через Юрино плечо, она видела, как Ванька вырезает и подбрасывает на соседние столики всё новых Сладких Апельсиновых мальчиков; весёлое, поначалу смущённое хихиканье возникало тут и там по залу, к Ивану подходили с бокалами – чокнуться, поприветствовать, позвать в свою компанию. Сквозь музыку, слитный говор и шорох танцующих слышалось его похохатывание и рокочущий бас: «... Тепло любви растопит стужу... зимнее солнцестояние как раз сегодня... Карачун, Карачун - божество Зимнего солнцестояния у славян... «пришел ему карачун»... им пришёл Карачун, а нам нет... а мы стужу-то растоооопим... наливайте... - нет солнца, а мы его вызовем-вызовем...».

Они вернулись к своему столику, Ванька тоже вернулся и, наклонившись, что-то тихо рокотал Люсе. Когда Алёна с Юрой сели, он выпрямился, снова наполнил бокалы, поднял свой размашистым жестом:

- Растопим же зимнюю остуду, друзья, устроим декабрьские Дионисии, поехали ко мне в мастерскую, сегодня ещё и Анна Зимняя, моя жена именинница... я вас приглашаю... Устроим вакханалию... Архаичную «фаллофорию», ритуальный парад и пляску ряженых...

Вот теперь было видно, что Иван чувствует себя почти в своей стихии - почти; почти - да не совсем: слишком буржуазным - буржуазным в контексте позднего застойного социализма было собравшееся в «Берёзке» общество; богемные замашки с разбрасыванием фаллических апельсиновых мальчиков позабавили, но не сподвигли на буйное веселье, благопристойность возобладала. Поэтому он и звал продолжить празднование самой длинной ночи в году к себе, в мастерскую - умел Иван обуздывать свою вакхическую стихию, знал, где, что, как и когда можно - знал, когда и нельзя.

Алёна шепотом попросила Люсю пригласить на танец новоявленного поклонника - хоть и льстила ей эта внезапная влюблённость, но и утомляла за ненадобностью. Люся увела студента, увлекла подальше меж танцующими и (Алёна видела) что-то ему убедительно

втолковывала - наверное, что у Алёны семеро по лавкам и что она старше Юры лет на десять: Алёна сама и попросила приятельницу что-нибудь такое наговорить - отрезвляющее. Вечер перевалил свою кульминацию и двинулся к завершению...

Иван наклонился к Алёне, рассматривая изящную подвеску с кабошонами кошачьего глаза в стиле ардеко, двойную подвеску на лацкане, связанную цепочкой, каждое третье звено которой – было тоже крошечным камешком, зелёным, как Алёнины глаза.

- Я ведь всё о камнях знаю, Алёна, у нас в городе, да и не только, а вообще в мире, я один из трёх истинных знатоков, истинных геммологов... Вот, помню, я консультировал Карпова, ну, знаете, шахматы – чемпион, так... впрочем, неважно... Из Индии тоже приезжали... А вот ваш хризоберилловый кошачий глаз в этой прекрасной подвеске... - он наклонился и потрогал один из камней толстым пальцем. – Отличная работа... На заказ? Мастер, ма-астер делал... И где только камни такие достал... - он наклонился ближе...

Алёна, отстраняясь, подумала, что этот, преисполненный звериной витальной энергией, вожделеет всё живое, а, наверное, и - НЕживое, но прекрасное, а может быть, и безобразное, как фаллический апельсиновый человек. Он, наверное, вожделеет всё, что распаляет его звериную обезьянью сущность. Часть его речей она, задумавшись, пропустила, не слушала...

А Иван, близко заглядывая ей в глаза, мурлыкал:

- Зелёные, в цвет ваших глаз, очаровательно... Этот камень хранит взаимную любовь, оберегает от измен... Со значением подвеска – оберег. То-то вы так холодны к Юриному трепету, что витает вокруг, всех нас заражает-заряжает, и меня, эстета, электризует. Мы все подвластны вожделениям... Три зверя владеют людскими страстями, три зверя: зверь в воздухе, зверь в воде, зверь на земле, и все они имеют свои камни-глаза... приглядывают, приглядывают за нами. Есть и четвёртый зверь и четвёртый глаз – глаз саламандры, камень алхимии. Этот камень стихии Огня, талисман тех, кто охвачен огнём любов-

ной страсти... или ревности... Да, безжалостна ревность...

Иван перенёс своё внимание на Алёнин перстень с колибри, взял её руку, потянул к подвижным обезьяним губам, поцеловал, отодвинул, полюбовался, изумился:

- Как же ювелир сумел не сжечь это чудо в перьях, когда оправлял?

Алёна отобрала руку из его мягкой хватки, поправила кольцо.

- Алёна, очень прошу, познакомьте меня с этим Вашим мастером... - совершенно деловым, неожиданно трезвым голосом попросил Коваленко. - Мне чрезвычайно нужно, для одной моей гениальной работы – очень нужен такой ювелир...

За столик вернулась Люся, садясь, наклонилась к Алёне:

- Он ушёл в расстройстве чувств, но сказал, что всё равно тебя разыщет, Ювелирторг, мол, не весь белый свет - найдёт...

- Так познакомите? Обещайте, а я Вам подарю саламандровый глаз, познакомьте? - мурлыкал Иван...

Музыка умолкла, в паузе стало слышно, как открывались-закрывались входные двери – кто-то уже уходил, прощался, договаривался о делах и встречах, кто-то, проводив коллег, возвращался к своей компании. В водовороте восклицаний от дверей, перебивая Ванькино «познакомьте», прозвучало: «Такси для Яковлевой, Алёна, такси вызывала?». Алёна прищурилась: перед их столиком возник в мигающем свете свечей... кто? Её любимый, её Белокурая Бестия, её искусный пан-ювелир,

как будто вызванный из мрака самой длинной и тёмной ночи заклинаниями Ваньки-колдуна.

Алёна потянула Антона присесть за столик - такси подождёт - познакомила с Люсей и Иваном, тот шевельнул ноздрями, сделал собачью стойку, начал какие-то комплементы мастерству, хитро блестя глазками... И состоялось такое желанное для Ивана знакомство, поимевшее в недалёком будущем неисчислимые последствия для всех троих...

Они же, почти ничего не слыша, взялись за руки, как потерявшиеся в лесу дети - музыка снова зазвучала, и они обнялись, заскользили медленно, почти не двигаясь в танце. Алёна закрыла глаза, голова её сладко кружилась.

В свете гаснущих свечей, часть которых уже догорела, Алёна вдруг смутно угадала сочувственно-осуждающий взгляд Озерова, и потянула Антона к дверям, на ходу надевая протянутую кем-то дублёнку. Коваленко выскочил за ними.

Шёл лёгкий, невесомый снежок, слева сверкала Дворцовая площадь, вправо простирался уже украшенный к Новому году Невский, такси мирно дымило выхлопом, в витринах «Берёзки» меж каскадов серебряной мишуры мерцали разноцветные шары-аквариумы с ёлочными игрушками внутри. Кинув Ивану: «Созвонимся...» - они нырнули в тёплое нутро такси и, торопясь остаться наедине, помчались в Гаванский городок, в съёмную странную квартиру, которую им скоро предстояло сменить на ещё более странную...

СВЕТЛАНА ПАНОВА

Приключения Нансона (Продолжение. Начало в № 12)

В гостях у волшебницы Арахны

- Так вы говорите, что это пищит ваш Бра? – спросил Нансон, присаживаясь на скользкую фрамугу.

- Да, я узнаю его голос. Наверно он сейчас появится, - Арахна пошире распахнула окно, на котором примостился Нансон, и впустила в комнату бабочку с причудливыми разводами на спинке. А Нансон от неожиданности не удержался и скатился вниз, прямо в куст пионов, пышно разросшийся под окном волшебницы.

- Так можно и ноги сломать, - ворчал Нансон, забираясь по стеблю цветка обратно в окошко. Арахна, увидев что случилось с путешественником, спустила вниз верёвочную лестницу, сплетённую из паутины, и помогла ему.

- Вы не ушиблись, дорогой друг? – спросила она у Нансона.

- Нет, ничего, - миролюбиво ответил Нансон, с любопытством разглядывая огромного бражника. Тут он заметил на одной из его лапок небольшую кабинку. Двери кабинки не преминули тот час же распахнуться и перед взором удивлённого насекомыша предстали трое его старых знакомых: Слава, Катя и Вика.

- Нансончик, дорогой! – затараторила Вика, тормоша путешественника.

- Я так и предполагал, что это приключение связано с тобой, - воскликнул Слава. - Недаром мне сегодня всю ночь снились какие-то жуки.

Катя же молча стояла возле Нансона и качала головой.

- Ребята! Как я рад снова увидеться с вами! – обнимая друзей передними клешнями, несколько раз повторил насекомыш. - Познакомьтесь – это Арахна, женщина-паук и знаменитая кудесница. Именно благодаря её

волшебству вы и попали сюда.

- Как прошёл полёт? – загадочно улыбаясь спросила Арахна.

- Всё было просто великолепно. Мы летели на огромной высоте, вокруг мелькали бабочки и стрекозы. С одним большущим комаром мы даже чуть было не столкнулись один раз, но всё обошлось благополучно. И вот мы здесь, – закончила свой торопливый отчёт Вика.

- Я очень рада, моя миссия на этом заканчивается, разрешите мне удалиться. – при этих словах Арахна как-то сильно согнулась, будто пытаясь что-то поднять с пола. Всё её огромное и сильное тело в одну минуту странно усохло, и от прекрасной женщины мгновенно ничего не осталось. Перед взором изумлённых гостей мелькнул лишь огромных размеров паук и исчез в тёмном углу комнаты.

Друзья повернулись за разъяснением к Нансону. Насекомыш в это время подхватив за усики Бра – бабочку, на которой прилетели ребята, заводил её в стойло, то есть в коробку, лежащую на подоконнике. Коробка была полна картофельных листьев: на них Мёртвая голова ночует и откладывает яички.

- Я вызвал вас для того, чтобы вы помогли нам в одном деле, - сказал насекомыш, закрывая крышку коробки.

- Вызвал? – изумилась Катя.

- Да, да, не удивляйтесь, именно вызвал, – утвердительно кивнул головой Нансон. – Я воспользовался колдовством женщины-паука, которая, как вы сами видите, прекрасно себя чувствует в двух параллельных мирах: у насекомых и у людей. Это она посоветовала мне воспользоваться своей волшебной бабочкой для того чтобы связаться с вами, и подложила Славе в карман её куколку. Из куколки вылупилась Мёртвая голова. Она и перенесла вас сюда.

- А как же мы вернёмся обратно? – спросила Катя.

- Не беспокойся, как только следствие будет закончено, Бра отвезёт вас домой.

- Для чего же мы вам понадобились? – любопытствовал Слава. – И про какое следствие ты говоришь?

- Понимаете, моя подружка Нюся попала в одну неприятную историю. Из её кладовой пропало несколько бидонов со смолкой, которую они всем своим отрядом насекомышей собирали для уничтожения личинок вредной Шведской мухи. Из пяти бидонов остался только один. При этом следствие зашло в тупик. Нюсе грозит исключение из школы. Ей обязательно надо помочь найти смолку и делаете это вы, ребята.

- Почему именно мы? – удивилась Вика.

- Потому, что вы люди, - заключил Нансон и при этом постучал щупальцем по своей голове.

Начало поисков

Немного отдохнув, наши друзья, не откладывая дело в долгий ящик, решили тут же приступить к поискам. Для начала они собрали совет, на котором присутствовал и их друг Нансон.

- Прежде всего, - сказал Слава, который, по безмолвному согласию девочек взял на себя роль командующего, - нам надо пойти на место происшествия и всё увидеть своими глазами.

Ребята гуськом спустились по верёвочной лестнице, оставленной волшебницей, и вместе с Нансоном отправились на луг.

- Можно конечно было лететь и на бражнике, но он такой строптивый и привык слушаться только свою хозяйку, - проговорил Нансон, почесав за усиком.

- Какой всё-таки он странный, этот Бра, и почему на его крыльях такой необычный рисунок в виде черепа? – спросила Нансона Катя.

- Мне рассказывала Арахна, что когда-то давно его предки жили в Египте. Гусеницы его кушали потихоньку картофельные листья, греясь под ласковым южным солнцем и на крыльях бабочек не было совсем никаких

черепов. Но однажды вместе с клубнями картофеля, которым наполнили один из мешков, личинки попали в трюм корабля. Корабль должен был идти на Корсику. Но на беду судном завладели пираты, и пришлось предкам Бра кочевать вместе с разбойниками по всем морям и океанам. Личинки превратились тем временем в гусениц, гусеницы в куколок и, наконец, появились бабочки. Выбравшись из трюма, они взлетели на мачту, где развивался пиратский флаг. Так сидели бражники на самой верхотуре очень долго, а мимо сновали неугомонные чайки. Чтобы не быть съеденными птицами им срочно пришлось нарисовать на своих крыльях что-то угрожающее, а так как рядом с ними ничего кроме черепа с костями не было, то и у бражников вскоре на спине появился этот пиратский символ. Его носят теперь все представители этого старинного рода, есть он и у нашего Бра. Ну вот мы и пришли, - Нансон остановился возле опустевшего погребца, пропуская вперёд Славу.

Навстречу им вышла заплаканная Нюся. Катя с Викой отвели её в сторонку и тихо о чём-то стали спрашивать, а Слава с Нансоном полезли тем временем осматривать кладовку. Под осыпавшимися сводами пещеры, они неожиданно столкнулись с тараканом Реликтом, вытаскивающим оставшийся бидон со смолкой.

- Это что же и есть та самая смола, которую собирали насекомыши? – спросил Слава у Реликта.

- Да, остался последний бидон.

- Скажите, а вы здесь давно служите? – продолжал расспросы Слава.

- Вообще-то я служу вовсе не здесь.

- А что же вы тут делаете?

- Помогаю насекомышам, переносу смолу на поля. А живу я вон там, - таракан указал клешней на старый деревянный столб, бывший когда-то опорой электропередач, у пчёл-плотников. Работаю у них дворником, а заодно и за жильём их приглядываю. Ведь у плотников много врагов и каждому охота проникнуть к ним в гнездо и полакомиться мёдовой кашей. Вот совсем недавно прилетали на луг осы Сапигиды и долго здесь всё вынохивали.

Следом за ними явились какие-то маленькие человечки, завернутые в чёрные плащи, спрашивали меня, как пройти в насекомышевую деревню. Вскоре после этого прибегает Нюся и говорит, что у них пропали бидоны со смолой.

- Давно это было?

- Что?

- Когда приходили человечки?

- Да сразу же, за осами.

- Куда они пошли?

- Я за ними не следил, но, по-моему, в деревню.

- Всё ясно, - проговорил Слава. – Опять на нашем пути встают эти неуловимые вооришки. В прошлый раз они хотели помешать нам возвращению домой и стащили пулыт. Не исключено, что они причастны и к этому преступлению. Пойдёмте в деревню.

- А не лучше ли расспросить обо всём пчёл пока мы здесь. Может быть, они что-нибудь интересное заметили? – спросила Катя.

- Предлагаю разделить наш отряд на группы. Девочки с Нюсей пойдут к плотникам, а мы с Нансоном сбегает по-быстрому в деревню.

- Ты что боишься, что тебя пчёлы ужалят? – съязвила Вика.

- Дурочка, мы с Нансоном взяли на себя самую трудную задачу.

- Ах! Ах! Держите меня! Трудную!

- Ребята! Не будем ссориться. Давайте сделаем всё так, как предлагает Слава, - поднял вверх переднюю лапку Нансон.

- Встречу назначаю через час на холме под кустом лечебной ромашки, – Слава помахал девочкам рукой и увлёк за собой Нансона.

Пчёлы-плотники

Недалеко от кладовой насекомышей, на столбе разгуливала муха, даже две мухи. Сначала они раскачивались на мокрой от дождя траве, потом на столб перелетели: всё-таки посуше и лапам теплее. Мухи расправляли фалды своих зелёных пиджачков, с интересом рассматривая Нюсю и девочек, подходивших тем временем к столбу.

- Здравствуйте! – поздоровалась с мухами Катя, - Скажите, вы случайно не видали пчёл-плотников?

- Пчёл? Вот новость! Мы совершенно не интересуемся этими неуравновешенными особами. Они всё время нас подозревают в чём-то неблагоприятном. Говорят, будто мы заримся на их медовую кашу, – перебивая друг друга, жажужжали мухи. – А мы вовсе и смотреть не хотим, что прячут они в своих гнёздах.

Тут зеленушки, заметив приближения своих недругов-пчёл, в спешном порядке покинули тёплое местечко, перелетели на соседний цветущий куст наперстянки и скрылись в его пурпурно-розовом султানে.

Между тем крупное насекомое, чем-то напоминающее огромного шмеля, приземлилось как раз на то место, где только что сидели зеленушки. Его чёрный бархатный костюм блестел на солнце, оттеняя тёмно-фиолетовые крылья. Это и была пчела Ксилокоп, или, как её ещё называют в народе – плотник. Ксилокоп подозрительно покосилась на незваных гостей, затем приоткрыла дверцу и исчезла в недрах гнезда. Через некоторое время она оказалась вновь. Подойдя почти вплотную к дому пчелы, Катя окликнула её:

- Уважаемый Ксилокоп, вы не могли бы уделить нам несколько минут своего драгоценного времени?

Пчела повернулась задом к пробковой дверце, будто защищая её своим телом, и вопросительно уставилась на посетителей.

- Не видали ли вы недавно поблизости людей такого же роста как мы, одетых во всё чёрное? – спросила Катя, делая на всякий случай шаг назад.

- Нет, дитя моё, не видала, а вот паразитов ос и мух признаться видеть пришлось. Они тут часто шныряют в надежде проникнуть в наше жилище.

- Для чего же они это делают?

- Хотят отложить в гнезде рядом с нашими свои яйца. Но медвяного теста не хватит на всех. Наши личинки могут погибнуть от истощения. Поэтому мы строго следим за ними и не пускаем грабителей к себе в дом.

Распростившись с пчелой, Катя, Вика и

Нюся отправились к месту встречи, к кусту лечебной ромашки, что виднелся вдали на холме.

В насекомышевой деревне

Слава с Нансоном тем временем шагали по узенькой тропке в деревню.

- Как ты думаешь для чего приходили маленькие человечки к насекомышам? – спросил Нансон мальчика.

- Ну уж не затем, чтобы бороться со Шведской мухой.

- А может быть мухи и подослали человечков, чтобы те помогли им избавиться от бидонов со смолкой? – Нансон даже остановился от поразившей его мысли. – Ведь смола должна была уничтожить их личинки.

- Точно! Как я сам не догадался! – Слава повернулся к насекомышу и хлопнул его радостно по зелёной спине. – Будем искать мух, а они наведут нас на след преступников.

- Давай отдохнём и подумаем, куда нам сначала отправиться. – Тут Нансон примостился на серый сучок, лежавший на тропинке.

Слава хотел сесть рядом, но сучок вдруг заговорил:

- Будьте добреньки, пересядьте с моей головы хотя бы на живот, а то я не могу доест свой завтрак.

От неожиданности Нансон вскочил, как ужаленный, а Слава скатился на землю, потому что сучок оказался палочником, искусно подделывавшимся под простую деревяшку. Приглядевшись к незнакомцу наши друзья заметили в его облике некоторую странность. Вместо одного из усиков из головы насекомого выпирала зелёная лапка, а вместо шестой ножки свисал усик.

- Этот палочник инвалид, - пояснил Нансон. – Он наверняка потерял свой усик и лапку в драке с каким-нибудь хищником. Но у многих насекомых лапки и усики отрастают снова. Но с этим палочником произошла ошибка, по какой-то неизвестной причине ножка и усик поменялись местами. Так он и будет ходить теперь с ногой на голове пока какой-нибудь

паук вновь не оторвёт её.

Палочник тем временем дождал кусочек листа и снова застыл на месте, как статуя. Наши друзья подивились способности живого существа превращаться в обычный сучок. Стоило им отойти чуть-чуть в сторону и они тут же потеряли насекомого из вида. Между тем жизнь насекомышевой деревни текла своим чередом. Из-за заборов палисадных видны были чёрные спины навозников-пилюльщиков, таскающих в ямки помёт и превращающих его в колбаски, на соцветиях дикой моркови сидели жуки-усачи, наслаждаясь сладкой пылью. Расталкивая жуков, торопились полакомиться нектаром шмели и мушки, но Шведской мухи наши друзья среди них не заметили. Они дошли до самого Нюсиного домика и хотели уже повернуть назад, как вдруг двери раскрылись и на пороге появилась её соседка. Повертев головой во все стороны и не увидев Нансона со Славой, стоявших за дождевой бочкой, она хрипло прожужжала кому-то:

- Выходите быстрее!

Поднимая пыль из норки выползло несколько жирных Шведских мух, а за ними, кутаясь в чёрные плащи, выбрались двое парней. Они были ростом не выше божьей коровки, но Слава этого не заметил, потому, что и сам то напоминал жука. Человечки тем временем оседлали двух самых толстых мух. Шведские мухи включили стартовую скорость и вскоре скрылись из виду, унося на спинах предполагаемых преступников. Продолжать преследование было бесполезно. Наши друзья уныло побрели на холм, где была назначена встреча с девочками и Нюсей. Вскоре они увидели их. Они сидели на сухом поваленном стволе мятлика и о чём-то тихо беседовали.

- Всем привет! – воскликнул подходя Слава. - Ну, как успехи? По унылым физиономиям видно, что никаких.

- А у тебя есть? – язвительно заметила Вика.

- Нет, так будут. Мы видели воров, но им удалось ускользнуть от нас, их унесли на себе Шведские мухи.

- Так можно гоняться за этими мухами

всю жизнь и никогда их не поймать,- сказала Катя.

- Да, ребята, надо что-то предпринять. А не сходить ли нам за советом к светиле насекомых-наук, архивариусу Ноею? – как всегда нашёл выход из создавшегося положения Нансон.

У архивариуса

Вместе со жуком-точильщиком Ноем наши друзья, как и в прошлый свой приезд, поднялись на лифте к нему в келью, скрытую в глубине старого дуба, прошли его извилистыми тёмными коридорами, освещаемыми лишь тусклым светом гнилушек, и наконец попали в небольшую комнату, где находилась лаборатория профессора. Архивариус пропустил всех вперёд, потом заполз сам и прикрыл за собой дверь. Пока он сидел в своём любимом кресле и чистил щёткой усик, сосредотачиваясь, ребята с интересом осматривали помещение учёного. За то время пока они отсутствовали, Ной провёл себе в кабинет Интернет, и теперь мог лазить по всемирной сети, как паук по паутине, не выходя из дома. Ной тем временем чего-то бормотал себе под нос, видно обсуждая сам с собой ту проблему, с которой к нему пришли посетители. Наконец он поднялся и подошёл к окну.

- Итак, ребята, мы применим метод, которому следовал знаменитый сыщик Шерлок Холмс. Он часто прибегал к помощи химии. Мы тоже так поступим. Нам необходимо, как вы говорите, поймать Шведскую муху. Для этого надо её позвать, и, чтобы она нас услышала, следует распознать её секретный пароль. Химический язык шестиногих весьма труден, и не на каждый позывной они откликаются. Например, чтобы привлечь к себе самца, бабочка тутового шелкопряда, выпускает всего одну молекулу. Но и этой молекулы бывает достаточно, чтобы он распознал свою подругу. Мы с вами тоже попытаемся поймать Шведскую муху при помощи привлекательной для неё молекулы пахучего вещества. Я думаю, на

этот крючок она непременно клюнет. А мухи обязательно наведут нас на след похитителей смолки.

- Ура! – закричали все.

- Bravo профессор! Вы придумали исключительно ловкий способ поимки воров, - воскликнул Нансон.

- Этот способ придуман давно и, увы, совсем не мной, – сказал архивариус. – Но это не важно.

Он подошёл к своему сейфу, где хранились химические реактивы. Ной долго рылся в нём, наконец, вытащил оттуда какой-то плотно закрытый пузырёк и поднёс его почти к самому своему носу. Старик страдал близорукостью и дальновзоркостью одновременно. Одним своим глазом он видел хорошо только вдаль, а другим лишь вблизи. Для того, чтобы хоть что-то увидеть, ему приходилось снимать очки и прищуриваться.

- Молодой человек, - обратился он к Славе, - Вы не могли бы прочесть, что здесь написано.

Слава взял из лапки Ноя пузырёк и прочёл:

- Феромон Шведской мухи.

- Это то, что нам нужно! - воскликнул учёный. – Запахом, идущим из этой пробирки, мы и привлечём Шведскую мушку.

Он надел на нос очки и взял склянку. Притёртая пробка долго не открывалась, наконец, она подалась, в комнате тут же разлился кисловатый запах кукурузных листьев. Ной открыл окно. Ждать пришлось недолго. Расталкивая друг друга в комнату устремились полчища мух. Они жужжа накинулись на архивариуса, державшего в лапках пузырёк. От неожиданности профессор выронил его и повалился на пол. Он отмахивался от назойливых насекомых всеми шестью лапами, но мухи всё сильнее наседали на него. Нашим друзьям пришлось, вооружившись древними папирусами и старинными книгами, отбивать Ноя. Пригодилась и его сетка для ловли бабочек. Славка накрыл ею сразу несколько мушек. Остальные улетели прочь.

МАКАР АЛПАТОВ

Кажимость страха убийства

Ну вот, дорогой добрый читатель, мы снова вместе, наедине. Вы прочли название повествования и, конечно, мягко говоря, удивились, но должен признаться, что и я точно в таком же положении. Название придумано не мной. Да и вообще – это не повесть вовсе, а чёрт знает что. Впрочем, давайте по порядку. Начало положил видео просмотр. Довольно часто мне передают диски CD и DVD, иногда и флешки с материалами для ознакомления с творческими коллективами, желающими принять участие в деятельности Театра «Родом из блокады», которым я руковожу. И на этот раз сотрудница концертного зала перед уходом из гримёрной (со словами: «Просили вам передать!») вручила маленький полиэтиленовый пакетик с флешкой внутри. Я, несколько уставший после двухчасового выступления, сунул его в карман и поторопился к метро, мысленно продолжая обсуждать сам с собою только что завершившееся действие, и забыл про флешку, обнаружив её только дома. Перевернув пакетик, увидел странную надпись на малюсеньком листочке бумаги: сначала грузинской вязью, затем по-русски: ПРОЧИтай - это был пароль, не использовавшийся уже более полувека, который даже чистокровный грузин, хорошо владеющий родным языком, не сможет понять сразу, если не осведомлён о смысле. Это означало: «прочти быстро» - с определённой долей ехидства и даже нецензурщины. И написать так мог только один человек на земле, память о котором время давно похоронило. Надо вам сказать, что (наученный этим человеком, если что-то хочу подержать в секрете, в тайне) уже долгие годы я пользуюсь, записью грузинскими буквами – мало кто прочтёт, ещё меньше сможет понять – это удобно. Я бросился к ноутбуку. Меня всегда удивляло, что флешка компьютером называется «кингстон», который можно открыть, как скажем, на подводной лодке, но никак не мог предположить, что это так утопит меня в волнах совершенно непредсказуемого жизненно-

го океана памяти.

- Привет! - начало изображение. - Ты не ошибся – это я – Василий, для тебя Васико. Что сильно изменился? Полысел? Отощал? Погас? Так прошло больше 50 лет, как мы не виделись. Вот как неожиданно я исчез, так и появляюсь. Когда ты получишь моё послание, меня уже не будет на свете. До 80, видимо, не удастся дотерпеть. Мне надо многое тебе поведать, но начну с дней нынешних - помнишь нашего общего приятеля? (о нём речь впереди), он утверждал, что жизнь непременно должна удалась. У меня, как и у него, кстати; жизнь не удалась. Вот уже 13 лет я один. Тамара, моя Тамрико - ты, конечно, не можешь её не помнить - умерла, оставив меня на старости лет мыкать одиночество – нет муки страшнее и горше. С дочерью Катей – она у меня давно бабушка – вернее, с её мужем, мы не сошлись характерами (ты эту тяжесть на себе испытал), почти не общаемся – живут они в Ярославле. Старшая внучка Соня, учась в Москве, познакомилась с американцем, вышла замуж – теперь в Нью-Йорке, воспитывает мою правнучку Элизабет - Лизочку. Я у них был разок – не понравилось. Вообще, все кровиночки – девчонки – и дочка, и внучки, и правнучки. Пацанов - продолжателей рода - Боженька не дал. Здесь, в Куйбышеве, - давно уж Самара - живёт младшая внучка Ирина (у неё совсем маленькая доченька Светочка) - она, как и её бабушка Тамара, переводчица и знаток по компьютерной линии – всему меня научила, даже посмотреть твою страницу в Контакте. Все записи отслушал, все фотографии посмотрел. Мир тесен: её подружка Лена - из Ленинграда, часто ездит к родным - они у неё блокадники. Тебя знают-уважают, бывают в вашем Театре, она в последние годы держит меня в курсе твоих событий. Лена подарила мне две твои книги, книгу о Театре «Родом из блокады» и несколько журналов «Золотое слово». Рад, что в своё время оказался прав, посоветовав тебе писать статьи в тбилисские

газеты. Помнишь, как в первый раз пришли в редакцию «Вечернего Тбилиси» к Гвесиляни - знакомой моей покойной тётки Кати? Это и заработок был, и приобретение опыта. Лена была поражена, что ты свои книги не продаёшь, а даришь, как и свои выступления, вход на которые всегда бесплатно. Понимаю – это в твоём характере – дарить. Когда я приезжал в Ленинград и познакомился с твоими родителями, понял - это от них. Я их полюбил, как родных. Своих-то плохо помню. Только тётку Катю, нашу Кето, которая меня вырастила, но ты её не застал в живых. Она родилась в Ленинграде, её вывезли из блокадного города. Сколько она пережила, скитаясь по свету, пока судьба не занесла её в Тбилиси! Как боготворила свой родной город, как мечтала снова туда вернуться да и меня привезти – рассказывала о великом городе-герое, о Петергофе, Гатчине, Пушкине, Выборге... Мы с тобой - спасибо! - везде побывали – этого никогда не забыть! Очень мне понравилось, как ты пишешь (ты знаешь, я льстить не умею и не люблю). Особенно история про балерину - помню, как ты всё мурлыкал по влюблённости: «Мне тишина, волнуясь, пела, Натела!» или «Яркая, как вишенка, девушка-тбилишенка, ты слепишь, как море-океан огня. Только вот в чём горе, ты - не для меня». Было понятно, что именно это привело тебя к созданию либретто балета «Мцыри». Кстати, долгожданную тобой оперу про Мцыри я всё же написал и даже посвятил тебе, но потом сжёг и клавиры и партитуру – боялся я объявиться, как и сейчас трушу перейти к главной теме своей исповеди – всё оттягиваю. Помнишь, когда ты сочинил первый в жизни романс «К Нине» и принёс мне, чтобы подправить, если что не так в аккордике, в гармонии, я ответил: «Ничего не меняй, пусть даже неправильно, но это твоё, твоя индивидуальность». Вот и я ничего не могу, да и не хочу изменить в СВОЕЙ завершающейся жизни, более того - лучше, чтоб она скорее закончилась. Как там у тебя в стихах? «Голова-корабль во льдах - нет чувства страшнее, чем страх. Страх - это значит, преступник ты, страх-это значит грязная совесть. Страх от окружающей пустоты. Страх-это подсудная повесть». Всего не помню наизусть по старости, но про меня это. В своих

недавних прозаических произведениях ты упрямо твердишь, что темы сами находят тебя: то расскажет свою историю случайный встречный в парке, то, возвращаясь домой, обнаружишь чью-то якобы утерянную рукопись, то защитник Ленинграда в блокаду вдруг расчувствуется и разоткровенничается, то подружка детства попросит. Когда я читал твои повести «Так не бывает» и «По просьбе Ветки», плакал - и не я один. Когда слушал твои романсы на стихи Лермонтова, Есенина, Ахматовой, Цветаевой и твои собственные – авторские, мне пришла в голову мысль попросить, чтобы ты написал обо мне. Поверь, я никогда и никому не завидовал - ты ж меня знал полста лет назад - и в этом я не изменился. Рад, что ты добился многого – наплевать на ордена и регалии, на почётные звания и премии, на учёную степень и прочее. У тебя по-прежнему молодо звучит голос - я всегда был поклонником твоего редкой красоты тембра. И ты создал собственный театр, так нужный людям. Тебя радуют соратники, ученики, внуки и даже правнук – пусть он живёт далеко на Волге – я его видел и смог погладить по голове – серьёзный малый. А как поёт твой ленинградский внук?! Я всё переслушал, что есть в твоих видеозаписях, и нашёл ещё в Ютубе. Сразу видно твою школу, хоть он, конечно, посовременнее, что неудивительно. Ты знаешь, я не из тех, кто просит, но тебя попрошу, дам новую тему – напиши обо мне, покажи, ЧТО может сделать с человеком страх, и назови этот рассказ «Кажимость страха убийства». Вот такое название мучает меня уже не один десяток лет, и пусть даже моя любимая и верная жена никогда его не одобряла, говорила, это не по-русски (и ведь права была - это калькированный перевод с другого языка), а ты - друг молодости - пойдешь навстречу ушедшему товарищу. Я никогда не прочту того, что ты сотворишь, но мне хочется верить, что это будет правдиво и поучительно. Сам много раз пытался всё это изложить на бумаге - мне, в сущности, делать-то нечего - пенсионер, но, хоть ноги плохо ходят и не слушаются, продолжаю свою музыкальную работу да и частные уроки даю - тут и из дома не надо выходить. Вот ночью, когда совсем не спится (или не спитесь!), много раз начинал

писать, никак не получилось. А на тебя надеюсь, но для этого должен подробно рассказать - почему я так неожиданно исчез из Тбилиси почти пятьдесят пять лет назад. Стоп! Подожди! Надо обязательно выпить, чтобы собраться, сосредоточиться. Ты, наверное, помнишь моё давнее негативное отношение к алкоголю и к куреву, но в последние годы я запил и закурил. Ем мало – пару раз в день - неприхотлив, но без водки уж не могу. Пью в одиночку. Вроде, меру соблюдаю, хоть понимаю, что хреново. Об этом практически никто не ведает – удаётся скрывать. Ты, конечно, меня бы не узнал теперь – странный я стал – от одиночества разговариваю сам с собой. Иногда думаю – не сошёл ли с ума? Бывает, хожу в Храм Божий, ставлю свечи за упокой души и за здоровье – вот за тебя, друг мой. А так дома много молюсь, правда, неумеючи. Разговариваю с Боженькой: «Господь Милосердный, во имя Отца и Сына и Святого Духа прости мне все мои грехи, согрешения и прегрешения вольные и невольные! Спаси, сохрани и помилуй меня - бедного раба Твоего! Вразуми меня и сделай так, чтоб дорогим для меня людям жилось полегче на земле! Аминь!». Ты помнишь, как я был накачан, сейчас мускулы рыхлые, кожа дряблая, полно пигментации, родинок, чуть не бородавок – окидало! - старик. Вижу и слышу с каждым годом всё хуже, да и ноги подводят страшнее всего, ведёт меня сильно, шатает – падаю часто и буквально на ровном месте, разбиваюсь больно - жалкий. Противно. Чужие люди стали роднее близких – мать одной из учениц ухаживала за мной несколько лет, супчики варила, бельишко стирала, носки штопала, полы мыла, окна - спасибо ей - и денег не брала. Умерла она, сердешная. Было дело, ученица влюбилась, за 40 лет ей, замуж просилась. Ты знаешь, какой в своё время я был ходок – никого не пропускал, вместе ж куролесили, но появилась Тамара и как отрезало – верность ей соблюдал да, честно говоря, и не тянет особо, любил я её беззаветно. Теперь, вроде б и не импотент какой-нибудь, и возможностей полно, молодняк даже морду от меня не воротит, а неохота - избаловали меня моё одиночество и свобода за столько лет – сам себе хозяин, хотя молодые девчонки из соседнего магазина симпатизируют

и помогают покупать продукты по акциям подешевле да домой приносят, особенно водочку – она быстрее всего дорожает. Прервусь ненадолго.

...Чёрт бы побрал эти телефоны! Но домашний и мобильник звонили одновременно так сердито и настойчиво, что пришлось взять трубки. Рабочий момент быстро разрешился. Не до вас. Искушённый читатель съехидничает: «Как вовремя автора позвал телефон», - но не стоит обо мне плохо думать, так уж вышло само собой.

Мне надо было обязательно перекусить - с утра не ел, а выступление отняло уйму сил. И вот о чём подумалось во время объединённого обеда-ужина...

Волны памяти, как море, затягивают в водоворот прошлого - кингстоны флешки открыты. Этот худой немощный старик на экране, потерявший свою густую шевелюру, по идее никак не мог оказаться другом моей тбилисской молодости крепышом Васику, которому я за многое должен быть благодарен всю жизнь. Но это был он. Придёт срок, когда-нибудь расскажу, какой ветер странствий занёс меня в благословенную тогда Грузию, как я полюбил эту страну, старался выучить её язык, влиться в её культуру, но сейчас речь не обо мне. А ведь именно Василий и стал тем катализатором, который открыл мне Сакартвело (так называют свою страну грузины-картвелеби), научил понимать прекрасный, ни на что не похожий грузинский язык, показал изумительные народные мотивы её национальной музыки, раскрыл таинственные для меня события истории этой древней страны. Он был старше меня на четыре с небольшим года. На самом деле его звали Василий Григорьевич Ястребов, но я бы никогда не подумал с первого взгляда (да и с последующих тоже), что он не грузин, а русский. Впрочем, вы знаете, когда я прожил в Тбилиси пару лет, волосы мои от серных бань стали жёстче, сами по себе начали немного подвиваться, значительно потемнели, я отрастил небольшие усики наподобие героев латиноамериканских фильмов, и ко мне – русскому – стали обращаться только по-грузински. Так что ничего удивительного. Мы познакомились совершенно случайно в нотной библиотеке тбилисской

консерватории, где я неожиданно узнал, что в грузинском языке нет буквы «я» - фамилия Васо начиналась с этой буквы, а он попросил формуляр на «и».

- Ты же говорил, что ты Ястребов? – удивился я.

- Ну. Ах, да. В грузинском языке нет такой буквы, и «ё» – нет и «ю». Должно сложиться – иа - я, ио - ё, иу - ю. В нём нет аналога буквы «ф», вот – кафедра вместо кафедр, ещё лучше пизика или пискультура, зато много есть такого, что в других языках отсутствует - к примеру, одних «к» три штуки – и все разные по произношению, «ч», «т», «г» по парочке, а ещё позанятнее – «дз» и «дж» пишутся одной буквой. И считают они двадцариками – не сорок, а дважды 20, не 60, а дважды 30 и так далее. Так, говорят, ещё баски в Испании считают. А какие красивые буквы?! Как ты говоришь твоя фамилия? – я напомнил, и он на листке написал грузинскими буквами – красотища!

- А имя твоё по-грузински означает как бы «крепкий», я тебя так и буду называть Магари.

Его окликнули: «Васо, рогора хар?» (потом и я стал так окликать знакомых, спрашивая: «Как ты?). Они заговорили по-грузински, я тогда почти ничего не понимал. Закончив, Васо спросил:

- Тебе куда?

- В Сололаки (район в центре Тбилиси).

- По пути, - мы спустились со своей улицы Грибоедова на проспект Руставели, и тут он впервые угостил меня Борджомис цхали – маленькая пивная кружка стоила 5 копеек, при этом добавив: - На сладкие воды Лагидзе денег не всегда хватает, а Боржоми обязательно надо испить, когда тут проходишь. Громадная польза организму – дёшево и сердито.

Тут его опять позвали, и вновь зазвучала грузинская речь.

- Как ты свободно говоришь по-грузински? – позавидовал я.

- Так я здесь вырос. Грузинскую школу закончил.

- Вот бы мне так научиться...

- Я, правда, на двух факультетах сразу вкальваю – на фортепианном и композиторском, но поскольку ты из Ленинграда, а для меня этот город много значит – можно попро-

бовать. Давай прямо с сегодняшнего дня? Ну, к тебе или ко мне?

И начались наши занятия.

Учитель он был строгий, но терпеливый. Ох, уж эти грузинские времена и глаголы; гор-тантные звуки, которые, казалось, совершенно невозможно произнести; предлоги, идущие не в начале, а в конце слова - да много ещё чего. «Мама» по-грузински значит «отец», «папа» - «дед», а «деда» - «мать»: запутаться легко с непривычки. Я старался быть прилежным и ещё делился своими познаниями во французском и итальянском языках. Заодно Васо просвещал меня в грузинской истории и рассказывал о культуре и искусстве Сакартвело. Мы ходили с его невестой Тамарой, которую он называл Тамрико, и с моей подружкой Нателой по театрам, музеям, выставкам, концертам. О его личной жизни я был мало осведомлён. Он не любил говорить о рано покинувших его родителях и недавно умершей от рака тётушке родом из Ленинграда, которая его вырастила и воспитала, как собственного ребёнка. Мне было известно, что тётя Катя не была замужем, работала в Университете машинисткой на исторической кафедре, играла на рояле – в детстве надеялась на пианистическую карьеру, но что-то не сложилось. Они в принципе не бедствовали - у тёти всегда было много заказов на перепечатку. Жили вдвоём в маленькой уютной двухкомнатной квартирке высоко над Курой. При входе – вроде, обычный дом, а вид из окон – это надо самому видеть! – особенно когда гроза, и река беснуется, сливаясь с взрывным сумасшедшим характером Васо (он редко психовал, да метко - меня это, правда, ни разу по большому счёту не коснулось, но когда что-то не получалось, а иногда и вообще без повода, ярился, потом замыкался в себе надолго, молчал, отходил не сразу, и чересчур переживал, принимая неудачи близко к сердцу). Был страшен в драках (а их в наших тбилисских буднях преодолелось достаточно - на юге не только солнце горячит - особенно часто меня выручал, и не только; не жалея своих изнеженных, как он любил прикалываться, «барских пианистических пальчиков»). С детства качал мышцы, занимался боксом, борьбой и плаванием, фехтованием, смотрелся атлетично и мужественно.

А вот глубокие синие, ближе к аквамарину, сверкающие глаза всегда выдавали большого ребёнка. И волосы имел красивые, как воронье крыло с блестящим отливом и густые - не прочесать. Он придумал себе музыкальный псевдоним - Васо Шевардени (по-грузински, «сокол», но его фамилия была, как известно, Ястребов, а «ястреб» переводится «гугули», что в дальнейшем сыграет роковую роль) и утверждал, что ночью вылетает из окна и птицей парит над Курой, получая творческое вдохновение. Ещё хвастался, что мог становиться оборотнем, проникая сквозь стену. Хотя я над ним открыто смеялся и издевался, на меня он не злился, наоборот – любил подыгрывать в демонических шутках, сам получая удовольствие от этого: во, смотри, как у вампира зубы растут. Потом появилась Тамара, (её сестра вышла замуж за их соседа-шофёра, тот проходил службу в её родном городе, и она приехала на рождение первенца-племяшки). В дальнейшем стала мотаться между двумя городами Куйбышевым и Тбилиси («между Волгой и Курой обитает образ твой» – написал Васико своей любимой на юбилей). Он и поэтом был. В душе. Но почему-то стеснялся своих стихов. Странно - музыку и пение легко выносил на суд народный.

Мой друг стал заметным в столице Грузии молодым пианистом-солистом, желанным концертмейстером-аккомпаниатором и композитором с будущим - так о нём написала газета «Молодой сталинец», но самое главное его отличие – он был блестящим знатоком сольфеджио, гармонии, оркестровки, аранжировки – словом, бедность и безработица ему не грозили никогда: уже с третьего курса его готовили и к преподавательской деятельности в консерватории по теории музыки. И меня многому научил в этом плане.

Верность и преданность миниатюрной статуэтке-тростиночки Тамары (они вскоре должны были пожениться и называли друг друга супругами) казались мне главным, что стабилизировало его жизнь и успокаивало вкупе с творческими успехами – уже была в процессе выхода 1-я симфония «Беснующаяся Кура», коллеги-пианисты исполняли его сонаты и фортепианный цикл «Картины Тбилиси», мне он обещал оперу «Мцыри» - ли-

бретто было давно готово. И вдруг... исчез...

Экран ноутбука вновь замерцал. «Итак, я исчез, - как бы отвечая на мои мысли, с флешки продолжил Васо, - пропал, потому что испугался. Я убил человека. И ты его знал. Правильно догадался... Знаю, тебя тогда тоже вызывали в милицию и ты, неожиданно, сам того не подозревая, мне помог. Многое нам сейчас придётся вспомнить, а главное, КАК я учил тебя народным грузинским песням. Сколько разных славных гордых племён в этой закавказской южной стране, мне точно неизвестно, но столько же наречий и песнопений, танцев и сказаний, и еды вкуснящей национальной - редкое множество! А вино какое – словами не передать! - и огненная чача!! Впрочем, конечно, как у каждого народа. Картвелы-кахетинцы и имеретинцы, мингрелы, или мегрелы (помнишь анекдот, как смеялись: «Мальчик, ты кто, грузин?») «Нет, я мегрули, мегрел». «Вах, такой маленький и уже мегрел? А кто такой мегрел?» «Это высший сорт грузин!!!»), гурийцы, сваны, пшавы, хевсуры, месхитинцы - часть наций уже забыл я... Как они музыкальны от природы, от Бога! Как поют, особенно в застолье, где пируют только мужчины... Как стройно звучат их голоса в красивых аккордах - заслушаться немудрено - это сила народная, - этому не научишься, так идёт испокон веков от земли их родной! Помню-помню наши споры о русской мелодичности твоей любимой, об украинской напевности, вообще о красоте славянской музыки, о том, что созданное народом и остающееся на века, не может не быть прекрасным. Но вот так вышло, что именно любовь к грузинской песне меня и сгубила... А может, я неправ?! Мы с тобой с молодости не умели копить. Деньги у нас появлялись, но всегда утекали сквозь пальцы. Бывало, просаживали немало, оставаясь без копейки в кармане. Хотя тётушка - мой Ангел-хранитель - умерла, но вокруг находились добрые люди, как Анаида – красавица-армянка, официантка из столовой Дома Офицеров, которая, побывав на твоём концерте, открыла нам кредит, и можно было в долг съесть первое и второе, хлеба сколько угодно – правда, потом всё равно надо было платить. А как мы на последние рублишки ходили в хинкальные – одна сочная здоровая хинкалина

стоила тогда 20 копеек, кружка пива 22 копейки. Можно было одним рублём обмануть молодой организм, требовавший заправки. Тогда и родилась эта идея, в которую, честно говоря, поначалу не особенно верилось. Первый опыт в ресторанчике «Дарьял» рядом с консерваторией на углу проспекта Руставели. Ну зашли, на последние гроши заказали зелень, хлеб и воду, сказав, что будем ждать друзей и потом уж дальше запируем. В зальчике одни мужики. Ещё не вечер, когда национальная музыка звучит вживую. За крайним столом запели «Мравалжамиер» - застольную – ансамбль был крепкий. Когда они замолкли, решились мы. «Ра карги хар, гогония» («Как ты хороша, девушка»). Акустика в погребеке супер – твой тембр отличал наш дуэт – и сразу нам прислали на стол пару бутылок вина («От нашего стола вашему столу!»), а пожилой седой грузин, подойдя, попросил, приложив горсть руки в заросшему щетиной кадыку: «Имгерет, бичебо, гехоцебит, ра!» («Пойте, мальчишки, прошу!») – и заказал для нас бастурму, а это - высший сорт шашлыка. Мы запели. Через минут 10 наш стол стал полон еды. Нам всего этого было не съесть-не выпить, и я, оставив тебя в залог, сбегал в консерваторию – благо совсем близко, там голодные студенты всегда найдутся. Прилетели и почти всё вместе с нами смели подчистую, а вот вино осталось, мы его с собой специально не взяли и, когда уходили, официанты сами предложили: «Приходите, дорогими гостями будете! Сочтёмся, накормим-напоим. Не в деньгах счастье - пойте!» - они были уверены, что мы грузины.

О голодном желудке можно было забыть, но твоё аристократическое занудство раздражало: как ты, профессиональный вокалист, можешь позволять себе петь в ресторане? Я тебя убеждал, смеясь: многие великие так начинали - вон американский пианист Ван Клиберн, великий Карузо, сам Шостакович подрабатывал в кинотеатрах – мало ли? Да и наши подобные походы не стали такими уж частыми. Мы облюбовали «Тетри Духани» - этакий напоминающий итальянскую таверну кабачок возле Мухранского моста над Курой-рекой. Тогда не могло быть частных подобных заведений, но... его директором и практически хозяином считался добродушный толстяк

Резо – грузинский еврей (эбриэли), страстный обожатель народной песни, который нас корчил, что называется, на убой и даже платил немножко, когда у него гуляли по поводу разных праздничных дат. Стоит сказать, что грузины любое мало-мальски значительное для себя событие возводят в ранг вселенского и кутят от всей щедрости души. Проблема еды оказалась решена. И тут к нам прибился Гугули...

Опять зазвонил телефон. Мобильник. Пауза - ноутбук. На этот раз разговор был долгий и трудный по репертуару нашего Театра.

Закончив, подошёл к столу, чтобы записать результаты, поднял глаза, увидел свою фотографию тбилисских времён и вспомнил Гугули. Вообще-то его звали Гурам. Гугули – домашнее имя – так его назвала мама. Смею заметить, что вам, уважаемый читатель, вряд ли удавалось встречать такого красивого молодого человека. С моей точки зрения - пусть Васо убеждал, что мы с ним можем оценить только красоту женскую, а в мужской ни черта не разбираемся, хотя мы оба тоже отнюдь не уроды - ни один записной признанный красавец мира не мог пойти в сравнение с нашим новым приятелем. У моего робкого авторского пера не хватит сил, чтобы описать не только его точёную, стройную, статную фигуру мужественного танцовщика, в пляске по-грузински резко встававшего на носки мягких сапожек, облежавших его ноги, сразу становившегося выше ростом и всем телом устремлявшегося к небу. Но, главное, его лицо, которое было выполнено как будто талантливейшим художником-ваятелем, по меньшей мере, эпохи Возрождения. Вот у вас есть идеал красоты? Ведь у каждого свой. Представили? Так Гугули был ещё краше и обращал на себя всеобщее пристальное внимание. Лет ему было чуть больше двадцати и учился он в Сельхозинституте на третьем курсе по виноделию-виноградарству – точно не могу вспомнить определение специальности. У них тогда была знаменитая студенческая самодеятельность, оттуда выросли многие известные артисты – он там танцевал в народном ансамбле и конечно пел. И вот, узрев и услышав нас в «Тетри Духани» у Резо, почувствовав в Васико руководящую нотку, он - об-

ратите внимание - скромно подошёл к нему и попросил о возможности петь с нами вместе (разговор шёл по-грузински).

- А что? - изрёк наш негласный предводитель. - Трио - это неплохо: я – криманчули (первый – высокий голос, который ведёт главную тему), ты – бани (по-грузински «бас» - низкий голос), а он - втора. Как тебя зовут?

Тот назвался, и Васо вдруг побледнел, словно что-то запредчувствовал:

- Ну, ястреб... Надо же... Так тому и быть. Пой!

И мы запели. Мне понравилось. Василий улыбнулся одобрительно. Гугули был молчалив. Не лез никуда. Не задавал лишних вопросов. Не проявлял любопытства, но и о себе ничего не рассказывал. Принимал нас за грузин, за своих. На Ваську смотрел как на музыкальное божество, чем доставлял моему другу явное удовольствие. Ходил на все наши концерты, покупал и дарил нам цветы через какую-нибудь девушку, считавшую счастьем оказать услугу такому суперкрасавцу. Никогда не опаздывал на репетиции или к Резо в «Тетри Духани», быстро освоил весь репертуар. Наш шеф заработанные деньги всегда честно делил поровну, Гугули принимал это с большой благодарностью, никогда не забывая сказать «спасибо». Так завязалось наше сотрудничество, и я надеялся, что оно скоро перерастёт в дружбу, как с Васо, но время шло, а этого почему-то не происходило. Мне всегда казалось, что у нашего нового приятеля что-то не в порядке, что-то его угнетает, ест, мучает. Потом к нам присоединился ещё один парень из консерватории – студент-вокалист. Анзор, правда, не всегда мог петь с нами, и мы варьировали – дуэт, трио, квартет – разнообразие получалось интересным. Добрейший простак Анзор, любящий поесть, оказался редким разговорником и в этом вопросе затмевал всех нас троих вместе взятых. Вскоре мы знали всю его подноготную от и до, а он всё придумывал и придумывал, забавляя нас, рассказывая о своих мнимых победах над якобы обожавшим его женским полом от мала до велика – сочинитель был ещё тот. Но вскоре действительно влюбился по-настоящему и – уввы! – без взаимности, стал страдать, а мы ему сочувствовать, кроме Гугули, который ехидно

улыбался, как бы утверждая, что все женщины мира – его личная собственность. наших девчат он не трогал из уважения к мужской дружбе и солидарности (а, может, Васико побаивался) и делал вид, что игнорирует, не замечает. Попытался даже как-то помочь Анзору с его девушкой, а вообще, по-моему, только там всё окончательно испортил и запутал.

...Но призывно мигал синенький огонёк ноутбука, и дикое любопытство тянуло меня узнать тайну Васо, хоть, признаюсь, страх стучался наружу через все поры и нервное напряжение достигало апогея.

- Как всё хорошо шло почти три года, - медленно, как бы через силу, вытирая пот с взмокшего лба, проговорил Васико с экрана, - только радуйся! Лето. Я закончил с красными дипломами оба факультета в консерватории и, как обещал, готовился сыграть свадьбу с Тамрико у неё на Волге. Ты уже спел на Центральном телевидении в первом «Огоньке», одолел и первый сольник в зале консерватории, не без моей помощи, кстати, (Васо был концертмейстером и музыкальным руководителем программы), по твоему либретто поставили в театре Палиашвили балет Баланчивадзе «Мцыри», да и на любовном фронте у тебя, вроде, всё налаживалось. Анзор отбыл в Кутаиси, да и Гугули куда-то собирался, хотя, как обычно, темнил. И вот пришёл самый страшный день моей жизни. Ты, конечно, за давностью лет всех деталей не помнишь, я же не забуду до конца дней своих, сколько их в душе перемалывал. С утра было не по себе. Ещё накануне договорились с Резо, что часика два попоём у него за денежку – какой-то его друг что-то справлял. Дальше и ты, и я – в аэропорт (у тебя съёмки в Москве, потом родимый Питер, мне – к Тамрико – готовиться к свадьбе), а Гугули – на поезд. Всё текло нормально, если б не дневной летний ливень... Посидели и попели без обычного блеска, но Резо был доволен и щедр. Всё интересовался, когда в сентябре вернёмся. Ты попрощался и ушёл первым, и в тот день вообще не пил – боялся, что в самолёте будет некомфортно, да и я, по обыкновению, тоже. А вот Гугули, пожалуй, впервые явно перебирал. Но я спешил, было не до него и, как оказалось, зря. Только я дошёл до Мухранского моста, как обнаружил,

что забыл свою папку с нотами, и пришлось вернуться. Резо ушёл куда-то. Праздник там продолжался уже сумбурно, наш дружок сидел один за столом и тут же протянул мне забытую папку. Я заторопился, но только вышел, как полил дикий дождь и началась гроза. Помнишь, там у самой Куры есть забор и навесик, где мы прятались от дождя? Времени переждать ещё оставалось полно, и я нырнул в укрытие. И вдруг туда же прискакал Гугули.

- Ты что-то перестарался сегодня? – усмехнулся я.

- Настоящий мужчина должен уметь пить и не пьянеть! Сейчас отолю в Куру и стану свеженьким, - хрипанул Гугули и рванул к реке. – Да и дождь поможет, - он отряхнулся, как собака.

- Скорее бы он прошёл, а то и опоздать недолго. Что это природа так злится?

- Не удивительно. У меня завтра 10 лет, как мама умерла. Вот на могилу еду.

- Горько, - вздохнулось мне. - У меня уже гораздо больше времени прошло, как моих не стало.

- С тех пор моя жизнь – сломалась.

- Тебе ли жаловаться, красавчик, всеобщий любимчик?

- Отец погиб, когда мне полгода было.

- Как погиб? Ты никогда не рассказывал.

А гроза всё усиливалась.

- Машина сбита в городе. Он красивый был. Ему говорили – такие долго не живут. Вот и я тоже. А мама у нас в селении учительницей в школе работала, в младших классах. Откуда у неё эта проклятая болезнь - рак - мог оказаться? Сгорела за несколько месяцев. Ты знаешь, у нас было всего 20 домов, почти все родственники. Мамины сестры разъехались, замуж повыходили в другие села. Мы одни в доме жили на самом краю. Мама меня называла «свет в окошечке», а другие - «ангелочком» звали. Всякий приласкать был рад. А я только и твердил с малолетства: я вам не девочка, я – мальчик, мужчина. Учился нормально - мама помогала, а я ей помогал. Работал по хозяйству. Тихоня был. А когда мама умерла, очень переживал. Думал, умру с горя. Меня к себе наш дальний родственник – председатель колхоза Титико - взял. У него две дочки – одна постарше, другая на год помладше меня

и ещё жена - тетья Маро – добрая, жалела меня. Я при входе на сундуке стал спать. Одежду Титико донашивал, кормили меня, как и всех. Не обижали. А наш дом отдали моей тётке и её семье – там детей было много. Мне досталась в наследство только чоха (грузинская национальная мужская одежда) деда да его кинжал, который я надёжно спрятал, как чувствовал. Что-то я разговорился сегодня.

- Облегчи душу, если она того просит.

- Да ты меня презирать будешь.

- С чего ты взял?

- Титико меня хорошей девочкой, вкусной девочкой обзывал. Говорил, было у меня две дочки, теперь три... и...

- Что? Как? – удивился я.

Тут ливень разъярился во всю силу.

- Да так. Был банный день. Женщины моются отдельно, как тебе известно. Мужики – только мы вдвоём. Он как меня увидел, аж, языком прищёлкнул. Потёр я ему спину, как положено, а потом... и охнуть не успел...

- Извини... - меня вытошнило...

- Ну, вырвался я с трудом, ударил, поцарапал его. Тогда трусов не носили у нас. Наскоро схватил шаровары, рубаху. Заревел и убежал. Спрятался у реки под деревьями. Сбежал в тайное место за кинжалом. Сначала Титико хотел убить, потом себя. Обида, бессилье, злорада, стыд на всю жизнь. Себя обратно не вернёшь. Не мог остановиться, всё плакало во мне. Вот что красота со мной сделала. Он ведь был нормальный мужик - детей, жену имел, а не удержался. Потом, когда меня нашли, поймали и привели к нему, мы не сразу, но договорились, что я никому не скажу, а он больше меня не тронет и в город учиться отдаст. Оставалось полтора месяца, я спал с кинжалом, в баню не ходил – на реке мылся один. Он своё слово сдержал, а я, подлец, стал всем мстить – сначала его обеих дочек поимел, они сами рады были и снова просились, потом ещё других - постарше да помоложе – все меня хотели - и пошло. Мне ещё четырнадцать лет не было. Зачем и почему я тебе это рассказал, идиот и болтун?! Нет, я всё наврал. Не верь!

- Конечно, наврал, по пьянке, я понимаю.

- А теперь серьёзно. Я один, как волк, собака бездомная – меня никто не любит и не полюбит – только внешность мою. У меня ни-

кого нет и никогда не будет, и я не смогу полюбить. Я ненавижу баб, которые от меня тают и мне не отказывают. Ни разу не было отказа. Во как! Я к вам пристал, прибился, не потому, что вы хорошо поёте, а потому что вы – люди – хорошие люди – мужики. А я??? Представляешь забаву себе придумал - чаще всего на вокзале или ещё где присмотрю девчонку, поведу на гору – как бы показать красоту Тбилиси с высоты Мтацминда - там оприходую и убью, - тут и его вырвало прямо в Куру и он весь вымок.

- Не ври.

- А чего мне врать? Газеты читаешь, как девчонки пропадают? Вон у меня тетрадка есть. Всех записываю. В основном беленькие, молоденькие. Я ведь должен доказывать, что настоящий мужик. И сегодня пойду.

- А как ты их...?

- Да вот так, - он вытащил кинжал. - Р-раз и всё.

До этого разговор шёл по-грузински, но тут, друг, - ты мои приступы бешенства видел - словно какой-то рычажок сдвинулся у меня в голове, и я злобно прошипел по-русски: - Никуда ты больше не пойдёшь, и никого ты больше не убьёшь... - меня заклинило и всё во мне напряглось и задрожало.

- Это как? – сдавленным голосом удивился он, понемногу отступая, пятясь к Куре и приседавая, как будто и правда собака.

Всё произошло мгновенно – я сам ничего не смог толком понять, хотел вырвать у него кинжал, но, как мне показалось, пырнул его им в бок. Он споткнулся о камни, поскользнулся, не удержался на ногах, ударился и даже вскрикнуть не успел, как река подхватила и понесла его тело, которое, если б я постарался, ещё можно было бы удержать. Крови не было, а нож - у меня в руках, я его выбросил в Куру. И его сумку тоже, где были деньги, документы, страшная тетрадь. Не понимая, что делаю, выкинул и свою папку с нотами и мне, как сумасшедшему, почудилось, что зазвучала музыка Верди из «Риголетто»: на небе - буря, а на земле - убийство. Так я стал преступником в течение каких-то нескольких минут, сначала до слёз пожалев этого несчастного красавца и тут же лишив жизни. Ты же представляешь, какое быстрое течение у этой

реки, здоровенные камни несёт, как пёрышки. Да ещё ливень на подмогу! Его сразу разбило вдребезги... И вдруг – о, ужас! – я услышал нестройные голоса людей, которые спускались к Куре, вероятно, чтобы опорожнить себя от дурмана сладостного грузинского вина. Я задрожал всем телом, но не потерял силы духа, выскользнул из укрытия под дождь и, чтобы не встретиться ни с кем знакомым, окольным путём заставил себя твёрдой походкой двинуться к Мухранскому мосту. Извини, мне надо выпить! – Васо выпал из кадра.

Я тоже рванул к буфету и, обжигаясь, хватанул стопку водки, не закусывая, и - тут прощательный читатель абсолютно прав - снова зазвонил мобильник, который меня сильно испугал. Женский незнакомый голос попросил меня.

- Вы получили флешку от Василия Григорьевича? Она открылась?

- Что? От кого? – сразу не понял я. - Ах, да. Получил. Открылась.

- Василий Григорьевич умер недавно, в этот карантин по гриппу. Плохо умер.

- Что значит плохо?

- В одиночестве. Прележал несколько дней пока соседи не заметили. На похороны собралось много народу – родные, ученики, моя сестра была - подруга его дочери. Я – Елена, которая ему ваши книги из Питера привозила, а вам от него флешку передала.

- Спасибо.

- А вот похоронили его странно.

- Почему странно?

- Не на кладбище. У них дача есть недалеко. Там на участке похоронена Тамара Александровна.

- Кто? А-а, Тамрико...

- Да - жена его, она умерла много лет назад. Так вот, и его к ней подхоронили, как он завещал. Это прямо над Волгой. Если будете в Самаре, вам покажут.

Она извинилась за беспокойство, вежливо попрощалась, сказала какие-то обычные дежурные слова и отключилась. Я плохо сообщал и снова решил врубить ноутбук. Василий рыдал, и я заплакал вместе с ним.

- Ну, дальше ты сам многое знаешь. Гугли хватились только в октябре, когда начался новый учебный год. Его опознали по кресту на

шее – он был какой-то особенный. Документов не нашли. Началось следствие. Тебя ведь тоже вызывали. Так всё совпало, что показания Резо, Анзора, твои и ребят из его общаги привели к тому, что дело закрыли, квалифицировав, как несчастный случай. Да о нём, бедняге, и похлопотать, позаботиться было некому. Я в Тбилиси уже больше никогда не вернулся – трус. Моё жильё поменяли на Куйбышев родители соседей – я тебе, вроде, говорил, о шофёре, который женился на сестре моей Тамрико. Свадьбу нашу отложили на осень по моей болезни, пока я относительно не пришёл в себя и не оклемался. Когда ты меня искал, прости, что посылал чушь – типа, адресат был, а тамарины тбилисские родственники по моей просьбе не дали тебе нашего нового адреса. Виноват перед тобой, но я боялся видеть людей из прошлой жизни, хотя никогда, ничего и никого не забывал. Через год ты, как мне сказали, досрочно закончив консерваторию, уехал в Москву по распределению в театр, я внимательно следил за твоей деятельностью, смотрел по телевидению, слушал по радио – радовался твоим успехам, считая тебя близким человеком. О своей работе в Самаре мне нечего хорошего сказать: преподавать пришлось. Я стал ремесленником, зарыл свой музыкальный дар. Не бедствовал – халтурил, сколько хотел и мог да ещё по-своему издевался над теми, кто пользовался моим трудом. Я ведь ещё та сука и падла в озлобленной и ничего не понимающей душе. За что мне это всё? Я любил свою жену, жил для неё, а вот мои потомки не стали мне родными – почему и тоже за что? – не знаю. Причём, тебя и Гугули я воспринимал как братьев. Его, разумеется, как младшего, нуждающегося в опеке и в заботе – я о нём думал, не переставая, я его любил – он оказался неправ, когда утверждал, что его никто не любит. Мне часто снится до сих пор, что мы с ним, как птицы, летаем над Курой и даже бьёмся грудь в грудь (сокол и ястреб), потому что он отказывается сказать мне страшную правду. Как хочется понять – действительно ли Гугули сам упал, и я его не убивал? Но мучает мысль – если постарался бы и бросился за ним – мог бы его спасти? И самое страшное – что если он мне про свои убийства девушек элементарно наврал, чтобы

передо мной утвердить свою мужественность, в которой я и так никогда не сомневался? Логика в его поступках я так и не нашёл, как ни старался всю свою долгую жизнь, как и ответов на мучающие меня вопросы. Как ты думаешь, друг, я – преступник? Справедливо, что кажимость страха убийства съедала меня все эти годы? Я прощаюсь с тобой и говорю напоследок: прости меня, Христа ради! Спаси, сохрани и помилуй тебя Господь Милосердный! Помолись за меня, грешника!

Запись эту, пожалуйста, посмотри только один раз и удали – это предназначено лишь тебе, ибо наша с тобой трёхлетняя дружба длилась целую жизнь...

...Что я могу ответить, мой ушедший друг, в котором я видел настоящую творческую личность и был уверен, что тебя узнает весь музыкальный мир?

Ты уже цитировал строки из моего стихотворения «Страх», там есть строфа: От страха не спрячешься никуда –/ Ни под кровать, ни в былые победы./ Страх – это убийственная беда, /Порождающая новые беды...

Ты переживал свой страх более полувека, я свой и твой – значит, как минимум вдвойне – пока писал это повествование, вернее, редактировал твою запись с флешки и свои прошлые воспоминания за эти месяцы. Запись канула в небытие – её больше нет, воспоминания останутся вечно, как и кажимость (конечно, идиотское, мало кому понятное слово) страха. Никто не способен знать все тайны даже близких и родных – секреты всегда остаются. Жизнь продолжается, и поэтому существует страх: ведь далеко не все хотят, чтобы обнажились их души. Кстати, я тоже – не исключение...

Василий, ты жаждешь, чтобы я тебя успокоил. Это не вопрос, а утверждение. Жди, скоро увидимся. Всё расскажу подробно. Я провёл собственное расследование, ты сам учил меня, как стать оборотнем. Раньше не получалось, а вот после просмотра твоей флешки вышло. Тебе известно, что все свои произведения – либретто, сценарии, стихи, прозу – я обязательно отсматриваю, как фильмы в снах, вызывая на встречи своих героев. Справедливости ради отмечу: в последнее время далеко не все приходят – не хотят видеть меня седым,

старым и больным, короче, непривычным для них – в этом мы с тобой мало чем отличаемся. Но Гугули согласился. Кстати, он такой же красавец, даже, вроде, ещё краше, он навсегда остался молодым. Мы говорили долго. Он обещал ТАМ сам найти тебя и всё объяснить. Но ты смело можешь не бояться: на все твои мучительные вопросы ответы положительные, ожидаемые тобой. О своих убийствах Гугули тебе солгал – он чист перед Богом. И ты его не убивал – это роковая случайность – здесь и ты чист. Вот за что его да и тебя покарал Господь, неведомо, но Гугули ни о чём не жалеет и счастлив, что нашёлся человек, который полюбил его, как младшего брата - а он и так обожал тебя всегда, боготворил твой музыкальный талант и не держит на тебя зла. Единственное, в чём мне не удалось его убедить – это в том, что мы с тобой русские, а не грузины. Что ж, все люди – братья! Пусть остаётся при своём мнении. Думаю, что тебе это даже польстит. А я здесь и вовсе не при чём...

Если грузины хотят пожелать вам самого хорошего и доброго, то говорят – «гулит да сулит» - «от сердца и души». «Сулит» знакомо старшему поколению по песенке «Сулико», что я вольно перевёл бы как «Душенька». «Гулит» - вернее, «гулико» - как «сердечко» или «серденько». Да, «гугули» - значит «ястреб», а «гули» - сердце, которое не должно бояться страха и ненависти, а знать только Любовь...

Закончено 13 февраля 2016 года

P. S. Неожиданно возникший довольно пространный постскрипtum.

...Если б я мог себе представить, дорогой добрый читатель, что флешка, о которой я рассказал в самом начале повести, будет иметь такие последствия?! Мало того, что естественные бессонные ночи, совершенно ужасные нервные потрясения, да и близкие к сумасшествию видения - то выкинул бы её сразу к чёртовой бабушке. Но... 13-го февраля в ночи работа была завершена. Первый - предварительный - вариант отправлен строгому шеф-редактору для ознакомления и, казалось бы, можно свободно вздохнуть и чуть успокоиться. Не тут-то было. За окнами вместо зимнего снега лил противный осенний дождь. Форточка открылась для проветривания. И вот вам, пожалуйста, в неё влетел вихрь, который, ударившись об обычный половичок, обратился в моего героя Василия. Не верите? Убедитесь сами.

- Привет! Я прочёл. Спасибо, что выполнил мою просьбу.

- Как прочёл? Этого же практически ещё никто не мог видеть!

- У меня свои возможности. Я благодарен, но не согласен. Я хочу и жду справедливого суда.

(Тут возник кретинический анекдот, которым мы упивались когда-то: «Говорят, в молодости вы были членом суда?» «Ах, эта молодость – членом суда, членом туда...»)

- Какого суда?

- Я серьёзно. Прочитал у тебя в повести про Ивана Игоревича (под названием «Так не бывает») про твоих великих друзей Моцарта, Пушкина, Лермонтова и Есенина. Их же всех убили. И я прошу, чтобы именно они решили мою судьбу – преступник я или нет.

- Любопытный поворот. Во-первых, они могут не согласиться, а во-вторых – как ты представляешь себе это осуществить?

- Я всё продумал. Твой друг Иван Игоревич - ему в эти дни должно было бы исполниться 110 лет - подарил тебе 6 рюмочек, которые вызывают этих друзей, когда ты хочешь посоветоваться и пообщаться. Четыре для них,

одна для тебя, а место Ивана Игоревича мог бы занять я.

- Ну, что ж – тебя ведь не переспорить. Давай попробуем. Только... мне это надо?

- Тебе – не знаю. А моей душе необходимо обрести покой. Помоги.

Я достал из серванта заветные махонькие рюмочки, наполнил их - и великие друзья появились за столом в гостиной, как и должно быть. Пришлось представить моего героя Василия и рассказать им всё, что уважаемому читателю уже известно из вышеизложенного. Неожиданно это их заинтересовало.

- К такому событию стоит отнестись серьёзно, - веско произнёс Моцарт.

- Надо побывать на месте трагедии, - подержал Пушкин.

- Неплохо бы снова заглянуть на Кавказ, - обрадовался Лермонтов.

- Кажется, идея вполне по мне, - скромно отозвался Есенин.

- Но как её исполнить? – засомневался я.

- Это – не проблема, - возвестил Василий. – Вот мой соколиный плащ. Он заменит ковёр-самолёт. Прошу садиться поудобнее. Это займёт совсем мало времени.

Полетели. Оказались на берегу Куры. Нас встретил погибший Гугули. Поздоровался. Все гости были поражены его редкой красотой и горестным видом. Кура, ни на что не обращающая никого внимания, шумела и неслась в небытие, как и прежде.

- Предлагаю провести следственные действия. Покажите, где и как всё это произошло, - порекомендовал серьёзный Александр Сергеевич.

Все обратились во внимание. Василий и Гугули продемонстрировали, как могли. Возникли споры, попытались сделать поправку на дождь и грозу. Попросили повторить. Воспроизводили ещё дважды.

- Обдумать надо, - возвестил Михаил Юрьевич.

- Не мешало бы перекусить после дороги, не на пустой же желудок мозговать, - откликнулся Вольфганг Амадей Моцарт, которого тут же поддержал Сергей Александрович.

- Заглянем в «Тетри Духани», - разом посоветовали Василий и Гугули.

Через мгновение мы уже сидели за столом, уставленном грузинскими яствами. Вино тоже присутствовало в изобилии. Пока Моцарту объясняли названия экзотических для него блюд и напитков, уговаривая попробовать все, и он громогласно радовался, Пушкин и Лермонтов с аппетитом уплетали за обе щёки, соответственно осушая бокалы, а Есенин наслаждался чачей, Гугули с непонятно откуда появившимися друзьями исполнили для гостей народные танцы – Хоруми и Мтивлури, что вызвало всеобщее одобрение. Подошёл человек, внешне похожий на нашего старого приятеля Резо, оказавшийся его сыном и заявившим, что помнит нас со своих десяти мальчишеских лет и просит спеть. Когда мы начали, великие гости тут же перестали жевать и пить, издавая звуки – ну, по меньшей мере удивления, а скорее – восхищения. Пелось, как более полувека назад. Казалось, все уже забыли о цели прилёта. Но предводитель нашего ансамбля Васико чётко провозгласил:

- Пора возвращаться в зал суда. Ковёр-самолёт - или как вы там окрестили это транспортное средство – к вашим услугам. Дело не ждёт.

Я не увидел особого желания в глазах расслабившихся корифеев, которых, очевидно, не устраивала перспектива фарфоровыми бюстами вновь обосновываться в моём шкафу, однако через несколько секунд мы перенеслись на берега Невы. Замечу, что и Гугули с нами. Хотя в принципе это являлось нарушением ритуала, но все делали вид, что ничего противозаконного не замечают.

Председателем суда назначили меня, как я ни отбрыкивался, как самого старшего по возрасту. Что им на четверых стукнуло бы почти 800 годков, во внимание не было принято. Роли секретарей поручили самым молодым Лермонтову и Есенину. Прокурором неожиданно оказался Пушкин, а защитником, сами понимаете, Моцарт.

- Встать! Суд идёт! – и начались словопрения.

Лучше б не начинались. Моцарт и Пушкин схватились так, что удивительно! Дело сразу должно было дойти до дуэли. И поставьте себя на моё место: как мне решать – кто прав,

кто виноват? - когда я высоко почитаю обоих.

Они забыли о существовании процесса, и Моцарт стал укорять нашего великого поэта в том, что тот опорочил милейшего, добрейшего и талантливейшего итальянского композитора Антонио Сальери, обвинив его в отравлении Вольфганга Амадея, которого тот никогда не совершал.

- Погода была отвратительная, как здесь и сейчас. Я писал Реквием, сидя на сквозняке. Простудился и умер, просто умер. А вы уверили весь мир, что виноват маэстро Сальери, - кипятился композитор.

- Чем вы докажете, что он не отравил? - ехидничало поэтическое светило-обвинитель.

- Да я-то лучше знаю. Я - главный свидетель, я там был, - отбивался музыкальный гений.

- Неубедительно. Нужны факты, - настаивал Александр Сергеевич.

- Мне бы хотелось сказать, что и меня вроде как никто не убивал. Помню только, что чернил не было и я, спижонив, написал последние стихи собственной кровью из пальца - до свиданья, друг мой, до свиданья! Дальше продолжил пить горькую и очнулся уже на том свете. У меня нет прямых фактов, чтобы кого-то обвинить в своей смерти, - горько простонал Есенин, - нет фактов...

- Я же и есть натуральный факт, - обращаясь к Пушкину, убеждал Моцарт, - а вы сделали из порядочного человека убийцу и монстра, ославили на весь мир, оболгав.

- Высокочтимый Маэстро, - вмешался Лермонтов. - Что Сальери? Музыкант, композитор. Александр Сергеевич Пушкин сделал убийцей царя Всея Руси Бориса Годунова, который никогда и в мыслях не имел зарезать маленького царевича Дмитрия - претендента на российский престол. И ничего. Народ безмолвствовал.

- Вам бы, поручик, лучше помолчать. Надо быть патриотом и всегда защищать родную русскую литературу. Тем более, у вас тоже далеко не всё чисто и ясно, особенно, с «Маскарадом» - вспомните Арбенина и Неизвестного, - резко возмутился Пушкин.

- Это не аргумент, - неожиданно вставил Есенин, - каждый имеет право на своё прочтение.

- Кстати, вам, милейший, тем паче, не стоит вступать в полемику. Что вы с нашим Пугачёвым намудрили? Я уж не вспоминаю Анну Снегину. И вообще, вы способствовали убийству великого русского языка - акмеисты чёртовы, матом пишущие, прости Господи! - ещё больше взъерошился Александр Сергеевич.

- Такого не в силах терпеть даже от вас. Мы были новаторами и двигали родной язык и литературу вперёд, как могли и умели, стараясь идти в ногу со временем. Извольте выбирать выражения и помнить, к примеру, выскочившую из-под вашего уважаемого гусяного пера «Гавриилиаду». Я ведь тоже стрелять умею и хоть далеко не так велик и, как некоторые считают - мол, деревня серая - простой крестьянин, за себя и за Русь любимую постоять смогу. Не меньше всякого дворянина патриот, народ поддержит меня всегда, - всколыхнулся Сергей Александрович.

- Уважаемые Мэтры! Вы забыли - для чего мы с вами собрались и на что вы своё высокое согласие дали, - вынужден был вмешаться смущённый я.

Васико слова не мог вымолвить, а бедный Гугули так растерялся, что не только потерял дар речи, но, казалось, даже не понимал, где находится и что происходит.

- Да, мы явно пошли не в ту сторону. Застоялись, как кони. На простор вырвались и понесло нас, естественно, - миролюбиво произнёс Лермонтов. - Итак, по сути дела всё ведь ясно. Надо лишь принять решение и вынести вердикт: виновен - не виновен.

- Я в ваших русских мотивах мало что понимаю, но коли являюсь защитником на данном процессе (и лично меня никто не лишал жизни, мне Бога гневить не следует), выскажу своё мнение: кем бы мы ни были, мы не имеем прав судить этого человека. Он однозначно невиновен, - устало молвил Моцарт.

- Великий Моцарт воистину прав. Подведём итоги и постараемся быть по-прокурорски честными и справедливыми, - весомо заявил Пушкин.

- Моцарт и Есенин - утверждают, что их никто не убивал. Правда, Есенин твёрдо не уверен. Пушкин простил Дантеса - об этом

есть письменный документ, который Жуковский передал царю Николаю Первому, - начал было я как председатель суда.

- У меня ещё проще: никогда не считал Николая Мартынова, с которым имел вполне дружеские отношения, повинным в моей гибели. Думаю – виноват, как всегда, мой злой и не в меру острый язык, да и болел я тогда – всё внутри горело. Не держу на него зла, - это вступил Михаил Юрьевич.

- Позвольте и мне сказать, - перебил до этого молчавший Гугули, - Васо точно не виновен. Это была случайность. Я тоже, как Сергей Александрович, был пьян, но всё помню и не держу зла. Моей вины даже больше - ложь всегда грозит бедой. Аи дарди «вот печаль»...

- Резюме: кто за то, что Василий Ястребов – невиновен?

Ни одной руки не поднялось...

- Кто за то, что виновен?..

Долгое молчание прозвучало в ответ.

- Я не имею права судить этого человека, но полагаю: невиновен, - повторил Моцарт.

- Меня просили выполнить функцию прокурора. Я не могу этого сделать – сам грешен. В душе понимаю: невиновен, - прошептал Пушкин.

- Ну, а уж я как грешен, - усмехнулся Есенин. - Не мне судить и осуждать.

- Самый молодой здесь – чуть больше четверти века Бог дал прожить – я, - улыбнулся Лермонтов. - И я на стороне этого красивого молодого человека, который прожил ещё меньше меня и так проникновенно сказал о своей вине, лжи и печали. Его слово для меня много значит. Невиновен.

- Не состоялось праведного суда. Не сказано никакого решения. Ничего путного опять не вышло, так мне и не удаётся избавиться от своих сомнений, - глубоко вздохнул Василий и хотел ещё что-то сказать, но его перебил резкий требовательный звонок в дверь.

За всеми этими потусторонними завихрениями я напрочь забыл о текущей жизни – это прибыл на репетицию концерта нашего Театра «Родом из блокады» «Без женщин жить нельзя на свете, нет!» шумный, жизнерадостный, всегда полный новых творческих идей поэт и

артист Евгений Раевский.

- Привет! Ну, как движется репетиция? Я не опоздал? – начал он, входя в притихшую гостиную. - Что это у вас здесь происходит? Я так понимаю – это сюрприз, о котором ты мне говорил? Кто эти новые для меня артисты, играющие таких знаменитых людей? Из каких театров? Познакомь! – засыпал вопросами оторопевшего меня пришедший.

По идее он не должен был никого, кроме меня, видеть, но ведь видел же. У меня не было иного выхода, и я тяжело выдохнул:

- Позвольте представить – русский поэт и Президент Державинской Академии Евгений Раевский, - он по очереди пожал каждому из присутствующих руки, а они кратко назывались: - Моцарт, Пушкин, Лермонтов, Есенин, Ястребов и только смущённый утонувший в Куре красавец произнёс своё имя – Гугули.

- Так, - констатировал Палыч. - Это, выходит, ожившие герои твоих сочинений - или опять разыгрываешь? У меня времени на шуточки нет. Я приехал репетировать.

- Прошу садиться, дорогие друзья. Придётся нам прерваться ненадолго. Окажите честь поприсутствовать на репетиции и, по возможности, оценить, что мы готовим для Праздника в честь дорогих нам женщин, в котором традиционно принимает участие только мужская часть труппы Театра, - пришлось предложить мне и они молча милостиво согласились, а куда им было деваться?! В это время снова раздался звонок в дверь – прикатили другие участники выступления – мужички – от мала до велика. Странно, но ни у кого не вызвало удивления присутствие такого представительного собрания абсолютно посторонних людей и то, что моя гостиная превратилась в сцену Дома Актёра имени Станиславского, которого здесь явно не хватало. Репетиция началась.

После прозвучавших традиционных позывных торопившийся было Евгений Павлович прочитал свои сонеты и вызвал к роялю тоже как всегда спешащего Георгия Новицкого – зазвучал современный лирический романс «Давай с тобой увидимся во сне» на стихи Раевского, что вызвало явный интерес у присутствующих, особенно проявился он у Моцарта и Пушкина, которые даже пытались поаплодировать, но ход репетиции не позво-

лил.

- Разрешите мне? – неожиданно рванул к роялю Василий – он начал романс «Для берегов отчизны дальной...».

Я запел с большим волнением.

- Это стихи Пушкина, - отреагировал Лермонтов, а Василий неожиданно перешёл к Менуэту из «Маленькой ночной серенады» Моцарта.

- И чьё же это переложение для фортепиано? - заинтересованно спросил автор.

- То ли ещё будет, - поспешил заверить я и тихо попросил Новицкого: - Иди, переодевайся!

И тут без всякого микрофона проникновенно полился голос Гриши Калайды (а капелла) – без сопровождения:

– Выхожу один я на дорогу...

- Лермонтов, - мечтательно произнёс Есенин. - А вот меня так не поют...

- Напрасно так думаете, Сергей Александрович, - вмешался внезапно переставший спешить Раевский. - Игорь, давай!

Изумлению великих гостей не было предела, когда гармонь Игоря Шипкова, издав заветные аккорды Баха, вдруг отозвалась фрагментом сороковой симфонии Моцарта и, миновав популярную классику всех времён и народов, влетела в родные русские народные мотивы. Есенин вскочил и, чуть не пустившись в пляс, попросил:

- Дай!

Обычно любящий поспорить Игорь без единого слова, безропотно передал свой яркоснежный инструмент Сергею Есенину, и оба русопятистых блондина спели фривольную частушку, что, казалось, убило Моцарта наповал, да и все прихлопывали в такт ладошами – не удивляйтесь! - и эти записные дворяне: один с африканским, другой с шотландским уклоном. Потом мы спели «Отговорила роща золотая» - причём, участие с ансамбле Васику и Гугули придало русской песне определённый грузинский колорит, что покорило великих окончательно и бесповоротно.

- Вот вы слышали, как поёт Гугули, видели, как он танцует грузинские танцы, сейчас будет родное русское «Яблочко». Наши друзья – ансамбль «Юный Ленинградец».

И парни добились, довели до экстаза наших впечатлительных неповторимых гостей - зрителей этого действия.

- Это ещё не всё, - задыхаясь от волнения, выдал я. - Георгий, выходи!..

Поднялись все. Они стояли друг перед другом зеркальным изображением - как один человек - два Моцарта - совершенно одинаково одетые, в таких же париках. И наш сегодняшний Моцарт-Гоша запел. Мне не передать вам реакции присутствующих, я уже не говорю о самом Моцарте.

- Я жив, - возопил великий Музыкант.

- И я! – подхватили Пушкин, Лермонтов и Есенин.

- Как жаль, что на гастролях пианисты Влад Фёдоров и Илья Папоян, что сейчас играют на своих концертах замечательные музыканты братья Бессоновы и совсем юный певец Гриша Туркин: вы могли бы ощутить всё основательнее, цельнее, - убеждал я.

- Вам не прочёл дивные стихи о Пушкине наш поэт Анатолий Молчанов, не рассказал о своих лермонтовских постановках Макар Леонидович, который, кстати, играл Сергея Александровича в моноспектакле «Я – Есенин», не спел моцартовских Фигаро и Дон Жуана, пушкинских оперных героев, да и я как хотел показать свой рок-н-ролл «На Фонтанке», - вмешался Евгений Раевский.

- Всё и так ясно. Хочу на этот спектакль, - отозвался Моцарт.

- И я! - подхватили Пушкин, Лермонтов и Есенин.

- А что же будет с нами? - занервничали Васику и Гугули.

- Не понял, - удивился Раевский.

Все наперебой начали объяснять ему сложившуюся ситуацию несостоявшегося суда.

- Э, нет, - высказался Евгений Павлович, - мужики тут ничего не смогут. Я вот уже сколько нахожусь на этой репетиции, везде опоздал, но до сих пор так и не понял – зачем все эти фантазмагии и где я? Во сне? Но мне интересно и приятно познакомиться с такими людьми – пусть даже не наяву. А ваш судебный вопрос – поверьте моему жизненно-му опыту поэта и музыканта – могут решить только женщины. Вот после концерта с ними

надо всё это обсудить. Предлагаю пригласить директора Театра Людмилу Ивановну Демидову – я ей как раз цветы буду вручать – она дама серьёзная, ей житейского опыта не занимать – её советы, мнение и решение важно будет выслушать.

- Сразу видно, что Вы имеете честь возглавлять Державинскую Академию. Гаврила Романович в девицах толк знал. Мда-с, старик Державин их отметил, - засмеялся Пушкин.

- Мыслью обратиться к Наталье Александровне Веселовой – писателю и нашему строгому шеф-редактору. Она в своих произведениях так круто заворачивает сюжетные фабульные линии, включая детективные, что, надеюсь, вмиг разберётся, - присоединился я.

- Женский пол всегда приходит на помощь в трудном положении, я по себе знаю. Активно поддерживаю эту идею, - оживился Моцарт.

- А я бы пригласил мою маму Елену Георгиевну, она и не такие проблемы способна разрешить, да и всё равно будет на концерте, - поддержал в образе Моцарта Георгий Новицкий и пошёл разгримировываться.

- В принципе, не возражаю – резон тут просматривается, - лихо заметил Лермонтов.

- Я бы ещё пригласил внучку Макара Леонидовича – скрипачку Лизу Карикову и её подружку Сашу Сафину, девочек из «Юного Ленинградца» с их потрясающими «Кружевами», очаровательных пианисток сестёр Алину и Катеньку Федосеевых – это наше будущее, и ещё Анну Рыбакову, которая всегда снимает наши выступления, да и Григорьянц, Шима-

нову, Крутикову и всех женщин и девушек, которые трудятся на сцене Блокадного театра, - вмешался неутомимый Раевский.

– Ну, а я всегда за слабый пол, и название любопытное: «Без женщин жить нельзя на свете, нет!». Не зря же я просил: мне бы вон ту... - но, увидев детские глаза Гриши Калайды, не стал продолжать Есенин.

А Гриша добавил:

- Алёну Чугунову можно позвать, она всё равно придёт на праздник и будет свободна, она человек рассудительный.

– Вот пусть они нас с Гугули и рассудят окончательно и бесповоротно, - попросил Васико.

Решение – так тому и быть – стало всеобщим. Но и из этого ничего путного не получилось. Женщины, оценив ситуацию, все, как одна, отказались принимать участие в суде и объявили, что любому мало-мальски нормальному человеку должен быть сразу ясен его исход, и он единственный. Невинные Васико и Гугули опять остались ни с чем.

Так что, выходит, я зря писал повесть про «Кажимость страха убийства» и этот идиотский посткриптус? Как вы считаете, дорогой добрый читатель? Или вам всё равно?

Вообще, как посоветовал Евгений Павлович Раевский, было бы неплохо проснуться... Столько работы накопилось, а я всё дурью маюсь. Представляю – что мне скажет, куда и зачем пошлёт после этого гротеска уважаемая Наталья Александровна Веселова!

А может, все-таки стоит еще поспать?

СЕРГЕЙ ПСАРЁВ

Остров

(Отрывок из повести «Светлая вода»)

За поселком на небольшом каменистом острове стояла часовня. Она появилась сравнительно недавно, после съемок фильма «Остров» известного режиссера Павла Лунгина. Это перестроенные под декорации остатки старого барака. Долго искали и нашли этот пейзаж, поражающий своим аскетизмом. Ледяное море, каменные острова, деревянный причал и затонувшая баржа, на которой когда-то возили заключенных.

Вроде, фильм после съемок не уехал, а остался жить здесь, привлекая внимание многочисленных туристов. Получился некий символ, где сходилась прошлое и настоящее. Даже без крестов, которые сразу сняли, часовня постепенно стала главным центром притяжения.

Лунин долго скреб подбородок, выбирая для себя будущий план. Потом развернул этюдник и принялся рисовать на куске картона островок с часовней и поклонным крестом. Полуденное солнце припекало, стояла июльская жара. Его лицо с крупным носом, крепко посаженная шея и руки давно уже приобрели стойкий бронзовый оттенок.

Вокруг не было ни одной души. Светлана спустилась за соседней скалой, разделась и осторожно вошла в воду. Холода она не боялась. Лунин видел ее обнаженную фигурку и скрещенные руки на животе. Потом она шагнула на глубину и поплыла, словно большая белая рыба. Вода в море была необычного светло-зеленого цвета с глубокой прозрачностью. Внизу колыхались ламинарии, потревоженные начинающимся отливом. Светлана повернулась к нему лицом и неуверенно улыбнулась. Их глаза встретились. Теперь он видел ее маленькую грудь и темную звезду внизу живота...

Он давно понимал, что их товарищеские отношения находились под угрозой. Лунин долго и успешно смирал свои чувства, но постепенно они стали брать над ним верх. Сейчас они ломали его волю, подчиняли его глаза,

онемевший язык и даже его губы. Он отвернул голову и заставил себя продолжить работу...

Этюд у Лунина получился светлым и прозрачным, игравшим нежными красками. Через несколько минут он уже завернул Светлану в большое мохнатое полотенце и осторожно поцеловал в синие дрожащие губы. Они легли рядом на теплые гранитные камни.

Наступило время отлива и вода ушла далеко в море, оставив только сверкающие на солнце фиолетовые лужи и вязкий коричневый грунт из смеси песка и ила. То там, то здесь из воды поднимались круглые спины камней, похожих на спины больших морских животных. Лодки, привязанные у мостиков, еще недавно уходивших в море, теперь ложились брюхом на песок и заваливались на бок.

Потом небо потемнело, словно внезапно наступил вечер. Вода в море сразу приобрела тяжелый свинцовый оттенок. Поднялся сильный ветер. Он сгибал деревья и волнами шел по траве. Где-то у самого горизонта небо вспыхнуло голубоватым мертвенным светом, и воздух над ними разорвался страшным грохотом. Начался сильный дождь, и бежать куда-то было уже бесполезно.

- Дождь льет, как перед концом света.

- Он будет лить, пока мир не станет подобным морю.

- Нам надо спрятаться. Где же наш Ковчег?

Подхватив свои вещи, они спрятались под стоявшей рядом перевернутой лодкой. Теперь дождь хлестал сильными струями по ребристым просмоленным бокам, но под ней все еще оставался маленький островок суши.

Они лежали совсем близко, согревая друг друга. Потом оба потеряли разум и не жалели об этом. Сбрасывая одежду, они уже не чувствовали холода и продолжали движение навстречу друг другу. Вначале их сердца стучали сильно и взволнованно, потом тише и медленнее. К ним пришло чувство особого

перетекающего тепла...

У Светланы порозовело лицо, с мокрых волос все еще капала вода. Ее волосы пахли травой и еще чем-то пряным или медовым. Лунину этот запах показался удивительно знакомым. Окружающий мир скрылся за завесой водяного потока. Оставался только их маленький остров...

Они не сразу заметили, как наступила тишина. На земле снова светило солнце, а умытый дождем берег преобразился и засверкал новыми красками. Днище старой лодки перестало казаться им уютной защитой. Обоих неожиданно охватила радость обретенного счастья. Они, взявшись за руки, кружились на мокром песке...

Подворье Соловецкого монастыря местные жители чаще называли просто Троицкой церковью. Она была деревянная, с высокой кровлей и прямоугольным алтарем с притвором. Рядом стояли строения, в которых оставались на ночлег паломники, направлявшиеся дальше на Соловецкие острова. Пусто здесь никогда не бывало.

Лунин часто приходил сюда, садился в уголке и рисовал. Он испытывал удовольствие от своего занятия. Дерево - удивительно теплый и живой материал. Рука чувствовала его, повторяя линиями природный рисунок. Ему иногда даже слышалась какая-то тихая мелодия и голоса. Дерево ложилось на стены постройки причудливыми прорезными кружевами, поднималось луковичным куполом над крепким и прочным срубом.

Эту небольшую красивую церковь поставили в начале 90-х. Все же Лунину казалось, что в нынешних церквях стало меньше прежней духовности. Она подменялась чем-то другим, той же внешней красотой. Мирская жизнь сильно влияла на это. Здесь все чаще рассуждали о Соловках как выгодном коммерческом проекте и умели считать деньги. В церквях, не отмеченных печатью времени, было уже что-то не настоящее, бутафорское, что ли...

Иногда у него случались интересные встречи и общение. Сюда проходило много людей.

Однажды Лунин стал невольным свидетелем разговора некоего отца Николая. Он общал кому-то по телефону о своей поездке

в Соловецкий монастырь. Отец Николай поработал несколько дней на местную монашескую братию и поэтому истратил меньше денег. Его восхищали святые места архипелага и одновременно огорчало обилие гигантских комаров. Они слишком тревожили его тело и отвлекали от главного. В этом отношении его прежняя поездка в Святой Афон казалась ему более комфортной.

Сегодня к Лунину подошел послушник Михаил, похвалил его карандашный набросок и посетовал, что не умел так рисовать.

Для него всякое знание и умение казалось божественным даром, которым нужно еще уметь воспользоваться. Михаил был семинаристом, носил мирское имя и только готовил себя к будущей монашеской жизни. Он привкал к ней по мере своих сил, выполняя всякие поручения.

Лунин часто видел его задумчиво сидящим во дворе. Он был молод, имел бледное нежное лицо, которого еще никогда не касалась бритва. Его темным длинным волосам могли бы позавидовать многие женщины. Одет он был в линялый черный подрясник. Носить другую одежду ему еще предстояло заслужить, пройдя все испытания и приняв монашеский постриг.

Он показался Лунину словоохотливым и по-юношески любопытным. Михаил любил рассуждать на богословские темы, чем нередко привлекал внимание местных паломников. Его слушали с большим вниманием и почтением.

К несчастью благочестивый и кроткий молодой человек привлек внимание Светланы. Она подошла к нему достаточно близко, так, что едва не коснулась своей грудью. Светлана спросила его, так ли грешно для женщины быть привлекательной? Что делать, если она нравится многим мужчинам?

Бедный Михаил смутился и опустил глаза. Губы его еще что-то шептали, но слов уже не было слышно. Ответы стали односложными, слова бедного юноши застревают на половине своего пути.

В глазах этой молодой женщины не было смирения, а ее одежда казалась ему излишне вызывающей и открытой.

Светлана была настойчива и не отставала от богослова. Почему она должна стараться

По воде. Соловецкий монастырь (Отрывок из повести «Светлая вода»)

...Господи! если это Ты, повели мне прийти к Тебе по воде. Он сказал: иди. И, выйдя из лодки, Петр пошел по воде, чтобы подойти к Иисусу...

Евангелие от Матфея, гл. 14, ст. 28-29

Было восемь утра, когда переполненный теплоход “Федор Косяков” отошел от причала. Пенный бурун за бортом, ветер неуверенно подхватил прямоугольное полотнище трехцветного российского флага. Начался последний этап дороги к Соловецким островам.

Лунин оказался без посадочного билета и шел на посадку в числе последних пассажиров. Их просто посчитали по головам, взяли деньги и отправили на верхнюю палубу. Было ясно, что никого из них на берегу уже не оставят. Сыпал мелкий дождь, видимость была небольшая. Граница между небом и водой часто терялась. Пассажиры старались поскорее занять места в закрытых теплых помещениях. На открытой палубе оставались только тюки спортивного снаряжения, велосипеды и самые стойкие любители экстрима, которым не хватило места внизу. На палубе рядом с Луниным оказалось еще двое подростков, которые напряженно всматривались в прерывающуюся линию горизонта через хорошую цейсовскую оптику. Ходу до Соловецкого архипелага оставалось еще целых два часа.

Многие пассажиры, утомленные ранним подъемом, снова погружались в сон. Другие разворачивали пакеты с захваченной провизией и принимались завтракать. В воздухе аппетитно запахло ветчиной и импортным соусом. Все как всегда.

Мерный рокот невидимых человеческому глазу силовых машин, дрожание стального корпуса судна и плеск холодной воды за бортом. Мимо плыли скалистые острова, потом пошла чистая открытая вода. Скоро на линии горизонта показались острова архипелага Кузова. Со стороны они напоминали плывущих гигантских каменных китов или черепах. В

открытом море судно стало немного покачивать.

Лунин долго смотрел на пенящийся след позади теплохода. Подвижная поверхность воды притягивала и звала, будто нашептывала что-то. Манящая бездна была рядом. Всего один шаг и ничего уже не будет, никаких сомнений, одна прямая линия на экране...

- На тот свет итить - не котомки шить...

Он даже ощутил, как холодная вода проникла в его горло. Неожиданно, плечо Лунина осторожно тронула детская рука...

- Простите, сударь, вам плохо?

Внимательный взгляд, глаза большие светлые. Лунин тогда подумал, что за ним всегда стоял человек с крыльями...

Ему многое вспомнилось. Он, молодой лейтенант, и море. Только другое, Аральское. Синева у него была необычайная, глубокая и бархатная. Совсем как глаза у поручика Говорухи-Отрока*... Далеко с тех пор ушла вода, рассыпалось дно моря паутиной глубоких трещин. Вечным оставалось только время. С ним или без него, это уже не важно. Он тоже мог оказаться лишней цифрой на счету живых душ. Горячий ветер раскачивал старый сухой карагач. Это дерево часто называли железным. Отшлифуй его по срезу и оно откроется тебе красивой мозаикой. Только уже мертвой, как могильная плита...

Между тем дождь незаметно истончился и скоро совсем растаял в воздухе. Над горизонтом через туманную хмарь пробивало свою дорогу утреннее солнце. Серая дымка все больше съеживалась. Неожиданно на горизонте что-то сверкнуло. Небо над головой открылось, и солнечные лучи заиграли на морской воде. Яркая золотистая звездочка

оказалась светом от креста на далекой обители. По мере приближения, на горизонте рос и поднимался всеми своими колокольнями, куполами, могучими башнями и стенами Соловецкий монастырь. Он всплывал из морских глубин, словно таинственный град Китеж.

«И досель тот град невидим стоит, — откроется перед страшным Христовым судилищем. А на озере Светлом Яре, тихим летним вечером, виднеются отраженные в воде стены, церкви, монастыри, терема княженецкие, хоромы боярские, двory посадских людей. И слышится по ночам глухой, заунывный звон колоколов китежских», — гласила древняя легенда...

Воздух огласился резким криком, словно плачем душ безвинно убиенных в этих краях. Это были чайки, которые многим числом летели с берега и садились на снасти теплохода. Пассажиры они не боялись и жадно выхватывали предлагаемую им пищу прямо из рук. Чайки были здесь бойкие и наглые, если говорить по совести. Все же, они очень красивы... Серебристо-белые, стремительные и грациозные в широком размахе своих крыльев. Они летели прямо над головой, потом круто ныряли вниз, подхватывая что-то на самом крае воды...

Берега островов становились все ближе. Теперь Соловецкий монастырь нависал своей огромной каменной массой по всей линии горизонта. Где-то ударил колокол...

Теплоход немного качнуло, когда пассажиры толпой хлынули на открытые палубы, чтобы самим увидеть это чудо. Защелкали фотоаппараты, кто-то тихонько крестился неумелой рукой. Очнулся даже маленький пьянень-

кий пассажир, который всю дорогу проспал в углу на своем рюкзаке. У него вскоченные волосы на лысеющей голове и красные удивленные глаза...

- Это уже Валаам, да?

Ответом ему был общий веселый хохот...

- Пить меньше надо, дядя! Ты не на тот пароход сел!

- Соловки? Куда же меня занесло? Нет, все правильно, друзья. Дорогие мои, больше ни одной капли. Дальше сухой закон, я обещаю...

- Сиди, шут гороховый...

Неожиданно, этот маленький пассажир принялся отвечать поклоны во все стороны и размашисто креститься. Делал он это с благоговением и надеждой, заглядываясь на вырастающие перед ним монастырские стены. У него текли слезы, а губы шептали слова молитвы: «Господи, прошу тебя, спаси и сохрани раба твоего! Боже будь милостивый и прости все мои прегрешения! Я не был примерным христианином, все твои испытания приму как свою малую Голгофу. Господи, прошу тебя, оберегай днем и ночью от всех бед и злых людей! Сотвори чудо, дай вернуться домой живым и здоровым физически и духовно! Благодарю тебя, Господи»...

Окружающие немного притихли. Кто-то смотрел на все это, как на некое шоу, предусмотренное условиями купленного тура, другие сразу же перестали обращать внимание. Дело-то это, очень личное, а оно, известно, у каждого свое...

Всех приезжающих уже встречал большой восьмиметровый поклонный крест бухты Благополучия...

*Поручик Говоруха-Отрок - герой повести Бориса Лавренева «Сорок первый»
(прим. автора)

ГАЛИНА ТАРАСОВА

Этому нет названия *Повесть*

Идти мне было некуда. Мой дом являл собою мрачную ночлежку, куда я приходил, выработавшись до изнеможения. Я вяло снимал одежду, бросал ее в приемник грязного белья, залезал в спальную капсулу, включал режим глубокого сна и больше ни о чем не думал. Утром - просыпался, умывался, брал из отсека доставки чистое, натягивал, бежал на работу и - жизнь начиналась. Если дома я ощущал себя одиноким, потерянным, несчастным существом, то в родном НИИ был энергичным, воодушевленным - гениальным ученым, гордостью Зиготы и надеждой всей планеты Земля. На рабочем месте не было никаких бытовых проблем, мне создали идеальные условия для грандиозных изобретений.

Когда-то у меня был уютный и радостный дом, любимые и любящие жена, дочь и даже ласковая кошка с телепатическими способностями. Удачным был мой рабочий день или мрачно-тупиковым – вечером меня всегда ждал вкусный ужин с веселыми разговорами и смешными экспериментами с пушистым уникамом; короткий, но очень приятный досуг, заполненный занятиями с дочерью, просмотром новинок в области техники, искусства; планирование и предвкушение ожидаемых поездок выходного дня и много-много другого, делающего мою жизнь стабильно радостной. Любовь и забота домочадцев были надежным тылом и точкой опоры, с которой я старался перевернуть мир. Я слыл успешным ученым и счастливым семьянином.

Моя жена была красива, умна. Она легко разделяла со мной удачи и трудности. Она всегда верила в меня и поддерживала, как могла. Я же старался удовлетворять ее интересы и желания, когда дело касалось покупок или отдыха. Дочь не доставляла мне особых хлопот: росла не капризной, не шумной, хорошо училась, и я не замечал каких-то перемен в ее переходном возрасте. Дома у нас все было старомодно по-земному: мебель из дерева, древ-

ние вазы, тончайшие кружевные салфетки, картины на настоящем холсте, выполненные настоящими масляными красками и много чего другого, вывезенного мною из многочисленных командировок на Землю. Все это было дорожайшим раритетом, но нам с женой просто нравились старые интерьеры, нравился уют, создаваемый предметами ручной работы из натуральных материалов. Мы не любили минимализма и синтезированной мебели, к тому же уход за квартирой не доставлял особых хлопот - новейшие бытовые роботы обеспечивали идеальный порядок. В выходные и отпускные дни семья могла позволить себе диковинные путешествия по Зиготе, полеты на Землю в элитных экспрессах туркосмобиюро «Ностальгия». На всех театральных премьерах нам были забронированы билеты в президентской ложе. На всех открытиях выставок лучших художников и дизайнеров мы были почетными гостями. Мы пользовались абсолютно всеми услугами Службы Доставки и ни в чем не знали нужды...

Я и не заметил, когда работа, как капризная любовница, вытеснила из моей жизни все, не относящееся к ней. Тогда я был яростно поглощен темой, призванной совершить переворот в развитии человечества, и чем ближе подходил к своей цели, тем более замкнутым и отстраненным становился. Работа требовала полнейшей самоотдачи. Мой мозг трудился даже во сне, анализируя удачи, поражения, находя выходы из тупиков. Из института я возвращался поздно, на вопросы жены и дочери отвечал рассеянно, ел без аппетита и без интереса слушал их рассказы о событиях за день. Жена пробовала говорить со мной о каких-то проблемах, но я отделялся невнятными междометиями, абстрагируясь на проблеме улучшения жизни всего человечества. Ночевал я только в своем кабинете, в спальном капсуле, выставляя комбинированный режим сна с усиленной обработкой подкорковых им-

пульсов. Скоро я стал ужинать и завтракать прямо на работе, впрочем, даже не замечая, что ем – лишь бы это давало силы и энергию. В выходные дни спешил в институт, чтобы в полном одиночестве осознать и подытожить все произведенное за неделю, выстроить планы взаимодействия с коллегами в смежных лабораториях и написать отчет директору.

Больше года жена терпела мое отчуждение. Наконец, она решила, что ребенку и ей опасно жить с сумасшедшим, и уехала к маме. Неделю я не замечал, что нахожусь в квартире один. Как-то ночью, лежа в капсуле без сна и обдумывая проблему отдаленной интеграции живых клеток, я неожиданно ощутил что-то непонятное и непривычное: то ли дискомфорт, то ли... наоборот. Я встал, прошел на кухню. На всем лежала легкая печать запустения, все как-то померкло: предметы утратили блеск, листья у цветов повисли, привычный запах уюта и вкусной еды улетучился. Я прошел в спальню – жены там не было. Детская также была пуста. Шкаф предъявил только мою одежду. Наконец, в прихожей я нашел большую записку, прикрепленную к мутному зеркалу. Она известила, что теперь я буду жить один так, как захочу, а они будут жить, как все нормальные люди. Я не успел даже осознать все произошедшее и его последствия, как вдруг мозг выдал мне нужный компонент формулы, над которой безрезультатно бился долгое время, и ноги понесли меня к компьютеру. Уже позже, как-то особо не размышляя, я решил, что главное – стать победителем в работе, и тогда близкие меня поймут, простят и вернутся...

И вот теперь, когда я вплотную подошел к грандиозному воплощению многовековой мечты человечества – ТЕЛЕПОРТАЦИИ, когда до победы остался последний решающий шаг – меня увольняют с работы! Меня – первого ученого Земли и Зиготы! Это было невероятным сном, сумасшествием, и только сейчас я сообразил, что произошло. Глупец! В своей погруженности в научный процесс я не придавал значения тому, что директор нашего НИИ уже около двух лет отправлял отчеты о моей работе от своего лица и под своей подписью. Мне он говорил, что все и так знают,

что этим занимаюсь я, а он все равно за все отвечает. Последние полгода он душил меня мелкими дисциплинарными взысканиями, позволял себе отчитывать меня при всех. Потом он изолировал меня от коллег, объясняя это сугубой заботой обо мне. Со смежниками я общался через него, чтобы «мой гениальный мозг не занимался научной и производственной рутинной». Он заставлял меня подробно описывать все этапы работы и особо тщательно – заключительный. После того, как удалось телепортировать крысенка в лабораторию соседнего корпуса, он велел сдать тетрадь со всеми расчетами, якобы для проверки безопасности следующего эксперимента – перемещения безродного земного бомжа в соседний город. Я выполнил приказ босса, проверив все расчеты и лично проконтролировав исправность аппаратуры. Он же через день вызвал меня к себе в кабинет и тихим бесцветным голосом сообщил, что меня обвиняют в экономическом шпионаже для иностранной фирмы, что меня ожидает суровый суд и высылка на дальний спутник, с запрещением работы по специальности. Из всего я понял лишь, что все факты как-то случайно, но упрямо выстроились против меня, и шансов оправдаться – абсолютно нет. Но босс может меня спасти – «на свой страх и риск» устроить мое увольнение задним числом и делать это надо немедленно – тогда буду защищен от всяческих обвинений. И я подписал приказ о моем, якобы, увольнении по собственному желанию месяц назад.

Мир рухнул для меня в одно мгновение со всем своим пространством и временем. Я ничего не умел делать, кроме изысканий и испытаний телепортации, выпестовав эту идею, доведя ее до воплощения в жизнь. И эта жизнь пойдет теперь без меня. Какой-то ободранный бомж будет участвовать в эксперименте, а я – ученый, автор, не увижу результата своих многолетних трудов, ради которых я лишился всего.

Идти мне было некуда. Дом свой я не любил, и он платил мне тем же. Все в нем было покрыто толстым слоем пыли, все запущено, кроме спальной капсулы, контейнера дистанционной прачечной и блока санузла со стоячей ванной и парилкой. Я не заметил как кош-

ка, вернувшись ко мне после отъезда жены и дочери, вновь исчезла. Никто меня не ждал, никому я был не нужен.

Я стоял в теперь уже бывшем своем рабочем кабинете, бросал личные вещи в утилизатор, и тоска была такая, что хоть самому туда прыгай. За окном пылал алый закат. Весь пейзаж был словно картина в раме на фоне темных стен, словно портал в чужую и нежеланную для меня жизнь... Мысль, словно молния, обожгла все мое существо. Впереди забрезжил выход из бессмысленного тупика. Терять мне было нечего. Только бы мои био-данные сохранились в коде доступа в лабораторию! Я лихорадочно соображал, а ноги уже сами несли меня к ее дверям.

Они привычно впустили меня в родные стены, где все было обжитым: оборудование, которое я совершенствовал, выбивая у начальства редкие, порой умопомрачительно дорогие детали, удобная разметка на панелях, о которой я столько спорил с дизайнером и убедил-таки в своей правоте, голографическая карта Зиготы с подробными координатами для последующих телепортаций по нашей экспериментальной планетке - все было знакомым до малейших подробностей. В случае успеха опыта с человеком, у меня были запланированы испытания с перемещениями более масштабными. Все было спроектировано, высчитано и проверено.

Я остановился перед картой. На нее уже были нанесены координаты телепортации бомжа. Это был дом в соседнем городе. В случае успеха асоциальному человеку дадут гражданство со всеми привилегиями, ну а в противном случае никто о нем и не вспомнит. Я ощутил, что сам стал бомжом без дома, без родных, без смысла жизни. «Мне совершенно

все равно, где совершенно одинокой быть...» - всплыли в памяти строки древней земной поэтессы. Руки перестали дрожать, и я решительно нажал на «пуск». Аппаратура ожила: засветились экраны, появилось знакомое, еле уловимое для уха жужжание. Карта стала объемной.

«Мы бросили на карту ластик. Он попал на Кривой Рог. Туда мы и поехали», - вспомнил я рассказ моей прапрабабушки. Когда-то, еще на Земле, они с мужем решили таким образом судьбу, доверив ее простой карандашной стерке. Они приехали в этот город и довольно хорошо там устроились. Прапрадедушка, не имея определенного образования, даже стал актером, определив профессию потомков нескольких поколений. Да и сама прапрабабушка впоследствии поменяла архитектуру на режиссуру...

Я убрал старые координаты. Секунду поразмышлял и вбил новые, не глядя, с закрытыми глазами пробарабанив пальцами по цифровым панелям. Поставил отсрочку старта на 1 минуту, зашел в кабину дезинтегратора, заблокировал дверь и, архаично зажмурившись, стал ждать завершения своего постылого этапа жизни. Казалось, что сердце бешено колотится в горле. Капли пота струились по щекам, а может это были слезы – я не понимал. Я осознавал, что все-таки завершаю свой титанический труд, что сам ставлю увесистую жирную точку на разработанной теме, на всей своей научной деятельности и, возможно, на всей своей жизни. Раздался слабый щелчок - сработала кнопка старта. Легкое жужжание мгновенно превратилось в давящий уши рев, воздух вокруг уплотнился, последовала гигантская вспышка, мгновенная темнота и...

(Продолжение следует)

ЛЕВ ГОРЯНИН

Старец Зосим Отрывок из романа «Первопроходец»

Идти было не вмоготу. «Ну что ж ты так жаришь, солнышко мое милое. Уж напрочь вытряхнуло из меня силы. Направь, Боженька, на небо тучку, хошь на миг, хошь небольшую, прикрой эти лучи разящие. Нет боле сил все это вынести. Да еще отец Зосим днесь разобиделся на меня и так после того стал поспешать, что не угнаться мне за ним». Афонька с трудом переставлял уставшие ноги, и его тщедушное тельце просило покой. Однако святой отец продолжал идти скоро. При ходьбе он опирался на длинный отполированный руками деревянный посох, изготовленный из твердого тяжелого дерева, выдавший всякие виды за долгие лета путешествий старца. Он ведь не токмо посохом служил Зосиму. При надобности, коли вдруг его уподобил бы случай встретить лютых разбойников, он за милую душу мог быть – хошь копьем, а хошь и таким оружием, что вмиг обездвижит любого здоровяка, даже ежели он вооружен с головы до ног. Не смотри, что отец Зосим святой старец. Владел он боевыми приемами достойно. Редко кто одолел бы его. А научился он всему этому в горной стране у славных отшельников – шаолиньских молчаливых монахов-воинов. Так получилось, что добрел он до них, мыкаясь по миру, да и провел среди этих затворников несколько лет. Любознательность заставляла его пересечь не одну страну. Хотелось самому увидеть, как за дальними морями в далеких землях люди живут.

За все годы скитаний он уж точно знал, что может пригодиться в дороге и ничего лишнего с собой не брал, дабы не обременять никчемными муками усталости свое тело. А по России путешествовать, при его малой потребности многого ему не надо было. На его пути во всех святых местах необъятного края каждый христианин норовил обогреть, накормить и дать временный кров старцу. Сейчас за его спиной находилась маленькая плетенка из лыка в виде короба, где лежали скромные

съестные припасы на день, набранные подающими сердобольных православных у паперти церкви соседней деревни. Кроме них там же на дне покоилась аккуратно завернутая в ветхую тряпочку довольно потрепанная Священная Библия – на все случаи жизни, несколько листов чистой бумаги для обучения всем основным премудростям своего спутника – маленького хлопца, его отрады, тоненькое одеяльце для него же. Самому старцу, чтобы укрыться от непогоды, было достаточно и длинного плаща. За поясом его был закреплен небольшой топорик для рубки кострового сушняка и лопатка с коротким черенком – это на случай выполнения мелких работ, ежели на то нужда будет.

Как правило, на ночь останавливались у какой-либо скирды, либо в забытом охотниками ветхом шалаше. Здесь уж не гнушались ничем, что могло бы служить временным кровом.

Старец в воспитательных целях делал вид, что не обращает внимание на хныканье мальчика, хотя в глубине души своей близко к сердцу принимал его мольбы об отдыхе.

– Не скули, отрок, как пес. Не надлежит нам поддаваться проискам нечистой силы. Это она прячется за твоей спиной и своим нашептыванием в ухо мучает тебя, заставляет искать тень с тем, чтобы полежать под ее защитой, да предаться лени. Только трудом изнурительным очищается человек от грехов приобретенных.

В испуге малыш оглянулся назад, но нечистой силы, о которой упомянул святой отец, не увидел и поспешно перекрестился.

– Не грешил я, отче, так пошто мне очищаться? Мал я еще, чтобы грешить.

– Так ли? А кто намерен съел последний кусок хлеба, не разделив его со своим путником? И ел-то торопливо, поди, с оглядкой, давился никак, боясь, что я замечу? Стыд-то какой?! Благо погода божьи люди поделились с нами своими запасами. Кто выпил остатки колодезной воды, не дав мне даже губы смочить? Вон тыквенная баклажка у тебя на пояске болтается пустая без надобности.

– Прости меня, отец Зосим, уж очень есть хотелось, да и пить тоже. А вода, разве она цену имеет? Вон ее сколь везде. Как будем деревню проходить, так я наполню баклажку и тебе дам испить. Не жалко.

– Все дорого ко времени.

Старец взглядом просверлил малыша так, что у того коленки затряслись. Афоня решил оправдаться пред старым человеком.

– Ты большой, отче. Я так порассудил, что тебя этот кусок хлеба не насытит, а мне хватило его, чтобы не ломал меня голод. Ну, прости мою душу, я понял, что даже малым куском делиться надобно.

«Как отче взъелся на меня. Глядишь, и со света Божьего сживет. Не допусти, Создатель, чтобы пришла ему в голову думка бросить меня на дороге за жадность мою», – размышлял малыш, молясь Богу и изредка, с острасткой посматривал на старца.

–То-то. Ладно. Простил я тебя ради Христа, только эту науку запомни на всю жизнь. Последним куском хлеба потребно делиться с ближним своим, да хоть и не с ближним, все одно – делиться надобно. Помни заповедь Христа. Что он говорил? – «Возлюби ближнего твоего, как самого себя!».

Старец остановился, давая Афоне отдыхаться. Жаль ему стало малыша. «Зря я так сурово обошелся с ним. Несмышленьш он еще вовсе. А с другой стороны, только в этом возрасте и можно вылепить из него доброго человека, да внушить ему, чтобы людей любил больше, чем себя», – рассудил Зосим и успокоенный тем, что его строгость к мальцу имела благую цель, медленнее побрел по дороге.

– Вижу, речка здесь течет. Пойдем по ее берегу, там будет прохладно, да надобно успеть до темноты приготовить ко сну шалашик. Оборудуем его из веток сплавленного по речке дерева. Много таких ветвей выбрасывается водой на берег. В нем и переспим, а Бог даст, так и рыбку поутру наловим, не помешает она нам, да и поживем у берега недолго.

Старец свернул с тропы, спустился с песчаного крутого берега к воде. Тотчас повеяло речной прохладой. Не уменьшая шага, старец пошел вдоль речки, ища место для шалаша.

– Старче, а пошто мы не ублажили подарками Водяного? А ежели он обидится, да за-

топит нас ночью?

– Кто тебя этому научил? У нас от всех этих существ, что придумали люди своей хвострой головой, есть животворящий крест. Он спасет нас от всей твоей нечисти, запомни это и никого не бойся.

Афоня не стал спорить с отцом Зосимом, но в душе не поверил его словам. Как упрек он бросил старцу:

– Не моя нечисть сия.

– Вот оно место-то знатное, – не обратив внимание на слова мальчика, рек святой отец. – Замечай все, Афоня. Вишь? Здесь прямо на склоне стояло могучее дерево. От старости, а может подмыло его весенним паводком, сие неведомо нам, во всяком случае оно свалилось, вывернув наружу корневище. Образовалась пещера. Ее-то и оборудуем мы под свой ночлег. Вот и строить шалаш нам с тобой не придется. А древо, что упало, видно рыбаки сожгли, когда уху варили. Это бывает, – рассуждал старец, поучая малыша уму-разуму.

По тону отца Зосима Афоня понял, что гроза миновала. Старец вновь стал прежним добрым святым, к какому он уже привык за время скитания.

– Да мы в ней не уместимся.

– Ничего, низ подкопаем, а верх пещеры, чтоб не обвалился, подопрем стойками деревянными. Вот и пригодится нам дерево, которое для нас принесла река. Вишь, сколь здесь навалено его, только выбирай, не ленись, да крепи толстые черенки в пещере. Видно вчера здесь прошла буря знатная, коли волной все, что плавало, выкинуло на берег. Река чистоту любит и сама освобождается от негодного мусора.

– Так я побегу к берегу собирать ветви деревьев? – выразил желание Афонька, чтобы вновь завоевать доверие отца Зосима, да показать ему, что он окончательно исправился.

Старец посмотрел на него сквозь кустистые седые брови, улыбнулся малой его хитрости и бросил:

– Погодь маленько. Там без топорика не обойтись.

Скоро рядом со старцем выросла горка ровных обрубышей из ветвей деревьев, сваленных речкой в одну кучу. Зосим ловко орудовал топориком. Можно было подумать, что он всю жизнь лишь этим и занимался. Афоня

с трудом успевал носить их к небольшой пещерке.

К берегу спустились три рыбака.

– Бог вам в помощь, святой отец! Доброго вам здоровья! Никак оборудуете себе ночлег? – благосклонно обратились к старцу пришельцы, сбрасывая с себя котомки и снасти для рыбалки.

– Да храни вас Бог за приветливые слова! Вот с отроком моим хотим переспать здесь на свежем воздухе.

– Повремените малость, батюшка. Сейчас мы невод забросим, рыбку поймаем, да пойдем в сторожку. Она здесь недалече. Там всем места хватит. Сварим уху, повечерим, да и спать завалимся.

– Что ж, благодарствуем за приглашение. Охотно примем его. Отчего с добрыми людьми не переночевать?

Отец Зосим отложил в сторону топорик и сел перевести дух.

– Издалече, никак, идете-то? – спросил рыбак, что постарше, пристально, с прищуром рассматривая святого отца.

– Да как вам сказать? Вот уж лето на исходе, а мы двинулись ранней весной.

– Что же вас заставило пешим идти по нашей святой Руси?

– Э-э-э, коли бы знать, что заставляет людей искать то, чего сами они не потеряли? Уж точно, что ищем мы не лучшей жизни. А вот не можем сидеть на одном месте и все тут. Видно Бог руководит нами. Знаю только то, что в этом хождении по земле нашей русской вижу смысл жизни своей. А как иначе? В беседах с народом разным можно найти праведный путь ко Христу, выйти на ту дорожку, которая приведет к небесной, истинной, чтобы увидеть слаженный Божий мир глазами Иисуса и этим самым испытать благодать Божию. Им-то, этим путем я и интересуюсь. А как все началось? Был у меня под Тверью приход, где я пребывал церковным старостой. Все было хорошо. Я народ любил, и меня такоже, уважали. Но неожиданно на село мор напал, и не было от него спасения. Всю семью я потерял в тот злополучный год. Не ведаю, как сам-то жив остался. Счастье мое закатилось. Ведь один из всей семьи выжил-то. Недолго я куковал в своем родном поредевшем селе, а потом, будто кто подстегнул меня. Так захотел уйти с

этого места, куда глаза глядят, что уж и свет мне стал не мил. По такому случаю распрощался я с приходом и пошел странствовать по земле нашей святой, да не токмо по своей, а во многих странах побывал. Но скажу, что лучше нашей сторонке российской нигде места нет.

– И давно это было?

– Да уж третий десяток хаживаю. Последний-то год навевывался я домой. Прожил я там зиму. Невмоготу стало. Пошел к владыке тверскому Геннадию с повинной головой. Понял он состояние души моей, да и благословил в путь. А здесь подвернулся мне крестьянин Никитка. Знал я его, как доброго прихожанина моей церкви. Бедный мужичок, да еще слаб на глаза, а семья-то у него большая. Еле еле концы с концами сводит. Слава Богу, morto тот лихой его не тронул. А я и спроси его, не даст ли он мне сына своего хотя бы на год, другой. Я, мол, грамоте его обучу, татарскому языку, благо он мне хорошо поддался, а то, что он будет сыт, так в этом ты не сомневайся, говорю я ему. В странствии со мной мир постигнет, ума и житейского опыта наберется. Когда-то все это пригодится. Да и мне будет с кем думы свои делить да время коротать в дороге. Никитка-то мужик себе на уме. Понимал он, что без денег сына не обучить всему, вырастет недорослем, жить ему будет сложно, а здесь вдруг такое предложение, почитай, с неба свалилось. Посоветовался он с женой, да и отпустил Афоньку со мною. Вот и скитаюсь теперь вместе с малым. И мне хорошо, да и ему польза великая. Не в обиде я на него. Толковый хлопец.

Мужики у омута речки ловко забросили невод. Не прошло и двух часов, как рыба разная, в основном окушки, плотвичка да лещи, затрепетала да и заполнила три ведра.

– Истинно вы живо справились с ловлей рыбы, – похвалил рыбаков старец.

– А как же? Чай не впервой. Места здешние знаем. Да, к тому же, мы здесь с утра рыбку прикормили, вот она и крутится в омуте, нас ожидаючи. А куда вы сейчас правите путь?

– Порешил я идти в Нижний Новгород. Купцы там знатные. Много чего видели. Небось, расскажут о том, о чем я не слыхивал. Глядишь – и остепенюсь.

– Что ж, и это дело. Собирайтесь, сейчас тронемся в сторожку.

Дошли до края векового смешанного леса. Чуть в глубине его стоял ветхий домик. Видно не один десяток лет он служил людям. Афонька шел за старцем, озираясь по сторонам.

– Ты кого все высматриваешь? – опросил его Зосим.

– Я заметил, что ты, отец святой, не помолился, зайдя в лес.

– Моя молитва всегда при мне. Я помолился, не произнося слов.

– Это хорошо. А то от лешего все можно ожидать. Не любит он, когда в его владения заходят без спроса. Может или защекотать, или еще какую мерзость свершить.

– А что ты еще знаешь?

– Леший не любит шума в лесу, криков. За это он может выгнать человека из леса, а то еще и погубить.

– А крест на что? Я же говорил тебе об этом. Кто же это так напугал тебя, что ты везде ждешь от нечисти какой-то страсти?

– Ребята наши со двора. Они чуток старше меня будут. Сами они его не видели, но им другие рассказывали. Верить им можно.

– Не бойся. Когда ты со мною, с тобой ничего не случится.

– А ежели без тебя?

– Без меня тебя защитит сам Творец. Только надобно верить в это.

Подошли к дому. Входная дверь его была просто подперта суковатой палкой, без какого либо замка. Хатка оказалась просторной, двухоконной, добротной срубленной из бревен. В переднем ее углу висела иконка Божией Матери с потушенной лампадой. В середине комнаты, как славная гостеприимная хозяйка, красовалась добротная русская печь. Здесь же стоял больших размеров массивный стол, выполненный из толстых плах. К нему были приставлены скамейки. По стенам разместились широкие лавки для сна. В углу находился посудник с необходимой для забредшего сюда случайного странника разной хозяйственной утвари. В нем были деревянные ковши всякие, миски, чаши, узорчатые братины, ложки, черпаки, блюда. Видно, с большой любовью делал их мастер, коли каждый посетитель этой сторожки радовался, глядя на них. Была и кое-какая керамическая посуда. Похоже, что добрые жители соседней деревни для горемык, что скитаются по Белу Свету, соорудили

это пристанище, да все скопом собрали нужную для этого Божьего дела посуду.

Святой отец, войдя в комнату, глядя на икону, размахисто перекрестился. За ним окрестились и рыбаки. Отец Зосим подошел к иконе, по-хозяйски подлил в лампаду масло, стоявшее на полочке во флаконе рядом с иконой, и зажег фитиль. Другие гости занялись растопкой печи. Надо же сварить уху. Здесь уж без печи не обойтись. К тому же, когда она гудит от хорошей огненной тяги, так в комнате тотчас наступает домашний уют.

Как по волшебству, в печи запылал веселый огонь. Вскоре по хатке распространился запах вареной рыбы с приправами. Комната преобразилась и стала казаться обжитой.

Застучали ложки о миски, наполненные дымящей ухой. Бережно нарезанный каравай хлеба лежал на широкой чаше и манил своей румяной запеченной корочкой. Вся братия с удовольствием уминала скоро приготовленный ужин.

– Лес ваш уж больно хмурым оказался, страшным. То и гляди, что кто-то из-за куста появится. Я пока шел с вами – все от страха трясся. А велик ли он? – нарушил молчание своим наивным вопросом Афоня.

– Хмур он был оттого, что мы вошли в него уж поздно вечером. В нем опасностей видимо-невидимо. Так что ты не зря пугался, идя по нему.

Второй рыбак решил на всякий случай к сказанному добавить страху мальцу, чтобы он ненароком не вздумал из любопытства выйти в лес без взрослых.

– Да, прав мой друг. И живут в нем звери лютые, свирепые, хищные. От таких чудищ не скроешься и ничем не защитишься, так что ты без нас особо, без нужды, не выходи из избы. Дикие звери любят нападать на малышей. А лес здесь очень большой. Ему нет ни начала, ни конца.

– Вы шутите, начало леса мы уже видели, значит, есть и конец.

– Вот ты, какой сметливый. Верно говоришь – есть конец у леса, но далековато, а вот за ним – реки, озера, поляны, опять лес и так по всей Руси великой. Красоты здесь неписанные, тропы не хоженые. За всю жизнь даже малую часть этих мест не обойти.

– А вот мы со святым отцом Зосимом, как

решили, так и обойдем их все. До самого синего моря дойдем, на кораблях поплаваем.

– Ты уж не преувеличивай, Афоня. Недолго осталось мне жизнь коротать. Все тебе показать не успею, – с горькой улыбкой произнес святой отец.

– А ты Боженьку попроси. Он добрый, поможет тебе обязательно.

– Вы Волгу-то могучую видели, отец святой?

– Я ее родную видывал от самого ключа, откуда она начинается свой путь. Расположен он в глухих лесах не более двух верст от села Оковцы нашей же губернии. В этом месте и ребенок по жердочке может ее перебежать. Там еще часовенка стоит. Далее Волга впадает в озеро Стерж и течет по всему Валдаю. Так и силу набирает, по пути вбирая в себя все озера. Добредал я до Ильмень озера, спускался вниз по Днепру. А вот в края ближе к Казани и ниже по реке, не уподобил Бог мне побывать. Представляю ее, матушку необъятную, да могучую. Ведь в Волгу, красавицу, столь рек малых и больших впадает, что и не сосчитать. Думаю их будет сотни две, а мобыть и того более. Как же ей малой-то оставаться? По ней купцы плавают на стругах парусных до самого Каспия, а потом и по нему – до Дербента, а то и далее. Они все море и вширь, и вдоль, проплывают. В этот раз, как сказывал ранее, решил я присоединиться к купцам, кои поплывут вниз по реке. Мечтаю пройти этот путь до отхода к Господу Богу, но не все получается так, как хочется. Не ведаю, выпадет ли мне счастье такое?! Человек предполагает, а Бог – располагает. Так-то вот оно.

Афоня слушал старца с явным восторгом. В его воображении появлялись струги со смелыми купцами, и все они манили мальчика к себе на посудину, обещая показать заморские страны.

– Не тужи, святой отец. Мы еще успеем так же побывать на Волге, как те купцы, что за море плавают. Ты же сам меня учил, что стоит только захотеть, так обязательно все исполнится.

– Нет, Афоня, для этих дел нужны деньги, да и немалые. А их-то у нас и нет.

– А они откуда их берут, купцы-то эти?

– Они торговцы. Здесь товар взял подешевле, а там продал подороже, вот и деньги

тебе.

– Так и мы станем купцами.

– Все может быть. Жизнь покажет, – молвил старец, гася улыбку.

С этого момента запало в душу малыша желание повидать мир, побывать в тех краях, где еще не ступала нога русского человека, открыть для себя новые страны, познакомиться с другими народами, познать их быт, радоваться их радостью и оказывать им помощь, если они в ней будут нуждаться. Велик мир, но и жизнь длинна, – думал малыш, – везде побываем.

Долго не спалось Афоне, долго еще он витал в своих грезах, пока сон не сморил его окончательно. Утром малыш проснулся от переполоха.

– Смотри, Федор, медведь пришел к нам в гости, – говорил шепотом рыбак, указывая рукой на окно.

Все жильцы сторожки соскочили со своих мест и уткнулись в окна, кто с испугу, а кто из чистого любопытства. Все же хозяин леса пришел, ну как не посмотреть на него? Встал с лавки и отец Зосим. Он окрестился, прочел молитву, пожелал всем доброе утро и неторопливо подошел к окну.

– Славный мишка, – молвил он.

– Точно, матерый, – подтвердил Федор. – Что ему надобно здесь?

– Рыбу учуял, – произнес первый рыбак.

– Ты куда ее положил?

– Да снаружи, у двери.

– Что, побоялся, как бы в комнате она не задохнулась? Надо было переложить ее мхом, да оставить в доме. А теперь-то что? Плакала наша рыба, мужики, – сокрушенно молвил Федор.

– Бог нас чем-то другим наградит за то, что медведя накормили, – оправдывал свою оплошность первый рыбак.

– Переживем, еще наловим, – высказал свое мнение третий. – Надо и Божьей зверюге как-то питаться. Не все же голодному ему ходить. Считай, что мы подкормили его, мишку косолапого. В реке рыбы на всех хватит. Только бы дверь не стал ломать.

– Таковую добротную дверь сломать медведю будет не под силу.

– Жаль, что рогадины нет. Медвежья шуба пропадает.

– Неужто вышел бы на хозяина леса, коли была бы она у тебя?

– Что об этом говорить. Теперь пусть живет. Не полезет он в дом. Так что, он нам не страшен.

– Почему ты так решил?

– Ему с лихвой хватит рыбы, чтобы насытить себя этой свежатиной. Вот сейчас перемелет наш подарочек зубами, да и уйдет в лес спать.

Загремело ведро, видно, перевернутое медведем.

– Вот косолапый, очень уж меткое получил прозвище от людей.

Отец Зосим вместе с Афонькой позавтракали с рыбаками и покинули это доброе место, поблагодарив чутких случайных знакомых за приют. И вновь впереди их запетляла бесконечная дорога.

Весна

Отрывок из повести «Дым Отечества»

Не успел сойти снег с ложбин, да и солнце только слегка прикоснулось к земле, еще щука хвостом лед не разбила, а беспокойные грачи уже прилетели. Подчиняясь вековому инстинкту, ведóмые силою свыше они безошибочно находили свои привычные насиженные места на высоких деревьях, облюбованные десятилетиями назад их старшими поколениями, где появились сами на белый свет в родительских гнездах. Они стайками и парами кружили в осиновом га́е, перелетали то к одному гнезду то к другому, еще и еще раз проверяя правильность своего выбора. Повсюду был слышен птичий спор, возникали ссоры, но после долгих привередливых поисков они все-таки находили гнездо и по-хозяйски начинали обновлять его, вдыхая жизнь в собственное жилище.

Грач – птица особенная, на крыльях приносит весну-красну долгожданную, и своим появлением подсказывает народу христианскому, что пришла пора к весенним работам готовиться, недаром говорится: «Увидел грача – весну встречай».

По небу проносились тяжелые серые тучи и поспешно сбрасывали свой груз на поля, окрестности, наполняя их влагой. С их помо-

щью село смывало с себя зимнюю пелену и умытое, обновленное сияло в лучах все чаще и чаще появляющегося весеннего солнца, радуя жителей своим преобразенным видом. Взбухала речка, берега для нее становились тесными. Заливные луга увеличивали ее зеркало и делались непроходимыми. Утром от избытка влаги опускался на жилища густой туман и окутывал их неосязаемым покрывалом. Не было видимости на расстоянии вытянутой руки. В этот момент жизнь в селе замирала. К обеду все прояснялось. Солнечные лучи, хоть и были сиротскими, но уже повсюду источали тепло.

Старики вылезали из своих изб, поднимались на пригорки, шурились, глядя в небо, пристально наблюдали за полетом птичьих стай, за проснувшимися от зимней спячки, попадавшими на глаза мелкими грызунами, созерцали все живое и с признательностью осознавали, что вновь, благодаря Господу, дождались они в своей многотрудной жизни еще одну очередную весну. Теперь только и жить, наслаждаясь неповторимой красотой земной.

Кончилось, выходит, время праздности. Хоть и намаялись за зимушку люди в борьбе с морозом крепким, с ветром холодным, с пургой да снегом, а все же силы сохранили. Соскучились все по теплому солнышку, по гомону птичьему, по зелени на деревьях, по хлебам густым на полях. Каждый мужик истомился по настоящей работе. Во дворах появился знакомый стук и лязг железа – это селяне оснащение готовили к пахоте. Все торопились встретить весну во всеоружии, понимая, что «весенний день год кормит». Земля родная стала и во сне снится.

Постепенно унялись холодные ветры. Начало пригревать солнце. Деревья принарядились зеленью. В рощах соловьи услаждали слух. Высоко в синем небе вторили им жаворонки. Лесные поляны радовали обилием и разнообразием цветов. Все дальше удалялись из памяти нелегкие зимние дни. С приходом тепла молодежь свободное время стала проводить на улицах и гулять влюбленными парами. Перестали пустовать завалинки у домов. Зазвучала музыка, раздавались песни, шутки, задорный смех. Вернулось в село забытое веселье.

Приближалось время посева яровых .

ИРИНА КУЛЕШОВА

Машина любовь

*Сексуальная жизнь была
дана человеку, дабы сбить
его с пути истинного.
Это его опиум. Она его усыпляет.*
Альбер Камю

Маленькая, изящная, знающая себе цену, Маша переходила улицу. У неё было всё: муж, работа, какой-никакой достаток, весёлое времяпрепровождение.

Выйти замуж, когда ей было далеко за 50, поначалу казалось счастьем. Муж — красивый, податливый, неглупый, да и помоложе на несколько лет.

Кажется, и дом построила, и дерево посадила. Но, что-то всё время мешало её внутреннему спокойствию, что-то все время волновало.

Люди ей завидовали, особенно, завидовали женщины. Вроде не сильная красавица, а как себя подаёт — цену знает. Другие, имея внешность и ум, не могли быть такими независимыми и счастливыми, как им казалось. А Маша твёрдо шагала по земле, зная, что ей делать дальше. Другие — молча топтались на месте или ползли еле-еле, куда ветер подует. Влюблялись не в тех, разочаровывались. В общем, были одиноки и несчастливы, чего совсем нельзя было сказать о Марии.

Профессия её была творческой... Маша работала с туристами, отдавая им все свои познания, но не душу. Душою она не раскидывалась. Она ещё писала стихи: хорошие, разные. Но, опять же, души там было немного.

А правильно, думали многие.

Нет, спорили другие.

Душа должна превалировать.

Но кто же знает, что правильно?

Маша, как им казалось, была совершенством удачной жизни.

День был солнечный. И наша героиня спешила к своим туристам. Деньги небольшие, но стабильные. Устраивало всё, кроме... Всё чаще и чаще у Маши в голове возникал образ друга, именно друга, с которым у неё недавно

испортились отношения. Дружили они давно. Андрей любил Машу, но по-дружески. А тут что-то повздорили и не общались. Андрей иногда был невыносим.

А может, это любовь?

В голове у Маши мелькали такие дурацкие мысли.

Нет! Любовь была к мужу, а это наваждение! Андрей всё больше и больше заполнял мысли в Машиной голове.

И вот, по дороге на работу, они буквально наткнулись друг на друга.

— Привет, я выбежал за сигаретами. У меня за углом машина. Давай подвезу?

Маша с радостью согласилась: вроде, отношения налаживаются, а страсть накалялась. Случайно, взяв Андрея за руку, Маша поняла, что она хочет быть с ним.

Они поехали. Машу потряхивало. Она не хотела изменять мужу, да и за себя было стыдно. Но это было выше её разума.

Откуда ни возьмись, сбоку, выехал грузовик. Машина Андрея и грузовик столкнулись. Произошла страшная авария. Маша почувствовала сильную боль и потеряла сознание.

Очнулась Маша в красивом доме, где всё благоухало. Рядом были незнакомые люди.

«Наверное, я умерла», — мелькнула мысль в Машиной голове.

Рядом стоял Андрей.

— Маша, привет. Очнулась? Ты на моей планете. Когда я понял, что нам грозит опасность, я забрал тебя с собой.

— Ты кто? — изумилась она.

— Маша, я не мог сказать тебе на Земле, что меня прислали с моей планеты, чтобы изучать жизни и эмоции людей. Меня наделили энергией, из-за которой все женщины, которых я встречаю, влюбляются в меня. Я и сам не был рад этому. Но это было моё задание на Земле. Чувства и эмоции моих знакомых женщин, пересылались на мою планету — там их изучали. Это всё для науки. На нашей планете тоже не могут изобрести лекарства для управления эмоциями — ведь тогда люди не так бы страдали и могли большего достигнуть.

— Да? — изумилась Маша. — Попала! А домой ты меня отправишь?

Страшно не было. Но было всё очень непонятно.

— Конечно, скоро поедем, только сначала несколько процедур, — попросил Андрей. — Наши ученые хотят над тобой поэкспериментировать, если ты, конечно, не возражаешь. Ты снова будешь любить мужа, а я опять буду твоим другом, и мысли о страсти ко мне исчезнут. У нас уже успели подключиться к тебе и всё знают. Прости меня, Маша, я ведь не хотел. Ещё ты забудешь, что была здесь со мной на этой планете. Но меня заставляют иметь с тобой близость. Потом ты забудешь. Это для эксперимента.

Маша обомлела. Она хотела Андрея всё больше и больше. Всё внутри трепетало, и ей казалось, что это была не её воля.

«Не хочу я этой любви, не хочу Андрея!» — говорил мозг.

Но сердце думало иначе.

Противиться Маша не могла. Ноги подкашивались от желания. Андрей прикоснулся к ней, и Маша сдалась, хотя это не представляло никаких трудностей, ведь она давно мечтала о нём.

Ласки Андрея были неземные. Он обладал ею неистово и нежно. Маша таяла, умирала, наслаждалась.

«Неужели я это забуду? Нет, такое нельзя забывать».

Она не понимала, что была на планете, где наука зашла далеко вперед, и там, на этой планете, уже почти научились управлять чувствами и эмоциями людей.

Маша была счастлива. Андрей был тот, как ей казалось, кто был ей нужен всю жизнь.

Но... Это было заблуждение. Это была только эмоция. А на этой планете люди хотели научиться использовать это чувство правильно.

Теперь всё будет иначе, а нужно ли...

Маша очнулась. Она была у себя дома, в своей квартире и лежала на своей кровати.

Она потёрла у виска, голова побаливала. «Где я была? Не помню. Что-то приснилось». Раздался телефонный звонок.

— Привет, как ты? Что-то давно не виделись? Прости, что когда-то и где-то тебе нагрубил. Ты моя подруга, и я дорожу нашей дружбой.

Звонил Андрей.

— Да, да, — ответила Маша.

Мысли путались и были не на месте.

Он образумился, теперь они снова будут друзьями.

Мысль о близости, которая была на другой планете с Андреем, исчезла.

Но вдруг на своей груди она увидела яркие следы, которые бывают от страстных поцелуев.

«Откуда это? Ведь я спала!» — удивилась Маша.

Память не возвращалась.

Избранный

Песенка залётного инопланетянина:

*«Я никогда не буду счастлив на
Земле...»*

Михаил Смотрицкий

Его прислали на нашу Землю с Высших миров, то есть с другой планеты. Он сам иногда забывал об этом, и не понимал, кто он. Но все по порядку.

В детстве ему дали необычное имя — Артур. Арик — называли его друзья и близкие. Задание у него было необычное. Он должен был изучать души женщин, девушек, их чувства, отношение к семье, браку. Когда Арик это понял, он даже обрадовался, ведь у него может быть много женщин — он же избранный!

Внешние данные у него были хорошие — симпатичный голубоглазый блондин среднего роста. Женщины таких любят. Для эксперимента его послали в большой город к одной девушке. Звали её Алиса. Она была образованна, красива и умна. Они стали жить вместе. Арику всё нравилось. Но Алиса начала странно себя вести — она перестала куда-то ходить, стала сидеть дома и много работать.

А наш герой процветал. Все эмоции Алисы передавались через него в его Галактику.

Оказывается, как ему сказали наверху, он забирал её энергию. Страшно стало нашему герою. Ведь он уже полюбил Алису и не знал, что она для него была физическим и энергетическим донором.

Потом Алиса завела себе нового друга. Но Арик был всегда рядом. Алиса не могла с ним расстаться. Они жили вместе, только иногда Арик куда-то исчезал, то есть посе-

щал свою планету, куда переправлял эмоциональные данные о своей подопечной. Обладая уникальным даром влюблять в себя женщин, Арик не очень-то хотел пользоваться этим. По-человечески ему было жаль людей. Но если кто-то из женщин обращал на него внимание, то он, конечно же, им не отказывал. Эдакий «Казанова». Ещё ему наверху сказали, что если он хочет надолго привязать к себе женщину, то рядом с ним должна быть Алиса. Арик не всё понял, но прислушался.

Шли годы. С Алисой они давно стали друзьями. Когда он первый раз привёл к Алисе женщину, с её разрешения, то та влюбилась в него так, что была готова бросить всё - мужа, детей, семью, достаток и быть только с Ариком. Его чары не действовали, когда его избранницы долгое время не посещали дом Алисы.

Связь действовала даже через компьютер. Если Арик общался со своими влюблёнными подругами через интернет из Алисиной квартиры, то страсть возвращалась.

Та женщина Артура, которая была готова бросить семью, оказалась прозорливой, умной и что-то поняла. Ведь недаром у неё в роду были цыгане.

Ей удалось расстаться с Ариком. Она вздохнула спокойно. И теперь никто не живёт в её сознании.

Через интернет по компьютеру нашему герою удалось влюбить в себя ещё одну девушку. Она приехала в его город, и Артур повёл её к Алисе. До сих пор эта любовь продолжается. Компьютерное общение и редкие встречи в Алисиной квартире не дают угаснуть её чувству и страсти.

Я люблю тебя! — но это волшебство. Любовь — это наваждение, особенно, когда твои чувства изучают на другой планете.

А Алиса тем временем сильно заболела. Она уже совсем не выходила из дома. Тем временем, Арик развлекался один, с друзьями и женщинами. Он был довольно-таки постоянен. Но опять же, если какая-нибудь женщина в него влюбится, то он не будет её отталкивать. Пусть даже ещё кто-то есть.

Своим друзьям и близким он говорил, что ухаживает за Алисой, в их отношениях со стороны было что-то странное. Зачем он Алисе? Где бы он ни гулял, она часто звонила и звала его домой, а он жил, как ему хотелось. Ведь

ему было позволено, он же избранный.

С Ариком было интересно. Он был хорошим другом и собеседником. Общался с поэтами, писателями, художниками, посещал их тусовки. И что самое удивительное, он никогда не пьянел. Другие падали, валялись, спивались, а ему хоть бы что... Ещё он никогда не бросал пьяного человека: всегда поможет, довезёт до дома, уложит в постель.

Его любили. Но Алиса стала чахнуть. Она была совсем молодой женщиной, когда врачи поставили ей страшный диагноз. Дни её были сочтены.

Страшно... Жалко.

Арик знал: его вина, но что он мог сделать? Он сам себе не принадлежал. Он нервничал, раздражался, кидался на родных и близких. Он страдал. Алисы не стало.

Арик стал непохож сам на себя. Квартиру почему-то Алиса завещала своей подруге.

Что будет с нашим Артуром?

Наверное, ему дадут новое задание, которое не будет связано с такими болезненными эмоциями. Ведь Арик был в образе человека!

По крайней мере, он умоляет об этом своё начальство наверху.

Лично я наблюдала за нашим героем. Мне было позволено всё о нём знать.

Проходит время, а я до сих пор дружу с ним. Я же тоже получаю энергию сверху.

А нашу Алису забрали на ту планету, откуда был Артур. Она счастлива. Она выполнила свою мученическую миссию на этой земле. У неё там много друзей и любви. Она не страдает и совсем не помнит об Артуре.

А вы, друзья, не встречались с такими явлениями?

Зачем мы иногда идём на зов душевной боли и мучений?

Показалось

Ей показалось, что она встретила нового друга, с которым можно ходить по «тусовкам», пить виски и иметь хорошее расположение духа. Ей даже предвиделось, что она знает его уже много, много лет. Он был милым, симпатичным, голубоглазым мальчиком. Ей всегда такие нравились. Но случилось то, чего она сама не желала. Дорога сложилась в сторону её дома. Они посмаковали хороший виски и расслабились. Он был вежлив и услужлив.

Все это ей импонировало. Она хотела вечером проводить его домой. Но уж больно одной не хотелось оставаться. Выпив снотворное, она подумала — глупо подумала, что уснёт.

Он заверил, что всё будет «тип-топ», они ведь друзья.

В её подсознании так и было. Но так не бывает. Природа взяла своё. Он всё-таки «расстрогал» её самые женские ноты, хотя она почти спала.

Всю ночь после этого она не спала. Не спала она и в последующие ночи.

А в сущности, это была самка богомола, но в человеческом облиии.

Природа иногда использует такие ходы. То кабанов в мужчин-производителей превратит, то куриц — в несчастных пьющих мужичков. На самом деле это не люди. Хотя в природе всё едино. Птицы и животные, насекомые, люди — кто как это видит и ощущает.

Мы все знаем, что после любовного соития самка богомола должна съесть своего мужчину — хоть человека, хоть богомола. А ей ох, как не хотелось!

Она же уже видела его близком другом. Наша героиня решила обмануть природу и судьбу. «Давай начнём все сначала. Будто ты меня не знаешь». Он согласился. Но, когда они встретились, ничего не получилось — он что-то заподозрил, да и наша самочка не могла себя вести, как в первую встречу. Он убежал от неё, подсознательно испугавшись быть съеденным. Он перестал с ней общаться, а она переживала: ни друга, ни пищи.

Как бы его найти и съесть?

Богомолиха в человеческом обличе металась по городу и искала свою жертву. Жертва пряталась. У него открылся нюх.

Что делать?

Покоя не было ни у кого. Но к счастью все произошло накануне Рождества. Нашей Богомолихе надоело быть прожорливой и одинокой. Хотя друзей у неё было немало, ведь секса у неё с ними не было, и она их не ела.

Наша героиня взмолилась Всевышнему: «Оставь меня женщиной или хотя бы мужчиной, но не богомолихой! Я хочу близкого, любимого, доброго человека и не хочу его съесть!»

Господь услышал её. И вот уже несколько лет наша Богомолиха, нынче прекрасная дама, счастлива. Она вышла замуж за этого голубо-

глазого мальчика, но ничего не рассказывает ему о своей прежней жизни. А зачем?

Главное, что они любят друг друга, и они счастливы.

А вы встречали таких богомолих?

Может, их и не мало среди нас. Но мы не знаем этого, а они страдают.

Так давайте в эти праздничные Рождественские дни будем молить Всевышнего, что бы Он превратил их, как и нашу героиню, в нормальных женщин! И тогда в мире будет больше счастливых пар и любви!

С праздником, дорогие друзья!

С Рождеством!

Прошло время.

Наша богомолиха в женском облиии, теперь не поедатель мужчин, а прекрасная дама. И жизнь у неё вроде бы сложилась удачно, но...

Не все так просто. Не научили нашу богомолиху семейной жизни — не с кого было брать пример. А воспитывалась она на романах, которые обычно заканчивались свадьбой. А дальше-то что? Ну, пожила она, некоторое время в страстной любви и... остыла. Стала раздражать её семейная жизнь — носки грязные, готовка еды. Ведь наша героиня была свободной и не за кем не хотела ухаживать. Но почему любовь прошла? Она не знала, что любовь временна. Этому надо учить, воспитывать, защищать диссертации. Да, брак — испытание, которое дано преодолеть далеко не всем. Что делать? Разлюбила наша героиня своего избранника. Новых чувств ей захотелось. Ведь теперь, когда она перестала поедать своих мужчин, она может быть счастлива с любимым. Ведь она стала обыкновенной женщиной.

И вот встретила она прекрасного юношу — беспутного, но очень талантливого. Он был солистом популярной рок-группы. Сам писал тексты и музыку для песен. Он был красив, носки не развешивал в её квартире. Ещё у него была шикарная машина и огромный талант. Но что делать с мужем? Может съесть, по старой привычке? Нет, этого сделать она уже не могла. Выгнать? Как-то рука не поднимается.

И вот, наша героиня придумала интересный ход. Она полетела в святой град Иерусалим и молила там Всевышнего о разрешении

этой проблемы. Ведь один раз он ей уже помог, превратив из богомолихи в обыкновенную женщину. А время опять подходило к Великому Рождеству. И опять Всевышний внял её молитвам. По возвращении, она снова влюбилась в мужа. Он стал более ласков и внимателен. Купил новую машину. А её новая пассия только и делал, что в семью торопился. Ведь он был несвободен. И песни его перестали её так завораживать. Встречи стали редки да ещё и безрадостны.

И наша героиня постепенно разочаровалась в своём новом «крутом» мальчишке. Что-то он перестал её удивлять и очаровывать. Она опять любила того, кто ей был дан свыше — своего мужа. Наша превращённая богомолиха поверила в чудо и стала снова счастливой. Ведь «от добра добра не ищут».

А у кого-нибудь случалось такое? В этой непростой жизни нужно на все смотреть с разных ракурсов и стараться направлять свои эмоции в нужную сторону. И тогда все будет сказочно! Влюбляйтесь! Но не разочаровывайтесь! Долг, привязанность и любовь ходят, взявшись за руки. Любите друг друга! Будьте здоровы и счастливы!

Зарисовки нашей непростой жизни

Опять проспала.

Проспала молодость, любовь, семью.

Осталась пустота.

Она хотела поехать развеяться в Париж, но теперь это стало не по деньгам. Евро катастрофически вырос.

На волне её памяти ещё остались весёлые компании, кафетерий «Сайгон», где собиралась продвинутая молодёжь 20-го столетия — и радость, но радость оттуда, из той весёлой, молодой жизни. Теперь надо делать что-то другое. Главное — это быть рядом с больничной кассой. А какая медицина здесь, в России? «Никогда не вешать носа, быть успешной, самодостаточной», — внушала она себе. Раньше, она работала со знаменитыми артистами — была администратором концертной организации. Теперь состарилась — пришла перестройка, и она много что потеряла. Осталась память, да и то урывками. Годы брали своё.

У неё была дочь. Но у той была своя жизнь — мать её не интересовала.

Фактически она осталась одна.

В этот день, у неё также было противное состояние. За окном шёл проливной дождь, что прибавляло ей дополнительную тоску. Евро вырос до ста рублей. Люди были в панике. Что творит правительство? Опять «опускают» Россию. Границы, хоть и открыты, но кто туда поедет?

Любовь куда-то спряталась. Она ничего не понимала. Как жить в этом хаосе без денег и без веры? Что будет дальше? Она приняла успокоительное — немного отпустило. Стало чуть-чуть спокойнее, но всё равно чувство беспокойства не оставляло её.

Неожиданно зазвонил телефон. Незнакомый мужской голос сказал, что им необходимо встретиться. Кто он и что хочет обещал объяснить при встрече, которую, назначил в ресторане «Метрополь».

Не скрывая своего удивления, она поинтересовалась, как его узнает?

— Я сам вас найду, я помню, как ты выглядишь, — сказал он, всё больше её поражая.

В назначенное время она появилась в ресторане.

Ресторан был почти пуст. Несколько столиков было занято лицами кавказской национальности.

«Неужели он из них?» — подумала она.

Но, не успев себе ответить, она услышала мягкий, приятный голос: «Татьяна, это ты?» Перед ней стоял шикарный мужчина средних лет.

— Кто вы? — удивилась она.

— Ты меня не узнаёшь?

— Нет, не помню, — недоумевала Татьяна.

И вдруг, совсем неожиданно, ей вспомнилась случайная встреча на Кипре, куда она ездила отдыхать с директорами туристических фирм. Прошло уже два года. В то время она подарила ему свою книгу. Татьяна писала стихи. Там был и её телефон.

— Я о тебе думал и, находясь в Питере я решил тебя увидеть. Алексей, если ты не была.

— Зачем я тебе нужна? — удивилась Таня. — Ведь мы только разговаривали, и то недолго.

— Твои стихи мне очень понравились. Я читал взахлёб и стал часто думать о тебе. Ты удивительная, и у тебя хорошие стихи.

До этого Тани никто никогда не говорил таких слов. Она была просто ошарашена — ведь ей было не двадцать и даже не сорок лет.

Это было концом мирных дней в России. Они поужинали. Таня прочла Алексею новые стихи и рассказы.

Вдруг объявили чрезвычайное положение.

У Тани совершенно случайно с собой был заграничный паспорт. У Алексея тоже. «Поехали в аэропорт», — как бы приказал Алексей.

— А как же вещи, дом, дела?

— Это уже не имеет никакого значения. Мы в опасности.

Таня испугалась за дочку. Но думать было некогда. На улице были жуткие пробки. Была всеобщая паника.

Нырнув в метро, они доехали до аэропорта. Самолёты, к счастью, ещё летали. Ближайший рейс был на Франкфурт, в Германию. Визы у них были.

С этим бы мужчиной, да в другое время. Что творится? Ещё никто ничего не понимал. Купив, почти последние билеты, Алексей и Таня оказались на борту самолёта. Спустя три часа они приземлились в Германии. Там было всё тихо. Немцы чувствовали себя прекрасно. Их уже встречали друзья Алексея и повезли к себе. К счастью, все говорили на русском. Таня знала немецкий язык ещё с института и очень хорошо понимала местных жителей.

Денег у Тани не было. На банковской карточке оставалось двести евро и всё. Что делать? Ничего не зная, что творится в Питере, Таня решила плыть по течению.

Отношения с Алексеем были приятельские, он уважал Татьяну — ценил, как писательницу. А у Тани, опять-таки случайно, в Бадемсе (маленький город в Германии), жила последняя любовь. Деньги на телефоне оставались, и Таня сделала ему звонок.

— Приезжай! — Радостно сказал Игорь, так звали Танину любовь.

Но Игорь был беден, а рядом — Алексей — с уважением и деньгами, но без её любви. А Таня очень любила любовь и Игоря.

Поехали в Бад-Хомбург в Швинбад (открытый бассейн) купаться в термальных водах и снять напряжение.

«Опять попала в какую-то историю. Как выбраться и куда?» — размышляла Таня.

Страхнув с себя проблемы и усталость, побывав в саунах, Таня временно успокоилась.

Какая-то сказка. Но какой будет конец? Ещё вчера в другой стране она смотрела в окно и видела серое небо со снегом и дождём, а здесь солнечно и радостно.

Но на самом деле было всё не так просто. Полиция проверяла у иностранцев документы и приглашала в определённое место для решения каких-то проблем. Стало страшно.

«Затеряюсь-ка я в Бадемсе у старых друзей, а то вдруг опять погромы евреев начнутся. Ведь Владимир Познер в своей передаче про Германию предупреждал».

Но это были лишь фобии. Немцы просто хотели, как оказалось, помочь беженцам — а таких было немало — и оказать им материальную помощь.

Но тогда ещё Таня об этом не знала.

Жизнь продолжалась.

Будущее было неизвестным и очень рассеянным. Мысли путались и сбивались.

Что делать? Куда бежать?

Попрощавшись с Алексеем и взяв его координаты, Таня поехала к своему любимому. Дорогу она знала. Ведь она несколько лет периодически жила в Германии. Всё складывалось как-то непонятно. Судьба или что-то ещё? Игорь встретил её с большой радостью. Сказал, что очень соскучился. Ведь они не виделись почти два года.

Зайдя в магазин, они купили виски, форель и стали праздновать встречу.

«Пир во время чумы», — думала Таня.

Интернет и телефоны в России были отключены.

Кто-то отключил Россию от всего мира.

Тане стало жутковато.

Как друзья, дочь, приятели?

По телевизору тоже ничего про Россию не говорили. Русские каналы не работали.

Таня выпила и расслабилась. Дышать и думать стало легче. На душе было тепло и уютно.

Игорь её поцеловал. Он целовал её нежно и трогательно, без намёка на грубость. Раньше он местами был грубоват. Как Таня от этого устала! А теперь вместе с тревогой вернулось чувство любви и привязанности.

Продолжение следует.

НАТАЛЬЯ ВЕСЕЛОВА

Милая Мила

Ночь долгая. Под одеялом у Бабушки густое и душное тепло. Они с Милой всегда спят на одном широком диване – так уж повелось с самого начала, с того дня, что Бабушка взяла Милу жить к себе. Того дня? Она едва ли понимает, что такое – тот день... Ну, просто день – что-то почти знакомое: это когда за окном становится светло-светло, и Бабушка – грузная, как узел с бельем, в одной длинной-предлинной рубашке, с растрепанной светлой косичкой через плечо, выбирается из уютной постели, пошире раздвигает тяжелые шторы и задумчиво говорит: «Ну, вот и еще один день пришел». Тогда Мила тоже выпрыгивает из постели, бросается к окну, тревожно смотрит в их скудный дворик, никого там не видит и начинает изо всех сил толкать Бабушку головой, вопросительно заглядывая ей в глаза:

- М-м? М-м? - громко стонет она.

Это Мила хочет спросить: «Кто? Кто пришел?» - но говорить ей так и не удалось научиться, сколько она ни старалась. Со временем она, правда, поняла, что «День пришел» - означает, что за окном стало светло, и он, этот День будет здесь до тех пор, пока не стемнеет – и тогда придет Ночь. И станет хлопать от сквозняка вечно открытая форточка, а в тревожных ночных отсветах наискось помчатся тучи больших белых бабочек. Миле их не достать, этих ледяных бабочек. Правда однажды, когда Бабушки не было в комнате, она ухитрилась взобраться на подоконник, оттуда кое-как дотянуться до форточки – и одна бабочка села ей прямо на нос! Села – и сразу укусила ее маленький носик мгновенным холодом! А потом пропала... Нет, это оказалась совсем не такая бабочка, которую однажды посчастливилось поймать, когда во дворе было тепло-тепло, как у бабушки в кровати, и Мила часами просиживала у открытого окна. Бабочка долго летала перед ней – жирная, белая – и дразнила, дразнила Милу своей наглой легкостью. А Мила не будь душой: напрыглась

и – хват! Сильными пальчиками сжала белую пленницу намертво и отправила в рот – даже не поняла, как это получилось: ведь хотела только рассмотреть... Она не успела оценить – вкусно ли ей, когда в комнате откуда-то появилась Бабушка, всплеснула руками и кинулась к Миле с криком:

- Что ты делаешь! Выплюнь! Плюнь сейчас же! Скажи: «Тьфу»!

Мила любила делать все наоборот – не по своей воле, а просто так выходило, поэтому она, как могла крепко, сжала челюсти – и тогда Бабушка принялась раскрывать ей рот насильно, запрокинув несчастной голову и зажимая ей нос.

- Какая гадость! - приговаривала она. – Какая гадость! Это же бабочка! Как ты только можешь! А если она какая-нибудь ядовитая?!

Зато так Мила узнала, что все белое и легкое, что летает днем и ночью, в жару и в холод, мимо их окна, называется «бабочка»...

Ночь скучная. Когда Бабушка спит, играть с ней нельзя, нельзя даже ее трогать: если ее разбудить, то она станет злая-злая и может даже больно и звонко шлепнуть Милу по голлой попе. А Миле почему-то именно ночью не хочется спать. Она выпрастывает голову из-под одеяла и с тоской смотрит на недоступных бабочек, мчащихся в квадратике открытой форточки. Бойко и ритмично щелкает большая, злобная круглая штука под названием «будильник» - Мила его ненавидит и все время норовит бросить на пол, но в Бабушкином присутствии этого делать нельзя: сразу получишь «по попе». Зато когда Бабушки нет в комнате, и Мила сталкивается взглядом с хищной мордой будильника – она с наслаждением швыряет его на пол и топчет, топчет – а он все не замолкает. После этого главное успеть отбежать подальше и, как ни в чем не бывало, усесться в кресло перед телевизором, чтобы Бабушка не знала, что это Мила скинула противную штуковину, а подумала бы, что

она сама прыгнула на пол... Но та все равно откуда-то знает, что произошло, как будто стояла рядом и все видела. Мила совершенно не понимает, как такое возможно!

- Ы-а! – кричит она. – Ы-э! – ей хочется сказать, что это не она, не она, но, как всегда, стоит раскрыть рот – и оттуда вместо таких понятных ей человеческих слов вырываются странные гортанные звуки.

- Не ты, говоришь? – отлично понимает ее Бабушка. – А кто еще, интересно? Вот я тебе сейчас...

Мила стыдливо отворачивает голову, и женщина сразу смягчается:

- Ах ты, бедная моя девочка... И чем только тебе мой будильник не угодил?

Ее теплая ладонь ложится Миле на лоб:

- И какая же ты всегда горячая... Надо будет опять врачу показать тебя и спросить – нормально ли это? И ведь, вроде, здоровая... Бегаешь, вон, дай Бог каждому...

Ночь тягостная. Звуки ее одновременно приманчивы и враждебны. Тысячи шорохов, стуков, вздохов, колебаний воздуха – все это слышит Мила, ведь она не умеет только говорить, зато все остальное делает лучше многих! Ей тревожно, сладко, мучительно, словно откуда-то доносится соблазнительный дремучий зов – пойти бы ему навстречу, но куда, куда? Да и страшно, тесно где-то внутри... Мила боязливо заползает обратно под одеяло, приваливается к теплому Бабушкиному боку. Тут безопасно, родной запах обволакивает чуткие ноздри... Спит Мила. Сладко спит, пока опять не приходит этот... которого зовут День.

Они с Бабушкой не всегда бывают только вдвоем. Иногда приходят другие Бабушки, и тогда все сидят за столом, едят, пьют и разговаривают. Мила тоже сидит за столом со всеми, у нее есть свой личный стул, который никто не трогает – она внимательно слушает, стараясь уловить смысл слов: не опасно ли что-нибудь для нее? А может быть, наоборот, – хорошо? Другие Бабушки тоже иногда к ней обращаются, в основном, предлагая что-то съесть, и Мила иногда соглашается, а иногда – нет, по настроению. Но ни одна из Бабушек, кроме ее собственной, ее не любит

– это очень понятно. Да они этого и скрывать не собираются! Вот одна – от нее нестерпимо несет цветами, почти как от огромного красного веника, который однажды принес Бабушке ее Друг (который вообще-то хороший, но в тот раз Миле было не продышаться – даже все остальные запахи надолго пропали) – так вот, эта чужая Бабушка спрашивает Бабушку настоящую:

- Слушай, зачем она тебе? – и откровенно показывает на Милу. – Такой ужас...

- Действительно, - поддерживает ее другая. – Ради чего ты ее взяла?

- Очень жалко стало... - тихо говорит Милина Бабушка. – От нее племянница моя оказалась. Мужика себе нашла, а он ей – вот как ты сейчас: «Какой ужас!». Говорит, мол, либо она, либо я... В какой-то там приют ее сдать хотели... А я как в глаза ей посмотрела... Ей два годика тогда было уже, и такая домашняя... Ну, как ее в приют! Совсем с ума посходили люди! Не позволила сдать – и ни разу не пожалела... Говорю ей: пойдешь ко мне жить? Буду твоей бабушкой... Уход за ней минимальный... Ну, шарахаются некоторые с непривычки... А потом – ничего... Привыкаешь ведь. Мы большие друзья, да, Мила?

- Кстати, насчет глаз – это правда, - неожиданно соглашается до того молчавшая самая маленькая Бабушка. – Просто васильки! И разрез такой красивый... Если б не всё остальное...

- Бр-р... Я лично никогда не привыкну, - упорствует та бабушка, что вонючая. – Хотя она у тебя уже сколько? Лет семь, кажется? Ну, тогда недолго осталось – такие ведь, наверно, много не живут?

- Еще как живут! При хорошем уходе! – испуганно восклицает настоящая Бабушка, прижимая Милу к себе: - Не слушай ее, не слушай, хорошо? Ты проживешь еще долго-долго, ясно? Мы всегда будем с тобой вместе... - и к подруге: - Хоть бы при ней помолчала! Она же все понимает! И теперь начнет мучиться!..

- Иди ты! – принужденно смеется та. – Понимает... Какие у нее мозги... Она даже не понимает, что такое – жить... А уж умереть... - и машет огромной рукой с длинными корич-

невыми когтями.

Напрасно она так думает. Мила прекрасно знает, что такое жить. Это когда ты просто есть. И рядом – Бабушка. И приходит День. Творог со сметанкой на тарелочке... Смешные непоседливые пятнышки на спинке кресла – ты пытаешься их поймать, но они всегда убегают. И еще ты обнимаешь Бабушку, когда вы вместе смотрите телевизор – это такое окошко в коробке, где все мелькает, мелькает... Интересно... Жить – это еще когда пахнет курочкой, и тебе сейчас дадут попить теплого бульону... А потом День куда-то уходит, и вместо него откуда-то появляется Ночь. И это тоже неплохо, только по-другому. Это тоже – жить. Волноваться. Хотеть чего-то непонятного. То проваливаться во тьму, то выныривать туда, где ровно дышит Бабушка и летят белые бабочки... Однажды вынырнуть – и увидеть, что День уже пришел... Без тебя. А умереть – это, наверное, просто не вернуться из тьмы... Нет, Мила хочет всегда возвращаться... Она обязательно будет возвращаться... Тьма никогда не возьмет ее себе навсегда. Ни ее, ни Бабушку...

Тот дворик, что только и виден из двух их с Бабушкой окон – кухонного и комнатного – очень маленький, даже Мила это понимает. «Наш колодец», - называет его Бабушка – а вот, что такое колодец, не объясняет. Кругом высокие желтоватые стены, а посередине – будто бы диван, только жесткий (Мила однажды сбежала из дома через окно и попробовала на ощупь). Это – скамья; хотя у нее и есть крепкие ноги, она никогда не бегает, всегда неподвижно стоит под огромным кривым деревом. А дерево это очень красивое. И умное. Гораздо умнее Милы. Она относится к нему с уважением и, когда окно в теплое время совсем открыто, пытается крикнуть во весь голос: «Эй, дерево! Слышишь меня? Я – Мила!». «Э-о-о! – вылетает из ее груди. – Э-э-а! А-ми-а!». Дерево не понимает Милу, но иногда машет ей своими мохнатыми руками. У него много рук, и всеми руками оно то ли приветствует Милу, то ли хочет схватить ее и съесть, и тогда становится шумно и страшно...

На другой стороне двора в желтой стене – два маленьких окошка. Когда приходит День – они темные, а если Ночь – светлые.

- Вот видишь те окна? – указывает иногда Бабушка, стоя рядом с Милой и глядя вместе с ней во двор. – Там живет наш с тобой Дима. Мой друг. Вон, вон его тень мелькает за занавеской!

Мила высвобождается. Она всегда так делает, когда совсем не верит в то, что говорит Бабушка. Когда ей абсолютно ясно, что такого не может быть. Например, те окна такие крошечные, а Друг – он же Дима – такой большой. Как он может поместиться в маленькое окошко? Вот она, Мила, сегодня хотела забраться в шкафчик на кухне – и не поместилась. А шкафчик-то ведь больше окошка!

- В том доме, за теми окнами, тоже есть небольшая квартирка, - втолковывает ей Бабушка. - Почти как наша с тобой, Мила. Только у нас одна комната, а там – две. Дима в них живет со своим внуком. Вернее, не со своим, а своей покойной жены. И они так плохо живут, Мила – ты не представляешь... Он такой нехороший юноша, этот его Юрка! Так обижает моего Диму, так обижает... Ах, Мила, Мила, ничего-то ты не понимаешь, ничего не ответишь мне, не посоветуешь... А надо ведь что-то делать... Что делать-то, Мила?

Мила видит, что Бабушка расстроена, от всей души хочет ее развеселить, показать, что не нужен им никакой Друг, и дела нет ни до какого непонятного плохого «юноши», им вдвоем так тепло и сытно, а когда Друг приходит – он столько съедает, что вдруг потом им с Бабушкой не хватит еды? И не будет ни творога, ни сметанки, ни курочки, ни тушеной рыбки? Но как донести это до нее, до глупой? Зачем она все время кормит ненасытного Диму, от которого пахнет... Ах, как странно пахнет от него! Когда Мила осторожно подойдет и прижмется к его плечу, то запах – нюхала бы и нюхала! Хочется головой тереться – если б только он позволял! Зато когда вытащит вдруг свою противную игрушку... Мила прекрасно знает это мерзкое слово: «Опять ты за сигарету! - кричит Другу Бабушка. – Только в ее сторону дымить не вздумай: ты же просто убиваешь этим девочку!». Друг послушно

выпускает вбок одну за другой тугие серые струи, но Миле все равно становится тошно и муторно, она отсаживается как можно дальше от них обоих, но совсем уходить не хочет – слушает... Она откуда-то знает, что Бабушке очень нужен этот Друг. Может быть, даже больше, чем она, Мила... И если он ей однажды скажет: «Или она, или я»... Но он не скажет, чувствует Мила.

- А она у тебя, кстати, не такая уж и глупая... - однажды замечает Дима. – Взгляд, между прочем, почти осмысленный... Ну, страшенькая... Но ведь не совсем же до безобразия... Вон какие глаза красивые – надо только разглядеть... И что лысая – тоже можно привыкнуть... Мы ведь подружимся с тобой, Мила, да?

«Если ты не будешь есть столько курочки», - хочет ответить Мила, но молчит, потому что уже знает, что у нее это не получится. Ну, ладно, пока у них есть еда: «Переводы меня кормят, не жалуясь», - со смехом говорит иногда Бабушка. Ага, сейчас кормят, а потом передумают и перестанут. Лично Мила никогда не видела этих Переводов. Наверное, они приходят и дают Бабушке еду, когда Мила спит. А вдруг однажды не придут? Или они будут приходить и кормить ее всегда, как приходят День и Ночь?

Тянется ночь, тянется... Спит Мила и не спит... Но там, где кружат белые бабочки, становится неуловимо светлее. Значит, к ним опять идет День...

Последнее время он остается надолго, он почти всегда здесь, а Ночь... Она стала какая-то странная, почти не темная. Мила узнает, что она пришла, только когда Бабушка говорит: «Ну, все Мила, спать пора. Видишь – давно уж ночь на дворе». Мила тотчас подбегает к окну и осматривает двор: нет Ночи. День кругом, только другой... Непонятный: звуки, запахи и чувства, как когда Ночь, а по виду – День. Тогда Миле становится так беспокойно, что спать она не может вовсе. Только дождетсЯ, пока громко задышит рядом Бабушка – и украдкой выбирается из постели. До утра она бесшумно бродит по квартире – прислушивается и тайно страдает. Ей хочется, чтобы все встало на свои места. Она ждет, не придет ли

настоящий, знакомый День, а не этот, который только притворяется Ночью...

Зато когда долгожданный длинный День здесь, Мила часто остается одна. Бабушка снимает с себя легкий, пестрый халат, который носит дома, если никто, кроме Дня, к ним не приходит. (Мила знает это слово, потому что, когда ей иногда хочется особенно прилажаться и она буквально повисает на Бабушке от любви, та испуганно кричит: «Осторожно! Халат мой порвешь!»). Сняв халат, женщина надевает красивые гладкие платья («Как тебе мое платье, Мила?») - и готово: еще одно слово поселилось в голове у Милы навсегда). Потом Бабушка исчезает, оставляя Миле попить молока для утешения и выключая «верхний» свет. Она знает, что с Милой без нее ничего плохого не случится, Мила будет тихая-тихая, никогда не набедокурит, когда одна в квартире – а сразу ляжет спать. Иногда встанет, попьет молочка – и опять спит, пока не придет Бабушка. Она не знает – долго ли спит; иногда Ночь, похожая на день, приходит раньше Бабушки, а иногда – нет. Но, услышав, как открывается дверь, Мила вмиг просыпается и легко соскакивает с дивана. Она мчится в прихожую, подпрыгивает высоко, как только может, стараясь дотянуться до Бабушкиного лица, поцеловать ее покрепче, обхватить, прижать к себе... Мила не бывает точно уверена, вернется ли Бабушка вообще, но, когда это происходит – счастьем ее нет предела...

- Только не висни на мне, пока я не наде ну халат! – сердито кричит Бабушка, отталкивая Милу. – Это платье – из бутика! Ты даже не представляешь, сколько я за компьютером горбатилась, чтоб его купить!

Про компьютер Мила прекрасно знает – это такой маленький не то телевизор, не то книжка, с которым Бабушка играет долго-долго, щелкает, постукивает, и от этого по его белому окошку бегают черненькие маленькие штучки, которые не позво ляется трогать – а вот про платье уж и вовсе не понятно – что с ним не так? Она недоуменно смотрит бабушке за спину: спина вовсе не горбатая. Это у нее, Милы, горбатая, она много раз слышала, как про нее говорили:

- Смотри, какая горбатая спина! А ноги – длиннущие! Жуть!

- А мне даже нравится! – храбро отвечала тогда Бабушка.

- Не придумывай. Чему тут нравится? – отмахивались от нее. – Но, раз уж ты взяла ее... Вот сама и любуйся...

Бабушка надевает такой знакомый, пахнущий ими обеими халат – и только тогда позволяет обнять себя. Она осторожно похлопывает Милу по боку, сидя на диване и тихонько рассказывает ей:

- Знаешь, где мы с Димой были? На выставке...

Мила сердито трясет головой: ей непонятно – на чем они были? Она знает, что такое – «на диване», «на столе», «на подоконнике»... А вот – «на выставке»? Получалось, что Бабушка и ее Друг сидели или стояли на чем-то, чего Мила не могла даже вообразить – и это ее сердило.

- Н-ны? – уточняет она.

- Ах, да, тебя кормить пора! – спохватывается Бабушка и тотчас встает.

Мила опрометью мчится за ней на кухню, даже забегает вперед от нетерпения: сейчас будет весело и вкусно! Бабушка положит Миле на тарелку теплой вареной телятины, нальет попить... А еще Мила любит сгущенку, Бабушка иногда наполняет ею маленькое блюдечко и говорит:

- Вот хоть и знаю, что вредно тебе, а не могу не побаловать...

Но сегодня нет никакой сгущенки, и телятины тоже нет – Бабушка быстро кладет в Милину тарелку что-то не очень вкусное, жесткое, а себе тарелку не достает, за стол не садится – не получится, значит, поесть с ней за компанию... Мила все равно начинает быстро и жадно насыщаться – потому что не знает наверняка, удастся ли поесть в следующий раз... Может, этого никогда уже не получится! А бабушка отстраненно стоит у окна, совсем не смотрит на свою девочку, взгляд ее устремлен туда, во двор, где в не черной и не белой ночи только горит далекое маленькое окошко. Она думает, что там ее Друг, и никак не возьмет в толк, что ему туда ну никак, просто никак не поместиться! Бабушка быстро-быстро

постукивает по подоконнику своими блестящими маленькими коготками и коротко, тревожно вздыхает.

- Ах, Мила! – наконец-то говорит она. – Нельзя нам дальше бездействовать, надо что-то делать! Ведь он же уморит его! Самым настоящим образом уморит!

Она тихонько стонет, сжав кулаки и припав головой к раме, – и Мила пугается: Бабушке больно?

- Господи! – уже в голос зовет Бабушка. – Хоть Ты подскажи мне, научи, что делать! Ведь Ты-то знаешь, как я люблю его, как хочу помочь – а он такой глупый, такой наивный, как все мужчины! – она спохватывается: - Ой, прости меня, Господи, я не Тебя имела в виду!

Вот это Мила понимает: Бабушка обращается к Кому-то, Кто главнее ее, Кого не видно и не слышно, но Сам Он всех видит и слышит – всегда. Его можно только чувствовать, но не все это умеют. Бабушка – умеет. И Мила тоже. Даже лучше, чем Бабушка. Только она не может Его ни о чем попросить, но ей это и не нужно, в отличие от Бабушки. Потому что Мила убеждена: ты Его еще и не попросишь, а он уже и Сам знает, чего ты хочешь. Только не всегда дает. Но Ему виднее. И с Ним не поспоришь. Не то, что с Бабушкой...

А та сжимает голову обеими руками и замолкает, изредка всхлипывая. Мила давно уже оставила свою тарелку, и стоит рядом, изо всех сил прижимая голову к ее плечу:

- М-м... М-м... - утешает она. – Ун-и-и... Уни-и-и...

- Звони? – переспрашивает Бабушка, серьезно глядя на Милу. – Молодчина. Всегда подашь хорошую идею...

Она стремительно идет к телефону, Мила – трусцой – за ней. Вот еще одна вещица, которой ей никак не постигнуть. Держит человек такую маленькую коробочку около уха и говорит, говорит... Никого перед ним нет, а он отвечает, как будто кто-то что-то спрашивает... Странно... Это называется «позвонить» ему или ей. Вот Мила никогда никому не звонит. И ей тоже. А вдруг однажды позвонят? Как она будет разговаривать, если не умеет? Она пристально смотрит на Бабушку и ловит каждое ее слово:

- Вот, Мила посоветовала позвонить тебе... Ты улыбнулся?... Да, я специально сказала так, чтобы ты там улыбнулся... На самом деле я хотела тебя спросить... Тебе, случайно, не нужно о чем-нибудь со мной поговорить? Я имею в виду – о важном... О самом важном... Нет, не по телефону... - она долго молчит, но Мила не мешает, понимая, что Бабушка слушает. - Конечно, можно... - наконец, говорит Бабушка. – Ну, какое там сплю... Ты ведь отлично знаешь, что мой рабочий день в это время только начинается... Приходи сейчас, я жду, очень жду!

День? Мила с сомнением смотрит на окно: давно уже пришла Ночь. Правда, похожая на День, но все-таки Ночь. А когда она приходит, то в доме никогда никто не появляется. Может быть, Бабушка ошиблась? Или она, Мила? А может, кроме Ночи, прийти кто-то еще?

И правда, скоро появляется Друг. Мила встревожена нарушением обычного порядка вещей, бегают из кухни в комнату и обратно, вопросительно смотрит то на Бабушку, то на Друга – но им явно не до нее:

- Если не хочешь ложиться спать, - на ходу бросает ей Бабушка, - то просто сядь и сиди тихо, не мешайся тут...

Но ничто не может заставить Милу уйти в комнату и покорно забраться под их с Бабушкой одеяло. Она остается на кухне и, как ей велено, устраивается на своем собственном стуле с мягким коврикком, сидит прямо и, вытянув длинную розовую шею, напряженно смотрит на обоих людей за столом. Они пьют ужасную гадость под названием «кофе» - Мила один раз тайком попробовала из бабушкиной кружки – так потом никакая вода не могла смыть мерзкую горечь! – а Друг еще и пускает вонючие серые струи дыма. Без перерыва! И Бабушка не просит его не пускать свой дым в сторону девочки! Но Мила все равно не сердится на Друга. Она откуда-то знает, что он хороший, и от него иногда приятно пахнет, и он один умеет погладить Милу по ее лысой голове так, что ей это нравится, не хочется голову отдернуть, а его – ударить, как некоторых... У него белые волосы на голове и лице, низкий успокаивающий голос... С ним Миле уютно. И Бабушке, наверное, тоже. На

ней уже нет яркого халата, а есть платье – такое не красное, а немножко потемнее... Мила не очень разбирается в цветах. Они все для нее похожи, кроме белого, серого, желтого и красного... Ну, еще она немножко отличает синий – такого цвета дерево во дворе и еще небо иногда... «Смотри, какое небо сегодня синее!» - сказала когда-то Бабушка, показав вверх за окно – и Мила поняла и запомнила. А волосы у Бабушки не пойми какие – темнее Дня и светлее Ночи; это все что знает про них Мила, но ей очень нравится...

- Ты еще совсем молодая женщина, - грустно говорит между тем Друг. – Тебе и пятидесяти, кажется, нет... Ведь нет? Есть? Никогда бы не подумал... Ты яркая, эффектная... Талантливый переводчик... Самодостаточная... На что я тебе сдался, скажи на милость? Ты ведь через год локти себе кусать начнешь... А меня вообще возненавидишь... Ты хоть знаешь, сколько мне лет? Да я пень старый – отцы тебе гожусь! И нищий, кстати... Всю жизнь – «кушать подано», пенсия минимальная... Сейчас вот эпизод в сериале обещали – так от счастья покраснел на кастинге, как мальчишка!

«Кушать подано» - это Мила понимает очень хорошо! Так говорит Бабушка, ставя перед ней полную тарелку, когда бывает в хорошем настроении. Девочка вздрагивает, но своей тарелки нигде не видит: наверное, опять что-то не так расслышала!

- Я тебя люблю и никогда не возненавижу, - отвечает Бабушка, и голос ее дрожит. – И мне все равно, сколько тебе лет. Я хочу жить и умереть с тобой, всего хочу с тобой... Но у меня сердце разрывается каждый вечер, когда я ложусь здесь спать в безопасности и думаю, что ты там в одной квартире с чокнутым наркоманом, и тебе некуда деться! Что он в любой момент может просто зарезать тебя – и даже не понять, что натворил!

- «Всего» со мной может и не получиться... - мрачно произносит Друг и делает большой глоток их ужасного кофе. – Машинка моя – того... Не очень уже и работает... А тебе еще нужно – в твоём возрасте...

Ну, положим, машинка, у них с Бабушкой есть и своя, думает Мила, - обойдемся. Боль-

шая, белая, с круглым окошком, которое открывается, чтобы можно было запихнуть туда разные тряпочки. А потом тряпочки крутятся там со страшным воем и шумом, Миле немножко боязно, но она все равно стоит прямо перед окошком и упорно смотрит на мелькание тряпок, напрягшись всем телом и готовая сразу убежать, если машинка вдруг сорвется с места и поскачет по коридору. «Расшалилась наша машинка... - смеется тогда Бабушка. – Что, Мила, страшно тебе?».

Но сейчас она не смеется, а робко улыбается Другу:

- Ничего, я почию ее, машинку твою... А если и не почию – невелика беда... Главное, что кончится этот твой ежедневный кошмар... А он там пусть как хочет... Кстати, на расстоянии бороться с ним легче – найдем управу, будь спокоен! И выселить его можно через суд, и на принудительное лечение пристроить... Главное – вдвоем... Слышишь, Дима? Да ответь же ты что-нибудь, не мучь меня!

Дима поднимает голову и пристально, словно бы с последним колебанием смотрит на собеседницу – Мила улавливает то, чего не понимает Бабушка: он хочет ей что-то сказать, но боится...

- Он убьет тебя когда-нибудь, понимаешь – у-бьет!

- Убьет, говоришь? – усмехается Друг, и делает это как-то так неуютно, что Мила съживается от его голоса и взгляда. – Может, и правильно сделает. Вот послушай, чувствительная ты моя, расскажу я тебе одну историю...

Глупости, думает Мила. Друг же не комар, чтоб его можно было так легко убить – вон какой большой! Убить – это когда ты его – хлоп! – и он не шевелится больше, и не живет... И Бабушка так поступает с комарами, и она, Мила... Убить легко. Но только если тот, кого ты убиваешь – очень маленький. Чтобы убить Друга, нужен кто-то настолько большой, что и не представить... Мила начинает задремывать, голову клонит вниз, жмурятся глаза... Голос Друга гудит, как далекий шмель – такой, как залетел однажды к ним в комнату через окно – а Бабушка поймала его в полотенце и выпустила...

Мила и слушает, и дремлет – все равно ей ничего, ничего не понять...

- Как могу я строго судить этого охламона, когда сам... Знаешь, тому уже больше полувека – а будто вчера... Мать снимала нам с сестрой дачу у залива, на южном берегу... Это сейчас там гнилое болото, а тогда ведь о дамбе и не слыхал никто... И вода была, как хрусталь – представляешь, захожу в воду по горло и отчетливо вижу собственные ноги и разноцветные камушки на рябом песке... Островок там имелся – метрах так в пятистах от берега, а у хозяина – лодка, за судаком ходить... Сын его, одногодок мой и приятель, лихо с ней управлялся, так что ходили мы, бывало, аж до самого Кронштадта. Чуть не утонули вместе однажды – ну, да это уже другая история... А сейчас я тебе рассказываю совсем о другом – об одной нашей забаве, почти безобидной... До поры до времени...

- По крайней мере, колеса вы, я думаю, не глотали... - вставляет Бабушка (Мила озадаченно приоткрывает один глаз: она прекрасно знает, что такое колеса. Это такие круглые черные штуки, что крутятся под маленьким столиком, за которым Бабушка пьет кофе, когда одна; конечно, Друг их не глотал – они бы даже в рот ему не поместились). – И не кололись...

А вот Мила укололась однажды – ужасно! Наступила на что-то на полу, и вдруг все тело пронзила острая, яркая боль! А как Бабушка тогда испугалась, даже закричала! Все обнимала, целовала жалобно стонущую Милу и приговаривала: «Ах ты, девочка, девчоночка моя бедная! Синеглазка! Что ж ты укололась-то так сильно! Это я виновата, прости меня, глупую: уронила кнопку и не заметила!». Конечно, она теперь переживает, чтобы и с Другом ее такого не случилось...

- Лучше бы кололись, - неприятно усмехается он. – Может, подошли бы – и вреда от нас никакого...

- Что ты говоришь! – пугается Бабушка. – Мне страшно!

- А я пока ничего и не сказал. Это, Ляля, только присказка была, сказка и не начиналась еще.

Миле тоже страшно, хотя и неясно, отче-

го. Она уже не спит – слушает, силясь поймать знакомые слова.

- Так вот, о забаве нашей невинной. Ну, почти... Ну, короче, мы познакомились на пляже с приезжими девушками – скажем так, не совсем строгого поведения – то да сё, разговорчики, шуточки... Слово за слово, приглашали покататься на лодке... Те девчонки, что были попримечнее – отказывались плыть с незнакомыми парнями в открытое море, ну, а те, что соглашались – их уж точно было не жаль... Так вот, привозили мы их на свой остров...

Бабушка вскрикивает, глаза ее округляются – но Друг досадливо машет на нее рукой:

- Да нет, нет – не делай таких больших глаз... Дураки были, конечно, но не до такой же степени! Все по обоюдному согласию... Если какая артачилась, то дальше поцелуев не заходило. Кроме того, я ведь тогда уже в артисты нацелился, красавчик был хоть куда, девки сами на меня кидались, как на сахар... А я и правда походил на конфету... На этого... Ну, сладкого мальчика из Голливуда. Как его... Склероз, короче... Дожил... Нет, забава наша в другом состояла. Когда веселье подходило к концу, мы с приятелем моим перемигивались и под каким-нибудь предлогом уходили в кусты – обычно под самым, так сказать, банальным... Ну, а там быстро прыгали в лодку – и ходу. А девчонок бросали на острове, в чем были. Однажды удалось унести купальники, и девки вообще голяком там остались... Иногда они видели, как мы отплывали, выскакивали на берег, визжали, ругались... Ну, а мы в ответ хохотали, конечно, и похабные жесты им делали. Страшного с ними ничего случиться не могло: кругом болтались рыбацьи лодки, и, в конце концов, какая-нибудь их подбирала... Нам это ничем не грозило: о такого рода своих похождениях девушки в те годы предпочитали помалкивать. Рады были, что выбрались – ну, а урок мог и на пользу пойти... Странно подумать – теперь им всем уже под семьдесят... А ты тогда только родилась еще... - он замолкает и надолго задумывается.

Бабушка осторожно дотрагивается до руки Друга:

- Неприятная, конечно, твоя история, Дима... Но ведь, в конечном счете, это под-

ростковые шалости, не больше... Не стоит так себя из-за них...

Он вскидывается и смотрит на нее в упор, так что Бабушка начинает обиженно моргать, а Мила вся дрожит, хотя взгляд и не ей предназначен: она чувствует, как Другу больно – может быть, даже больнее, чем наступить на кнопку.

- И это, Ляля, представь себе, тоже все еще присказка, - шумно вздохнув, говорит он.

Бабушка хочет что-то сказать – и молчит. Она смотрит на Друга уже с настоящим испугом – таким, что Мила потихоньку сползает с собственного стула и бесшумно перебирается на другой, тот, что стоит прямо рядом с Бабушкиным. Она сразу ощущает рассеянную теплую руку у себя на плече, и ей становится поспокойнее.

- Ты даже Милу напугал, - вымученно улыбается Бабушка. – Говори уж все, раз начал...

- Между прочим, - пристально смотрит на нее Друг, - я давно уже подозреваю, что твоя Мила понимает гораздо больше, чем ты ей разрешаешь... Это я так, к слову... Да, ну вот. Привезли мы туда однажды двух девчонок – черненькую и беленькую. И, знаешь, интересные такие девахи попались, неглупые даже, с филфака обе. Поэтому провозились мы с ними дольше, чем с другими – в качестве прелюдии разные умные разговоры пришлось разговаривать. А и без того не рано было – уж народ с пляжа расходиться стал, волна поднималась, прилив обозначился... Небо заволокло... Хоть бы один из нас мозги включил и сообразил, что лодки-то давно к берегу идут, шторма боятся. Нет, выиграло ретивое... В общем, все как всегда: отпросились «в кусты», к лодке бегом – и на весла... А девчонки и не заметили, кажется: сидели себе на полянке – там полянка такая укромная была, как специально сделанная – бутерброды, наверно, жевали. И, главное, на берегу уже друган мой смотрит на меня с сомнением, да и предлагает – мол, может, смотаемся, заберем их? Дескать, штормит сильно, лодки сегодня могут больше не выйти, тогда нашим шалавам ночевать там придется... А если еще дождь... Но я злой был – на черненькую ту. Такой казалась аппе-

титной, опытной, глядела многообещающе... А лежала, извиняюсь, бревно бревном... «Ничего, - говорю, - пусть попрыгают. В другой раз умнее будут»... С тем и домой пошли.

- И что... - шепчет Бабушка. - Так никто и не подобрал их?..

- Нет, - хрипло отзывается Друг. - Я бы и не узнал об этом - да и интереса особого не было. Только разговор услышал - случайно, на автобусной остановке, когда мать в Ломоносов на рынок послала. Одна тетка другой рассказывала, что у соседей их - большое несчастье. Приехала внучка из Ленинграда - хорошая такая девушка, Валец звали, в университете училась - да и пошла с подружкой на пляж купаться. А там два каких-то подонка - и носит же земля! - их в лодку заманили и на остров в море отвезли. Хи-хи, ха-ха - да и бросили там одних. Шторм начинался, лодки ни одной не было на воде. До берега далеко - не доплыть, да еще в грозу. Девушки в одних купальниках, плакали, звали - никого; только волны плещут и ветер воет. Так бы, может, и ничего - ну, страху бы натерпелись или простыли в крайнем случае... Да только у Валецки диабет был ужасный - утром и вечером сама себе инсулин колола... Стало ей плохо, а к утру - кома... Пока подружка до помощи докричалась, пока подобрали их, пока довели, да нашли, откуда «скорую» вызывать - день уж настал... Так в машине и скончалась, бедняжка... Теперь соседка, вся черная от горя, собирается в Ленинград на похороны внучки... Тут автобус подкатил, тетки уехали, а я как стоял на месте - так и ноги приросли... И ведь, главное, не знал я - и не узнал никогда - откуда! - которая из них была Валецка. Моя или другая... Их звали - Валецка и Алецка - это я хорошо помнил, но какую - как... На острове недосуг было разбираться, а потом... А-а! - Друг машет рукой и замолкает надолго, обхватив свою склоненную над столом белую колючую голову.

Молчит, откинувшись на стуле, и Бабушка. Мила тревожно переводит взгляд с одного на другого, ей жутко, хочется спрятаться - почему? Убежать? А как же Бабушка? Друг внешне смотрит на нее в упор и зычно рывкает:

- Клянусь - она понимает! Да еще, пожа-

луй, и получше, чем ты! - он с угрозой, как кажется Миле, оборачивается к Бабушке: - Ну что, трепетная моя? Передумала, небось, меня в сожители звать?

Бабушка ничего не отвечает, но крепко-крепко прижимает Милу к себе, словно они теперь вдвоем - против него, этого совсем не хорошего сегодня Друга...

Он встает:

- Мне пора. Считаю, что я бросил вас с Милой на острове. Ляльку и Милку. Ждите - шторма-то нет: глядишь, и подберет кто-нибудь...

Друг с грохотом отталкивает пустой Миллин стул, словно живого врага, заступившего путь, и широким шагом направляется к двери. Это уже слишком! Мила с жалобным ревом бросается в комнату, ныряет в их с бабушкой постель, прячет голову под подушку... Ничего, ничего... Сейчас Бабушка придет и ляжет рядом, и не нужен им никакой противный Друг, который так страшно гудит и грохочет...

Ночь либо давно ушла, либо в этот раз и вовсе не приходила, а Бабушка и Мила все еще лежат рядышком под одеялом - но нет ни одной из них покоя. В комнате светло, в открытой форточке - светло-синий ломтик неба. Обе бодрствуют, не могут найти себе удобного места, хотя Мила изо всех сил старается успокоить Бабушку: она то кладет ей голову на плечо, то гладит лицо, то пристраивается у теплого бока... Но Бабушка не обнимает ее, не целует, как обычно, когда Мила ласкается, а с досадой отталкивает свою девочку, раздраженно бормоча:

- Спала бы уже. Надоела до смерти, - и добавляет сокрушенно: - Надо же, какой козел. Нет, ну, какой козел, а? - она еще немножко ворочается, но вдруг садится и громко, удивленно произносит: - Мила, мне нечем дышать... Совсем нечем! Мила!

Обеими руками, царапая себе шею, Бабушка оттягивает ворот ночной рубашки, громко, бурно тянет в себя воздух и сипло кричит:

- Мила! Задыхаюсь! Что это?! Мила!! А-а!!!

Словно чья-то невидимая огромная рука

вырывает ее из постели и бросает к окну. Часто и жутко дыша, Бабушка силится открыть его, но заедает шпингалет – и она начинает сипло выть, дико глядя перед собой и судорожно трясая гремящую раму – а Мила уже рядом с ней, пытается заглянуть в ее мутные от смертного страха, словно подернутые сизой пленкой глаза, и тоже в запредельном ужасе повторяет:

- Что с тобой?! Что с тобой?! Что с тобой?! – на самом-то деле у нее выходит: «А-ой!! А-ой!!! А-ой!!!».

Но вот окно распахнуто, со двора, уже вполне светлого, врывается тугая волна прохлады – но Бабушке не легче. Она теперь держится за грудь:

- Да это – сердце... Это сердце, Мила... - замирающим шепотом свистит она и вдруг вся тяжелеет, цепляется за подоконник.

Мила не впервые слышит это слово – Бабушка часто говорила раньше, обнимая ее: «Ух, и колотится же у тебя сердце, Мила! И как только не выскочит!» - и прижимала теплую ладонь туда, где внутри у Милы трепыхалось что-то маленькое и неустанное, которое всегда играет и бежит в ней, даже когда Мила спит... Еще это сердце как-то дает о себе знать, если Мила чему-то очень радуется – там так сладко-сладко ноет, как будто ешь стуженку, и так пусто становится, когда обидно... или страшно... Да, Мила очень хорошо понимает, что такое сердце. Она и Бабушкино сердце не раз слышала, когда прижималась к ней: оно стучало ровно, гулко, надежно... Должно быть, оно такое крупное, горячее... Мила почему-то видит его красным... Но что оно сейчас делает в Бабушке – это большое сердце? А вдруг оно выскочит и – убежит? Что тогда будет? Мила сразу решает, что если сердце сейчас выскочит из Бабушки, то она его поймает. Это просто: хватать – как бабочку. Но не съест его, а сразу вернет, потому что у нее уже есть внутри одно. Должно быть, она когда-то давно его проглотила...

Но Бабушкиного сердца нигде не видно, а сама она всем телом лежит на подоконнике, и Мила замечает вдруг, что и лицо ее, и губы, и даже глаза – все это точно такое же белое, как и рубашка... Она отталкивается руками от

рамы, еле слышно стонет:

- Нет уж, дудки, Мила... Я не умру – так... Одна... Слишком глупо... Не хочу... Не позволю...

Она делает шаг к кровати, шатается, прислоняется к шкафу... Ее надрывное дыхание заполняет всю комнату – Мила бросается на помощь...

- Не путайся под... ногами... дай... дойти... - хрипит Бабушка и делает еще рывок, упирается локтями в спинку кресла...

Там она судорожно переводит дыхание, тянется к тумбочке... Телефон! Она хватается телефон, и ее мотаает с ним к двери. Бабушка ушибается о косяк, но он же и служит ей опорой... Черная коробочка у ее уха...

- Дима... - голос Бабушки не похож на ее собственный, и вообще на человеческий. – Вызывай «скорую»... Мне... Сердце... Сейчас попробую... открыть... Если... не смогу – ломай... - коробочка летит на пол, Мила кидается к ней, оттуда горит белый свет, и еще слышны какие-то звуки.

- А-я-а! – громко зовет Мила. – У-и-и! У-и-и!

А Бабушка уже в прихожей, она всем телом прислонилась к входной двери, что-то гремит – и дверь вдруг подается наружу. Бабушка сползает по ней, опускается на колени, руки ее уже там – в той Другой Жизни, куда Миле ходу нет. Там иной цвет и чужой запах, там опасно, оттуда приходят незнакомые люди, к этой двери Миле и подходить запрещено! Но Бабушка стоит на коленях, упираясь ладонями в пол, как раз поперек заветного рубежа, голова ее опускается все ниже, ниже, вместо дыхания вырываются слабые всхлипы... Но Мила не убегает. Подвывая от страха, она стоит рядом с Бабушкой и ждет, сама не зная чего...

Но вот поблизости раздаются быстрые шаги и знакомый голос. Это Друг, понимает Мила и отступает в квартиру. Он знает, что делать, сейчас опять все окажется, как прежде... Давай же, Бабушка, вставай, вставай! Но, увидев Друга, Бабушка не поднимается, а, наоборот, падает вниз лицом...

- Ляля-а!!! – басом зовет Друг. – Лялечка, ты чего это?!!

В их маленькой квартирке происходит такое, чего раньше никогда не бывало... Вдруг появляются совсем незнакомые мужчины в синей, как дерево во дворе, одежде, они что-то делают с лежащей на диване Бабушкой, видят страшное, корявое слово «инфаркт», звенит стекло и железо, отвратительные запахи заполняют комнату... Но не это пугает Милу, забившуюся в кресло и всеми позабытую. Ее пугает Тьма... Она не видит ее, но чувствует, как она нависает над Бабушкой, растопыривается уродливым облаком над их безопасным диваном и набухает, набухает чернотой...

- Она выживет? Она выживет? – беспрестанно спрашивает Друг у всех мужчин по очереди.

А они рассеянно отвечают:

- Вроде, должна...

И снова звякает железо и стекло, что-то падает на пол, и вдруг раздаётся Бабушкин короткий мучительный вдох.

- Лялечка, я здесь! – кидается к ней Друг, расталкивая мужчин, но они отстраняют его и мрачно спрашивают Бабушку:

- В больничку поедете?

- Поедет! – поспешно отвечает за нее Друг. - Еще как поедет! А носилки у вас есть?

В комнате оказывается странная узкая кровать на высоких блестящих ногах с колесами, мужчины вместе поднимают Бабушку и кладут сверху. Мила мельком видит ее неузнаваемое маленькое лицо, повернутое к Другу:

- Мила... Ты – Милу... Нужен уход... Кормить... Там, в холодильнике... Ей нельзя одной... Ключи... - шелестит она.

Он машет на Бабушку обеими руками, будто ловит белых бабочек:

- Да разберусь я! Ничего с твоей Милой не сделается! Ты, только, ради Бога не волнуйся! Тебе нельзя волноваться!

И все. Одна Мила. Нет Бабушки. И никого нет. Только День. Но он никогда ничего не говорит.

Друг возвращается нескоро, только когда снова пришла и исчезла короткая, совсем светлая Ночь. Ждала-то Мила, конечно, Бабушку. Она не могла представить себе ее лицо, но в целом образ в голове получался ясный: что-то

большое, доброе и родное... Мила положила голову на Бабушкину подушку и так пролежала долго-долго... Но вот дверь в прихожей кто-то открывает, слышится звяканье ключей... Мила не кидается, как всегда, навстречу, а наоборот, прячется поглубже под одеяло, потому что знает, что это не Бабушка. Точно так же, как раньше, когда бабушка шла домой, Мила узнавала об этом задолго до того, как та подходила к двери. Так, ниоткуда. И было ей радостно.

- Мила! – слышен знакомый голос-шмель. – Где ты прячешься?

Ах, вот кто это! Мила выбирается из постели и резво соскакивает с дивана навстречу Другу. Она надеется, что он ее покормит, – и действительно, Дима сразу направляется к холодильнику.

- Вот такие дела у нас с тобой печальные, милая Мила... - говорит он, разрезая ей курочку на куски. – Инфаркт хватил нашу Лялю...

Она поднимает вопросительный взгляд. Лялю? Ах, да, этот глупый Друг почему-то так называет Бабушку. Значит, все-таки Инфаркт схватил ее? И унес? И не отпустит? И что делать?! А если взять его и – пор-рвать?!

- Рр-ра? – спрашивает Мила.

- Рад? – усмехается Друг. – Да уж, конечно, теперь даже ты вправе обо мне так думать... И, главное, еще сказал, урод, что бросаю вас на острове... Но, Мила – я пошутил! Неудачно, разумеется... Почти, как тогда... Но хоть ты меня мерзавцем не считай, ладно? Я вот что думаю: ты, хотя и молчишь, но нас, как облупленных, знаешь... И о каждом имеешь свое особое мнение... На вот, кушай, наголодалась, поди...

Мила опасливо ест, все время прерываясь и оценивающе поглядывая на Друга... Какой он необычный... Вот Бабушка никогда так длинно с ней не говорила... Он тоже открыто изучает Милу:

- Все-таки страшна ты, конечно, как смертный грех – прости уж меня, старика... Но глаза... Любого за душу возьмут... Надо же, какая синь... Просто сапфиры... А сколько ума в них! И чувства! Только за них по гроб жизни влюбиться можно... Так что понимаю я Ляльку, ох, понимаю... Я вот что, Мила... Я

обещал Ляле, что здесь с тобой проживу, пока она не вернется... Могу я надеяться, что ты меня во сне не прикончишь? Могу, наверное: Лялька говорит, ты не буйная... Да и мне от моего Юрки-наркоши отдохнуть не мешает, а там... Вот отпустят ее из больницы... Звала ведь она меня жить здесь с вами – а я ей... А я ей – инфаркт... Вот такое я дерьмо... Вот такое я дерьмо, милая Мила...

Это слово тоже давно в Миленном словаре. «Я не нанималась за тобой дерьмо выгребать!» - кричит Бабушка, когда Миле случается покакать мимо туалета. Она озадаченно смотрит на Друга: какое же он дерьмо? Он человек. И она его почти любит.

- Что, удивляешься моей велеречивости? – спрашивает Дима и гладит Милу большой прохладной ладонью по голове, задевая ее мягкие уши. – Привыкай: я артист – люблю монологи. Хотя... Не так уж и часто за мою карьеру приходилось мне их разучивать. «Что будете заказывать?.. Икорки к водочке не желаете?.. Приятного отдыха... Вашу даму просят к телефону... Прикажете такси вызвать?» - вот тебе, милая Мила, и вся моя нынешняя роль... Так что монологи теперь ты будешь слушать... Раз уж великий мой талант Родине не пригодился...

Мила совсем не против. Ей даже нравится этот гулкий рокот, а пуще нравится сам Друг. Она чувствует в нем такое же вечное смятение, какое постоянно ощущает в себе – среди непонятных явлений, шумов, фраз... Она не такая, как окружающие, и он – не такой. В ней – тайна, и в нем тоже... И Бабушка... Которая их одинаково любит и не понимает – тоже одинаково. И которая одинаково им необходима...

Приходящая Ночь постепенно становится похожей на саму себя. Во всяком случае, она все темней и ощутимей. Друг часто появляется позже нее, но, когда кругом День, он почти всегда с Милой. Гудит и рокочет – она привыкла. Иногда они даже едят из одной тарелки. Так даже вкуснее. Спят они тоже вместе, как с Бабушкой, только во сне Друг иногда начинает громко рычать – и тогда Мила бесшумно перепрыгивает через него, забивается в кресло и испуганно смотрит оттуда, пока

рычание не прекращается. Тогда Мила снова прокрадывается в постель и притуляется за спиной Друга. Она спит и ждет. Даже во сне.

Однажды, когда День давно уже пришел, а Друга все нет и нет, Мила просыпается от странного чувства. Сначала она никак не может вспомнить, что это такое, но внезапно понимает: Бабушка! Это Бабушка! Она близко! Милу будто сдувает с постели, она бросается в прихожую, взад-вперед мечется у двери. Ну, скорей! Скорей! Неужели она ошибается?!

Нет, Мила может ошибиться в чем угодно – только не в этом. За дверью раздаются голоса, звенят ключи...

- Ва-у-фа!!! – визжит Мила и с размаху бросается Бабушке на грудь. – Ва-у-фа!!!

- «Бабушка»? Ты сказала – «бабушка»?! – смеется и плачет та. – Дима, ты что, тут без меня научил ее говорить?! Ах, деточка, деточка моя...

Они целуются и обнимаются на пороге, а Друг, с двумя большими сумками в руках, смущенно стоит в сторонке и внимательно на них смотрит... Бабушка, наконец, отстраняет Милу и рассеянно взглядывает на него:

- Туда, в комнату поставь, я потом разберу... Ну, спасибо тебе... - голос чуть срывается, но это заметно только Миле. - За Милу... За все.

Она медленно кивает – и высоко вздергивает подбородок.

- Мне уходить? - говорит Друг.

- Да-да, иди, конечно, - не смотря в его сторону, отвечает Бабушка.

Но Друг почему-то не уходит сразу, а с виноватым видом топчется на коврик у двери. Миле его, вообще-то, жалко, но сейчас ей не до него, когда Бабушка вернулась.

- Так я пошел? – зачем-то переспрашивает он, как будто и так не понятно.

Но бабушка не оборачивается.

Их жизнь продолжается, как раньше. Нет, наверное, не совсем так, потому что Бабушка теперь не такая, как прежде. Она редко шутит с Милой, и сама никогда не бывает веселой. Она теперь не стрекочет бойко, сидя у своего компьютера и заставляя маленькие черные

штучки резвиться на белом, а долго-долго сидит без движения, уставясь в его большое светящееся окно и обхватив голову руками. Когда Мила робко подходит и утыкается носом в Бабушкино плечо, она рассеянно кладет ей на спину ладонь и вздыхает. Иногда Бабушка стоит за белой занавеской на кухне – тоже подолгу, только обязательно выключив перед этим свет. Мила знает: в узкую щелку она смотрит туда, на маленькое яркое окошко Друга. Может быть, он все-таки там? – думает Мила. Но застрял – такой большой в таком крошечном – и теперь не может выбраться, чтобы прийти к ним? Вот застряла же она недавно за диваном и не смогла выйти... Звала, пока Бабушка не пришла на помощь. А то так и стала бы там совсем неживая...

- Дура старая... - шепчет Бабушка, глядя на единственное светлое пятнышко во дворе. – Раскатала губу... Уж и до богадельни недалеко, а туда же...

Она возвращается к компьютеру и какое-то время, сжав губы и став такой строгой с виду, что Мила боится к ней приблизиться, упрямо и яростно щелкает, щелкает, щелкает... Но вдруг щелканье прекращается, и Бабушка с протяжным стоном роняет голову на стол. Мила в ужасе: бабушкино сердце снова хочет убежать?! А бабушка поднимает голову, и Мила поражена: все ее лицо мокро! Где она взяла воду?

- Поделом мне, поделом! Вся жизнь моя – никчемная! – громко говорит Бабушка; взгляд ее падает на Милу: – Вот, послушай, послушай! – она смотрит на горящее окно компьютера и протяжно произносит: «Глаза-а Сьюзан зажглись, как две-е голубые звезды-ы. Вильям прибли-изился к ней и заключил ее в пла-аменные объ-атья. Бурная стра-ась подхвати-ила их на свое крыло-о – и они начали безу-умный танец любви-и...» Здорово, да?! – она, вроде бы, и смеется, но так, что Миле становится страшно при виде такой неправильной Бабушки; она понимает, что смех – это другое, а тут... тут боль? Или даже что-то больше, чем боль?

- Почти тридцать лет занимаюсь этой чухой! – кричит-хохочет Бабушка. – С тех пор, как иняз закончила! И, представь, мне все за-

видуют! «Везет же тебе – так удачно вписалась в рынок! И на работу таскаться не надо! Такую нишу захватила, счастливица!» А жизнь-то – псу под хвост! Шелудивому псу! Всё любовнички, любовнички... Один раз могла ребенка родить – не стала, сдрейфила! «Эх, ты, - врачиха сказала, - ведь у тебя девочка была...». Сейчас она уже взрослой стала бы... Уж и внуков бы, наверно, мне родила... Приходила бы, навещала старуху... Говорила бы: мама!

- Мм-аа... - силится повторить Мила.

- Вот-вот! – зло смеется Бабушка. – Дожила до девочки, нечего сказать!

Теперь Мила видит, что вода льется прямо у Бабушки из глаз... Что это? Разве так бывает? Вода на кухне, в кране... И в ванной... Откуда она в глазах?

Люди приходят к ним все реже и реже. Часто бывает только одна посторонняя Бабушка – та, что самая маленькая из всех, знакомых Миле. Сидит на кухне с Бабушкой у стола, пьет, к счастью, не кофе, а что-то светлое, в высоких прозрачных стаканах на длинных ножках.

- Слушай, а тебе после инфаркта не трудно с ней? – показывает она на Милу. – Ну, за ней ведь уход какой-то там нужен, готовка... А ты, вон, еле двигаешься, да еще переводы на тебя навалились... И вообще... Может, действительно, отдать ее пока?

- Что ты! – пугается Бабушка. – Она мне сейчас больше нужна, чем даже я ей! Без нее я бы уже, наверное, подохла тут, а она меня только и держит... И какой такой особый уход? Она у меня чисто плотная, сама за собой ухаживает... А готовка... Да мы с ней почти одно и то же едим...

Мила тем временем подозрительно оглядывает Бабушку со всех сторон: где они, эти Переводы, что на нее навалились? Так обычно делает только сама Мила – во сне. «А ну, отдвинься, - отталкивает ее иногда Бабушка. – Ишь, навалилась на меня!». Никого на Бабушке не видно, и она успокаивается, но вдруг вздрагивает, услышав:

- А что этот Дима твой, друг так называемый? Взял и бросил тебя в таком состоянии?

Так и «покинул на острове»? Хорош, нечего сказать...

- Не хочу о нем говорить, - Бабушка вяло отставляет стакан. - Не состыковалось. Всё. Проехали.

- Конечно, кому охота оказаться с такой уродицей под одной крышей... - бормочет себе под нос Маленькая Бабушка, неприятно косясь на Милу, когда настоящая Бабушка уходит на кухню за сыром. - Разве только глаза...

Миле тоже дают пахучий кусок вкусного сыра, и она ревниво уходит с ним к окну, взбирается на подоконник и смотрит во двор.

Уныло машет ей многорукое синее дерево под синим же небом среди желтых стен, кто-то выходит из противоположной стены и идет через двор. Мила подскакивает: это Друг! Отчетливо видна его белая, даже на вид шершавая голова. Мила часто замечает его в последнее время - и каждый раз, проходя мимо нее, он с улыбкой кивает ей. Приостанавливается, грустно смотрит в сторону их квартирки и вздыхает, а потом быстро-быстро исчезает с Милиных глаз. Иногда он, должно быть, что-то произносит, Мила не слышит, но догадывается, что он зовет ее по имени. «Р-ру! - отвечает она всякий раз, утыкаясь носом в стекло. - Рр-уу!».

- Клянусь, Лялька, она говорит «друг»! - смеется Маленькая Бабушка. - Может, он сейчас у тебя под окном стоит и плачет. Ромео хренов...

- Перестань, - морщится Настоящая. - Не смешно.

В этот раз у Димы в руках большая корзина - точно такая же стоит у Бабушки высоко под потолком в странной норе под названием «антресоли». Она однажды свалилась оттуда и чуть не зашибла Милу - та едва успела отпрыгнуть, а Бабушка подняла упавшую штуку и отругала: «Надо же, какая мерзкая Корзина - едва не угробила мне Милу!». Мила не понимает, для чего Корзина нужна Другу - такая большая и некрасивая... Она и Бабушке-то ни на что не нужна, просто живет зачем-то на антресолях, и Бабушка ее не гонит, потому что добрая...

Маленькая Бабушка прощается, ког-

да друг со своей Корзиной уже прошел через двор обратно и опять на ходу улыбнулся Миле. В Корзине у него что-то лежало, прикрытое синими листочками... Непонятно... А тем временем Милина Бабушка ложится спать. Раньше она никогда не спала, пока не появится Ночь, а сейчас... Другая, совсем другая стала ее Бабушка. Миле спать не хочется: за окном так ярко, тепло, интересно... Хотя чувствуется, что День уже собирается уходить... А что, если... Она внимательно смотрит на Бабушку: та дышит сильно и ровно, лицо ее спокойное и белое... Тогда Мила на цыпочках, очень тихо, но решительно идет в кухню. Дело вот в чем: Бабушка забыла закрыть там окно. И решетку тоже не задвинула: лила зачем-то воду из чайника на свои цветы в узком деревянном ящике, а потом позвонил в комнате телефон, она оставила все как есть, и больше в кухню не вернулась. Значит, можно вылезти во двор и успеть добежать до дерева - давно уже хотелось посмотреть на него поближе и потрогать, если позволит. А то они только машут друг другу, машут - и никакого толку. И вообще посмотреть, что там есть интересного... Вот, например, голуби... «Гуль, гуль, гуль!» - зовет их иногда из окна бабушка и сыплет за окно крошки. Голубей сразу становится много-много, они давят друг друга во дворе на полу и булькают, как вода в раковине... А Мила неизвестно отчего начинает волноваться, и во рту становится мокро-мокро... Однажды она уже сбежала из дома - но Бабушка не спала и поймала ее. Вот когда Мила узнала, что такое «получить по попе»! Такой сердитой она бабушку не видела ни до, ни после, а уж как больно было! Но сейчас Бабушка спит, значит, ничего не узнает, а Мила успеет вернуться, до того, как она проснется...

Мила - храбрая девочка. Бабушка часто ей это говорит. Храбрые девочки не боятся. Но Миле все-таки не очень уютно. Во дворе странно пахнет: не то приятно, не то противно - ей так сразу не разобраться... Спрыгнуть вниз - не проблема, окно совсем не высоко над полом. Надо же, какой жесткий здесь пол, совсем не такой, как в их квартире... Она опасливо идет прямо к дереву, залезает на скамейку... Подходит и осторожно прикасается

к нему подушечками пальчиков, хочет погладить... Но оно холодное и твердое, неприятное на ощупь. Неживое! – понимает Мила. Надо же, а так приветливо махало руками... Слегка разочарованная, она хочет идти дальше – но тут из той желтой стены, в которой обычно исчезает Друг, выходит высокий парень с лохматой головой. Мила не раз уже видела его во дворе – это Ублюдок. Когда Друг еще ходил к ним с Бабушкой, он не раз показывал на парня, быстро идущего через двор, чтобы пропасть все в той же стене: «Опять, кажется, ширнулся, ублюдок», - говорил Друг и отворачивался от окна. Мила ясно видела на его лице такое же выражение, какое было у бабушки, когда она вытаскивала неживую бабочку у Милы изо рта...

Мила на всякий случай прячется за дерево, потому что ей и близко не надо рассматривать Ублюдка, чтобы понять: он злой. И опасный. Он может сделать так, что она станет неживая – как это дерево. Или та бабочка. Или как она сама делает неживыми комаров. Он садится на скамью и достает откуда-то такую же черную коробочку, как у Бабушки – телефон. Держит его у щеки и говорит: «Ну, где ты? Далеко еще? Он уже чистит свои грибы! Ладно, быстрее давай копытами шевели...». Мила подглядывает из-за дерева и дрожит. Ей хочется убежать, быстро залезть в свое окно и смотреть уже оттуда, из недосягаемого места – но страшно показаться Ублюдку: вдруг он успеет схватить ее? А Ублюдок тоже дрожит: дрожит его большая нога, закинута на другую, дрожат руки на спинке скамьи, дрожат большие синие губы... Неужели ему холодно? Кругом ведь так тепло – даже Миле, которая обычно мерзнет! Но во дворе откуда-то появляется незнакомая женщина – не из Бабушек, молодая. Такая, как Ублюдок. Озираясь, словно ожидая, что кто-то на нее набросится, она быстро идет к скамье – и Ублюдок вскакивает ей навстречу.

- Принесла? – отрывисто спрашивает он. – Дай сюда!

Мила хорошо знает это слово («А что я тебе принесла, девочка моя! Смотри, какая вкусняшка!»), оно всегда означает что-то очень-очень вкусное в руке у Бабушки. Не-

удивительно, что Ублюдок с таким нетерпением кидается к Женщине. Миле хочется увидеть, чем она его сейчас угостит – она почти вся высовывается из-за дерева. Женщина отшатывается и вскрикивает:

- Это еще что за каракатица?!

Ублюдок нетерпеливо отмахивается:

- Не обращай внимания. Она ничего не сделает. Безобидная и тупая, как пробка. Только выть умеет гнусным голосом – и все. Именно из той квартиры, куда мой лох полгода пробегал. Я уж надеялся, что та баба его к себе заберет. Как бы не так – отшила по полной... Сидит он теперь на кухне, курит и страдает... Юный Вертер, блин... Смотреть противно. Ну, показывай!

Женщина протягивает Ублюдку что-то маленькое и белое. Приглядевшись, Мила с удивлением понимает что это – гриб. Похожий на те, что приносит иногда домой бабушка в прозрачных коробках, готовит на сковородке и ест горячими. Мила один раз попробовала («Это гриб, Мила, но тебе, наверное, не понравится») – и точно, не понравился. Вкуса никакого. И запах отвратительный.

- Чуть не чокнулась, пока по лесу моталась. Думала, не найду уж – редкость, все же. Большая в наших широтах, - рассказывает Женщина. – Плюнула было, домой собралась не солоно хлебавши и тут смотрю – растет себе... Как на картинке в справочнике грибника: аманита фаллоидес.

- Чего? – удивляется Ублюдок; Миле тоже непонятно.

- Бледная поганка. Как и обещала. Одним грибом целую свадьбу угрохать можно, а не то что одного старпёра, - гордо говорит его знакомая.

- На вкус – точно не горькая? – деловито спрашивает Ублюдок.

- Точно. У нее вообще нет ни вкуса, ни запаха. И когда ее съедешь – поначалу кажется, что у тебя только легкое несварение желудка, поэтому к врачу никто не обращается. А зря. Потому что второй – и последний – раунд начинается через несколько дней, когда спасти человека уже нельзя. Почки, печень – все разом накрывается. Белая Смерть – в чистом виде. Покруче Гёрыча! А если сам собирал и

сам готовил... Какое тут убийство... Любой ошибиться может. Никто не застрахован. Кушайте, дедушка Дима, лучший наш друг... И хватит, наконец, вонять на нашей площадке...

Мила вздрагивает: Дима, Друг... Так это ему, выходит, принесли гриб, чтобы угостить? Эта Женщина так любит его, что носит вкусняшки? Мила бесшумно крадется вдоль скамейки, чтобы получше рассмотреть гриб: вдруг, действительно вкусный, и ей перепадет от него кусочек? Хоть самый маленький!

И тут она словно натывается на стену. Она не видит ничего нового, но ее будто прошивает насквозь противная тягучая дрожь. Тьма – вот что это. Бесформенная, безжалостная, она невидимо зависла над этими двумя, что шепчутся на скамейке, не чувствуя ее. Точно такая же, как висела тогда над Бабушкой, когда сердце ее почти выскочило... А выходит она – из маленького белого гриба, с которым они что-то делают... Тьма растет, растет, накрывает их, вот-вот дотянется до нее, Милы... Проглотит всех – и ее, и Ублюдка с его Женщиной, и Друга, и Бабушку... Но они совсем ничего на замечают:

- Я не хотел до такого доводить, вот этой дозой клянусь! - шепчет Ублюдок, быстро показывая Женщине что-то маленькое и блестящее.

- Тогда точно верю, - легонько усмехается та, внимательно на него глядя.

- Но сколько ж можно! – горячится Ублюдок. - Поселился в чужой квартире и живет, живет... И в ус не дует! А ведь он мне – посторонний! Бабка когда-то вышла за него и сдуру прописала – свою квартиру он, видите ли, первой жене оставил из благородства... А я здесь с младенчества прописан, между прочим! Потом бабка возьми да помри в одну минуту – а он нет, чтобы убраться! Если б благородный был – так бы и сделал! Впаривает мне: куда, мол, я пойду – в подвал? А мне-то какое дело! За тридцатник перевалило, а все у родаков тусоваться должен?! Вот и мечусь меж двух квартир, как придурочный. Ни тебе ширнуться нормально, ни кирнуть, ни с шоблой посидеть по-человечески... Ни с бабой поселиться... Надоело! Надоело! Надоело! – взвизгивает он тонким противным голосом,

а по лицу у него бежит вода, как недавно у бабушки.

Женщина хватается Ублюдка за локти, мгновенно сует ему что-то в рот:

- На, проглоти. Иначе руки трястись будут. И давай, отправляйся уже – чуешь, как грибами с луком из окна тянет? Значит, тушит их всюю... Только тихо смотри, не буянь там хоть сегодня. На кухню к нему спокойно зайди – вроде, воды попить. Он тебя терпеть не может и сразу уберется... А ты очень быстро поднимаешь крышку и бросаешь в сковороду кусочки поганки. И – главное – не забудь, понял? – руки сразу вымой средством для посуды! Чтоб скрипели, ясно? Не то оближешь их, сдохнешь – и никакого тебе больше ширялова. И кира тоже. Дотумкал, горе мое? Повтори!

- Что я – конченный?! Простых вещей не секу?! – истерично возмущается Ублюдок. – Лапы уברי от меня, невеста!

- Да, невеста! – с нажимом говорит она. – Обещал расписаться – значит, распишешься. Долг платежом красен. Откуда ты знаешь, может, я тоже хочу в замужних дамах походить, как твоя бабка на старости лет... Шучу. Лети давай, сокол.

Они расходятся в разные стороны – Женщина бросается в какую-то щель между высокими стенами – и нет ее; Ублюдок исчезает там же, где раньше пропал и Друг. Тьма еще немножко висит над скамейкой, словно раздуывает, а потом незаметно тянется вослед...

Мила одна во дворе. И сердце ее, кажется, сейчас выскочит и убежит – как собиралось и не сделало Бабушкино... Бабушка! Вдруг она уже проснулась и увидела, что Милы нет?! Тогда уж «по попе» не избежать – проверено... Мила оборачивается на свое настезь распахнутое окно – странно! Окно теперь, кажется, сильно уменьшилось – как она пролезет в него, когда будет возвращаться? А окно Друга, наоборот, выросло – может, заглянуть туда? Оно тоже открыто, а решетки и вовсе нет... Мила вертит головой туда-сюда, не зная, на что подвигнуться... Вдруг она опять замирает и вся холодеет: снова эта Тьма! Ее, как обычно, не видно, но Мила знает: она там, за окном Друга! И стала еще плотнее и гуще, чем когда висела во дворе. Тьма пришла за

Другом, отчетливо понимает Мила в какой-то момент. Пришла и заберет – вместо Бабушки, ведь ее-то забрать не удалось! Тьме помешать нельзя – она такая. Она обхватит Друга черными лапами и вытащит из него что-то важное, без чего он станет неживой. Как комары. Как дерево. Как бабочка. Как вон тот голубь, что валяется под ближней стеной... И Друг больше не станет ходить через двор со своей большой белой головой и улыбаться Миле... Мила такая маленькая, глупая и некрасивая – что она может против Тьмы? Надо бежать домой, прижаться к Бабушке – и все снова станет хорошо... Но Мила решительно поворачивает к окну Друга. Вот оно какое, оказывается, громадное! Теперь понятно, как Друг туда помещается. И забраться легче легкого. Только Мила хочет подпрыгнуть, чтобы уцепиться за подоконник, как рядом что-то грохочет, и она в ужасе прижимается к стене. Это опять Ублюдок. Ах, вот откуда он взялся! В стене, оказывается, тоже есть дверь! Но напрасно Мила так пугается – Ублюдок даже не смотрит в ее сторону. Обдав ее химическим смрадом, он наискось мчится через двор и пропадает. Отлично, путь открыт! Прыжок – зацепиться – подтянуться... Еще легче, чем казалось, – и вот Мила уже на подоконнике, осторожно заглядывает внутрь. С первого взгляда ей ясно: это кухня. Почти такая же, как у Бабушки. Этот большой белый ящик – холодильник. А вот и кран с водой. Мила осторожно ступает на стол – и чуть не падает с него: Тьма прямо здесь, рядом! Ее не видно, но она – живая! Она тоже сейчас смотрит на Милу и решает: схватить ее или нет? На миг девочку парализует от ужаса, но сейчас же она вспоминает: Тьма пришла не за ней. Пока не за ней... Злое темное облако висит над большой серой коробкой, что стоит на полу и называется «плита». На плите, как и на такой же Бабушкиной, горит маленький синий огонь, а на нем тихо булькают в глубокой сковороде грибы. Это и проверять не нужно – невкусный запах, хорошо знакомый Миле, заполняет всю кухню... Тьма торжествует. Она как-то связана с этим запахом, чувствует Мила.

Надо ее убить. Как убила бабочку. И могла бы убить голубя. Правда, Тьма гораздо боль-

ше – ну и пусть...

Мила больше не думает – она с размаху бросается на сковороду, та с грохотом летит на пол, Мила – на нее. Она поскользывается в склизких кипящих грибах, падает боком в эту зловонную дымящуюся кашу – и тут оскорбленная Тьма нападает сверху. Бежать некуда – дверь закрыта! Мила катается по полу, воеет и визжит от нестерпимой боли, о которой даже не знала, что такая бывает – красная, невероятная! – случайно опирается о перевернутую сковороду – и этого уже нельзя вынести... Она слабо хрипит последний раз, успевает услышать голос Друга – «Мила, ты?! Господи!!!» – и Тьма накрывает ее разом...

У Бабушки в комнате светло от длинной рогатой люстры, висящей над круглым столом. У Милы все еще саднит все тело, больно пошевелиться – но эту боль уже вполне можно терпеть. Бока, грудь, плечи, ладони – все туго обмотано какими-то узкими белыми тряпочками, из-под которых струится странный дурманящий запах, и все время хочется содрать их и отбросить в сторону. Но охота сразу пропадает, как только Мила натывается на строгий бабушкин взгляд. Впрочем, строгий он только, когда хочется сорвать тряпки, а так – Бабушка только и делает, что улыбается, хвалит Милу и говорит ей ласковые слова:

- Милая! Умница ты моя! Героиня!

- Красавица наша синеглазая! – подхватывает Друг. – Сколько в тебе грации! Хм... Просто нужно суметь увидеть ...

Он сидит за столом, и Бабушка наливает ему в чашку отвратительный кофе. Ну и пусть. Мила все равно любит их обоих. Она вытягивает шею, осторожно кладет голову на стол, прислушивается и всматривается, иногда щурясь от удовольствия просто видеть их и слышать их голоса.

- Ну, продолжай, продолжай, - тербит Бабушку Друг. – Все-таки дал, значит, признания... И что – вот прямо так и признался? Сам?

- А куда бы он делся, - поводит плечом Бабушка, садится рядом с Другом и берет себе другую чашку. – Сутки без дозы. Тут и... этот... допрос с пристрастием... не нужен.

- И как ты только догадалась отправить на анализ те грибы! Я бы просто выбросил их – и дело с концом, - восхищенно смотрит на нее Друг.

- Ага... И эти сволочи отравили бы тебя в другой раз... - мрачнеет Бабушка. - Видишь ли, я знаю, что Мила моя – не хулиганка. Она не могла просто так взять и нашкодить – не тот характер. Пусть она не говорит – но мне иногда кажется, что разбирается в этой жизни лучше, чем я... И раз она ни за что не хотела, чтобы ты ел те грибы... Ты же сам говорил – она вопила от боли и каталась в них – но не убежала, когда ты открыл дверь! Значит, она знала, что там – опасность, и хотела показать тебе это. А может, видела, как твой Юрка сунул что-то плохое в сковороду... Не допросишь же ее в полиции... А жаль, право... Ну, а потом, когда я позвонила Катьке...

- Я так и не понял, Катька – это которая? Дылда такая, от которой духами французски-ми разит? – спрашивает Друг.

- Да нет, Дима, - морщится Бабушка. – Которая дылда – та физик-ядерщик. Мы все тут с одного двора и школу вместе окончили... А Катя, наоборот, самая маленькая. Ну, помнишь, мы еще весной ее в Мариинке встретили?

- Это та вот... Дюймовочка в шляпке...

Вся в колечках каких-то, бусиках... Пол-ковник по-ли-ции? – весь подается вперед Дима. – Ты чего – шутишь, да?

- Нисколько! – выпрямляется Бабушка. - Больше четверти века оперативной работы. Только последние годы на руководящую должность перевели – тоскует... Раскрытым убийствам счет потеряла. А тут... и раскрывать нечего... Экспертиза сразу показала: яд бледной поганки. В том лесопарке, где ты шампиньоны свои собираешь, она отродясь не водилась. Значит, подложили... И шансов у тебя не было. Так что, если б не Мила...

Бабушка и Дима дружно поворачивают головы в ее сторону.

- Я опять забыл, - виновато говорит Друг. – Как эта порода называется?

- «Сфинкс петерболд». Если по-русски – «Петербургский лысый сфинкс», - улыбается Бабушка и нежно смотрит на Милу; та благодарно шевелит кончиком своего длинного хвоста и настраивает огромные уши-локаторы так, чтобы лучше слышать любимый голос. – «На лицо ужасные, добрые внутри»... Разновидность сиамских – а это еще и самые умные кошки в мире!

Друг берет руку Бабушки и подносит к своим губам. А Бабушка склоняется над его колючей белой головой и отважно ее целует.

21-26 марта 2016

Букино

СОДЕРЖАНИЕ

Поэзия

- Вера Кулемина 6
Виктор Орешкин 8
Софья Дубовская 17
Николай Димчевский 19
Юлий Шагера 23
Надежда Лебедева 26
Наталия Сорокина 28
Татьяна Николаева 30
Юрий Пейсахович 33
Виктория Лявданская 44
Татьяна Соренсен 45
Игорь Сафронов 51
Евгений Смоляков 54

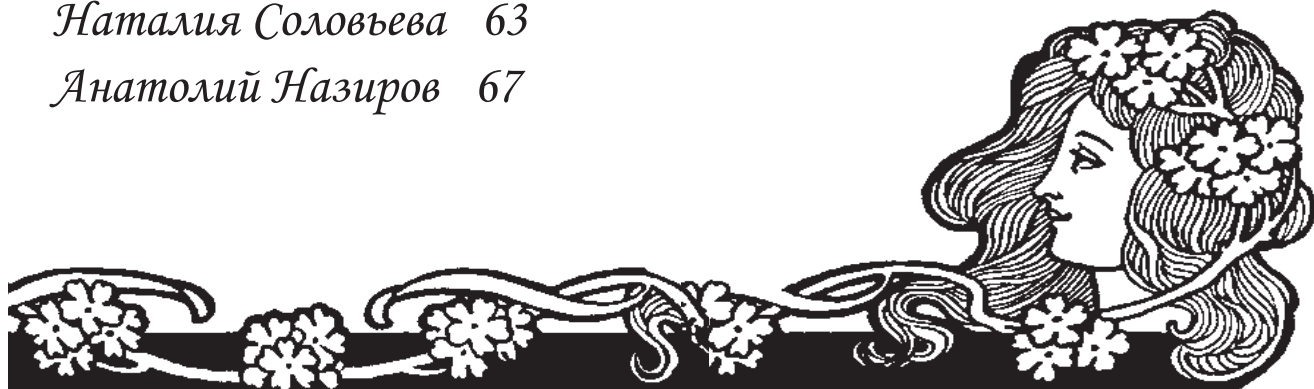
Критика и публицистика

- Сергей Новиков 58
Евгений Раевский 61
Наталия Соловьева 63
Анатолий Назиров 67

- Сергей Псарёв 70
Виктория Лявданская 75
Ольга Полякова 77
Вячеслав Поляков 82
Алексей Воронов 89
Татьяна Соренсен 94
Наталия Веселова 104

Проза

- Иван Ильин 117
Лемпи Карзова-Головина 123
Ольга Сафарова 126
Светлана Панова 137
Макар Алпатов 142
Сергей Псарёв 158
Галина Шарасова 163
Лев Горянин 166
Ирина Кулешова 172
Наталия Веселова 178

Золотое Слово № 12
Литературно-художественный журнал

Санкт-Петербург
Издательство «Гамма»
2016 г., 198 стр.

Выпускающий редактор: Ефимова Е.С.
Оригинал-макет: Сафронова Н.А.

Под общей редакцией
Е.П.Раевского

Составитель Н.А.Веселова

Издание Российского Межрегионального союза писателей
Официальный сайт: www.rmssp.pro
Адрес для писем: 199178, Санкт-Петербург,
В.О., 15-я линия, д. 34, кв., 17
Контактный тел.: 8-921-908-97-16

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии «Палитра»
Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 87
Печать офсетная. Формат 60х84/8 Печ.л. 15
Заказ № 377 Тираж 900

Полиграфическое предприятие "Палитра"

Высококачественная полиграфия - быстро и недорого.

Типография "Палитра" успешно работает на рынке полиграфии более 12-ти лет
Зарегистрируйтесь на сайте и получите скидку 5% на все виды услуг

Наша фирма оказывает полиграфические услуги самого широкого спектра:

Дизайн-студия

Разработка макетов полиграфической продукции, соответствующих всем требованиям дизайнера и технологии печати, создадим Ваш фирменный стиль и логотип.

Офсетная печать

Многоцветные бланки, фирменные папки, листовки, каталоги, рекламные буклеты, брошюры, книги, календари, плакаты, этикетки, стикеры на самоклеющейся бумаге и пленке, отрывные блоки, коробки из любого вида картона и т.д.

Цифровая печать

Печать на полноцветной цифровой машине (оперативное изготовление небольших тиражи полноцветной продукции: визитки, листовки, карманные календарики, рекламные проспекты...).

Ризография

Оперативная печать до формата А3 включительно, используя черный, красный, синий или зеленый цвета. Ризография это несложные и недорогие фирменные бланки, конверты, приглашительные билеты, флайерсы, рекламные листовки, этикетки, квитанции, ярлыки, ценники, прайс-листы, бухгалтерские и товарно-транспортные документы (возможно на самокопирующейся бумаге), брошюры, отрывные блоки для записей и т.д.

Шелкография

Шелкографии - печатать на любых видах материалов: кожа, кожзаменитель, пластик, полиэтилен, самоклеющаяся пленка и бумага, любые виды картона, этикеточные бумаги, ткань. Визитные карточки, приглашения, фирменные бланки, папки, конверты, наклейки любого размера на самоклеющейся пленке или бумаге, этикетки, полиэтиленовые пакеты от 100 штук.

Горячее тиснение

Изготовление визитных карточек, приглашений, фирменных бланков и прочей рекламной продукции методом горячего тиснения с использованием широкой гаммы цветной фольги (матовой и глянцевой).

Плоттерная резка

Любые вывески, таблички, большеформатную рекламу (стенды, плакаты), стрит-лайны, оформим Ваши грузовые или легковые машины рекламной информацией и т.п.

Постпечатные работы

Ламинированию до ф. А1. Вырубка до ф.А1. Переплетные работы (на металлическую пружину, на пластмассовую пружину, на скрепку, термопереплет).

Надеемся, что, ознакомившись с информацией о нашей фирме, Вы придете к нам и станете нашими постоянными клиентами.

С уважением,

Коллектив типографии "Палитра".